

КНИГА
ИССЛЕДОВАНИЯ
И
МАТЕРИАЛЫ

ALL-UNION BOOK CHAMBER

The BOOK

RESEARCHES AND MATERIALS

SYMPOSIA

XXIX

PUBLISHING HOUSE «KNIGA»

MOSCOW 1974

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

КНИГА

ИССЛЕДОВАНИЯ и МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

МОСКВА 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. М. Сикорский (главный редактор), *А. И. Дей*, *А. В. Западов*,
Е. С. Лихтенштейн, *А. И. Маркушевич*, *А. З. Окороков*, *А. А. Сидоров*,
А. П. Толстяков (заместитель главного редактора),
О. С. Чубарьян, *П. А. Чувииков*

КНИГА

Исследования и материалы

Редакторы: *И. П. Баканова*, *И. Н. Тарасенко*

Редактор издательства *Э. Б. Кузьмина*

Художественный редактор *И. В. Печенкин*

Технический редактор *Н. И. Авругис*

Корректор *Н. М. Весельницкая*

А 08983	Сдано в набор 11.VI 1974 г.	Подписано к печати 2.XII 1974 г.
Формат бумаги 70×108 ^{1/16} .	Бумага № 1	Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 22,84.
Тираж 3000 экз.	Изд. № 1678.	Зак. 1058 Цена 1 р. 76 к.

Адрес редакции: Москва, Г-34, Метростроевская ул., 4.
Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой 8/10.

Московская типография № 8 «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Хохловский пер., 7.

К $\frac{61001-039}{002(01)-74}$ -6-74

© Издательство «Книга», 1974 г.

РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ КНИГОИЗДАНИИ

В первой книге капитального двухтомника «400 лет русского книгопечатания», в главе, посвященной зарождению академической книги, было подчеркнуто следующее: «С образованием Академии наук она становится главным центром книгоиздательской деятельности в стране. Не будет преувеличением сказать, что в истории русской книги со времени Ивана Федорова и основания Печатного двора в Москве, на протяжении почти двух столетий, не было события более важного и решающего для прогресса издательской деятельности, чем создание академической типографии в Петербурге. До 1801 г. история издательской деятельности Академии и ее типографии была в основном историей печати и книгоиздания в России. В XIX и начале XX в. при распространении частных капиталистических издательств и типографий издательские функции Академии ограничиваются, но продолжают оставаться первостепенным фактором научного книгоиздания в России, а академическая типография сохраняет и умножает славу и гордость отечественной полиграфии и издательской культуры»¹.

После Великого Октября, когда начался новый этап в развитии науки и научной деятельности, научного книгоиздания, Издательство Академии наук СССР (с 1963 г. — «Наука») сохраняет и приумножает славу крупнейшего отечественного издательства научной литературы и не имеет равного себе по масштабам научного издательства в мире.

Исследования советских книговедов, опубликованные в последнее десятилетие, подтверждают важнейшую роль Академии наук в становлении и развитии научного книгоиздательства в нашей стране.

Создание Петербургской Академии наук, строительство академической типографии и возникновение широкомасштабного по тем временам научного издательства при Академии тесно связаны с эпохой петровских преобразований, эпохой, когда страна сбрасывала оковы вековой отсталости и выходила на широкую дорогу развития экономики, науки и культуры.

¹ 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. [Т. 1]. Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964, с. 161.

Первая четверть XVIII в. знаменуется коренным переворотом в области образования и просвещения. Единственное регулярное учебное заведение, существовавшее к началу XVIII в. в Москве — Славяно-греко-латинская Академия — продолжала оставаться под эгидой церкви, и только под влиянием петровских реформ давала учащимся светские знания. В 1699 г. по указу Петра генералом А. А. Вейде была создана «Пушкарская школа». Менее чем через два года, 14 января 1701 г., в Москве же возникает Школа математических и навигацких наук, в которой в 1705 г. обучалось 500 человек. Школы, подобные Навигацкой, были созданы в Новгороде, Ревеле, Нарве, Астрахани. В 1701 г. в Москве была создана Артиллерийская школа, в 1712 г. — Инженерная, в 1715 г. в Петербурге была учреждена Морская академия, а в 1719 г. — новое учебное заведение в Петербурге, именовавшееся «Инженерная рота».

Были созданы в Москве и Петербурге медицинские школы «для обучения лекарского» и несколько школ иностранных языков. Интересно отметить, что одна такая школа — греческого языка — возникла в 1709 г. при Приказе книгопечатного дела.

Идеи просвещения, внедрение естественнонаучных знаний — «разумной пользы для отечества» — подкреплялись в эту эпоху не только сравнительно широкой сетью общеобразовательных и специальных учебных заведений, но и созданием других культурно-просветительных учреждений, в том числе музеев, которые, по совету Лейбница, высказанному им в 1708 г. в записке о развитии наук в России, служили «не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук»². В 1714 г. по указу Петра была учреждена в Петербурге знаменитая Кунсткамера — музей редкостей и одновременно государственная библиотека. Венцом творений эпохи было создание Академии наук.

В отличие от европейских академий, Академия наук в России была создана как учреждение, имевшее одновременно научно-исследовательские, педагогические и просветительские функции. Академия учреждалась одновременно как «социстет наук», университет и гимназия. Академики должны были не только «заниматься научными исследованиями, но и содействовать заведению и размножению вольных художеств и мануфактур», читать публичные лекции, следить за научной литературой и составлять «экстракты» — извлечения о наиболее существенном из зарубежных научных публикаций.

Эпоха преобразований требовала изучения естественных ресурсов огромной страны. Надо было изучить ландшафт страны, уточнить ее карты, измерить реки и озера, исследовать почвы и недра, получить достоверные сведения о ее растительном и животном мире, изучить быт, хозяйство, языки населяющих ее народов. Для этих целей и были проведены знаменитые русские экспедиции, начатые при Петре и продолжавшиеся все XVIII и частично XIX столетие. Невиданный размах получили картографические работы. В 1734 г. уже вышел в свет знаменитый Атлас Всероссийской империи И. К. Кирилова. Составление карт потребовало обширных геодезических и математических исследований. Таким образом, с самого начала определился энциклопедизм нового научного центра и его издательской деятельности.

Петр и его сподвижники по преобразованию и просвещению: писатель и публицист Феофан Прокопович, историк и географ В. Н. Тати-

² Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по незданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871, с. 76.

Фронтиспис и титульный лист книги «Палаты Академии наук» (СПб., 1737)

щев, математик Л. Магницкий, географ и картограф И. К. Кирилов, один из первых издателей на Руси Я. В. Брюс, а также И. Т. Посошков, П. А. Толстой, А. А. Курбатов, Ф. С. Салтыков и другие понимали, что проведение намеченных реформ, интенсивное развитие экономики, науки и культуры невозможно без такого уже завоевавшего Западную Европу средства просвещения и информации, каким является печать.

Известно, что еще во время так называемого Великого посольства в Европу в 1697—1698 гг. Петр внимательно ознакомился с постановкой типографского и гравировального дела в Западной Европе, особенно в Голландии, которая в то время была одной из передовых стран в области книгопечатания. Он выдает «жалованную грамоту» голландскому книгоиздателю Яну Тессингу на издание книг светского содержания на русском и голландском языках и печатание карт. Тессинг организовал для этой цели в 1705 г. русскую типографию в Амстердаме. Но одновременно ставится задача организовать выпуск необходимых для России книг на родине. В начале века действовала в Москве по сути только одна старинная типография — Печатный двор. Она имела 15 станов, но печатали здесь только церковные книги. Исключение составляли буквари и азбуки. Петр ставит во главе московской типографии «справщика» Ф. П. Поликарпова, и типография начинает печатать такие издания, как «Таблицы логарифмов и синусов...» (1703), «Лексикон трехъязычной» (1704), «Реляции о победах русских войск» и т. д.

В первой четверти XVIII в. возникло несколько новых типографий: в 1705 г. — гражданская типография Киприановых в Москве, которой

Титульный лист книги «Описание Си-
бирского царства» Г. Миллера (СПб.,
1750)

так хорошо печатали, как прежние, а именно против кумплиментальной и слюзной, також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очень дурен»⁴.

Приведем еще одно письмо Петра, датированное 8 ноября 1708 г. и адресованное М. П. Гагарину или И. А. Мусину-Пушкину (точно не установлено): «Напечатать азбуку полную, в которой бы все литеры, которые деланы на Москве, а не в Амстердаме; а которых слов тут нет, а то взять из Астрадамских. Только «добро», «твердо» напечатать которые сходны к печати, а не к скорописи, как здесь объявлено: «Д», «Т»... При сем посланную книшку вели напечатать Амстрадамско-го печатью величиною с восьмугу и чертежи приклеить к белой бумаге. Также и чертежи вели Пикарту хорошенько вырезать и напечатать»⁵.

Эти письма — документально свидетельствуют о том, что даже в тяжелый период Северной войны Петр не оставляет своих забот о книгах и типографиях, о шрифтах, чертежах и переплетах. Имеются свидетельства о том, что Петр брал с собой в походы типографских мастеровых, печатные станы и шрифты⁶.

³ По мнению С. П. Луппова, датой основания Сенатской типографии можно считать 17 декабря 1718 г. — по дате указа, подписанного Петром (Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 65).

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 9, вып. 1. М.-Л., 1950, с. 12; в приведенном письме речь идет о следующих изданных в 1708 г. книгах: «Римплерова манира о строении крепостей», «Побеждающая крепость» Боргсдорфа, «Слюзная» — «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» и «Приклады, как пишутся комплименты разные». См. там же, т. 9, вып. 2, с. 540 и т. 7, вып. 2, с. 807.

⁵ Там же, т. 8, вып. 1, с. 289.

⁶ Соловьев А. Н. Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве. М., 1903, с. 62.

руководил Я. В. Брюс; в 1711 г. — Санкт-Петербургская типография, которая вскоре стала главной исполнительницей изданий, задуманных Петром и его сподвижниками; в 1719—1721 гг.³ — Сенатская типография; в 1720 г. — типография Александро-Невского монастыря; в 1721 г. — типография Морской академии.

В «Письмах и бумагах императора Петра Великого» опубликованы документы, характеризующие исключительное внимание Петра ко всем деталям издательского дела и типографского искусства. Так, например, менее, чем за полгода до Полтавского сражения Петр писал 4 января 1709 г. во время похода И. А. Мусину-Пушкину, ведавшему в то время Печатным двором в Москве: «Письмо ваше купно с книшками римплеровыми и борздорфовыми дошли, также и азбука, но печать во оных книгах зело перед прежнею худа, нечиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб

Таким образом, уже в первой четверти XVIII столетия книгоиздание в России получает известное развитие. Однако, если так можно сказать, революция в отечественном книгоиздании произошла со вступлением в строй академической типографии. Впервые в истории страны издательская деятельность и книгопечатание были переданы в руки авторитетного научного учреждения и подчинены задачам науки и практическим требованиям времени, перестали зависеть исключительно только от воли царя и патриарха. Как явствует из документов, Петр I понимал, что цели, поставленные перед русской Академией, не могут быть достигнуты, если наряду с ее научной, педагогической и практической работой не развернуть должным образом и издательскую деятельность. И хотя, по свидетельству современников, создание типографии было делом не менее сложным, чем образование самой Академии, в одном из первых документов «Об утверждении Академии наук и художеств» было указано: «Также устанавливаем, да Академия имеет свою собственную типографию, с такою привилегиею, да вся та яже или ко умножению учений служащая, или к приращению, или славе империи прислужающая быти Академия рассудит в печать издаются и продаются»⁷.

Ко времени основания академической типографии три из четырех имевшихся в Петербурге (Санкт-Петербургская, Морская и Монастырская) были закрыты, и роль типографии Академии наук становится особенно важной.

С первых дней своего существования академическая типография начала завоевывать славу одной из богатейших по наличию шрифтов типографий Европы. Она имела в своем распоряжении не только русские и западноевропейские шрифты, но и восточные — арабский, грузинский. В 1729 г. были отгравированы китайские иероглифы, что позволило в следующем, 1730 г., выпустить Хинейскую (китайскую) грамматику. Для обслуживания типографии со временем организовались специальные палаты: словолитная, пунсонная, гравировальная, фигурная, переплетная.

Издательская деятельность Академии и академической типографии с первых же дней была многообразной. 2 января 1728 г. из академической типографии вышел первый номер газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Газета выходила на русском языке один, затем два раза в неделю. В начале 1728 г. был выпущен «Календарь, или месяцеслов на лето 1728», печатавшийся затем ежегодно и имевший для того времени широкое распространение. Типография печатала учебники для академического университета и гимназии. В этой же типографии впервые начала печататься русская научная периодика. В 1728 г. вышли первые номера официального научного органа Академии — «Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук», напечатанные на научном языке того времени — латинском. На русском языке печатались периодические выпуски «Краткого описания Комментариев Академии наук» и научно-популярный журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». Это были первые журналы в России.

С 1730 г. начался выпуск художественных произведений и нотопечатание. Первыми были выпущены ноты к оде В. К. Тредиаковского и его перевод «Езды в остров Любви».

С первых же лет существования академическая типография оказывала помощь возникавшим в провинции типографиям, посылая туда

⁷ Цит. по кн.: Академическая типография. 1728—1928. Л., 1929, с. 7—8.

Фронтиспис и титульный лист первого издания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (СПб., 1755)

обученных работников, снабжая шрифтами, инструментами, а порой и печатными станами.

Академической типографии принадлежит также немалая заслуга в утверждении и распространении правил русского правописания. Орфография и синтаксис были крайне неопределенны, не существовало русской научной терминологии. В «Кратком описании Комментариев Академии наук» статья академика Х. Вольфа об основах динамики называлась «Начала властительная», а статья И. Бернулли об интегрировании дифференциальных уравнений — «О целоприведениях равнений разнственных».

В целях «исправления языка русского, сочинения грамматики и лексиконов», а также перевода на русский язык лучших произведений иностранной литературы при Академии наук в 1735 г. было образовано так называемое Российское собрание. Его постановления, касающиеся терминологии, орфографии и синтаксиса, непосредственно передавались в типографию, корректоры которой строго применяли их во всех изданиях. Академические издания отличались превосходным исполнением, и их авторитет долгое время оставался непререкаемым.

В «Комментариях», а с 1751 г. в «Новых комментариях», затем в последовательно сменивших друг друга сериях научных трудов Академии: «Актах», «Новых актах» и др., а также в монографических изданиях Академии печатались работы, навсегда вошедшие в сокровищницу мировой науки.

С 1741 г. вся деятельность Академии, в том числе и издательская, тесно связана с именем великого русского ученого М. В. Ломоносова.

С самого начала работы в Академии Ломоносов был деятельным сотрудником и переводчиком «Примечаний». В 1748 г. он стал редактором «Санкт-Петербургских ведомостей». Ломоносов выступил инициатором создания давно задуманного им научно-популярного журнала на русском языке. Обсудив его предложение, Академия приняла решение издавать с 1755 г. журнал под названием «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Из академической типографии выходит немало естественнонаучных, научно-популярных и исторических изданий, начинается публикация летописей.

В середине столетия появляются первые академические издания собраний сочинений. В 1751 г. было отпечатано «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова, в следующем году — «Сочинения и переводы» В. К. Тредиаковского. В 1784—1787 гг.

было издано уже Полное собрание сочинений Ломоносова в шести частях, которое через десять лет вышло вторым изданием (1794—1797). Печатались также произведения Сумарокова, Хераскова.

Наряду со специальными трудами по математике, астрономии, физике, биологии, географии, истории и языкознанию типография печатает учебные книги, а также романы, повести, комедии. Много переводных книг поставляло типографии созданное при Академии в 1768 г. «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык». За 15 лет (по 1783 г.) Собранием было переведено 112 сочинений в 173 томах. Это представляется значительным даже по сравнению с современными масштабами. Среди переводных книг видное место занимали произведения французских просветителей.

Начиная с 30-х годов XVIII в. Академия предпринимает издание иноязычных словарей-полиглотов и грамматик иностранных языков. Наиболее популярными были Краткий латино-русско-немецкий словарь, вышедший в 1746 г., а затем до конца XVIII в. издававшийся еще три раза, и «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках», первая часть которого была выпущена в 1755 г., вторая — в 1764 г.

Титульный лист книги В. М. Севергина «Опыт минералогического землеописания Российского государства» (СПб., 1809)

Среди иллюстрированных изданий середины столетия следует назвать «Палаты Санкт-Петербургской Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры, которых представлены планы, фасады, профили». Издание было украшено гравюрами Х. Вортмана, И. Соколова, А. Полякова, Г. Качалова и Маттернови. Стоит упомянуть также «План столичного города Санкт-Петербурга 1753 г.», гравированный «под смотрением мастера Ивана Соколова».

Академия и ее типография уделяли много внимания научной популяризации.

Таким образом, академической типографии принадлежит заслуга не только выпуска первоклассной научной литературы, но и долголетнего печатания первой русской газеты (исключительное право печатать «Санкт-Петербургские ведомости» сохранялось за типографией почти 150 лет), а также первых русских журналов, первых русских научно-популярных произведений, серии разнообразных календарей, многоязычных словарей, грамматик, первых нот и т. д.

Главным богатством в хозяйстве типографии были шрифты, особенно восточные. Они постоянно пополнялись. Первый каталог своих шрифтов типография выпустила в 1744 г., затем такие каталоги время от времени появлялись вновь, демонстрируя все возрастающее шрифтовое богатство.

По каталогу 1870 г. и добавлениям к нему можно установить, что типография насчитывала 366 шрифтов, охватывающих все языки и наречия народов Запада и Востока.

Таким богатством шрифтов вряд ли могли в то время похвастать даже самые лучшие европейские типографии. В конце XIX и начале XX в. количество шрифтов типографии продолжало возрастать. В их создании принимали участие виднейшие ученые. Так, по образцам, выработанным академиком В. В. Радловым, были изготовлены древнетюркские и уйгурские шрифты, под руководством академика Б. А. Тураева были отлиты египетские иероглифы, академик И. А. Орбели руководил изготовлением армянского эпиграфического шрифта с вязью, а академик Н. Я. Марр — шрифтов персидских клинообразных письмен. По инициативе неперменного секретаря Академии академика С. Ф. Ольденбурга был создан широко известный теперь и применяемый не только в СССР, но и за рубежом академический шрифт.

В начале XIX в. Академия наук получает новый устав, который полностью упразднял учебную и научно-популярную деятельность: в науке и просвещении народа господствующие классы видели серьезную опасность. Издательская деятельность Академии сокращается. Возникшие частные издательства принимают в основном в печать только то, что приносит прибыль. А научная книга, как правило, этого не сулит. Поэтому на протяжении XIX и начала XX в., вплоть до 1917 г., академическая типография продолжает играть важную роль некоммерческого издательства. Здесь печатаются труды замечательных ученых — математиков М. В. Остроградского и П. Л. Чебышева, физиков В. В. Петрова, Б. С. Якоби и Э. Х. Ленца, химиков Н. Н. Зинина и А. М. Бутлерова, биолога и географа К. М. Бэра и биолога П. С. Палласа, минералога В. М. Севергина. Продолжалось издание грамматик и словарей, капитальных исследований по языку и словесности.

После Великой Октябрьской социалистической революции партия и правительство поставили науку на службу народу, на службу самым высоким гуманистическим идеалам человечества и создали все условия для ее процветания и прогресса.

Издания Академии наук СССР 1920-х годов

Задача создания и ускоренного выпуска научной литературы была выдвинута сразу же после победы Октября. Благодаря заботам партии, лично В. И. Ленина, Академия наук сумела продолжить свою издательскую деятельность, за ней была сохранена ее собственная (старейшая в России) типография. Декрет Совета Народных Комиссаров, подписанный В. И. Лениным 24 января 1921 г., специально поручал «Государственному издательству в лучшей типографии Республики отпечатать роскошным изданием» научный труд академика И. П. Павлова. Напомним, что это было время, когда знаменитый план электрификации страны печатался на бумаге разного сорта и качества.

Выходят в свет наиболее важные труды Академии, и прежде всего, труды Комиссии по изучению естественных производительных сил. Выпускалось несколько серий: «Материалы для изучения естественных производительных сил СССР», «Естественные производительные силы СССР», в которой материалы группировались по темам: «Полезные ископаемые», «Белый уголь», «Растительный мир», «Животный мир» и др. Небезынтересно отметить, что в это время выходил журнал «Наука и ее работники», который редактировали А. М. Горький, С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман.

В первые годы Советской власти, как и ранее, издательской деятельностью академии и руководством типографии занималась академическая канцелярия. 14 апреля 1923 г. было зарегистрировано Издательство Академии наук. Общее собрание Академии, ее высший руководящий орган, назначило ответственным за деятельность издательства неперменного секретаря Академии академика Сергея Федоровича Ольденбурга. Новая издательская марка начала появляться на титульных листах традиционных «Известий Академии наук», ведущих свою родословную от первого в России научного журнала «Комментарии», и нового, созданного после революции, журнала «Доклады Академии наук», на «Трудах» научных учреждений и немногочисленных в те годы монографиях академиков. В общей сложности в 1923 г. Издательством Академии наук СССР было выпущено 82 названия. Сейчас это издательство известно в нашей стране и за рубежом как крупнейшее и авторитетное научное издательство, ежегодно выпускающее целую библиотеку научной литературы: более 2 тыс. наименований монографий,

учебников, справочников и других книжных изданий по всем областям человеческого знания и более 1400 номеров своих 130 научных журналов.

В истории издательской деятельности Академии наук до Октября много славных страниц, вызывающих искреннее уважение и признание. Однако широчайший размах и подлинный расцвет издательская деятельность Академии получила за последние 50 лет. Назовем для сравнения несколько цифр. В 1913 г. Российская Академия наук напечатала 1434 авторских листа академических изданий. В 1917 г. эта цифра снизилась вдвое. В 1920 г. выпущено еще меньше — всего 376 листов. В первый год своего существования Издательство АН СССР выпустило в свет 636 листов. В 1973 г., накануне 250-летия Академии, объем его продукции составил свыше 50 тыс. авторских листов.

Издательство «Наука» уникально не только по объему выпускаемой научной литературы. Оно отличается исключительным многообразием видов изданий, энциклопедичностью своей тематики. Марка издательства значится на капитальных многотомных изданиях, таких, как «История СССР», «Документы и материалы Октябрьской революции», «История русского искусства», «Флора СССР», «Минералы СССР», на монографиях, являющихся результатом многолетних исследований, творческих исканий ученого, на коллективных трудах, посвященных актуальнейшим проблемам современной науки, на научно-популярных книгах, предназначенных для широкого круга читателей, на сериях «Классики науки» и «Литературные памятники», в которых публикуются с соответствующим научным комментарием лучшие произведения всех времен и народов, и, наконец, на журналах, являющихся оперативным источником информации обо всем новом в науке. Книги и журналы, выпускаемые Академией наук, с той или иной степенью полноты отражают всю многогранную работу Академии наук СССР. Только в последние годы издательство выпустило несколько серий книг, посвященных актуальнейшим проблемам естествознания и техники, связанным с научно-техническим прогрессом в нашей стране и научно-технической революцией во всем мире, книг, посвященных задачам, непосредственно вытекающим из решений XXIV съезда КПСС, книг, приуроченных к знаменательной дате — 50-летию образования СССР. Наиболее значительным в этом отношении является коллективный труд «Наука Союза ССР», авторами которого выступили президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш, вице-президенты Академии наук СССР академики М. Д. Миллионщиков и П. Н. Федосеев и президенты академий наук всех союзных республик.

Книги и журналы издательства отличаются многосложным набором математических и химических формул, редчайшими шрифтами лингвистических текстов, множеством цветных и черно-белых документальных иллюстраций. Многие книги издательства заслужили широкое признание. Почти все журналы переводятся за рубежом на иностранные языки.

Издательство «Наука» — современное в полном смысле этого слова книгоиздательское, полиграфическое и книготорговое объединение. В нем трудятся около пяти тысяч наборщиков и печатников, редакторов и корректоров, художников и графиков, не считая большого числа авторов и рецензентов. В настоящее время это — не единственное академическое издательство страны. С образованием Академий наук союзных республик возникли и республиканские академические издательства. В 1953 г. в системе Академии наук СССР был создан Всесоюзный институт научно-технической информации, а в 1971 г. — Институт научной информации по общественным наукам.

Накануне 250-летия Академии наук СССР общий объем изданий АН СССР и АН союзных республик превысил 150 тыс. авторских листов, что более чем в 100 раз превышает объем изданий Российской Академии в дореволюционные годы.

Объем изданий АН СССР и АН союзных республик в 1973 г.
(в тыс. авт. листов)

Учреждения	Книги	Журналы	Всего
Издательство «Наука»	33	17	51,5
Издательства академий наук союзных республик	26	9,5	35
ВИНИТИ	1	48	49
ИНИОН	0,5	4	4,5
Самостоятельные издания институтов	12	—	12
Всего	72,5	78,5	152

Академия наук СССР рассматривает издательскую деятельность как одну из своих главных функций.

Научная литература — отражение научно-технического прогресса, который самым тесным образом связан с поступательным развитием общества. Каждый крупный социальный перелом неизбежно влечет за собой изменение роли и места науки и техники в жизни человечества, изменение темпа развития научных знаний, характера и направленности научных интересов. И это оказывает решающее влияние не только на содержание и форму научной работы, но и на научную литературу.

Издательской деятельностью АН СССР, которая охватывает и проблемы координации издательской работы АН республик, руководит Редакционно-издательский совет (РИСО). Со дня его основания в 1932 г. его возглавляют выдающиеся руководители советской науки. Председателем и заместителями председателя РИСО последовательно были академики В. Л. Комаров, С. И. Вавилов, В. П. Волгин, А. Н. Несмеянов, А. В. Топчиев, А. В. Островитянов, В. А. Кириллин, М. Д. Миллионщиков. Сейчас РИСО возглавляют академики В. А. Котельников, П. Н. Федосеев и А. Л. Яншин. В составе РИСО около 120 крупнейших ученых АН СССР и АН республик, а также директора и главные редакторы издательств, руководители информационных центров, председатели общеакадемических серий.

Редакционно-издательский совет при ближайшем участии практических издательских работников не только планирует и координирует издательскую деятельность академий наук, но и разрабатывает теоретические основы научного книгоиздания, проблемы повышения коэффициента полезного действия и информационной ценности научной литературы, проблемы совершенствования этого арсенала науки, непрерывного повышения издательской культуры. Нет никакой возможности в пределах статьи осветить хотя бы основные проблемы и охарактеризовать репертуар научных изданий наших дней. Попробуем это проиллюстрировать на примере некоторых наиболее типичных видов академических изданий. Так, например, академические издательства своими книгами и журналами не только информируют о новейших достижениях науки, но и стремятся сделать доступными для широкого круга читателей труды классиков отечественной и мировой науки. За последние десятилетия выпущены в свет многие десятки собраний сочинений отечественных ученых.

Издания Академии наук СССР 1950—1960-х годов

Богатый опыт, накопленный комиссиями и редколлегиями по изданию этих сочинений, позволил выработать принципы академических изданий полного собрания сочинений и избранных трудов ученых.

Образцом полного академического собрания сочинений может служить осуществленное по инициативе и под руководством академика С. И. Вавилова Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 10-ти томах.

Принципы подготовки и издания академического Полного собрания сочинений Ломоносова явились важным вкладом в развитие советской теории и практики научного книгоиздания. Они дали образец изучения источников, публикации текстов, комментирования, составления всех элементов научного аппарата.

Издание избранных трудов имеет целью ознакомить современного читателя с наиболее важными открытиями и достижениями выдающихся ученых, содействовать утверждению приоритета отечественных ученых в разработке научных проблем, способствовать изучению и использованию лучших методов, приемов и средств исследовательской работы, т. е. в целом должно служить не столько научно-историческим или мемориальным целям, сколько практическим задачам развития советской науки. Избранные сочинения сопровождаются, как правило, биографическим очерком, библиографией трудов ученого, указателем и краткими примечаниями по тексту, приводимыми лишь в самых необходимых случаях. Что же касается текстов, то они после тщательного отбора печатаются по тем же принципам, которые установлены для собраний сочинений.

Поучительна в книговедческом плане история изданий академических собраний сочинений классиков литературы, таких серий, как

«Классики науки», «Литературные памятники», «Литературное наследство».

Остановимся хотя бы бегло на такой важной проблеме современно-го научного книгоиздания, как повышение эффективности научных публикаций. Известно, что одним из наиболее распространенных традиционных видов научных изданий до последнего времени являлись серии «Трудов», «Бюллетеней», «Ученых записок» и т. п. Каждый научно-исследовательский институт и многие лаборатории, вузы и их факультеты выпускают такие издания. 100 и даже 200 лет назад, когда число институтов было сравнительно невелико, эти издания имели известное признание. Им присущи, однако, серьезные недостатки. В эти сборники включаются, как правило, разрозненные, тематически мало связанные статьи и материалы, а порой и полуфабрикат научного исследования. Актуальные публикации здесь теряются среди массы не предназначенного для данного читателя материала, тираж таких сборников низок, они крайне нерентабельны. Между тем число этих изданий непрерывно увеличивается.

В начале 60-х годов среди изданий АН СССР насчитывалось свыше 400 серий продолжающихся изданий «Трудов», «Бюллетеней» и т. п.

В последние годы, когда научные и научно-технические издательства принимают меры к улучшению тематического содержания выпускаемой продукции, был взят курс на упразднение этого типа изданий и замену всякого рода продолжающихся серий «Трудов» монографиями, тематическими сборниками и журналами. Тематическое название не позволяет включать в сборник не относящиеся к его тематике работы, что серьезно повышает эффективность публикаций.

Академией наук взят курс на преимущественное развитие журнальной сети, и только за последнее пятилетие открыто около 100 новых академических журналов. В их числе несколько научно-популярных, которые, несмотря на их монотематичность (в отличие от традиционных научно-популярных журналов универсального характера), получили быстрое признание и широкое распространение, о чем наглядно свидетельствуют их тиражи: «Русская речь» — 100 тыс. экз., «Химия и жизнь» — 150 тыс., «Квант» — 300 тыс.

Остановимся еще на одном принципиальном для современного состояния и перспектив научного книгоиздания вопросе. В Академии наук несколько лет назад введен метод депонирования рукописей научных работ, предназначенных для ограниченного круга специалистов. Метод состоит в том, что такие работы не публикуются, а направляются в институты научной информации в специальные депо. Извещение о депонировании рукописей вместе с краткими рефератами и аннотациями помещаются в журналах. По индивидуальным заказам научных учреждений и отдельных научных работников работы размножаются средствами оперативной полиграфии. Депонирование научных работ и их последующее размножение по заказам осуществляются ВИНТИ.

Депонирование научных работ представляет собой одну из генеральных линий в решении проблемы публикаций все возрастающего потока научно-исследовательских работ. Согласно новой инструкции «О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», утвержденной Высшей аттестационной комиссией, «депонированные в общесоюзных институтах научно-технической информации рукописи работ и работы, аннотированные в научных или реферативных журналах», приравниваются к опубликованным. В 1971 г. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Президиум АН СССР и Министерство высшего и среднего специального образования

Издания Академии наук СССР
1970-х годов

СССР распространили систему депонирования на все головные научные учреждения и научно-технические журналы СССР, причем хранение и размножение депонированных работ возложено на многие центральные, отраслевые и республиканские институты информации.

В день своего 50-летия — 14 апреля 1973 г. — издательство «Наука» было награждено орденом Трудового Красного Знамени за активное участие в пропаганде достижений советской науки и техники и плодотворную работу по изданию научной литературы. Эта высокая награда — не только признание роли научного издательства в подъеме науки и культуры, но и призыв к дальнейшим успехам и творческому решению новых задач книгоиздания. Само собой разумеется, что главная и самая насущная проблема состоит в

том, чтобы каждая книга и каждая журнальная статья, отпечатанная издательством, служила расцвету советской науки, служила решению задач народного хозяйства, грандиозных задач, поставленных перед народом в девятой пятилетке, служила орудием идеологической борьбы, была вкладом в развитие марксистско-ленинской теории и практики коммунистического строительства. Это, конечно, главное. Имеются вместе с тем и некоторые другие важные проблемы современного научного книгоиздания, касающиеся общеиздательской культуры и эффективности издательской деятельности, где издательство «Наука», как флагман советского научного книгоиздания, первым должно прокладывать дорогу.

В числе этих проблем на первом плане — задача ускорения темпов выпуска научной литературы, максимального сокращения сроков прохождения изданий в производстве.

Вторая, не менее важная задача, решение которой непосредственно служит повышению эффективности научных изданий, это рациональное сокращение объемов публикаций, устранение второстепенных материалов, длиннот, повторов, которые нередко загромождают научные издания, затрудняют пользование ими. Многие авторы считают, что их научный авторитет прямо пропорционален не только числу, но и объему публикаций. Здесь работа опытного редактора может дать значительный эффект.

Третья актуальная проблема связана с таким важным элементом издательской культуры, как указатель, который не только облегчает пользование научной и технической книгой, но и позволяет легко ввести основные понятия и факты, содержащиеся в книге, в память электронно-вычислительных машин, без которых невозможно разобраться в на-

копившейся литературе и ее все возрастающем потоке. Отсутствие указателей может отрицательно сказаться на авторитете и на приоритете наших изданий и их авторов. Настала пора установить твердый порядок, чтобы во всех необходимых случаях научная книга обязательно сопровождалась указателями.

В постановлении Центрального Комитета КПСС «О 250-летнем юбилее Академии наук СССР» говорится: «Создание Академии наук явилось крупным событием в истории развития науки, образования и культуры нашей страны. Ее деятельность оказала существенное влияние на развитие мировой науки. Эту знаменательную дату советская общественность отмечает в условиях возрастания роли науки во всех сферах жизни и деятельности развитого социалистического общества»⁸. Многие страницы летописи академического книгоиздания в прошлом и настоящем дают яркие документальные иллюстрации к этим словам.

⁸ «Правда», 1973, 17 окт.

И. Е. БАРЕНБАУМ, А. И. БАРСУК

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ КНИГОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН *

Книговедение — комплексная общественная наука о книге и книжном деле. Поэтому в ней, как и в других комплексных науках, применяется целая система взаимодействующих методов, направленных на познание и усвоение ее многосоставных комплексных объектов, каковыми являются «книга — книжное дело — читатель». Эти объекты находятся в постоянном взаимодействии, образуя динамическую систему «книга в обществе». Тем не менее одни методы книговедения нацелены преимущественно на изучение книги, другие — читателя, третьи — на изучение процессов взаимодействия книги и читателя (в том числе предполагаемого) в отдельных «службах книги» (книготорговых предприятиях, библиотеках, справочно-информационных или редакционно-издательских организациях).

В данной статье нет возможности обстоятельно рассмотреть каждый из методов, применяемых в книговедческих исследованиях. Мы ограничиваем себя следующими задачами: 1) обобщенно и схематически показать многообразие общенаучных методов, используемых в этой комплексной науке, 2) показать общность этих методов для всех отраслей книговедения, их переплетение, «сетевидность», непрерывное взаимодействие, 3) показать, что все общенаучные методы, применяемые в книговедении, приобретают специфическое преломление, обусловленное функциональным подходом к комплексному объекту «печать — книжное дело — общество», 4) проиллюстрировать более конкретно использование некоторых специальных методов книговедения для познания социальных функций книги, ее воздействия на читательское сознание, ее исторической судьбы и роли в идеологической борьбе, 5) показать, наконец, что методология книговедения как комплексной науки помогает его специализированным дисциплинам, порой забаррикадированным своими частными методами и методиками, расширить и обогатить фронт исследований и избежать опасности превратиться в своеобразные «исчерпавшие себя эволюционные тупики».

Кристаллизация методов каждой науки, а затем их систематизация

* Статья публикуется в порядке обсуждения.

и осмысление — необходимый этап ее развития и свидетельство ее зрелости. Именно к этому порогу подошло сейчас книговедение.

Было бы искажением исторической истины представлять дело так, будто книговедение в прошлом не использовало по-своему общенаучные методы и не оформляло постепенно свои специальные методы. Неверно было бы также игнорировать попытки видных книговедов прошлого (Лисовский, Ловягин, Куфаев, Фомин, Боднарский, Сомов, Владиславлев, Новосадский, Берков, Шамурин, Симон) — не всегда, разумеется, успешные, — выявить, осмыслить и сформулировать научные методы общего книговедения¹. Значительно больше было сделано учеными-книговедами в осмыслении, систематизации, а следовательно, и в совершенствовании процессов, операций, способов и приемов (иначе говоря, в разработке методик), конкретных отраслей книжного дела — редакционно-издательского, книготоргового, библиотечного, библиографического. И все же *методология* общего книговедения, как и его отдельных ветвей, — один из наименее разработанных и в то же время наиболее сложных разделов нашей науки. А. Г. Фомин в своей монографии «Книговедение как наука» с горечью отмечал, что в отношении своей методологии книговедение — одна из наиболее отсталых дисциплин². Причина этого понятна. Как мы уже сказали, методы развиваются и совершенствуются в процессе их использования. Однако *теоретическое осмысление, обоснование, систематизация, даже формулирование методов* осуществляется как бы вне пределов данной науки, точнее, в специальной ее части — методологии, которая редко опережает конкретные исследования³.

Качественно новый этап, в который вступило советское книговедение, его общепризнанные успехи последних двух десятилетий, значительно усилив внимание к методологическим проблемам, подняли теоретический уровень исследования и на данном участке. Этому, естественно, содействовало появление трудов широкого хронологического охвата по истории книги, книгопечатания, издательского дела, библиографии, библиотечного дела, книжной торговли, а также учебников для высшей школы по дисциплинам книговедческого цикла. В результате накоплен обширный фактический материал для прояснения, уточнения и систематизации методов книговедения.

В последние годы появился ряд монографий, специально посвященных методологии познания⁴. Выделим лишь положения, которые особенно существенны для правильного подхода к исследованию методов комплексной науки.

Метод в философском значении есть способ воспроизведения в мышлении изучаемого объекта, средство его исследования, объяснения, выявления его закономерностей. Сознательное применение научно

¹ См.: Барсук А. И. Вопросы общей теории книговедения. — «Книга. Исследования и материалы», 1971, сб. 22, с. 29—33.

² Фомин А. Г. Книговедение как наука. Л., 1931, с. 111.

³ Напомним слова видного чешского библиотековеда, который обратил внимание на методологическую часть как на одно из наиболее уязвимых мест библиотековедения: «Не отсутствие фактов и практического опыта, но методы являются нашей слабостью, и именно поэтому на методы должны мы обратить особое внимание, если хотим достигнуть положительного результата». (Drtina J. Zur Klassifikation der Bibliothekswissenschaft. — «Zeitschrift für Bibliothekswesen», 1961, N 5). См. также: Ляпунов А. А. О некоторых особенностях строения современного теоретического знания. — «Вопр. философии», 1966, № 5, с. 39—50.

⁴ См.: Проблемы научного метода. М., 1964; Методологические вопросы общественных наук. Л., 1968; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971; Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания. Л., 1973.

обоснованных методов — существеннейшее условие получения новых знаний, овладения объектами, воздействия на них, их преобразования.

В основе всех методов лежат объективные законы действительности. Метод не может рассматриваться вне содержания. Его нельзя понимать как совокупность правил, произвольно создаваемых человеческим умом. Вместе с тем ошибочно и прямое, вульгарное сведение закономерностей объектов к закономерностям познания; методов, приемов и техники практической деятельности — к методам науки. Здесь действует общее положение материалистической диалектики о недопустимости подмены категории связи категорией тождества. Методология каждой науки должна опираться не только на диалектику изучаемых ею объектов, но и на специфику отражения объектов и их связей, их диалектики в мышлении. Выбор и сочетание конкретных методов зависит, таким образом, и от природы изучаемого объекта, и от теоретических предпосылок исследования (общая концепция, поставленная цель, выдвинутые гипотезы, намеченная программа, понятийный аппарат, — т. е., по существу, опять же от методологических принципов: такова диалектика познания).

Недооценка или игнорирование «вооружающей» роли научных методов для практики сводит социальную сущность науки к просветительским функциям, что глубоко чуждо марксистскому пониманию роли теории для общественной практики. Только диалектико-материалистический подход, утверждая прочную связь методологии с общественной практикой, в то же время обеспечивает возможность активного воздействия науки, теории, общественного субъекта на объективный мир⁵.

Как известно, в современных условиях заметно и непрерывно возрастает значение методологических проблем, что связано с повышением удельного веса науки в жизни общества, с усилившимся взаимодействием и взаимопроникновением научных методов, с появлением интегративных направлений, метатеоретических исследований и т. п.

Вместе с тем в последнее время, в связи с тенденцией математизации наук, алгоритмизации ряда процессов практической и научной деятельности, наметилось некоторое смешение методов научного познания с приемами или совокупностью приемов труда, с его методикой и техникой, неправомерная фетишизация вспомогательных процедур, выдвигаемых порою в качестве «самоценных» методов познания. Такое отождествление «аппаратных» методик с методологией науки противоречит материалистической диалектике, в конечном счете, мешая науке играть стратегически опережающую роль, выводить широкие общие закономерности, прогнозировать и т. д.

Разница между методами той или иной практической деятельности и методами обслуживающей ее науки обуславливается также следующим. Как известно, практическая деятельность свои усилия направляет не на «самообслуживание» и «самопознание», а на *удовлетворение разнообразных практических потребностей людей*. (Применительно к книжному делу, например, усилия всех его отраслей направлены, как принято было говорить в 30-е годы, на обслуживание народа книгой, или, как принято говорить сейчас, на максимально эффективное использование книжных ресурсов страны). Поэтому методы «дела» имеют всегда прикладной характер «процессов», «операций», «приемов», «приспособлений», облегчающих обслуживание «потребителя» (в данном

⁵ Для буржуазной методологии (особенно в области социологии) характерен отход от общей теории, замыкание в скрупулезное изучение «микропроблем» и их «психологизация», что обрекает науку на пассивную роль «констататора».

случае, говоря упрощенно, «снабжение» населения той литературой, которая наиболее полноценно удовлетворяет его общественные запросы).

Что же касается научных дисциплин, то они, как мы отметили, специально призваны «обслуживать» соответствующую отрасль практической деятельности, обеспечивать ее непрерывный прогресс. Это достигается прежде всего историческим и теоретико-методическим изучением, обобщением и прогнозированием практического опыта. Следовательно, нужды самого *книжного дела* (т. е. деятельности, связанной с организацией издания, хранения, пропаганды, использования произведений печати) призвано обслуживать и «упреждать» книговедение. Естественно, что теория и методика каждой книговедческой дисциплины стремится прежде всего выявить и упорядочить систему используемых в практической области процессов, этапов, операций, методов, способов, приемов и форм работы. Используя *результаты и методы практики*, книговедение, «абстрагируя» богатейший опыт, возводит его на новую ступень уже по законам науки (восхождение от конкретного к абстрактному ради обратного воздействия на конкретное), т. е., прибегая к различным методам *познания*, как универсальным, так и специальным. Вот как определяют различие между методами и техническим приемом Р. Пэнто и М. Гравитц — авторы специальной работы по интересующей нас проблеме: «...*технический прием представляет собой этапы определенных операций, связанных с конкретными практическими действиями, применяемыми для достижения установленной цели, в то время как метод — это интеллектуальная концепция, координирующая комплекс операций, большинство из которых обычно носит технический характер*»⁶.

Важно при этом отметить большой вклад в науку самих практиков книжного дела, а также и то известное положение марксистской диалектики, что практика и сама в состоянии осмысливать и совершенствовать свой опыт, но это нерационально в условиях общественного разделения труда, ибо замедляет прогресс на любом участке народного хозяйства и культуры. Дело в том, что в каждой науке (на это указывали Маркс, Энгельс, Ленин) начинает как бы автономно действовать логика развития самого знания, внутренняя связанность категорий, системы понятий, специализированной терминологии и т. п. Известная самостоятельность бытия науки (функционирование «автономных структур знаний») открывает благоприятные возможности для синтезирования и упорядочения бесконечно разнообразного в своем конкретном воплощении практического опыта.

Как правило, во всех областях практической деятельности рождаются эмпирические и полуэмпирические методы. Соответствующие же науки вносят в них теоретические обоснования, открывают конкретные перспективы и реальные границы внедрения средств механизации и автоматизации, усиливают контакты каждой данной области деятельности с другими, изучая степень возможности применения новых методик и т. п., помогают решать самые сложные задачи, выдвигаемые жизнью.

Переходя от этих общефилософских посылок к некоторым важнейшим в данной связи методологическим вопросам общественных наук, выделим следующее.

1. В комплексных общественных науках (таких, как социология, науковедение, информатика, книговедение, демография и др.) методом выступают все те теоретические знания, к какой бы области они ни

⁶ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972, с. 200.

относились, которые позволяют раскрыть закономерности исследуемого сложного объекта.

2. В ряде общественных наук (история, литературоведение, архивоведение, искусствоведение и т. п.) наряду с некоторыми частными методами используются по преимуществу универсальные общенаучные методы. Специфика каждой общественной науки в этом отношении определяется *спецификой их преломления*, которая в свою очередь обуславливается направленностью исследований на определенную сторону объектов, своим углом зрения.

В книговедении таким специфическим подходом к объектам, специфическим углом зрения является подход функциональный. И хотя функциональное изучение объектов в той или иной мере присуще и другим наукам, для книговедения это — *фундаментальная категория*, определяющая все параметры науки: предмет, методы, границы, закономерности, гипотезы и прогнозы, цели, всю направленность исследований. Функциональная теория, выдвинутая и активно разрабатываемая советским книговедением, принята на вооружение всеми книговедами — марксистами. Она, в сущности, и служит стержнем всей комплексной науки.

Функциональный подход требует:

1) осознать сложно-составной характер объектов книговедения (произведение — книжное дело — читатель), находящихся в динамичном взаимодействии в разных каналах связи — прежде всего издательских, книготорговых и библиотечных. При этом книжное дело изучается как область практической деятельности именно *идеологической* направленности (пропагандистско-воспитательной и научно-вспомогательной), в которой материализуется система «печать в обществе», т. е. путь произведений от их создателя до их потребителя;

2) осознать, что *предметом* изучения в книговедении выступают лишь определенные аспекты этих объектов — в той мере и в тех границах, в каких это достигается функциональным изучением, функциональным подходом к ним. Существуют определенные «книговедческие» границы изучения *личности читателя*, «читательского сознания», «читательского восприятия» литературы, ее социально-психологического воздействия; определенные «книговедческие» границы изучения *содержания книги*; определенные границы изучения *книжного дела* именно в его идеологических аспектах. Свои закономерности книговедение выводит не из конкретного содержания конкретных произведений, а из взаимодействия книги с человеком в обществе. Правильное понимание предмета книговедения обуславливает его целостность, образуемую единством социально-функционального и исторического подхода к объектам;

3) осознать двуединую природу книги как материально-духовного единства, духовно воздействующего на читателя и свою *материальной* стороной (т. е. не только графически-текстовой, но и типографско-полиграфической). Это уникальное своеобразие, в частности, *данного* объекта книговедения тоже обуславливает его специфику, его отличие от других общественных наук.

Итак, изучение книги как материально-духовного целого, в его прямых и опосредованных связях с читателем, в динамике процессов книжного дела — таково своеобразие данного научного комплекса и всей его методологии, всей системы применяемых в нем методов.

Как в любой науке, в книговедении используются многие общенаучные методы познания. Соответственно в нем находят применение разные типы исследований, а также разные типы процедур для их осуществления (наблюдение, эксперимент, статистический анализ коли-

чественных данных и т. д.), разные исследовательские жанры: обзорно-подытоживающие и монографические (исследующие «случай», «ситуацию»), исторические и теоретико-типологические и т. д.

Хотя методы, используемые книговедением, порознь присущи и другим наукам, в то же время нет такой науки, которая пользовалась бы совокупностью именно *этих* методов и именно в *таком* сочетании, преломлении и направленности.

Методологическое своеобразие книговедения как комплексной науки находит выражение не только в его многометодности, не только в функциональной направленности этих методов, но и в том, что все его методы взаимноиспользуемы в той или иной мере каждой отраслью «дела» и «ведения». Общность конечных целей всех дисциплин, образующих книговедение, обуславливает как переплетение и взаимноиспользование, так и специфическую функциональную направленность применяемых в этой комплексной науке методов. В результате часто возникают трудности: какой книговедческой дисциплине или области книжного дела «по праву приоритета» принадлежит тот или иной метод. В библиографоведческой литературе, например, функциональное изучение содержания произведений на основе ознакомления с предисловием, оглавлением, заключением, научно-справочным аппаратом, издательской аннотацией, а также выборочного чтения отдельных мест часто называют «книговедческим методом». Представители же других отраслей, напротив, называют такое изучение то «библиографическим», то «товароведческим».

Или другой пример: библиотекари систематизацию и группировку произведений печати по разным основаниям и признакам считают «своими» методами, а библиографы — «своими»; в то же время без тематической сегментации первичного литературного потока не могут обойтись также и историки универсальной или отраслевой книги и вообще книжники и книговеды любого профиля.

Такое же множество «хозяев» и у процедуры типологии изданий и литературы.

С другой стороны, никто, кажется, не рискует присвоить монопольное право на такой специфически книговедческий метод, как «типологический» (о нем мы далее скажем специально), который используют почти все книговедческие отрасли (история книги и книгоиздательства, библиотечного и библиографического дела, букинизма и библиофильства, искусства книги и пр.).

Рассмотрим более конкретно несколько специальных книговедческих методов разного характера. (Необходимо, однако, сразу сделать оговорку, что во всякой науке — книговедение, разумеется, не может составлять исключения — общенаучные и частнонаучные методы применяются не изолированно и не параллельно, а в органическом единстве: они взаимно проникают и обогащают друг друга).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД

Функциональная природа книговедческого знания обусловила широкое и многоплановое использование *функционального метода* как базового. Следует иметь в виду, что он является одним из общих методов, применяемых в социальных науках. Ж. Сото пишет о нем как о методе, который используется для раскрытия конечной цели, смысла существования того или иного социального института, общества в целом⁷. В упоминавшейся книге Р. Пэнто и М. Гравитца функциональный метод

⁷ S o t o J. Cours de méthodes des sciences sociales. Paris, 1965, p. 48.

отнесен к разряду методов, используемых в социологии для получения того или иного объяснения⁸. Однако оба автора неправомерно ограничивают его возможности лишь анализом и констатацией социологических фактов с помощью понятия функции.

Функциональный метод, используемый в книговедении, прежде всего помогает выявить многообразие социальных ролей книги и всех связанных с ними служб. Функции произведений печати, как мы оговаривали выше, изучают и другие науки. Однако в них — это обычно дополнительное прием, прибавляющий к основному исследованию какой-то новый аспект, большей частью именно книговедческий (историко-книжный, читателеведческий и т. п.). С несомненностью можно утверждать, что нет такой науки, для которой выявление, суммирование, синтез всей совокупности многообразных функций книги составляли бы самостоятельную цель и которая не имела бы своим конечным общественным назначением (и в исторических, и в теоретических, и в организационно-методических исследованиях) — совершенствование книги и книжного дела как материально-духовного единства именно в плане выполнения ими общесоциальных функций.

В реальной жизни многообразие функций книги неразложимо. Книга воздействует на духовный мир человека, на общественное сознание, на общество как единая целостность. Но в науке, как известно, приходится «огрублять», упрощать, схематизировать «зеленое дерево жизни». Книговеды, с неизбежной долей искусственности, выделяют ряд важных социальных функций книги.

Функции книги — это реальное выражение ее социального бытия. Отмечая многофункциональность книги (функцию формирования господствующей идеологии, классово-критическую, просветительную, историко-документальную, коммуникативную, эстетически-гедонистическую — заполнение досуга, развлечение, отдых), книговеды 30-х годов справедливо подчеркнули их неравнозначность.

Основная всеобъемлющая исторически меняющаяся функция — идеологическая: формирование и организация идеологии определенного класса и идеологическое воздействие на другие классы. Именно эта функция в первую очередь не только поддерживает книгу в общественном обиходе, но формирует и трансформирует книгу как произведение письменности и печати. Функциональный метод и требует прежде всего выявления социальной роли книги. Здесь на первый план выступает идейное содержание произведения, взгляды автора, то, чим классовым интересам служит объективно та или иная книга, то или иное произведение печати. Классовая природа книги определяется не только мировоззренческой позицией автора: она зависит также от того, в чьих руках находятся издательства, типографии, книжная торговля, библиотеки — иначе говоря, все средства производства книги и все каналы ее распространения. Исследование общественной природы книги неотделимо, таким образом, от исследования социальных функций учреждений книжного дела.

Своеобразный парадокс книги заключается в том, что одно и то же сочинение, одно и то же содержание может в зависимости от того, какие цели преследуются при издании и распространении конкретного произведения, выполнять различные функции. При этом весьма существенное значение имеет «препарирование» литературного текста: в процессе этой процедуры достигается порою полное «выхолащивание» его основного идейного содержания с помощью различного рода сокращений,

⁸ Пэнто Р., Гравитц М. Указ. соч., с. 238—241.

изъятий, купюр, нарушающих авторскую волю, и т. п.⁹ Если для специалиста той или иной области знания важно произведение, т. е. прежде всего содержание текста и его толкование, то книговед должен выявить специфику именно *данного издания*, чтобы определить его конкретные функции, социальную роль в разных исторических обстоятельствах. При этом учитываются не только текстуальные расхождения, но и направленность предисловий, послесловий, характер и особенности титульных и выходных сведений, внешнего оформления, справочного аппарата и проч. Чешский историк книгопечатания В. Тоболка, а вслед за ним Ф. Горак называют этот метод историко-литературным. По их определению, он «предполагает непосредственное изучение всех изданий определенного печатника, связанных с ними мест (городов или областей), требуется определять время работы и установить, что рассказывает о своем происхождении и создателе сама книга, ее текст и содержание. В первопечатных и старых изданиях мы обращаем внимание прежде всего на инципит и колофон, потом на предисловие и послесловие, если они имеются в книге»¹⁰. Ясно, однако, что охарактеризованный таким образом метод не уместен в рамки «историко-литературного», хотя историки и литературоведы активно используют его, а является сугубо книговедческим, применяемым при исследовании книги *как единого целого* в широком значении слова, а не только литературного «сочинения» (в смысле собственно *текста*).

Выявить социальную роль книги и книжного дела во всей полноте и диалектической сложности возможно лишь на основе марксистско-ленинской научной методологии. Советские книговеды и книговеды-марксисты зарубежных стран, опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма о роли книги и печати в обществе, широко используют в своих трудах функциональный метод исследования, вскрывая тесную зависимость книги от идеологической борьбы, выявляют присущие книжному делу закономерности, перспективы его развития, прогнозируют будущее книги. Общественные, социальные функции книги и книжного дела с достаточной полнотой раскрываются в трудах советских книговедов — А. А. Сидорова, А. И. Назарова, Н. М. Сикорского, В. С. Люблинского, Н. Г. Малыхина, О. Д. Голубевой, А. М. Иоффе и многих других. Социальные функции книги и книжного дела находятся в центре внимания и таких обобщающих коллективных трудов, как «400 лет русского книгопечатания», «Книга и книгопечатание на Украине», «Пятсот лет после Гутенберга» и др. Социальному аспекту уделено значительное место в трудах польских книговедов К. Гломбиевского, К. Мигоня, в работах немецкого книговеда Х. Кунце, чешского — Я. Дртины, венгерского — М. Ковача. Этот аспект отражен и в получившей широкую известность монографии французского книговеда-социолога Р. Эскарпи «Революция в мире книг» (М., 1972).

Изначальной универсальной функцией книги является *коммуникативная*. Уже письмо — на всех этапах его эволюции — пиктографическое, идеографическое, алфавитное — создавалось для фиксации мысли, слова и последующего их восприятия. Развита письменность с богатством ее понятийного содержания явилась средством прежде всего распространения этого содержания в человеческой среде (среди членов родового клана, рабовладельческого или античного полиса,

⁹ Примеры см. в работах: Новосадский И. В. Теория книговедения и марксизм. Критика современного книговедения. — «Труды Музея книги, документа и письма», 1931, вып. 1, с. 3—46; Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970, с. 123—170.

¹⁰ Цит. по кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 15.

замкнутого сословного феодального цеха). Коммуникативные (информационные) функции письменности унаследовала и умножила, принципиально усовершенствовав аппарат сохранения и передачи текстовой информации, печатная книга. Нельзя не согласиться с исследователем: «Первая и основная функция книги — сделать содержание текстового сообщения максимально доступным для читателя»¹¹. Функциональное изучение книги под углом зрения ее коммуникативности представляет интерес в наше время, когда необычайно возросли требования к информативности текста и всех иных элементов внутреннего и внешнего облика книги. Только функционально-целостный, системный подход позволяет обеспечить дальнейшее совершенствование модели книги как средства передачи заключенной в ней информации ее непосредственному адресату — читателю¹².

В нашей литературе информационно-коммуникативные функции книги стали специально исследоваться особенно в последнее десятилетие в связи с развитием информатики и стремлением осмыслить книгу как средство накопления, сохранения и передачи семантической информации. Особенно интересны методологически работы В. С. Люблинского, Р. С. Гиляревского, В. Н. Ляхова, Б. С. Горбачевского, М. Л. Колчинского. Эффективность функционального метода для выявления информационно-коммуникативной функции книги в прошлом убедительно продемонстрировал В. С. Люблинский в его широко известной статье «Ранняя книга как ступень в развитии информации». Исследователю удалось проследить, как в ходе эволюции нарастала «информационная емкость» почти всех элементов книги на протяжении ряда столетий вплоть до XVI в. Взгляд на книгу под определенным методологическим углом зрения и «срезом», с учетом лишь одной из ее функций, позволил исследователю прийти к оригинальным выводам, обогащающим наши знания о месте и роли книги в общественной и культурной жизни общества на ранних этапах его развития¹³.

С информационно-коммуникативной неразрывно связана и другая важнейшая функция книги — *познавательная* (культурная, научная, производственная, учебная), которую лишь с известной долей условности можно отделить от информационной. В исторические времена в условиях любой общественно-экономической формации книга выполняла роль учебника: и в прямом смысле — школьного, университетского и т. д., и в косвенном — как средство познания истины, идей, фактов, как «учебника жизни». Не только с отмеченной выше классово-идеологической, но и с познавательно-эвристической целью начали вводить в модель книги (помимо основного текста) предисловия, послесловия, комментарии, вспомогательные указатели, таблицы, схемы, иллюстрации, библиографические материалы. Этот разнообразный научно-справочный аппарат, с одной стороны, усиливал информационную емкость книги, а с другой, облегчал читателю усвоение заключенного в ней материала, быструю ориентацию в нем, наведение всевозможных справок и т. п.

Следует иметь в виду и другое. Стремление наиболее полно и целесообразно использовать познавательные возможности книги привело к созданию таких ныне привычных ее типов, как учебник, справочник, хрестоматия, энциклопедия, монография и др. Конечно, появление того или иного типа книги было обусловлено многими причинами и истори-

¹¹ Ляхов В. Н. Структурная модель книги и перспективы ее применения. — «Книга. Исследования и материалы», 1970, сб. 21, с. 12.

¹² Более подробно см.: Ляхов В. Н. Указ. соч., с. 5—25.

¹³ Подробнее о статье В. С. Люблинского см.: Баренбаум И. Е. 500 лет после Гутенберга. — «Книга. Исследования и материалы», 1971, сб. 22, с. 246—247.

ческими обстоятельствами, в том числе специального (научного, технического, производственного) характера. Но в конечном счете все это вело к наиболее полному, эффективному («рельефному») выполнению книгой ее познавательных «обязанностей». Тут книга обладает рядом неоспоримых преимуществ перед иными средствами и формами массовой информации.

Познавательная функция книги исследуется преимущественно на материале таких ее типов, как учебная, справочная, научная, научно-популярная, производственная. Подобные исследования носят, как правило, описательный характер; иллюстрируются (достаточно убедительно) успехи в издании того или иного типа «познавательной» книги, показывается совершенствование ее внешней структуры. Однако выявить особенности и специфику *реализации* познавательной функции книги, дифференцированно показать познавательные возможности конкретного типа издания с целью его совершенствования и наиболее полного использования не удается достаточно глубоко и широко.

В плане исследования познавательного потенциала книги представляет интерес диссертация Ж. А. Колодяжной¹⁴. К вопросу редакторской оценки научности содержания учебников исследователь подходит с учетом именно функциональных методов. Основываясь также на данных современной вузовской психологии и педагогики, характеризующих особенности психо-физического состояния людей студенческого возраста, Ж. А. Колодяжная предложила ряд форм и методов организации материала в техническом учебнике, способствующих лучшему усвоению и запоминанию знаний.

Важным слагаемым многообразного воздействия книги является ее *эстетическая функция*. Эстетическое воздействие на читателя и, в конечном счете, его эстетическое воспитание, осуществляется, во-первых, *внешней формой книги* (т. е. характером оформления ее внутренних и внешних элементов) и, во-вторых, *внутренней формой* — т. е. формой литературного произведения, содержательного текста (его достоинствами и особенностями — жанровыми, стилистическими, образными, композиционными¹⁵). Иначе говоря, речь идет об эстетической функции книги как материальной и духовной целостности, в единстве всех ее основных элементов. Следует согласиться с В. Н. Ляховым, который утверждает: «Красота книги — это результат эстетического осмысления ее в целом, на всем протяжении процесса ее создания и во всех фазах ее становления и зарождения, начиная с проектирования наборного шрифта и кончая выпуском книги из типографии»¹⁶.

Рассматривая эстетическое начало в книге как *постоянный фактор*, воздействующий на ее создание, как на «аспект творческой созидательной деятельности», исследователь в построенной им графической модели соотносит эстетический фактор прежде всего с *текстовым сообщением*. Но это в то же время предполагает, естественно, и самую форму этого сообщения, вне которой содержание существовать не может.

Проблема эстетического воздействия книги — это проблема ее искусства, где решающую роль играет художник, оформитель, техниче-

¹⁴ Колодяжная Ж. А. Технический учебник для высшей школы. (Научные основы редакторского анализа). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1971; Беспалько [Колодяжная] Ж. А. Издательство «Высшая школа» и его роль в создании учебной литературы для вузов. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 71—82.

¹⁵ В данном случае мы не говорим о тех книгах, которые ставят своей задачей непосредственное эстетическое воспитание читателя, — книгах по искусству, эстетике.

¹⁶ Ляхов В. Н. Указ. соч., с. 13.

ский редактор. Однако это и проблема материала, а также полиграфической техники.

Внешняя форма книги тесно связана с типом издания, с его целевым и читательским назначением, а значит, зависит от содержания книги, ее тематики. Вместе с тем не следует отождествлять форму книги с литературной формой ее содержания, хотя между ними, естественно, существует определенная взаимосвязь (скажем, сборник стихов требует иного внешнего оформления, чем сборник прозаических произведений; роман будет оформлен иначе, чем пьеса: произведение Пушкина — иначе, чем Маяковского; украинская книга — иначе, чем литовская и т. п.). Эстетическое воздействие книги тем сильнее и действеннее, чем теснее и органичнее взаимодействуют все остальные компоненты книги — содержание (текст), его форма (стиль), художественное оформление и полиграфическое исполнение.

Эстетика книги — понятие историческое. Искусство книги менялось в зависимости от художественных вкусов и нравов эпохи, от эстетических запросов общества. Эстетические функции книги классово обусловлены и целенаправлены. Одни задачи ставит перед собой книга, предназначенная для социальной элиты, для «избранного» меньшинства — für wenige, иные — предназначенная для широкого демократического читателя, для революционных масс.

Решая вопрос книжной эстетики, необходимо учитывать также исторические и социальные сдвиги в обществе, рост эстетической «грамотности», культуры читателя. Все это ставит сложные задачи перед издательствами, полиграфическими предприятиями, перед бумажной и химической («красочной») промышленностью, не говоря уже о самих художниках книги. Здесь особенно наглядно ощутим тесный союз науки, искусства и производства, без которого любые добрые и заманчивые замыслы так и остаются замыслами, а книга так и не выполнит одной из важных своих функций — эстетической.

Проблемам «искусства книги», ее эстетики советское книговедение, как известно, уделяло и уделяет много внимания. Здесь в первую очередь должны быть названы труды А. А. Сидорова и созданной им школы (В. Н. Ляхов, А. Г. Шицгал, В. Тоотс и др.); мы вправе также сослаться на теоретические этюды В. А. Фаворского и В. В. Пахомова. Советских книговедов, изучающих оформление книги как единого целого, а также и отдельных ее компонентов (как в историческом аспекте, так и с точки зрения наиболее полного выявления эстетических функций современной советской книги), отличает стремление и умение связать изучение внешнего оформления книги с ее содержанием, типом издания, с читательским адресом. Пример подобного исследования — известный труд «Основы оформления советской книги» (М., 1956), значительная часть которого посвящена особенностям оформления различных типов книжных изданий.

Мы вправе утверждать, что требование функционального метода — изучать книгу в связи с читателем, предполагаемым или действительным — весьма последовательно и плодотворно реализуется в трудах советских книговедов-специалистов в области искусства книги.

Говоря о функциональном изучении книги, нельзя не сказать еще об одной функции, которая часто игнорируется, — *этической*. Эта функция теснейшим образом связана и с познавательной, и с эстетической функциями книги. Но она имеет, несомненно, и самостоятельное значение. Книга как единое целое и связанная с нею особая атмосфера библиотеки, книжной коллекции, воздействует не только на ум, но и на чувства читателя, определенным образом дисциплинирует личность, влияет на

ее поведение. Книга (имеется в виду *хорошая* книга) облагораживает, настраивает на возвышенный лад; уже одним своим видом она внушает уважение к ее создателям — автору, редактору, издателю, полиграфисту, а также и тем, кто занят ее распространением — книгопродавцу, библиотекаря, библиографу.

Роль книги в моральном воспитании человеческой личности необычайно велика. Вспомним горьковское — «всем хорошим во мне я обязан книгам»; или — «не только он собрал книги, но и книги собрали его». Имеется в виду не только содержание книги, но особая неповторимая атмосфера общения с книгой как материально-духовным единством; ее особое «нравственное обаяние», та «соборность», возвышающая дух и чувства, о которых писал А. А. Сидоров.

Этическая функция книги, разумеется, может исследоваться лишь в связи с читателем, с ее воздействием на него, в процессе их общения — чтения, собирания, коллекционирования, занятия с книгой.

Свои этические свойства книга раскрывает прежде всего юному читателю. В работе с детьми, — начиная с детского сада, затем в школе и дома, в семье, — книге принадлежит огромное место. Здесь, естественно, берутся на вооружение все функции книги, но этическая (не только просветительно-образовательная) выступает порой на первый план во всей гамме воспитательного воздействия книги. «Тычет в книжку пальчик — он хороший мальчик...» — эти шуточные строки Маяковского имеют в виду именно этическое воздействие книги на сознание юного читателя. И Маяковский, говоря о «хорошем мальчике» считает его хорошим именно потому, что он держит в руках книгу, т. е. «предмет», который априори обладает ценными воспитательными свойствами и приобщение к которому само по себе уже благо.

Связанные с этим проблемы должны занять подобающее место в книговедческих исследованиях, наиболее близко соприкасающихся с психолого-педагогической наукой и присущими ей методами. Вместе с тем раскрытие этических свойств книги во взаимодействии с другими свойствами ее как единого целого и их воздействия на читателя обеспечивается в книговедении функциональным подходом к объекту исследования, позволяющим изучать книгу в динамике, в процессе общения с читателем как конечным пунктом системы «книга в обществе».

Этические функции книги чаще всего рассматриваются в связи с изучением таких видов литературы, как детская и художественная. Об этическом воздействии книги говорится также обычно в исследованиях по истории читателя, преимущественно выдающегося (Маркс, Ленин, Гете, Пушкин, Толстой, Горький, Маяковский). Читателеведение — современное и историческое — накопило обширные материалы для исследования этической функции книги, ее воздействия на личность читателя¹⁷. Однако вряд ли правомерно ограничиваться при постановке данного вопроса только сферой художественной и детской литературы. Нужны специальные исследования об «этике книги», выявляющие ее нравственный потенциал с широких книговедческих позиций, на материале различных изданий и отраслей знания, книг различного вида и типа.

Функциональный метод, который мы кратко рассмотрели лишь на примере изучения социальных ролей книги, находит конкретное применение во всех областях книговедения: функциональная классификация библиотек (т. е. по их общественному назначению) и историческое изучение их меняющихся социальных функций — в *библиотечковедении*;

¹⁷ См., напр.: Никитина О. И. Психология восприятия художественной литературы. М., 1972.

функциональная классификация библиографии и историческое изучение меняющихся и обогащающихся функций ее видов-подразделений — в *библиографоведении*; функциональная специализация издательских и книготорговых организаций и историческое изучение их социальной роли — в *теории и истории издательского дела и книжной торговли*; функциональная типология изданий и литературы по их ведущему общественному значению — в *общей истории книги и в общей теории книговедения* и т. д. — во всех книговедческих дисциплинах сказывается своеобразие функционального книговедческого подхода — т. е. непременно под углом зрения социально-типичных нужд в литературе «потребителей» (людей, общества). В то же время функциональный метод наглядно демонстрирует родство книговедческих отраслей и их методов, поскольку функциональный метод в книговедении оперирует одновременно именно с *книгой и читателем*. Вот почему «самоизоляция» книговедческих отраслей практически попросту невозможна.

АНАЛИТИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД

С функциональным методом тесно связан аналитико-тематический метод изучения «книжной производительности» (первичного литературного потока). Исследование функций книги, ее социальной (идеологической, культурной, научной, эстетической, этической) роли возможно лишь при углубленном изучении тематического состава книжного репертуара того или иного исторического периода, книжного собрания, коллекции, продукции определенного издательства, наконец, тематики конкретного издания. Такой анализ печатной продукции ориентирует работников книжного дела в ассортименте литературы, находящемся в их распоряжении.

В то же время аналитико-тематический метод необходим и в книговедческих исследованиях — как исторического жанра, так и при изучении современного состояния книжного дела. Тематический «показатель» раскрывает содержание и направление издательской деятельности, соотношение литературы по отраслям знания, свидетельствует об уровне развития той или иной отрасли или области знания и деятельности.

Тематический метод используется в многообразных процессах практической работы с библиотечными фондами. Комплектование библиотек, естественно, немыслимо вне учета тематики литературы. Вся работа с книжными фондами и обслуживание читателей в значительной мере строится по отраслевому принципу, ибо преобладает среди читателей спрос проблемно-тематический.

Тематический принцип находит отражение и в статистике печати, и в библиографии, и на других участках книжного дела. Так, вся отраслевая библиография строится с весьма углубленным учетом этого принципа. Тематические пособия (указатели, картотеки и проч.) — один из важнейших видов библиографической продукции. В данном случае наблюдается прямая зависимость библиографической деятельности от книжной продукции, с одной стороны, а с другой — от читателя, нуждающегося именно в проблемно-тематической информации о литературе.

Наконец, тематический принцип находит приложение и преломление в редакционно-издательской практике и книжной торговле. Деятельность всех издательств, а также специализированных по отраслевому принципу книжных магазинов строится на основе тематического планирования.

На книговедческо-тематическом методе особенно наглядно проявляется отличие методов «дела» от методов «знания». Общеизвестно, что

тематический метод неотделим от библиотечной, книготорговой, библиографической или издательской деятельности. Однако в практической деятельности он выступает как прикладной. Назовем его условно *описательно-тематическим* или *констатирующе-тематическим*. В практической деятельности методы, как мы говорили, направлены на обслуживание, на удовлетворение практических нужд «потребителей» (покупателей, читателей). Занимаясь тематической «сегментацией» продукции, работник книжного дела удовлетворяет потребности «потребителей», а не ставит себе цель прийти к обобщающим («абстрактным») научным выводам, установить социальные закономерности и т. п. Что же касается научных дисциплин, широко использующих результаты описательно-тематических процедур библиотечного, библиографического, книготоргового дела и статистики печати, то в них методы преобразуются в «абстрактный» аналитико-тематический метод науки (истории книги, издательского дела, теории и истории библиографии, библиотечного дела и т. д.).

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

Тематическое изучение книжных ресурсов с учетом читательского и целевого назначения требует одновременного изучения типологии изданий и литературы¹⁸.

Типология является классификационным методом, который используется как в естественных науках, так и в науках социальных. «Один из первых этапов в естественных науках состоит в классификации животных и растений по родам, типам, видам с учетом их основных характеристик. Это уже попытка абстракции. Социальные науки должны также пройти через этап постановки вопросов, установления категорий, позволяющих делать сравнения»¹⁹.

Р. Пэнто и М. Гравитц подчеркивают, что типология не может быть понята вне функциональной связи с той философской системой, частью которой она является²⁰.

Типология изданий обусловлена функциональной спецификой книжного дела и книговедческого знания. Тип книги связан с ее функциями и опосредованно определяется его целевой и читательской ориентацией. Можно согласиться с А. Я. Черняком, который в качестве основного типобразующего признака выдвигает общественную функцию книги²¹.

Тип книги — это историческая категория, обусловленная потребностями времени, вкусами и нравами общества, определенных социальных слоев, характером общественных отношений. Те или иные типы книги или виды изданий вызываются к жизни и формируются в соответствии с уровнем развития науки, техники, определяются характером общественных и технических коммуникаций, зависят от содержания и объема информационных запросов и многих иных причин. Немалую роль в создании некоторых типов книги играют уровень полиграфического производства, возможности репродукционной техники, достижения в области искусства оформления книги и т. п.

Возникнув, данный тип книги обслуживает потребности читателя, науки, литературы и искусства, потребности социальные, политические —

¹⁸ В данном разделе мы не расчленяем понятия «тип книги», «тип издания» и т. п., хотя важность этого нам ясна.

¹⁹ Пэнто Р., Гравитц М. Указ. соч., с. 224.

²⁰ Там же, с. 231.

²¹ Черняк А. Я. О понятии «тип технической книги». — «Научные и технические библиотеки СССР», 1973, вып. 4, с. 3—8.

потребности жизни, времени. Исследование и разработка вопросов типологии книги — неперемное условие издательского процесса, совершенствования печатных средств информации и пропаганды, наиболее полного удовлетворения читательского спроса на литературу. Осознание типологических особенностей издания ведет к улучшению, в частности, редакционной работы над рукописью, к выработке оправданных нормативных требований. Знание типа книги важно также для автора и служб информации (так, для последних имеет значение типизация литературы в зависимости от уровня содержащегося в них обобщения).

Определенные заслуги в изучении эволюции типов книги имеются у историков книги. В общих и отраслевых работах, в учебниках по истории книги, в монографиях и статьях прослеживается возникновение отдельных типов рукописной и печатной книги, их трансформация во времени. Имеются специальные исследования по таким книжным типам, как летописи, альманахи, энциклопедии, справочники, собрания сочинений, словари, серийные издания, брошюры и др. Изучение эволюции типов книги, их смены позволяет выявить действующие в этой области закономерности, оптимальные варианты, наметить пути дальнейшего совершенствования каждого типа в отдельности и всей типологической системы в целом.

В настоящее время над проблемами типологии книги (к сожалению, разобщенно) работают специалисты по сути дела всех книговедческих дисциплин. Осознание этой проблемы как *общекниговедческой*, сознательное использование структурно-типологического метода поможет выяснить генетическую природу каждого типа книги и его место в типологии книжных изданий в целом. Попытка создать ГОСТ на виды изданий²², несомненно, оправдана. Структурно-типологический метод позволит создать стройную типологию изданий и подлинно научную систему понятий и терминов.

Структурно-типологический метод является общекниговедческим и находит применение в любой отрасли книговедения не только для типизации изданий или литературы. Библиотековеды широко оперируют им для изучения библиотечной сети, ее структуры и организации или при характеристике книжных фондов, их размещения и использования. Важно также изучать типологию читателя. Структурно-типологический метод широко применяется в библиографоведении, в частности для типизации библиографической продукции. С его помощью исследуется также история и современная организация книжной торговли и редакционно-издательского дела.

При этом важно помнить, что существует разница между прикладным значением структурно-типологического метода (для организации, например, государственной библиографии по видам изданий; библиотечного абонементов или системы каталогов и картотек — по видам печати и т. д.) и историко-теоретическим (изучение эволюции типов книги или библиотек, социальной обусловленности этой эволюции, разработка прогностических схем-моделей наилучших типов изданий, оптимального размещения сети тех или иных служб книги и т. п.).

ТИПОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД

Это по преимуществу метод изучения книги как памятника материальной культуры и произведения полиграфического искусства. Он, следовательно, обусловлен материальной стороной книги, особенностями

²² См.: Издания. Основные виды. Термины и определения. ГОСТ 16447-70. М., 1971.

ми ее производства, структурными особенностями ее оформления. Пользуясь типографическим методом, мы выявляем своеобразие всех составных формообразующих элементов книги: титульных листов, текста, книжных полос, переплета, обложки и проч. При этом принимается во внимание прежде всего характер шрифта (кегель, гарнитура, начертание), иллюстраций (вид, расположение, способ воспроизведения), орнаментальных украшений (заставки, буквицы, концовки и т. п.).

Одним из вариантов типографического метода следует считать *шрифтологический*, который зачастую трактуется широко, в духе типографического метода в целом. Так, например, чешский историк книгопечатания Фр. Горак пишет, что «по этому <шрифтологическому> методу требуется собрать и лично изучить все издания определенного печатника или типографии, составить алфавит всех видов (и размеров) использованного в них шрифта, составить алфавит всех заглавных букв и инициалов, вести учет нот и нотных линий, сделать перечень или репродукции иллюстраций и карт, уделить внимание всем орнаментам, линиям, виньеткам и особенно изучить все формы типографских марок»²³.

Научная разработка шрифтологического метода принадлежит англичанину Роберту Проктору и немцу Конраду Хеблеру — автору известного «Репертуара шрифтов XV в.» (1905—1924). Этот метод широко используется при изучении старопечатной книги в инкунабуловедении²⁴. Если понимать его в широком смысле, как изучение *всех* типографских особенностей издания, то правильнее все же говорить о *типографическом методе*. К нему обращаются историки книгопечатания и книжного искусства, книжной графики, переплетного дела и т. п. Метод этот — один из важных и эффективных при изучении истории книги, издательского дела. Он — необходимый инструмент сравнительного изучения изданий одной типографии, деятельности издательских династий (Альды, Эльзевиры, Плантены, Дидо, Мамоници) и издательских традиций (установление использования одних и тех же шрифтов, наборных украшений, полнотиражей рядом типографий — на протяжении длительного времени, в ряде городов, а подчас и стран). С помощью типографического метода возможно идентифицировать издания, уточнять сведения о деятельности типографий, издателей, месте и времени издания произведений и многое другое. «Учет полиграфических особенностей книги, особенностей ее шрифта, правописания, употребления отдельных букв, исправления опечаток, внимание к концовкам и гравированным заглавным буквам, просмотр водяных знаков привели во многих случаях к более точной датировке выхода книги, к выявлению различий, а иногда к установлению ранее неизвестных изданий»²⁵. Именно с помощью этого метода А. С. Зерновой удалось опровергнуть легенду о пожаре типографии И. Федорова в Москве, установить связь киевского книгопечатания с острожским, выяснить много ранее неизвестного в истории возникновения московского книгопечатания. Обращение к типографическому методу (анализ особенностей двухцветной печати русских первопечатных изданий) позволил А. А. Сидорову сказать новое слово о самобытности наборной техники московских книгопечатников. Благодаря шрифтологи-

²³ Горак Ф. Заметки о методах изучения истории книгопечатания. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 17.

²⁴ См.: Сборник методических материалов. (Опыт работы). Вып. 1. Л., 1968 (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. редкой книги).

²⁵ Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708 — янв. 1725 г. М.—Л., 1955, с. 46.

ческому методу были получены новые, более верные данные о начале книгопечатания в Чехии ²⁶.

Применение типографического метода позволило Н. В. Варбанец сделать ряд существенных наблюдений над первыми изданиями произведений К. Маркса и В. И. Ленина. «Еще до недавнего времени, — пишет исследователь, — такие приемы работы, как проверка шивки тетрадей, сверка набора и т. п. считались достоянием изучения лишь старопечатных изданий, а такие, казалось бы, не имеющие отношения к тексту элементы изданий, как издательские объявления, имя или адрес типографии или склада издания и пр. — не стоящими внимания. Опыт показывает, что в ряде случаев они могут служить для установления конспиративно зашифрованного издательства, места или года выхода, дать материал для установления состава продукции революционно-пропагандистских издательств, выявить взаимосвязь между ними и многое другое, уточняя и восполняя материалы писем, мемуаров и архивов» ²⁷. Существенно отметить, что Н. В. Варбанец не ограничивается соображениями историко-книговедческого порядка, но приходит на их основании к чисто практическим выводам и рекомендациям, направленным на дальнейшее совершенствование работы отделов редкой книги с изданиями Маркса, Энгельса, Ленина.

Именно типографический метод и сделанные с его помощью открытия и уточнения позволяют поставить перед соответствующими отделами государственных книгохранилищ задачу неограниченного комплектования этих и подобных изданий большого общественного звучания, активизировать их разыскание и собиране, выработать специальную — не «обычно» библиотечную, а индивидуализированно-специализированную — обработку каждого издания типографическим методом, а также методику особого хранения и организации фонда редких изданий, в частности классиков марксизма-ленинизма.

С успехами книговедения последних лет связано активное использование этого метода, приведшее к важным для теории и практики книжного дела, а также не книговедческих дисциплин результатам.

Создание на высоком книговедческом уровне сводных каталогов русской книги, национальных репертуаров печати Армении, Грузии, Литвы, Азербайджана, Эстонии, Белоруссии, Казахстана, Чувашии и др. стало возможно только на основе типографического метода. Результатами работы по составлению национальных репертуаров широко пользовались и пользуются не только историки книги, редакционно-издательского, библиотечного, библиографического дела, но и литературоведы, искусствоведы, археографы и палеографы, историки культуры («культурологи») и историки техники, представители других отраслей знания.

Это констатирует, например, зав. отделом редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: «Сводные каталоги открывают перед их составителями широкое поле для применения книговедческих методов... с помощью которых книговед может заставить рассказать книгу о себе то, что скрыто от ее обычного читателя — подлинную историю своего издания» ²⁸. И далее приводит весьма выразительные цифры эффективности применения этих методов: в результате изучения типографических материалов, шрифтов, орнаментики, водяных знаков и

²⁶ Книга и графика, с. 17—18.

²⁷ Варбанец Н. В. К вопросу об изучении редких изданий основоположников марксизма-ленинизма. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 209.

²⁸ Полонская Я. М. Работа отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в области истории книги. — В кн.: Материалы Первой Всесоюз. науч. конференции по проблемам книговедения. М., 1971, с. 132.

других полиграфических особенностей в сочетании со сведениями об истории типографий и полистной сверки экземпляров были установлены (полностью или частично) выходные данные около 3000 изданий, в том числе замаскированных и анонимных²⁹.

Чрезвычайно результативным оказалось применение типографического и других книговедческих методов для создания такого ценнейшего библиографического издания как «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (М., 1971). В предисловии к этому изданию составители пишут: «Для освещения истории изданий, вышедших без выходных данных, применялись также книговедческие методы исследования — сличение экземпляров, сопоставление шрифтов, наборных украшений, бумаги. Путем сопоставления ряда брошюр, напечатанных в литографии Н. Янковской, удалось опознать «Манифест Коммунистической партии», изданный Обществом переводчиков и издателей»³⁰ и сделать ряд других открытий, важных для понимания исторических явлений.

Не следует, однако, думать, что типографический метод применим только в теоретико- или историко-книжных исследованиях. Он важен также для оценки качества оформления произведений печати наших дней, позволяя сравнивать продукцию разных издательств и стран, определять лучшие издания года и проч. Типографический метод — важный инструмент оценки на национальных и международных конкурсах книги. Он содействует использованию лучшего отечественного и зарубежного опыта, совершенствованию изданий разных типов, видов и тематики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

К библиографическим методам относятся методы изучения печатной продукции по так называемым внешним данным, а также путем книговедческого просмотра — выборочного чтения с целью ее подбора, фиксации и систематизации в форме библиографических пособий — списков, указателей, обзоров литературы, картотек и проч. Иначе говоря, это методы изучения печатной продукции *под особым углом зрения*. Результатом такого изучения является библиографическое *свертывание* с различной степенью глубины проникновения в содержание произведений (библиографическое описание — «сигнал», аннотация, реферат) для удовлетворения различных информационно-библиографических потребностей реальных и предполагаемых читателей, нуждающихся в таких свернутых данных о литературе.

В установлении и определении библиографических методов нет полного единодушия. Называют следующие методы: разыскание, отбор, библиографическая характеристика, группировка, поиск, соби́рание, синтезирование, систематизация, организация сведений о литературных материалах; разыскание и учет, отбор, описание, классификация. Перечень этот можно продолжить.

Основными процессами подготовки библиографической информации являются: 1) *выявление литературы*, т. е. нахождение по заранее намеченным признакам, 2) *отбор литературы*, т. е. выделение части выявленных произведений, соответствующей поставленной задаче, 3) *описание произведений печати*, т. е. фиксация в определенной последовательности внешних данных о каждом из них, необходимых и достаточных

²⁹ Там же, с. 129—133.

³⁰ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. (Книги и период. изд.). Ч. 1. М., 1971, с. XI.

для их идентификации, 4) *характеристика содержания произведений печати*, т. е. аннотирование или реферирование их, 5) *группировка произведений печати*, т. е. объединение их в группы по определенным признакам. В ГОСТе «Библиография. Термины и определения» в числе процессов библиографической работы фигурируют еще «*систематизация произведений печати*», которая определяется как «соотнесение содержания произведения печати с соответствующими разделами какой-либо схемы классификации для определения индекса или его словесного эквивалента» и *предметизация произведений печати*, которая определяется как «формулирование предметной рубрики на основе определения предмета произведения печати»³¹.

Теория и методика библиографии, обобщив библиографический опыт, сформулировала конкретные принципы и методы отдельных процессов библиографического труда. В частности, глубоко раскрыты принципы и методы библиографического разыскания как логически обоснованной процедуры³²; методы *отбора литературы* (в их обусловленности принципами партийности, научности, педагогической целесообразности) применительно к разным видам и отраслям библиографии, к разным типам пособий и т. п.; детально регламентированы принципы и правила библиографического описания разных видов и форм произведений печати, а также иных носителей информации (звукозапись, аудиовизуальные материалы)³³; обстоятельно разработаны принципы и методы аннотирования и реферирования литературы³⁴; наконец, весьма дифференцированно (как по содержательным, так и по формальным признакам) разработаны методы группировки рекомендуемых читателю материалов.

Методы библиографирования видоизменяются в зависимости от его характера и назначения. Так, выделив три основных метода, пригодных для (по его терминологии) учетно-регистрационной библиографии — учет, описание и классификацию, — Д. Д. Иванов противопоставляет им несколько иную методологию применительно к библиографии научно-вспомогательной, а именно: целевой подбор, аналитическое аннотирование, научную систематизацию³⁵. Но и в данном случае сохранена логика сочетания аналитических и синтезирующих процессов и элементов, которые, в конечном счете, свойственны любой целенаправленной библиографической деятельности.

Процессы и методы библиографического труда по своему происхождению являются, несомненно, научными, требующими высокой квалификации. Нельзя не согласиться с Ивановым, который пишет, что «библиографическая работа неотделима от исследовательской, поскольку собрание и изучение книг составляет обязательный момент любого исследования»³⁶. Вместе с тем не следует отождествлять характер изучения произведения библиографом и специалистом той или иной конкретной научной дисциплины, что подчеркнуто и обстоятельно аргу-

³¹ Библиография. Термины и определения. ГОСТ 16448-70, с. 3.

³² Берков П. Н. Библиографическая эвристика. К теории и методике библиографических разысканий. М., 1960.

³³ Никифоровская Н. А. Правила библиографического описания произведений печати. Л., 1964; Единые правила описания произведений печати... Ч. 7. Описание звукозаписи и аудиовизуальных материалов. М., 1968; Описание произведений печати для библиографических и информационных изданий. ГОСТ 71-69. М., 1970.

³⁴ См., напр.: Шамурин Е. И. Методика составления аннотаций. М., 1959.

³⁵ Иванов Д. Д. О научных методах библиографии. — В кн.: Научная библиография. М., 1967, с. 29.

³⁶ Там же, с. 8.

ментировано в работе Б. Я. Бухштаба³⁷. «Ограниченность» библиографического изучения литературы, связанная с общественным назначением библиографии, обуславливает в свою очередь характер *результата* этого изучения: он представляет собою так или иначе организованные совокупности «библиографических записей»³⁸. Подобный результат достигается перечисленными выше эмпирическими и полуэмпирическими методами, операциями и процедурами (по своему происхождению прежде всего дескриптивно-констатирующими и дескриптивно-систематизирующими).

Библиографические методы обычно подразделяют на *аналитические* и *синтетические*. Цель аналитических методов — «библиографическое» раскрытие содержания книг, статей и иных произведений. К таким методам «свертывания» как раз и относят описание, аннотирование, реферирование, которые позволяют читателю составить предварительное представление о произведении. Аналитическими являются по существу и процессы отбора и разыскания материала, ибо уже и на этой стадии библиографической работы требуется ознакомление с литературой, ее предварительный анализ, «фильтрация» и т. п.

Назначение синтетических методов — библиографическое обобщение собранного материала, его научная организация, создание «системы, соответствующей тематическому профилю и функциональному назначению библиографии»³⁹. К синтетическим методам относятся все процедуры упорядочения собранного материала, его организация, распределение по отделам, подотделам, рубрикам, взаимная их увязка в соответствии с разработанными схемами, системами научной классификации, а также с учетом формы и назначения библиографического пособия.

Для решения «чисто библиографических» задач, как мы уже отмечали, во многих случаях необходимы методы и приемы книговедческой «экспертизы»: для атрибуции памятников слова, установления их автора, издателя, места издания и типографии, датировки, идентификации изданий и произведений «в сложных случаях» и т. д. В то же время специфика библиографических процессов, методов и операций заключается в том, что все они так или иначе связаны с «производством» вторичной информации о произведениях письменности и печати *внутри* и *для* системы «книга — читатель», исходной для всех областей книжного дела и книговедения. Вот почему библиографические методы, само собой разумеется, широко применяются в книговедении в целом, во всех его ветвях. Так, аналитико-тематическое, а отчасти и структурно-типологическое изучение книги, о которых говорилось выше, не может не основываться на данных и результатах, добытых библиографическими методами. Историк книги, как правило, опирается на материал репертуаров печати, издательских и книготорговых каталогов, которые уже сами по себе в определенной степени способны дать представление о тенденциях, направленности, характере и содержании деятельности издательств и типографий, о совокупностях книг по той или иной отрасли знаний или вопросу, а также за определенный исторический промежуток времени. Национальные репертуары позволяют изучать историю издательского дела, книжной торговли, отдельных изданий не только во времени, но и «в пространстве» (так сказать, «географию» издания, а от-

³⁷ Бухштаб Б. Я. Об определении библиографии. — «Сов. библиография», 1961, № 1, с. 26—41.

³⁸ Библиография. Термины и определения. ГОСТ 16448-70, с. 7.

³⁹ Иванов Д. Д. Указ. соч., с. 24.

части и распространения книги), языковой состав, печатную продукцию регионов — административно-территориальных или иных. Важное значение библиографический метод имеет и для библиотечного, и для книготоргового дела, в частности, в связи с разработкой системы каталогов и картотек, организацией книжных фондов, их докомплектованием и т. д.; библиографические методы и материалы, как известно, лежат и в основе статистики печати. Наконец, библиографическое отражение текущей печатной продукции позволяет издательским организациям вносить уточнения в планирование выпуска книг, регулировать, «балансируют» издание книг различными системами издательств как в отдельных районах, так и по стране в целом.

В этом активном взаимопроникновении и взаимоиспользовании методов и материалов всеми областями книжного дела и книговедения, в частности, и проявляется единая комплексная природа книжного дела и книговедения.

Помня о всеобщем значении библиографических методов и в этом смысле «библиографии», в то же время нельзя стирать и игнорировать различия между библиографией — областью практической деятельности — и ее отражением и осмыслением, т. е. библиографоведением. Когда мы имеем в виду теорию, научную дисциплину, то в соответствии с логикой познания мы должны говорить о методах именно библиографической науки, т. е. о методах осмысления ее исторического пути, обобщения и разработки ее собственных методологических и организационных проблем и т. д., отличая их от методов *дела*, а не сливая полностью с ними.

Неразграниченность ряда понятий и терминов, связанных с библиографией, побуждает нас выделить отдельно вопрос о методах библиографоведения.

МЕТОДЫ БИБЛИОГРОВОВЕДЕНИЯ

Библиографию вместе с хронологией, палеографией, археографией, текстологией, источниковедением и др. обычно относят к «вспомогательным дисциплинам». Словосочетания «вспомогательные науки», «вспомогательные дисциплины» представляются нам неправомерными, так как являются результатом смешения, а затем подмены понятий.

Сами *тексты, хронология, библиографические материалы* и т. п., разумеется, — это не наука или научная дисциплина, а объект или источник, или инструмент для той или иной науки, дисциплины или их совокупности. Ясно, что даже самые совершенные хронологические, библиографические труды или собрания документов не образуют «наук», т. е. системы знаний, умозаключений, выводов о закономерностях и т. п., а могут лишь отражать в *скрытом виде* («в себе») закономерности тех или иных явлений, процессов действительности. Однако их (закономерностей) обнаружение, установление и формулирование — задача, выходящая за пределы этих «собраний». Лишь в таком смысле надо понимать приводившиеся выше суждения о подытоживающих, моделирующих и иных функциях библиографии. Подчеркивая общность путей той или иной науки и соответствующей ей научно-вспомогательной библиографии, мы отдаем себе отчет в том, что последняя является не самой наукой, а ее отражением, и что «отражает» она не «свои», а «ее» закономерности. Что же касается выявления закономерностей самой библиографии — то это задача библиографоведения. (Тот же ход рассуждений применим в принципе и к другим «вспомогательным дисциплинам»).

Библиографоведение, равно как история, теория, методика и проблемы организации редакционно-издательской, текстологической, архивной и т. д. работы, — это не «вспомогательные», а вполне самостоятельные научные дисциплины, поскольку их объект, предмет и угол зрения вполне специфичны и не поглощаются какой-либо другой наукой.

Иначе говоря, когда та или иная область деятельности «набирает силу», опыт, материалы, по мере нарастания в ней своих проблем (методических, теоретических), рождения своих «героев», своей историографии, она постепенно формирует свою собственную дисциплину — не «вспомогательную», а «обычную», «нормальную» с обычными, как в любой науке, «абстрактными» методами и т. п.

Библиографоведческие методы — это прежде всего общенаучные методы познания, позволяющие разрабатывать теорию, историю, методические и организационные проблемы библиографического дела.

В этой связи напомним еще раз положение марксистской философии, что практическая и теоретическая деятельность — это наделенные относительной самостоятельностью моменты целостной деятельности как системы: *реально-преобразовательный* процесс определяет *идеально-преобразовательный* процесс. При этом теоретическая деятельность, естественно, тоже выступает как процесс социально-творческий, направленный на изменение мира человеческой — материальной и духовной — культуры. Общественное разделение труда закономерно и целесообразно повлекло за собой выделение практической и теоретической форм деятельности человека.

С помощью библиографических методов мы осмысливаем объекты, источники, предмет, функции, методы и задачи библиографии в целом и различных ее видов, все разнообразие практической деятельности по подготовке и доведению информации о литературе до читателей, многообразные виды и типы библиографической продукции, различные способы и формы представления библиографических данных, изучаем потребности в них и т. д.

Методы библиографической *практики* возникали и совершенствовались в процессе развития библиографии и библиографической науки. От первых несовершенных способов элементарного «приходования» книг как имущества до современной развитой аналитико-синтетической системы свертывания, предоставления, распространения вторичной библиографической информации — таков исторический путь поиска наиболее экономных и рациональных способов пропаганды литературы.

Весьма показателен, в частности, путь, пройденный библиотечно-библиографическими службами в поисках наиболее эффективных методов организации литературного материала — от простейшей алфавитной до сложнейших иерархических систем, а затем — к приемам координатного индексирования на основе дескрипторных словарей. Новые явления наблюдаются и в разработке библиографических пособий — указателей цитируемых работ, пермутационных и т. д. Логический путь развития библиографии ведет к созданию все более оптимальных систем, отвечающих задаче оперативного и дифференцированного доведения информации о литературе до потребителя и обеспечения многоаспектного поиска материалов под разными углами зрения с учетом цели, читательских возможностей и нужд.

В процессе библиографической практики, таким образом, выработывалась система библиографических методов.

Параллельно, хотя и с определенным отставанием, как мы отмеча-ли, библиографическая наука анализировала и обобщала состояние

и развитие библиографии и ее методов, содействовала их совершенствованию и обогащению.

Являясь составной частью комплексного книговедения, библиографоведение (как мы частично уже старались показать) широко использует всю совокупность охарактеризованных выше книговедческих методов (функциональный, аналитико-тематический, структурно-типологический, типографический), а также общенаучные (исторический, статистический, экспериментальные методы конкретно-социологических исследований и др.).

Вместе с тем своеобразии библиографоведческих методов связано со сложносоставным, «многоступенчатым» характером его объекта и предмета. Как мы уже отмечали, объектом библиографоведения выступают не только библиографическая деятельность и ее результаты, но также (хотя и опосредованно) произведения печати и читатель. В результате, не применяя *прямо* и, так сказать, «на выходе», библиографических методов описания, аннотирования, реферирования, отбора, систематизации совокупностей литературы как *самодовлеющих, целевых*, библиографоведение в то же время для анализа и оценки библиографической деятельности в целом, а также отдельных центров, учреждений и библиографической продукции, для определения уровня их методических качеств, для установления продуктивности их использования так или иначе применяет и эти универсальные библиографические методы. Итак, метод дела, в соответствии с логикой познания, в преобразованном виде и с другой направленностью выступает и как один из методов соответствующей науки. При этом библиографические методы, как и в других науках, носят вспомогательный характер одного из этапов исследования — подготовительного, «аппаратного», который в *библиографоведческих* трудах уже в «обнаженном» виде не ощутим. Выполнив роль «лесов», они затем остаются как бы за пределами библиографоведческого исследования.

На примере библиографоведения мы еще раз убеждаемся в том, что методы науки самым тесным образом связаны с ее объектом, но в то же время рельефно обусловлены целью, предметом, теорией и методологией самой науки; что нет стен, изолирующих, отделяющих объект от предмета, методы «дела» от методов «ведения» (науки). Напротив, чем теснее и непосредственнее наука связана с практикой, производством, тем более они взаимно обогащают друг друга, тем интенсивнее взаимно используются методы научной и практической деятельности. Взаимоиспользование методов особенно интенсивно в науках, которые еще недостаточно самоопределились, для которых степень научной абстракции остается еще не высокой. И наоборот, по закону отрицания отрицания, науки, которые достигли высшей стадии развития, превращаются в непосредственную производительную силу и в такой степени обогащают практику, что их методы переходят в методы дела. В этих областях непрерывные диалектические переходы и взаимообогащение методов осуществляются на качественно новом уровне.

Библиографоведение мы вправе отнести к первой группе наук, ибо самоопределение и самоосознание ее как науки, «отделение» ее от «дела» и оформление в качестве самостоятельной области научного знания происходит на наших глазах. Сам термин «библиографоведение» отпочковался и вошел в научный оборот лишь в последнее время. Вот почему порою еще недостаточно осознаются различия методов «дела» и «ведения», происходит смешение различных понятий и т. д. В то же время нельзя игнорировать книговедческую специфику самого библиографоведения, комплексный характер его объектов — прямых и опосре-

дованных — и предмет (библиографическая деятельность — библиографическая продукция — книга — читатель), что само по себе определяет многометодность библиографоведческих исследований, использование в них и общенаучных, и общекниговедческих, и специальных методов. Библиографоведение, в частности, использует сравнительно-источниковедческий метод, т. е. метод сравнительного изучения и сравнительной оценки источниковедческих параметров библиографических пособий по разным критериям с применением количественно-статистических методов, на что справедливо обратил внимание Д. Ю. Теплов⁴⁰.

Как было отмечено в общей части раздела, история, теория, методика, а также часть библиографоведения, которая занимается организационными проблемами библиографии, используют такие общенаучные методы, как исторический (обобщение пути, пройденного библиографией, и установление социальных закономерностей ее развития); системно-моделирующие (особенно для решения организационных проблем: «внутренних» — организация рациональных систем в текущем и ретроспективном режиме, а также «внешних»: соотношение со службами НТИ и массовых коммуникаций); методы конкретных социальных исследований, экспериментальной педагогики и психологии, статистические — для выработки оптимальных вариантов системы библиографического обслуживания и его профилирования. Д. Ю. Теплов справедливо указал также на необходимость более широкого использования в библиографоведении методов математического моделирования и массового обслуживания для определения: 1) пропускной способности той или иной системы библиографического обслуживания, 2) интенсивности ее использования, режима ее эксплуатации, прояснения обратной связи⁴¹.

К сожалению, в библиографоведении активно развиваются только те участки, которые имеют богатую традицию и обширный опыт: это прежде всего история и методика библиографической деятельности, связанные главным образом с обобщением пути, пройденного библиографией; в последние два десятилетия значительно больше внимания стали уделять также вопросам внутренней организации библиографического дела, библиографических служб в отраслевых, межотраслевых, а также общегосударственных, национальных и региональных границах; решаются и проблемы межгосударственного библиографического сотрудничества в рамках СЭВ, а также и в рамках международных организаций ЮНЕСКО. Наиболее слабым участком библиографоведения, как это ни парадоксально, является исследование библиографической продукции, различных ее совокупностей не в традиционном источниковедческом плане, а под углом зрения отражения в ней общих тенденций развития печати или отдельных сегментов первичного литературного потока и, далее, отражения в этих тенденциях печати определенных процессов общественной жизни, культуры, науки и т. д. и возможностей обратного влияния на планирование и тиражирование печатной продукции, ее пропаганду через различные каналы связи и т. п. (выявление неоправданных «литературных лакун», предсказание ожидаемых «горячих научных точек» и «узлов роста» литературы в определенных проблемных ситуациях). До последнего времени слабым участком было также и изучение потребностей читателей в литературе и в библиографической информации о ней.

⁴⁰ Теплов Д. Ю. Теоретико-методические вопросы создания системы библиографического обеспечения по технической литературе. — «Сов. библиография», 1971, № 6, с. 3—21.

⁴¹ Там же, с. 3—8.

Связано все это в значительной степени с самоизоляцией библиографии от книжного дела, а библиографоведения — от книговедения в целом. В результате наиболее сложные обобщающие, синтетические, открывающие широкие научные горизонты исследования, которые возможны именно и только на богатой и фундаментальной базе библиографических источников, «узурпируются» другими науками: науковедением, информатикой, социологией культуры и печати, теорией массовых коммуникаций и т. д. Для того, чтобы библиографоведение и книговедение в целом обогатили проблематику своих исследований, необходимо, следовательно, чтобы они обогатили свою методологию, широко внедрив в исследовательский оборот методы и методики, ныне активно используемые упоминавшимися выше науками и научными направлениями. Последние широко внедрили приемы, аппарат, мерительную и вычислительную технику математической статистики, количественных социальных исследований, методику кумулирующих и синтезирующих таблиц, схем, графиков, контент — анализа — с целью моделирования и прогнозирования процессов, происходящих в печати, и их научно обоснованной экстраполяции на другие социальные институты общества, находящиеся во взаимодействии с печатью, и т. д. Библиографоведение и книговедение в целом в условиях научно-технической революции *обязаны* подниматься на более высокие ступени обобщения, не ограничиваясь только историческими и теоретико-методическими исследованиями, обобщающими библиографический опыт. Задачи библиографоведения становятся более сложными и ответственными, так как эта научная дисциплина влияет не только на свой прямой объект (библиографическое дело во всей его совокупности), но и на *объект объекта* — на издательскую продукцию, на ее количественные и качественные параметры, а также на потребление вторичной (библиографической) информации путем изучения эффективности ее использования, выработки самих критериев оценки библиографической продукции и библиографического обслуживания, оптимальных вариантов системы этого обслуживания, ее профилирования по различным параметрам, установления сравнительной интенсивности эксплуатации отдельных подсистем.

Таким образом, выдвигается задача исследования обратных связей библиографической деятельности и ее результатов, для чего необходимо использовать математические методы моделирования и массового обслуживания, а также экспериментирование по шкале повторений.

Большую пользу принес и еще, несомненно, принесет ГОСТ «Библиография. Термины и определения», закрепивший взамен традиционных якобы «единых» определений, охватывающих и «дело», и «продукцию», и «науку», — *раздельные* термины и *раздельные* определения. Это отразило естественный процесс развития и обогащения библиографии как обширной области человеческой деятельности с многообразными функциями. Библиография давно уже перестала быть «ремеслом книгоописания». Она нуждается в специальной научной дисциплине, ее обслуживающей. С другой стороны, история и методика библиографии в достаточной степени выросли не только как специальная научная, но и педагогическая дисциплина, изучаемая в различных средних и высших учебных заведениях книговедческого профиля. Сама жизнь потребовала и в области библиографии естественного разделения труда, т. е. появления историков и теоретиков, которые занимались бы не составлением библиографических пособий и обслуживанием читателей, а обобщением и оценкой опыта (подобно историкам и теоретикам литературы и искусства). И хотя первые попытки теоретического осмысления библиографии относятся еще к XVIII в., лишь в наши дни «дело» и «ве-

дение» достигли такого порога, когда они, более четко разграничившись, образуют то диалектическое единство, которое характерно на определенной стадии для всех отраслей материального производства и культуры. Самоутверждение библиографоведения стимулировалось также и такими сравнительно недавно родившимися, но интенсивно развивающимися научными направлениями, как информатика и теория массовых коммуникаций. Активное и плодотворное взаимодействие с этими направлениями, осмысление и использование их достижений в области теории и методики, обогащение ими библиографической практики осуществится гораздо оперативнее и эффективнее благодаря функционированию специальной науки книговедческого комплекса — библиографоведения.

Все охарактеризованные выше методы применяются при книговедческом изучении литературы в трех основных ее аспектах: 1) в виде отдельных единичных экземпляров, 2) в качестве собраний книг (издательских серий, продукции определенных издательств, в виде библиотек и коллекций различного типа), 3) книжных репертуаров определенных исторических эпох ⁴².

Эти особенности преломления книговедческих методов обстоятельно прослежены в статье А. С. Мыльникова ⁴³. Правильно раскрывая отличительные черты книговедческого изучения книги, он, однако, ограничивает понятие «книжное собрание» лишь рамками библиотечных фондов, особое внимание уделяя при этом фондам личных библиотек. Нам представляется, что понятие «книжное собрание» должно трактоваться именно в книговедческом, т. е. широком, а не узкобиблиотечном контексте. Тогда в это емкое понятие войдут и продукция книжного издательства, и книжная серия как определенная целостность, и репертуары «книжных лавок», крупных книготорговых фирм, букинистические каталоги и т. п. Такое широкое понимание сферы приложения методов книговедческого анализа делает их более универсальными и пригодными для использования по существу во всех общественных науках.

Дальнейшая теоретическая разработка, уточнение и совершенствование методов книговедческого анализа является необходимым условием развития книговедения как комплексной общественной науки о книге и книжном деле в целом, равно как и всех входящих в нее дисциплин. Вместе с тем это позволяет осмыслить общенаучное значение методов книговедения с целью их более осознанного применения в различных науках социального цикла.

⁴² Баренбаум И. Е. Место библиотекведения и библиографоведения в системе книговедения. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 20.

⁴³ Мыльников А. С. О книговедческом методе в источниковедении. (К постановке вопроса). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 8—21.

II. СОВЕТСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ

С. Я. ФОКИН

ПРЕПРИНТЫ В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Мировая научная печать насыщена описаниями «ужасающего кризиса», «информационного взрыва», «экспоненциального роста», «бумажного потопа», свалившихся на головы ученых, якобы уже не способных не только читать, но даже просматривать публикации по своей тематике.

Однако, если на «информационный взрыв» посмотреть повнимательнее, то можно увидеть, что общее увеличение выпуска литературы, действительно, ощутимо в библиотеках и книжных магазинах, которые не в состоянии эффективно обрабатывать мощный поток изданий и удовлетворять увеличивающиеся и усложняющиеся запросы. В то же время ученому часто не хватает литературы по специальности: выходит она небольшими тиражами, по системе предварительных заказов, и быстро расходуется. Трудности в информировании специалистов устраняются в определенной мере органами информации.

Создаваемая в нашей стране государственная система научно-технической информации позволяет получать сведения о достижениях мировой науки и техники по опубликованным документам и сведения о результатах научно-исследовательских работ в СССР по неопубликованным материалам.

Совершенствование выпуска литературы проводится на всех уровнях, начиная от Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли вплоть до учреждений, осуществляющих выпуск изданий самостоятельно, минуя издательства.

Гораздо хуже обстоит дело со своевременным выпуском оригинальной литературы. Иногда специалисты больше знают о незначительных зарубежных новинках, чем о важных достижениях соседнего предприятия.

Несмотря на небывалый в мире рост выпуска литературы вообще и научной в особенности, ученые нередко испытывают серьезные затруднения с публикацией своих трудов и с получением работ, опубликованных другими специалистами.

Трудности с опубликованием научных работ возникают во многих случаях из-за того, что темпы роста количества исследований значитель-

но опережают темпы развития издательско-полиграфической базы и производства бумаги. Они усугубляются неразработанностью эффективных видов научных публикаций.

Если оригинальные публикации выходят медленно, то даже самые оперативные вторичные публикации не ускоряют доведения информации до специалиста. Целенаправленному распространению научной информации не способствуют также книги с широкой тематикой и нетематические сборники без точного читательского адреса.

Своевременная информация о новейших научных достижениях значительно способствует ускорению технического прогресса. Однако традиционные виды первичной информации — монографии, статьи в сборниках и журналах имеют существенный недостаток: большой информационный интервал, т. е. период времени между завершением научно-исследовательской работы и информированием специалистов о полученных результатах. Этот интервал обычно равен 2—3 годам, а для некоторых изданий и больше.

Вторичные виды научной информации — рефераты, аннотации и библиографические описания — помогают специалистам ориентироваться во все возрастающем числе первичных публикаций и даже неопубликованных документов. Они значительно повышают надежность отбора релевантных работ, но не сокращают информационного интервала, а даже увеличивают его на время, необходимое для выпуска реферативно-библиографических изданий.

В результате специалисты довольно часто получают устаревшие сведения. Положение в сущности не меняется и с внедрением информационно-поисковых систем, разрабатываемых на основе традиционных первичных и вторичных публикаций.

Поэтому многие ученые обеспокоены этим положением. «Существующие виды научных документов, — пишет акад. А. Н. Несмеянов, — сложились эмпирически в результате векового опыта. До сих пор не исследовано, насколько они отвечают требованиям современной науки... Ученые пока не располагают иными возможностями для распространения и сохранения во времени результатов своего труда. Все предложения относительно замены существующей системы научных публикаций являются в значительной мере умозрительными. Вопрос, однако, становится все более острым»¹. По мнению акад. М. Д. Миллионщикова, стремительный поток литературы сдерживать нельзя, а необходимо быстрее печатать все, что заслуживает публикации, вводить экономные формы издания².

По сведениям, приведенным акад. П. Л. Капицей в 1966 г., в США считают, что американские ученые делают $\frac{1}{3}$ мировой науки (по числу публикаций), а советские ученые — $\frac{1}{6}$, т. е. их производительность меньше приблизительно в 2 раза (при равном числе научных работников)³. Конечно, это сравнение не бесспорно и требует уточнения.

Проф. А. И. Михайлов отмечает, что расходы страны на научные исследования составляют 13 млрд. руб.⁴ При этом стоимость исследования возрастает пропорционально квадрату числа ученых, занятых в этом исследовании, а «научный продукт» (открытия, изобретения, публикации) увеличивается пропорционально корню квадратному из

¹ Несмеянов А. Н. Предисловие. — В кн.: Основы научной информации. М., 1965, с. 10.

² Миллионщиков М. Д. Наука и книга. — «Правда», 1966, 15 дек.

³ Капица П. Л. Слово о прогрессе. — «Комс. правда», 1966, 20 янв.

⁴ Михайлов А. Научно-техническая информация и эффективность науки. — «Коммунист», 1971, № 16, с. 98—106.

этого числа (например, если число ученых возросло в 2 раза, то стоимость исследований — в 4, а «продукт» — только в 1,4 раза).

Проф. А. И. Михайлов отмечает, что наряду с быстрым ростом числа публикаций происходит увеличение удельного веса непубликуемых материалов, рост различных данных, не попадающих в систему научной коммуникации.

Отмечая недостатки, связанные с несвоевременным опубликованием оригинальных научных трудов, полезно ознакомиться с различными типами научных изданий, в особенности новых, выпускаемых и распространяемых учреждениями самостоятельно, без помощи издательств.

Четкое представление о назначении этих изданий и разработка основных принципов новых видов оригинальных научных публикаций необходимы для более оперативного доведения до специалиста новой информации.

Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР утвердила новую «Инструкцию о порядке присуждения ученых степеней и званий» (М., 1972), согласно которой опубликованными работами считаются монографии, статьи, выходящие платными изданиями и любым тиражом. К ним приравниваются депонированные рукописи научных работ, аннотированные в научных или реферативных журналах, тезисы докладов, сделанных на всесоюзных или республиканских научных конференциях и совещаниях, а также авторские свидетельства на изобретения и дипломы на открытия.

В соответствии с этой Инструкцией к опубликованным работам приравниваются алгоритмы, программы, методические и инструктивные материалы по программированию и алгоритмическим языкам, включенные в Государственный фонд алгоритмов и программ.

Комитет по печати при Совете Министров СССР утвердил «Положение о порядке издания министерствами, комитетами, ведомствами и организациями печатной продукции» (М., 1971). В соответствии с Положением все учреждения страны имеют право издавать самостоятельно, т. е. без согласования с вышестоящими инстанциями и без издательств, внутриведомственные и межведомственные служебные материалы, включая циркуляры, методические рекомендации и указания, инструкции, программы и материалы по математическому обеспечению электронно-вычислительных машин; каталоги (в том числе иллюстрированные), библиографические указатели литературы, краткие тезисы докладов и сообщений к предстоящим научным и научно-техническим совещаниям, съездам, конференциям, симпозиумам, семинарам, проведение которых утверждено в установленном порядке.

Наряду с этим, научные учреждения Академии наук СССР и академий наук союзных республик с разрешения Академии наук СССР имеют право издавать самостоятельно оперативные информационные материалы, в том числе препринты докладов и сообщений объемом до 3 печ. листов⁵.

В Академии наук СССР разработаны меры по упорядочению изданий, осуществляемых научными учреждениями самостоятельно, строго регламентирован выпуск тематических по профилю института сборников научных трудов по важнейшим научным и научно-техническим проблемам, а также материалов конференций, съездов, симпозиумов, проводи-

⁵ Обычно текст зачитываемого доклада занимает 20—25 стр. машинописи, а сообщения — 7—8 стр., поэтому установленный объем препринтов (до 3 печ. л.) мало оправдан.

мых в соответствии с планами Президиума Академии наук СССР, согласованными с Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике. Упорядочивается выпуск оперативно-информационных внутриведомственных, межведомственных и других материалов.

Для совершенствования научных изданий важное значение имеет научно-исследовательская и информационная работа, проводимая такими учреждениями, как Всесоюзный институт научной и технической информации, Всесоюзный научно-исследовательский институт классификации и кодирования, Всесоюзная книжная палата, Центральное бюро научно-технической информации по печати, а также работа, проводимая многими международными организациями.

В результате коллективных усилий разработаны и утверждены Государственные стандарты по системе информационно-библиографической документации, которые могут быть основой для совершенствования всех изданий, включая научные.

Большое значение имеет «Руководство по подготовке научных работ для опубликования»⁶, утвержденное ЮНЕСКО в 1968 г. В нем, в частности, указывается, что рукопись не должна представляться для опубликования, если она была опубликована или принята для опубликования в другом месте. В соответствии с «Руководством» автор обязан указать категорию представляемой работы: а) оригинальная научная статья, б) публикация, имеющая временный характер, или предварительное сообщение, в) тематический обзор.

Препринты, депонированные рукописи как новые виды научных документов явились некоторым выходом из затруднений, связанных с опубликованием результатов исследований, выполняемых научными учреждениями Академии наук СССР и академий союзных республик. Что же такое препринт?

Слово «препринт» (от англ. pre — до, пред, впереди, заранее, print — оттиск, печать, печатное издание, печатать) еще широко не вошло в отечественную общую словарно-энциклопедическую и научную литературу. Только в некоторых специальных изданиях дано толкование этого понятия.

В англо-русском полиграфическом словаре preprint имеет три значения: 1) сигнальный экземпляр, 2) заранее отпечатывать; заранее печатывать, 3) часть произведения, опубликованная до выхода в свет всей книги⁷. В словаре по научной информации «препринт» означает «оттиск текста научного сообщения, публикуемый с целью быстрого ознакомления с ним узкого круга специалистов»⁸.

Приведенные толкования понятия «препринт» далеко не соответствуют значению, распространенному в научно-издательской практике. В научно-теоретических работах по информатике и книговедению встречаются следующие определения понятия «препринт».

В монографии А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского дано такое определение: «Препринтами (или предварительными публикациями) принято называть отдельные оттиски статьи или какой-либо другой работы, изготовленные типографским способом до ее официального опубликования в очередном номере периодического издания и пред-

⁶ Руководство по подготовке научных работ для опубликования. — «Науч.-техн. информация» (ВИНИТИ). Сер. 1, 1969, № 6, с. 24—28.

⁷ Англо-русский полиграфический словарь. М., 1962, с. 306.

⁸ Терминологический словарь по научной информации. М., 1966, с. 271.

назначенные для рассылки ограниченному кругу заинтересованных лиц»⁹. Возникновение препринтов подготовлено системой отрисовки статей, передаваемых авторам для рассылки своим коллегам.

Довольно широко толкуется понятие «препринт» в материалах Комитета научно-технической коммуникации Национальной Академии наук и Академии технических наук США¹⁰. Здесь к препринтам отнесены формы передачи информации, включающие черновики рукописей и законченные работы, полностью подготовленные к печати, а также копии отчетов и материалов конференций, независимо от того, будут ли их публиковать.

Такое расширительное толкование понятия «препринт» основывается на буквальном понимании слова «предварительный». Однако на практике текст, набранный типографским способом, является, как правило, окончательным, утвержденным к выпуску в свет. Отредактированная рукопись может быть размножена в необходимом количестве экземпляров с помощью современных копировальных средств, минуя наборные процессы. Даже депонированная рукопись, хранящаяся в одном или двух экземплярах, считается окончательно подготовленным изданием, опубликованным научным трудом, который может включаться в список научных работ, наряду с монографиями и журнальными статьями.

Названия «принт», «препринт», «репринт», «постпринт» буквально отражают время печати материала относительно его обсуждения. Обычно это не имеет существенного значения для потребителя, которому важнее абсолютное время.

В отечественной научной литературе отсутствуют работы, специально посвященные исследованию вопроса о препринтах. Имеются лишь отдельные замечания и высказывания, которые можно разделить на две основные группы. В первой из них препринты представлены как предварительные публикации, по существу, не имеющие самостоятельного значения. Во второй — препринты считаются панацеей от всех затруднений, т. е. таким видом научной публикации, который может заменить значительную часть существующих изданий.

А. И. Михайлов, А. И. Черный и Р. С. Гиляревский в первом издании монографии относят препринты вместе с переводами, диссертациями и авторефератами к промежуточным формам публикаций¹¹. Во втором, переработанном издании этой же монографии препринты относятся к неопубликованным документам, вместе с отчетами о научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах и информационными картами¹².

В обоих изданиях к препринтам относятся работы, выпускаемые небольшим тиражом и предназначенные для обсуждения, проводимого с целью подготовки окончательного текста в соответствии с полученными критическими замечаниями. В качестве примеров приводятся тексты докладов и выступлений на конференциях, словники и макеты отдельных томов энциклопедий и справочников, подготовительные материалы к терминологическим словарям, спискам дескрипторов, тезаурусам, предварительные издания учебников, руководств и др.

⁹ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы научной информации. М., 1965, с. 101.

¹⁰ Вопросы научной и технической информации в США. Актуальные проблемы и пути их решения. Киев, 1970, с. 89.

¹¹ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Указ. соч., с. 101.

¹² Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1968, с. 106.

В. В. Налимов и З. М. Мульченко характеризуют распространение зарубежных препринтов следующим образом. Около 90% препринтов публикуются впоследствии в виде статей. Некоторые препринты сопровождаются надписью: «В таком виде не предназначаются для публикации» и выпускаются без редактирования, что значительно ускоряет их выход¹³.

Противоположного мнения придерживаются другие авторы.

В работе А. К. Матвеева представлена следующая эволюция печатных изданий. Книги, распространявшиеся до середины XIX в., во второй половине XIX и начале XX в. заменяются статьями. С середины XX в. на смену статьям приходят «мобильные» рефераты. В настоящее время рефераты заменяются более мобильными препринтами, которые не оформляются ни в статью, ни в брошюру, ни в книгу. На смену препринтам в будущем придут электронно-вычислительные машины¹⁴.

Приведенные точки зрения свидетельствуют о неразработанности изучаемого вопроса. По одним представлениям, препринты не являются полноценными научными публикациями, по другим — заменяют почти все виды публикаций.

А. К. Матвеев ставит под сомнение целесообразность в будущем всех существующих сейчас видов изданий. С этим трудно согласиться. Во-первых, развитие не обязательно должно сопровождаться заменой, а в данном случае, по существу, не наблюдается никакой замены. Во-вторых, препринты оформляются и в статьи, и в брошюры, и даже в книги. В-третьих, ЭВМ не только в будущем, но и теперь находит большое применение и для подготовки научных изданий, но при этом печатные виды информации — книги, статьи, рефераты — не исчезают и вряд ли когда-либо исчезнут. Да и сам А. К. Матвеев свою работу оформил в виде статьи, именно статьи, а не реферата или более «мобильного» препринта.

На представленной А. К. Матвеевым эволюции публикаций можно было бы не останавливаться, если бы он был одинок. В научных учреждениях встречаются специалисты, которые стремятся многие традиционные издания заменить препринтами.

Свидетельством актуальности и сложности проблемы может служить, например, обсуждение доклада акад. М. Д. Миллионщикова «О структуре изданий Академии наук СССР» на заседании Президиума Академии наук СССР 12 октября 1972 г.

Мнения ученых о выпуске препринтов разделились. Академики С. Н. Вернов, П. Л. Капица, В. А. Котельников и А. М. Прохоров выразили сомнение в целесообразности издания препринтов. Акад. П. Л. Капица указал на то, что препринты не обладают правом приоритета, так как на них нет подписки, их невозможно свободно купить или приобрести.

За рубежом вопросы выпуска препринтов довольно часто обсуждаются на страницах научных журналов. В известном журнале «Physics Today» за один год помещено девять работ о препринтах (1966, v. 19). Особенно много материалов по вопросам научных изданий публикуется в «Journal of Chemical Documentation». Только в одном номере этого журнала (1963, № 2) опубликовано восемь статей. Интересные работы помещены в 1969 (№ 1, с. 3—6), в 1972 г. (№ 2, с. 75—78). В них обсуждаются проблемы, связанные с подготовкой и выпуском препринтов,

¹³ Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. М., 1969, с. 49—52.

¹⁴ Матвеев А. К. Проблема предела ускоренного развития науки. — В кн.: Философия и естествознание. Воронеж, 1969, с. 28—29.

включая редактирование, реферирование, использование, а также возможность замены препринтами журналов и продолжающихся изданий.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что в некоторых странах, например, в США, препринты издаются не только в виде отдельных брошюр, но и в виде сборников. Объемы некоторых из них достигают 600 страниц, а тиражи — 3500 экз.

Изучение отечественной и зарубежной литературы убеждает, что нет однозначного определения понятия «препринт». К препринтам относят: 1) предварительные публикации докладов, сообщений, статей, отдельных частей произведения до их официального выпуска в свет; 2) отдельные оттиски статьи или другой работы, сделанные с того же набора; 3) любые материалы, предназначенные для обсуждения с целью подготовки окончательного текста, включая словники и макеты словарей, справочников, учебников; 4) все издания (!), отпечатанные на ротпринтах.

В большинстве случаев препринт — это предварительный вид издания, за которым может последовать (без изменений или с некоторыми изменениями) официальная публикация.

При всей противоречивости суждений можно утверждать, что препринтами в СССР не считаются материалы, опубликованные в порядке обсуждения в журналах и сборниках, даже если они обозначаются как «предварительные сообщения». Препринт — это работа, опубликованная как самостоятельное отдельное издание.

В Академии наук СССР и академиях наук союзных республик ведется постоянная работа по совершенствованию подготовки и выпуска научных изданий. На ученых советах научных учреждений, на комиссиях редакционно-издательских советов Академии наук СССР и академий наук союзных республик обстоятельно обсуждаются предложения об отборе и включении лучших работ в текущие и перспективные планы изданий. При этом уточняются объемы, тематика, очередность выпуска. Общий объем заявок на издания ежегодно увеличивается, что требует значительного расширения полиграфической базы.

Наряду с системой депонирования рукописей, предназначенных для узкого круга специалистов, особенно большая работа проводится по упорядочению выпуска тематических сборников, трудов конференций и оперативно-информационных материалов, осуществляемых научными учреждениями самостоятельно.

Однако темпы роста научных исследований настолько стремительны, что проводимая работа оказывается недостаточной. Издательско-полиграфическая база по срокам и даже объему не справляется с выпуском исследовательских материалов. Поэтому важное значение приобретают разработка и внедрение более оперативных и эффективных видов издания.

Научные учреждения широко используют право самостоятельного выпуска тематических сборников научных трудов, материалов конференций, съездов и симпозиумов, а также оперативных информационных материалов, включая препринты. О количестве выпускаемых препринтов можно судить при сравнении следующих статистических данных. В 1971 г. все издательства двойного подчинения (Государственному комитету Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и соответствующему ведомству), куда входит издательство «Наука» и издательства академий наук союзных республик,

выпустили всего лишь 359 брошюр¹⁵. Между тем только в Объединенном институте ядерных исследований выпускается более 600 препринтов в год.

Установлено, что препринты выпускаются неравномерно по различным областям наук. Так, в учреждениях секций наук о Земле и секции химико-технологических и биологических наук препринты выпускаются редко. Около 70% препринтов выпускается в области физико-технических и математических наук.

Представляет интерес более подробное рассмотрение выпуска препринтов, осуществляемого Институтом прикладной математики АН СССР, Институтом земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР и Объединенным институтом ядерных исследований.

Институтом прикладной математики Академии наук СССР изданы сотни препринтов, причем, например, из 94 препринтов 1971 г. 7 выпущено на английском языке. Средний объем препринта составляет два авторских листа, средний тираж — 130 экз.

В большинстве препринтов отражены непосредственные результаты научных исследований, т. е. издания представляют собой оригинальные научные труды. Встречаются препринты обзорного характера. Сюда, например, можно отнести работу Р. П. Федоренко «Интеграционные методы решения разностных эллиптических уравнений» (объем 26 с.), а также препринт, подготовленный коллективом авторов — «Исследование задач магнитной радиационной газодинамики численными методами на ЭВМ».

Некоторые рукописи в институте готовятся не только для выпуска в виде препринтов, но и одновременно для депонирования. Таким образом, один и тот же материал может быть опубликован трижды (с учетом практики публикации в научных журналах и сборниках).

Институтом проводится многократное информирование о выпуске препринтов. Как правило, препринты сопровождаются аннотациями и рефератами на русском и английском языках. На депонированные рукописи помещаются рефераты в соответствующем реферативном журнале ВИНИТИ АН СССР и Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике.

Кроме того, издается специальный «Реферативный бюллетень», который содержит рефераты всех научных работ (препринтов, отчетов, инструкций и т. д.), выполненных в Институте и изданных на ротапринте. Объем реферата обычно не превышает одной машинописной страницы. Имеются иногда аннотации из двух-четырёх строк, по существу повторяющих название препринта. Тираж бюллетеня 100—150 экз.

Большинство препринтов имеет объем не более трех печатных листов. Однако некоторые работы выходят двумя-четырьмя выпусками. Например, препринт «Экономические аддитивные схемы с уравнениями в графах» (автор И. В. Фрязинов) опубликован в трех брошюрах общим объемом 106 страниц.

Препринты Института прикладной математики оформляются довольно тщательно. Обложки печатаются типографским способом в две краски. На первой странице обложки ставится фирменный знак Института, указывается порядковый номер препринта в течение года. Основной текст набирается на машинке и печатается на ротапринте. Выдерживается постоянный формат 60×90/16.

¹⁵ Печать СССР в 1971 году. Стат. материалы. М., 1972, с. 9.

Препринты 1972 г. имеют ключевые слова, которые даются на обороте титульного листа, после текста аннотации.

Институт земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР выпускает препринты объемом от 12 до 69 стр., в среднем — 24 стр. Тираж составляет 70—150 экз.

Препринты сопровождаются аннотациями и рефератами на русском и английском языках, некоторые из них полностью публикуются на английском языке.

Каждый препринт имеет приложения в виде иллюстраций и таблиц. Как правило, приводятся списки литературы, в которых содержится большое число библиографических описаний.

Большой интерес представляет «Положение о порядке представления препринтов к публикации в ротاپринтную ИЗМИРАН». В нем препринт определен как предварительное сообщение в виде краткого изложения основных научных достижений. Указано, что препринт не является препятствием для публикации на эту тему более развернутой статьи в любом научном журнале. Установлен его максимальный объем в 12 машинописных страниц (в новом разрабатываемом положении предусмотрено увеличение объема до 25 страниц). Изложены порядок представления препринтов к печати и основные обязанности ответственных лиц. В частности, автор обязан представить материалы для размножения в подготовленном для фотографирования виде и оформлять издание к выпуску в свет.

В Положении Института препринт, по существу, получает право приоритета. В международной практике издания с ограниченным распространением не имеют такого права.

Издательско-полиграфическое оформление препринтов ИЗМИРАН выполняется не так тщательно, как в Институте прикладной математики. Здесь не выдерживается единый формат; обложки бесцветные с машинописным шрифтом; разного оттенка печать основного текста затрудняет чтение.

Заслуживает изучения опыт по выпуску и обмену препринтов Объединенного института ядерных исследований. Этот опыт, как и опыт рассмотренных учреждений, если не считать краткой статьи М. Лебеденко¹⁶, совершенно не освещен в печати.

Ежегодно Институтом издается более 600 препринтов. Их средний тираж — 500 экз. Как правило, в виде препринтов выпускаются оригинальные работы, а иногда — обзоры об использовании электронно-вычислительных машин, об алгоритмических языках и т. п. Объем препринта колеблется в пределах 0,6—1,6 уч.-изд. листа. Многие препринты являются коллективными трудами. Срок издания около месяца с момента поступления рукописи в издательский отдел до подписи в печать.

Следует отметить высокое качество оформления выпускаемых препринтов. Тексты, в особенности сложные, набираются на наборно-пишущих машинках, часто с выключкой строки. Заголовки набираются на специальных машинках. На ротапринте обеспечивается высокое качество печати как основного текста, так и иллюстраций, включая тоновые.

В препринтах даются полные выходные данные, с указанием фамилии редакторов и работников, ответственных за подготовку материала к публикации, а также тиража, объема, даты поступления рукописи в издательский отдел и подписи в печать.

Институт широко информирует заинтересованные учреждения о выпуске препринтов. Краткие рефераты на русском и английском языках

¹⁶ Лебеденко М. Наш опыт работы. — «Полиграфия», 1971, № 7, с. 24.

вкладываются в издания, а также рассылаются отдельно от препринтов вместе с другими информационными материалами; организуются выставки выпускаемой литературы в библиотеках, в Политехническом музее; издается экспресс-бюллетень «Статьи» с информацией о статьях по тематике Института, опубликованных в советской и зарубежной периодике.

Выпускаются списки препринтов, получаемых Институтом. Препринты рассылаются постоянным адресатам — научным учреждениям, библиотекам и отдельным специалистам более чем в 50 стран мира.

Рукописи некоторых препринтов направляются для публикации в научные журналы в качестве статей.

Большинство препринтов, выпускаемых Институтом прикладной математики АН СССР, Институтом земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР и Объединенным институтом ядерных исследований, представляют собой не предварительные сообщения, а законченные оригинальные научные труды.

Несомненным достоинством препринтов является быстрота их подготовки и выпуска, что в основном определяется малым объемом издания и выпуском препринтов учреждениями самостоятельно, с наименьшим числом согласований.

Однако в выпуске оперативного вида научных публикаций можно увидеть и существенные недостатки.

Предельный объем препринта в 3 печ. листа установлен Комитетом по печати в 1971 г. Теперь под модным названием «препринт» трудно выпустить монографию или сборник. Однако в некоторых учреждениях находят, при необходимости, выход из создавшегося затруднения: делят работу на несколько частей с самостоятельными подзаголовками или без них и выпускают как «препринт».

Даже в учреждениях с большим издательским опытом при издании препринтов отсутствует какая-либо регламентация выпусков в зависимости от ценности содержания. Поэтому порой трудно отличить оригинальную работу от компилятивной, обзорной или переведенной с другого языка.

На редакционно-издательской подготовке большинства препринтов лежит печать поспешной самодельности и кустарщины. Зачастую они труднодоступны.

Предварительный характер публикации вызывает к ней соответствующее отношение на всех этапах создания и использования. Препринт воспринимается как черновой вариант рукописи, как нечто второстепенное, недоработанное, не заслуживающее серьезного внимания. Такое отношение объясняется и тем, что официально препринт отнесен к оперативно-информационным материалам и поставлен в один ряд со вторичными публикациями типа реферата, который не считается научным трудом.

Препринт не продается и его обычно получают лишь некоторые специалисты, знакомые автору и включенные в список для рассылки.

Труднодоступность препринта усугубляется незначительными тиражами их изданий. Максимальный тираж достигает 800 экз. в Институте теоретической физики Академии наук УССР и 400 экз. в Институте физики земли Академии наук СССР. Обычно тираж препринтов не превышает 150—200 экз. (как и авторефератов диссертаций, издаваемых на правах рукописи). Встречаются препринты, издаваемые тиражом 50 экз. Узнать о выпуске препринта также трудно, так как информация распространяется в лучшем случае среди узкого круга лиц. Препринты редко нумеруются, не выходят сериями. Все это приводит к тому, что они не доходят до многих заинтересованных специалистов, особенно из смежных отраслей.

Препринт менее доступен, чем депонированная рукопись, копию которой при необходимости все же можно получить. Труднодоступность препринтов нередко порождает их перепечатки в виде статей и т. п.

Большинство препринтов выходит без номинала, что вызывает к ним отношение как к бросовой литературе. Бесплатность означает не только убыточность, но и необходимость натурального обмена между научными учреждениями и отдельными специалистами.

С номиналом (иногда символическим) препринты выпускаются Научным советом по комплексной проблеме «Кибернетика», Институтом математики Сибирского отделения, Вычислительным центром и некоторыми другими учреждениями Академии наук СССР, а также учреждениями Академии наук УССР.

Следует заметить, что для государства, в лице учреждения, препринт — не бесплатное, а довольно дорогое издание. Расходы на оплату труда научных и технических сотрудников, затраты на приобретение оборудования и материалов, на производственные помещения — все оплачивается из бюджета.

Потребность в препринтах возникла в связи с конференциями, и во многих случаях они представляют собой окончательные тексты докладов.

Очевидно, препринты целесообразно выпускать не как регулярные научные издания, а как предварительные материалы ограниченного распространения, необходимые в исключительных случаях для всестороннего обсуждения важной и сложной проблемы.

На основе препринтов следует внедрить в практику новые виды оперативных научных публикаций, отличающихся прежде всего оригинальностью и законченностью содержания, высоким уровнем информационного и издательского оформления, надежностью распространения и получения, а также экономичностью.

Таким образом, препринты не только не заменили традиционных видов научных публикаций, но и не стали еще надежным самостоятельным изданием.

В настоящее время продолжается тенденция к уменьшению удельного веса оригинальных публикаций и к увеличению удельного веса вторичных изделий, которые пополняются новыми формами, включая справочно-информационные системы.

Вряд ли оправдано стремление некоторых специалистов к созданию универсального вида информации. Только реферат или препринт, только статья или книга не могут удовлетворять быстро изменяющихся и все усложняющихся требований науки и техники.

В теории и практике выпуска научной и информационной литературы наблюдаются две крайности. Академические издательства выпускают главным образом солидные монографии и тематические сборники научных трудов. В органах информации видно стремление к замене книг и журналов таким видом изданий, как карточки.

Некоторые специалисты в области информации и книговедения, в особенности зарубежные, выступают с острой критикой традиционных изданий и предсказывают приближение их конца. Эти пророчества достаточно основательно опровергаются книговедами¹⁷.

Конечно, традиционные издания имеют недостатки (основной — длительность их подготовки и выпуска), но от этих изданий рано отказываться, их можно и нужно совершенствовать.

¹⁷ Лихтенштейн Е. С. Всемирный праздник книги. — «Наука и жизнь», 1972, № 11, с. 20—24.

Толстые книги надежны и удобны в использовании. На подготовку и публикацию монографии уходит много времени, но живет она дольше, так как содержит преимущественно информацию, необходимую для развития фундаментальных наук. На подготовку сборника уходит меньше времени, живет он не так долго, как монография, но имеет значение для развития прикладных наук.

Журналы, несмотря на недостаточно специализированную тематику, не заменяются сборниками, карточками или газетами. Наоборот, они представляют такую форму распространения информации, к которой эволюционируют многие сборники, серийные и продолжающиеся издания.

Газете, самому оперативному виду издания, не достаёт основательности и полноты изложения. Газетные вырезки, при всех своих достоинствах, неудобны для дальнейшего хранения и использования.

Карточки важны специалистам в особенности на первом этапе исследования — для сбора литературы по проблеме и на заключительном этапе — для составления списка литературы. Но карточки не заменяют других видов изданий, особенно оригинальных публикаций, для обычного немашинного использования.

Необходимо бережно относиться к традиционным изданиям, которые эффективно служат науке и обществу.

Вместе с тем для эффективного, целенаправленного информирования специалистов нужны новые виды изданий, отвечающих требованиям оперативности, надежности и удобства использования.

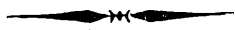
Представляет интерес депонирование рукописных работ, которое распространилось с 1971 г. не только на естественные и технические, но и на общественные науки¹⁸. Введение депонированных рукописей в систему научной коммуникации ценно особенно потому, что по существу новые, еще ненапечатанные материалы легко вводятся в научный обиход благодаря оперативному информированию и копированию.

Оттиски, известные со времен Ломоносова, в настоящее время довольно широко используются и у нас, и за рубежом. Авторы научных журналов Академии наук СССР получают 25 экземпляров оттисков своих работ для рассылки коллегам и требуют увеличения числа оттисков до 50 и более. В Швейцарии организован клуб по гастроэнтерологии, в который принимаются лица, приславшие 60 оттисков своей работы или работы лаборатории, а клуб обеспечивает своих членов оттисками, вышедшими по данной теме во всем мире. В перспективной части программы Международной федерации документации предлагается публиковать результаты научных исследований не в периодических изданиях, а отдельными оттисками.

Оттиски статей широко распространяются, хотя казалось бы, сроки выхода журналов довольно длительные, а сами оттиски дублируют статьи и неудобны для хранения. Все это подтверждает необходимость малых форм информации.

Разные виды научных изданий, дополняя друг друга, должны создавать гармоничную систему научных публикаций.

¹⁸ Инструкция о порядке депонирования рукописных работ по естественным, техническим и общественным наукам. М., 1971.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ — РЕДАКТОР

(К 80-летию со дня рождения)

Редакторская и литературно-педагогическая деятельность Всеволода Иванова продолжалась полвека — всю его «жизнь в искусстве». Для писателя, автора романов и повестей, пьес, рассказов, очерков, эссе, это были десятилетия поисков. Он искал новые темы, обращался к новым для себя жанрам, обретал новый стиль и отвергал то, что оставалось позади, в прошлом.

Тем более примечательно постоянство, с каким Иванов долгие годы выращивал литературные таланты. Как-то он заметил, что прочитывает до ста рукописей в год и зачастую очень больших¹. Невольно думаешь о том, сколько дней и часов оторвано у творчества, сколько новых книг мог бы он написать! Но сам Иванов считал иначе. В одной из его статей мы находим такое высказывание о Горьком-редакторе: «Он обладал чудесным педагогическим даром, и на примере его жизни мы видим, что без этого дара не может существовать подлинный писатель»². Эти слова очень точно характеризуют самого Вс. Иванова.

Говоря о Всеволоде Вячеславовиче как о воспитателе литературной молодежи, современники не раз вспоминали именно «школу Горького», из которой вышел когда-то и создатель «Бронепоезда», и многие другие писатели его поколения. «Максиму Горькому моей жизни», — пишет казахстанский прозаик Дм. Снегин, даря Иванову одну из своих книг³. «Я смотрел на него, как на Горького, — вспоминает владивостокский писатель М. Матюшин. — Этот светлый человек помог многим пишущим обрести свое профессиональное «я»⁴. «Искренне радуется он каждому новому таланту. Это у него от Максима Горького», — восстанавливает впечатления от встреч с Вс. Ивановым и читинец В. Никонов⁵.

¹ Иванов Вс. Поддерживать стремление к исканиям. — «Вопр. литературы», 1962, № 9, с. 104.

² Иванов Вс. Встречи с Максимом Горьким. — Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М., 1960, с. 494. Далее ссылки на источник цитат приводятся в тексте по этому изданию (римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

³ Снегин Д. Ф. На дальних подступах. Алма-Ата, 1948. Книга хранится в личной библиотеке Вс. Иванова.

⁴ Письмо М. И. Матюшина от 20 янв. 1973 г. к автору данной статьи. (Цитируемые далее без ссылки на источник письма хранятся в личном архиве Е. Л. Цейтлина).

⁵ Никонов В. Г. В горах мое сердце. Ср. Всеволодом Ивановым по Забайкалью. Иркутск, 1966, с. 62.

Эти наблюдения не кажутся преувеличенными. Иванова часто сравнивали с Горьким; в 20-е годы, например, появилась статья о его творчестве под весьма характерным названием: «Новый Горький»⁶. Такие параллели точны не всегда. Но в данном случае сравнение оправдано. Иванов учился у Горького не только писательскому, но и литературно-педагогическому мастерству.

Он стал редактором по призванию, по «необходимости души». Где же истоки этого призвания? Они — и в традиционной для русских писателей заботе о «смене своей», и в вечной ивановской тревоге о судьбе Книги.

Книга в его жизни занимала ни с чем не сравнимое место. Прав мемуарист, замечаящий, что «нигде цельность его натуры не сказывалась с таким пленительным изяществом, как в его отношении к *книгам*»⁷.

Книга была школой Иванова. Как к чему-то сокровенному, тянулся он в детстве к тоненьким брошюркам, которые на выпрошенные у отца пятаки покупал на маленькой сельской ярмарке. Книги были с Ивановым в его бесконечных скитаниях по белому свету, — и когда он был подручным приказчика или матросом, и в несколько странной роли «шпагоглотателя» и «факира».

Любовь к книге привела, наконец, Иванова в провинциальную типографию, где он быстро овладел едва ли не всеми типографскими профессиями. Об этой поре жизни писатель с легкой печалью рассказал в своих творениях, а в одной из автобиографий заметил коротко: «Работал много лет — с перерывами — до 1920 года в сибирских типографиях и закончил типографское свое совершенство газетным выпускающим»⁸. Добавим, что в 1918 г. Вс. Иванов был избран секретарем Западно-Сибирского бюро рабочих печатного дела, с увлечением отдался этой деятельности, редактировал бюллетени бюро.

Очень рано проявилась тяга Иванова к издательской и редакторской работе. До революции он не раз мечтал вместе с друзьями создать независимое издательство или журнал. Мечты эти были почти нереальны, но Иванову не хотелось от них отступать. Он стал заниматься издательской работой, являя в одном лице редактора, наборщика, корректора... В 1916 г., в Кургане, он готовит к печати, сам набирает и на собст-

⁶ Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Вс. Иванов). — «Современник», 1922, кн. 1, с. 155—169.

⁷ Асмус В. Человек. — В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек. Воспоминания современников. М., 1970, с. 276.

⁸ Иванов Вс. Автобиографическая справка. — В кн.: Красноярский краевой театр драмы им. Пушкина. Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69». К постановке в Краснояр. краевом театре драмы им. А. С. Пушкина. Красноярск, 1936, с. 6.

венный скромный заработок издает стихи сибирского поэта Кондратия Худякова, в талант которого очень верил. Посылая эту книгу Горькому, Иванов с гордостью рассказал Алексею Максимовичу о том, как «был редактором».

15 апреля 1918 г. в Омске была выпущена литературная газета под названием «Согры». На этот раз Иванов был не только редактором, наборщиком, автором большинства материалов, но даже распространителем газеты. «Еженедельник цеха пролетарских писателей и художников Сибири», — читаем мы возле названия. «Цех» Иванов создал вместе с несколькими энтузиастами, в уставе «Цеха» имелся и такой пункт: «Организовать издание журналов, газет и вообще трудов пролетарских писателей». Всему этому не суждено было сбыться — вышел лишь первый и единственный (из-за недостатка средств) номер «Согр».

Эта газета чрезвычайно важна для понимания мирозерцания молодого редактора. Цель ее Иванов видел в объединении молодых пролетарских писателей; в передовой статье он сравнивал их с сограми — «молодой, буйной порослью», которая растет «на высыхающих болотах». Передовая заканчивалась призывами «Да здравствует молодость! Да здравствует искусство! Да здравствует революция!»⁹. Молодость, искусство, революция... Понятия эти лежали для Иванова в одной, главной, плоскости.

Автор «Бронепоезда 14-69» мог бы лишь улыбнуться вопросу, который в дни революции и после нее задавали себе иные старые издатели и редакторы: «... нужна ли сейчас книга вообще?»¹⁰ Иванов хорошо понимал, как важна для развития литературы, для культурного строительства страны «работа, проделываемая издательствами». Эта работа «чрезвычайно трудна и чрезвычайно ответственна, и мы должны помогать как можем!» — напишет он позже, в 1928 г.¹¹

Не случайно, перелистывая далее страницы биографии Вс. Иванова, мы видим его в качестве члена правления и редактора созданного в 1922 г. в Москве кооперативного издательства писателей «Круг». Не много известно о работе Иванова в «Круге». Встречаются лишь упоминания об этом в автобиографической «Истории моих книг», в письмах. Но в одном из ивановских черновиков есть такая запись: «В «Круге» ко мне отнеслись хорошо, и я вообразил, что литература — это торжественно, а то и вприсядку, радостный танец»¹².

В конце 1927 г. Вс. Иванов принимает предложение стать членом редколлегии и редактором художественного отдела журнала «Красная новь», журнала, где он блистательно начал свой путь в «большую литературу»: в первом номере «Красной нови» была напечатана повесть «Партизаны»; большинство его произведений 20—30-х годов также печатались здесь. Бережное отношение к авторской индивидуальности, доброжелательность, тонкий художественный вкус, высокий редакторский профессионализм — все эти качества привлекали в Иванове и авторов, и товарищей по редакции. «Я проработал в журнале три года, — вспоминает бывший ответственный секретарь редакции писатель Н. И. Анов. — При мне сменилось три редактора. Но Всеволод Иванов, оставаясь неизменным членом редколлегии, все время ведал прозой и поэзией. Авторитет у него был огромный»¹³.

⁹ «Согры», Омск, 1918, 15 апр., № 1.

¹⁰ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917, с. IX.

¹¹ Писатели об издательствах. — «На лит. посту», 1928, № 17, с. 72.

¹² Материалы личного архива Вс. Иванова.

¹³ Анов Н. Старый друг. — В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 62.

Естественно, что Иванов принимал активное участие в изданиях, организованных Горьким в начале 30-х годов. Он был одним из самых деятельных членов редколлегии альманаха «Год ...», вел большую работу в качестве одного из руководителей Главной редакции «Истории заводов».

В те годы, когда протекала редакторская и литературно-педагогическая деятельность Вс. Иванова, складывались новые формы работы с авторами. Создавались литературные кружки и объединения, стали проводиться совещания и семинары молодых литераторов, возникла целая система литературной учебы. Вс. Иванов был среди тех писателей старшего поколения, которые начинали это большое и важное дело. Он обращался к произведениям начинающих и как литературный консультант, и как издательский рецензент, и как профессор и председатель экзаменационной комиссии Литературного института им. А. М. Горького, и как председатель приемной комиссии Союза писателей РСФСР. И просто как «один из зачинателей советской литературы», «живой классик», к которому молодые шли за помощью, советом, напутствием.

Эта работа с авторами — во многом сродни редакторской. Конечно, рукопись не готовится здесь к печати. Но теми же, что и при редактировании, остаются критерии оценки произведений, его анализ. Поэтому литературно-педагогическая деятельность писателей привлекает теоретиков редактирования.

Вс. Иванов — редактор, литературный наставник. Эта сторона деятельности большого советского писателя еще не становилась предметом исследования.

Вс. Иванов сам однажды заметил, что не завидует литературоведам, которые будут исследовать его произведения. Иванов не переставал удивлять своих читателей. Если сравнить его книги разных лет, трудно поверить, что их автором был один человек. И после смерти писателя критики продолжают говорить о «новом», «неожиданном» Иванове: выходят ранее не известные, извлеченные из его архива произведения; дневники, заметки о литературе и искусстве, воспоминания современников. И опять новыми гранями открывается его талант, личность, судьба.

Многое добавляет к привычным представлениям о Вс. Иванове и изучение его редакторской и литературно-педагогической деятельности.

Перед нами интересная, непрочитанная, таящая немало открытий страница творческой биографии писателя. В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, в личном архиве Вс. Иванова в процессе работы над данной темой было обнаружено около 300 неизвестных читателю редакторских резолюций, внутренних рецензий, отзывов, принадлежащих перу автора «Партизан»¹⁴. Красноречивы и результаты проведенных письменных и устных опросов 70 членов Союза писателей СССР, чьи первые рукописи читал Вс. Иванов. Полно и резко выявляются здесь его литературные пристрастия, которые отнюдь не были неизменными, его эстетика, его этический идеал.

Чрезвычайно плодотворно изучение редакторской работы Вс. Иванова и для теории редактирования. Подводя некоторые итоги и намечая

¹⁴ Часть этих материалов опубликована мною. См.: Всеволод Иванов — критик. — «Лит. газ.», 1972, 9 февр., с. 7; Иванов Вс. «Без любви искусство невозможно». — Там же, 1973, 7 февр., с. 7; Иванов Вс. «Все дело в таланте». — Там же, 1974, 13 марта, с. 7; Уроки Вс. Иванова. — «Лит. Киргизстан», 1973, № 2, с. 122—125. Литературно-педагогическая концепция писателя-редактора и его работа над стилем авторской рукописи рассмотрены в моих статьях: «Искания и находки Всеволода Иванова» («Сибирские огни», 1973, № 9, с. 138—152) и «В защиту живого слова» («Урал», 1974, № 7, с. 127—136).

дальнейшие пути развития этой научной дисциплины, Н. М. Сикорский констатировал, что долгое время внимание ученых привлекала лишь организаторская деятельность выдающихся русских писателей-редакторов, их идейно-творческие принципы и взгляды, к сожалению, за скобками исследований нередко оставался живой опыт, методы, стиль писателей-редакторов, их критерии оценки рукописи¹⁵.

Практика Вс. Иванова — редактора, литературного педагога дает обширный материал для рассмотрения некоторых насущных проблем редакторского мастерства, для того, чтобы представить процесс редакторского творчества.

Вс. Иванов часто задумывался о трудном редакторском искусстве — писал об этом в статьях, говорил в интервью. После его смерти были прочитаны дневники, которые он вел долгие годы. И здесь также немало записей о редактировании — записей, глубоких по мысли, порою резких, но всегда очень искренних.

Эти размышления Иванова были продиктованы прежде всего пониманием важности редакторского дела, которое он считал «делом очень интересным и привлекательным»¹⁶. Но этот интерес обуславливался и еще одним — грустным — обстоятельством.

Едва ли не в течение всего своего литературного пути писатель встречал непонимание со стороны редакторов. Он был художником резко индивидуальным, ни на кого не похожим. Стиль его произведений часто как бы выпадал из некоего «среднего» стиля литературного потока. Но иным редакторам так хотелось уложить ивановские творения в привычные, удобные схемы. «Не напечатали», «испортили»... — нередко находим мы в дневнике записи, свидетельствующие о судьбе многих произведений Иванова 30—50-х годов. Долгие годы в представлении читателей он оставался лишь автором нескольких хрестоматийных вещей — «его меньше издавали, больше переиздавали», — с горечью замечал В. Б. Шкловский¹⁷. Но как часто и при переизданиях редакторский карандаш отсекал очень дорогое и важное для художника. И в дневниках писателя можно встретить записи с протестом против редакторского своеволья и «диктаторства».

Через все высказывания Иванова о редакционно-издательской работе проходит одна мысль: «... без страсти нельзя не только писать книги, но и издавать их» (VIII, 612).

Он часто критикует книги, изданные «без страсти», и людей, выпускающих их. В 20-е годы, отвечая на анкету «Писатели об издательствах», резко протестует против нетворческого, механического подхода к книжному делу. Иванов рисует грустную и не столь уж редкую, на его взгляд, картину: «...книги лежат на складах, и в издательствах происходят замешательства — и финансовые и умственные, — и авторы правы, когда жалуются на путаницу и обиды». Издательства пытаются найти выход из этого положения, но «так как, — отмечает Иванов, — в редакционных кабинетах сидят зачастую люди безвкусные и торопливые, путающие великую тему с великими необходимостями текущего часа, то на рынок выпускается много негодных, бездарных и дорогих по цене книг»¹⁸.

Многие волновавшие его вопросы, связанные с работой издательства в 20—30-е годы, Иванов развивает в своих письмах к А. М. Горькому.

¹⁵ Сикорский Н. М. Теория и практика редактирования: итоги изучения, некоторые задачи. — «Книга. Исследования и материалы», 1966, сб. 13, с. 66—80.

¹⁶ Иванов Вс. Автобиографическая справка, с. 7.

¹⁷ Шкловский В. Всеволод Иванов. — В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 24.

¹⁸ Писатели об издательствах. — «На лит. посту», 1928, № 17, с. 72.

Он часто сообщает Алексею Максимовичу о выходе новых книг, об издательских буднях, высказывает свои мысли и сомнения.

Мысль о «необходимости строгой организации»¹⁹ работы редакций и издательств, о преодолении редакторского чиновничества и бюрократизма скрепляет, наполняет утверждающим пафосом резкие замечания, рассыпанные в письмах Иванова к Горькому. Ради этого в конце 1935 и в начале 1936 г. он сам беседует с многими авторами, пытается собрать точные сведения о том, «сколько времени идут книги по аппарату издательства»²⁰.

Анализируя полученные данные, Иванов поднимает в одном из писем к Горькому целый ряд «больных» вопросов в работе издательств. Прежде всего он говорит о проблеме так называемого среднего автора. Этому автору уделяют мало внимания и издательства, и Союз писателей; у него низкие и плохо выплачиваемые гонорары.

Но это лишь одна и далеко не главная сторона вопроса. Главное в том, что именно «средний автор» больше всего страдает от редакторского деспотизма.

Употребляя понятие средний автор, Иванов имеет в виду не художественную значимость произведения, а положение литератора в издательстве. Средний автор... Да, он и не классик, к которому «загипнотизированный» громким именем редактор боится подступить; и не графоман, чьи опусы отвергаются с ходу. Средний автор — основной, типичный автор издательства, но у него нет достаточного авторитета, умения противостоять «натиску» редакторского карандаша.

В защиту этого автора Иванов поднимает свой голос: «... надо подумать и о тирании, — я пишу об этом прямо, — редакторов. Хорошо, когда на недостатки указываете Вы или иной почтенный и опытный литератор, а когда малоопытные редактора, к тому же безумно занятые и вследствие этого читающие книги невнимательно, заставляют автора переделывать книгу по несколько раз, добывая из него гениальность, и когда книга лежит в портфеле издательства по году, не меньше... работать в этих условиях, Алексей Максимович, среднему писателю трудно...»²¹

Именно в нетворческой, а значит, полагал Иванов, в недобросовестной, неквалифицированной работе иных редакторов он видел основную причину того, что еще выходит в свет немало плохих, ненужных книг.

Естественно, Вс. Иванов нередко размышлял о том, каким должен быть советский редактор. В результате этих раздумий и сложилась его концепция редактирования, блестяще подтвержденная им на практике.

Нельзя не заметить, что многие из взглядов Вс. Иванова о роли и назначении редактора напоминают суждения по этому вопросу А. М. Горького. В статье «О пользе грамотности» Горький писал: «Редактор — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его»²². Интересно сравнить эти знаменитые слова с высказыванием Вс. Иванова из статьи об И. Касаткине. Он подчеркивает здесь, что критики и редакторы должны замечать и учить таланты — «учить мастерству, бережному и чуткому отношению к искусству, страху и восторгу перед искусством, перед святостью его» (VIII, 405).

Каков же был его идеал редактора? Вдова писателя вспоминает: «Всеволод всегда говорил: «Пусть судит о произведении тот, кто спосо-

¹⁹ Иванов В. с. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М., 1969, с. 76.

²⁰ Там же, с. 75.

²¹ Там же.

²² Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 24. М., 1953, с. 326.

бен понять и само произведение, и те задачи, которые ставил перед собой автор»²³.

Ему виделся редактор с тонким художественным вкусом, умеющий и почувствовать, увидеть образы, идеи писателя и развить их. Ведь, «говоря о воспитательной роли искусства, — обращает наше внимание Вс. Иванов, — мы не всегда учитываем счастье воспитания. Это счастье заключается в том, что знанию радуются не только воспитуемые, но и сам воспитатель» (VIII, 559).

Вс. Иванов внимательно следил за работой лучших редакторов своего времени. Его отзывы об их деятельности также говорят нам о том, как сам он понимал призвание редактора. В той же статье об И. Касаткине — редакторе журналов «Красная нива» и «Колхозник» — Вс. Иванов с восхищением рассказывает о редакционно-педагогической работе своего друга. Интересно его воспоминание о Л. Шмидте — секретаре и фактическом редакторе двухнедельника «Прожектор». «Л. Шмидт, — пишет Иванов, — обладал хорошим вкусом и умел привлекать в журнал настоящих литераторов и превосходных графиков. Поэтому «Прожектор» пользовался большим успехом не только у читателей, но и у писателей: сочетание редкое по отношению к так называемым «тонким» журналам» (I, 52).

Как видим, в ивановской концепции редактирования четко вырисовывается образ редактора-педагога, организатора, советчика писателя.

Анализируя работу Иванова-редактора, видишь, что он редко прибегал к правке как таковой (но и это была лишь правка-сокращение). Самой любимой и, по мнению Иванова, единственной приемлемой формой редактирования рукописи (речь идет о художественных произведениях) являлась для него беседа с автором с карандашом в руках, а если такой разговор был невозможен, — редакторское заключение, отзыв. Принципиально отказываясь от правки, Иванов, таким образом, никогда не навязывал автору собственное и, может быть, чуждое ему художественное решение.

Так категорично Вс. Иванов решал для себя один из главных вопросов редактирования — вопрос о границах редакторского вторжения в рукопись.

Мы знаем, что так же подходили к этой проблеме передовые русские писатели. Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Короленко, Горький многократно подчеркивали, что все существенные поправки должны вноситься в текст только самим автором.

Стиль Иванова-редактора мы поймем вполне, исследуя его редакторские заключения. Достоинства их — в глубине и тонкости анализа произведений, в объективности и доброжелательности тона.

В сущности, это тоже беседа. Любой отзыв Иванова представляет собой непосредственный разговор с писателем. Это беседа даже по характеру письма. Фразы здесь неприглаженные, передающие движение живой, нешаблонной мысли редактора. Мы видим, как она зарождается и развивается. Вот с какой неожиданной ассоциации начинается Вс. Иванов анализ повести В. В.: «— Ну, что ж..., — говорит в подобных случаях В. Шкловский, делает паузу и выпаливает какую-нибудь неприятность.

Мне повесть В. В. «Стригунки» не очень понравилась»²⁴.

²³ Иванова Т. В. Воспоминания, письма и комментарии к ним. — В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 300.

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, ед. 3236. В большинстве случаев мы не называем фамилии начинающих авторов. Мнение Вс. Иванова, высказанное много лет тому назад, не должно «давить» на писателей, работающих в литературе сегодня.

Юмором первых фраз редактор как бы смягчает свой честный, нелицеприятный, но дружеский отзыв.

Многие внутренние рецензии он начинает с воспоминаний. Рассказывает о том, как впервые познакомился с тем или иным автором или книгой, обращается к дням своей молодости. И эта личная, почти интимная интонация проходит потом через всю рецензию, становясь своеобразным камертоном, гарантией редакторской искренности.

Вс. Иванов, например, пишет: «Я близко знал поэта Илью Садофьева в 1921—1922 гг., когда работал вместе с ним в Ленинградском пролеткульте. Я с ним часто выступал на ленинградских фабриках и заводах. Читал он великолепно — металлический громохочущий голос, великолепная дикция, умение владеть аудиторией... И с тех дней я сохранил об Илье Садофьеве самые прекрасные, самые возвышенные воспоминания»²⁵. А далее идет разбор статьи Л. О. о творчестве видного советского поэта.

Доказывая какое-либо теоретическое положение, Вс. Иванов нередко обращается к собственному писательскому опыту. Вот, например, он говорит о том, что в романах о производстве нужно соединять «очерковое» с «романическим», что сделать это трудно (это «вещи довольно-таки различные»), но что прозаику А. З. это вполне удалось. Иванов добавляет: «У меня во всяком случае, это никогда не получалось, как я ни старался»²⁶. Иванов не боится приоткрыть «святая святых» своей творческой лаборатории; кроме того, он хочет обрадовать, поддержать молодого писателя.

Кажется, мы слышим в этих рецензиях голос редактора, за каждой строкой видим его самого, размышляющего — с радостью или болью — об искусстве.

Вс. Иванов блестяще доказал действенность, эффективность редакторского заключения как одного из основных средств в арсенале редактора.

Он понимал исключительную важность внутренней рецензии для автора, подчеркивая это многократно (в данном случае Иванов не разграничивал редакторское заключение и отзыв внешнего рецензента).

Именно потому писатель обычно резко реагировал, сталкиваясь с непрофессиональностью рецензентов. Вот он знакомится со сборником молодого поэта Л. З.: «Я читаю «На дороге времени», — пишет Иванов. — Книжка испещрена каким-то досужим рецензентом, словно мухами обсижена... и это типично. Наши рецензенты ужасно любят придирается к частностям, порой не понимая того, что они и делают. Написано, например, у автора — «грунтует полотно». Рецензент в недоумении. Подчеркивает. А это обычный технический термин художников, означающий, что полотно покрывают раствором мела и клея. «Класть ли сруб» ... подчеркнуто. Недоумение. А это тоже обыкновенное техническое выражение. И так далее»²⁷.

Вс. Иванова раздражает непонимание рецензентом вещей элементарных, его нежелание вникнуть в суть дела.

Умение видеть за частностями общее, разглядеть талант по его первым росткам — вот качества, по мнению Иванова, обязательные для редактора и рецензента.

Основную беду многих редакторов Вс. Иванов видел в том, что у них нет четких критериев для оценки произведения. Писатель нередко

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, ед. 4279.

²⁶ Там же, ед. 3613.

²⁷ Там же, ед. 3565.

наблюдал этот редакторский «тупик»; неумение точно определить достоинства и недостатки рукописи, а главное — ее своеобразие.

Для Иванова «координатами» при разборе художественного текста прежде всего были оригинальность (понимаемая им как самостоятельность художественного мышления автора), правдивость, точность психологического анализа, глубина раскрытия темы.

Открывая незнакомую рукопись, он, по собственному признанию, всегда ждал «той неожиданности, которая так свойственна резко выявившемуся дарованию»²⁸. И всегда добивался, чтобы писатель вышел «на дорогу оригинальную, новую, по-настоящему творческую»²⁹. Именно оригинальность и новизна ассоциируются у Вс. Иванова с истинным творчеством.

Свое толкование оригинальности произведения Вс. Иванов раскрывает в одной из внутренних рецензий. Для него было вообще свойственно, анализируя рукопись, тут же пояснить свои критерии оценки. Иванов делал это, стараясь быть максимально объективным. В рассказах В. Д. Вс. Иванов отмечает как самое главное: автор «глубоко неоригинален». И разъясняет: «Я не говорю о той оригинальности, от которой «шибает» в нос, а о той, благодаря которой у автора, даже сквозь броню академичности, подражания, ученичества, чувствуешь особенный, только ему свойственный ритм, строение фразы, все то, трудно уловимое, что вместе и называется талантом»³⁰.

Вс. Иванов не требует от художника слова обязательной непохожести по сравнению с тем, что писалось до него, однако хочет видеть индивидуальное отношение писателя к явлениям жизни, его собственный взгляд на мир.

Вот он с похвалой отмечает: «... Н. Д. поэт со своей физиономией, со своим рисунком и своими, если хотите, привилегиями; они не велики, но, однако, ему свойственны и принадлежат ему. Это хорошо и ценно»³¹.

Через многие редакторские заключения Вс. Иванова проходит этот призыв к авторам — «искать свое лицо», «свой голос». Так, рассматривая стихи А. К., Вс. Иванов находит, что перед ним «поэт, не лишенный способностей», но пока еще не очень оригинальный: «везде звучит Тихонов и от всех стихов впечатление, что уже где-то и когда-то читал их»³².

Стоит раскрыть стихотворения А. К., чтобы убедиться в справедливости ивановской оценки. Вот, например, начало триптиха «Твердый берег» — здесь так и ощущаются тихоновские интонации:

Нет ни фрегатов, ни фелук —
Песок,
 песок,
 песок;
Сначала увязает в нем
 каблук,
Потом носок³³.

Другому поэту — В. Д. Вс. Иванов советует преодолеть влияние А. Блока — только тогда автор «полностью» выявит свое поэтическое лицо»³⁴.

²⁸ Там же, ед. 2425.

²⁹ Там же, ед. 1526.

³⁰ Там же, ед. 3443.

³¹ Там же, ед. 3482.

³² Там же, ед. 3882.

³³ Там же.

³⁴ Там же, ед. 1469.

Вс. Иванов борется за творческую самостоятельность писателя, но он резко отвергает произведения ложнооригинальные, манерные, где нет осмысления жизни, а есть более или менее ловкая имитация художественной самобытности. Недостаток индивидуальности прикрывается в таких случаях современным «телеграфным» стилем, современными рифмами и т. д. и т. п.

«Манерно, надуманно, мелко», — пишет Вс. Иванов о «белых» стихах И. О. Характерно, что, по мнению редактора, псевдооригинальность появляется тогда, когда автор не может сказать о своих героях ничего оригинального. Автор начинает искать, чем бы заменить старое содержание, и — гипертрофированно выступает на первый план «новая форма». Кстати, у той же И. О. Вс. Иванов отмечает и другие стихи — «стихи, где поэт конкретен и близок к жизни. Тут И. О. находит убедительные краски, убедительный ритм, тут она живописна»³⁵.

Дважды читает писатель-редактор «Сентиментального барабанщика» И. Ш. Иванов категоричен: «... Остаюсь при прежнем мнении. Нет никакой нужды культивировать среди молодых авторов подобные претенциозные и напыщенные писания...»³⁶

Правдивость — путеводная звезда для художника слова, неизменная «точка отсчета» для редактора. Об этом не раз говорил Вс. Иванов, его определения художественной правды точны и поэтичны. Искусство, по Иванову, должно как можно «ярче и проникновеннее показать настоящую правду жизни. Ту правду, которую мы называем «социалистическим реализмом», то есть которая не скрывает ни наших достоинств и не уменьшает недостатков, ту настоящую мужественную правду, в которой так нуждается человечество и которой оно так ищет» (VIII, 241).

Художественная правда — понятие многозначное. Это и верность в обрисовке человеческих характеров, едва приметных движений души; это и точность художественных реалий, зримость деталей; это и чувство перспективы, способность писателя, изображая день сегодняшний, понять, увидеть то, что предстоит завтра. Но для Вс. Иванова проблема художественной правды — это прежде всего проблема отношения искусства к действительности. Он не случайно употреблял выражение «мужественная правда». Иванов разъяснял, что речь идет о гражданской позиции писателя.

Читатель хочет видеть в книге правдивую картину бытия. К этой мысли он возвращается постоянно, по-разному доказывая ее. Например, Иванов задумывается о метаморфозе романа выпускника Литинститута В. Ц.: в романе много недостатков, но он имеет настоящий, по праву пришедший успех. И это не случайно, убеждается Иванов, анализируя книгу. В ней есть «достоинство, которое уводит в сторону» недостатки.

Иванов произносит интереснейший монолог с позиции предполагаемого читателя. «Автор, — говорит он, — мужественно, не скрывая ничего, описывает всю тяжесть войны, трудности боев и трудности жизни. Вот это-то мужество заставляет читателя верить автору. Читатель верит, что случайности, которых так много в романе, неизбежны во время войны — в этом гигантском водовороте люди несутся с чудовищной быстротой, и нет ничего удивительного в том, что они встречаются в самых неожиданных местах. И при самых неожиданных обстоятельствах. Нет ничего странного в том, что действующих лиц много, что очерчены они эскизно»³⁷. Очень тонко проникает Вс. Иванов в психологию читательского

³⁵ Там же, ед. 4275.

³⁶ Там же, ф. 613, оп. 1, ед. 4024.

³⁷ Там же, ф. 632, оп. 1, ед. 4892.

восприятия. Он показывает, как внутренне оправдываются те или иные просчеты романиста, если читатель покорен пафосом жизненной правды. (Разумеется, сам Иванов не обходит молчанием эти недостатки).

Знакомясь с рукописью повести Анатолия Приставкина «Записки моего современника», он невольно сравнивает впечатления автора со своими собственными. «Я недавно был в Братске, — пишет Иванов, — проделав тот же путь, что и автор «Записок», и должен сказать, что автор очень добросовестный наблюдатель». Однако, ревниво придерживаясь правды и точности, Иванов говорит: «Жизнь, пожалуй, им подслащена: в Братске обстановка гораздо суровее и больше «российской безалаберности». Тут же он добавляет: «но, по-видимому, молодость этого не замечает...»³⁸

Этот эпизод не столь уж редкий для писателя-редактора. Иванов был знаком с жизненной первоосновой произведения А. Приставкина не хуже, чем сам автор. В 1957 г., пробыв около двух месяцев в Братске, он написал страстный и глубокий очерк об этой поездке. Иванов не только восхищался человеческим подвигом, размахом небывалой стройки, но и негодовал, столкнувшись с фактами бесхозяйственности, с отсутствием заботы о быте строителей. Он не мог не обратить на это внимания молодого писателя, в первой книге которого увидел большое литературное будущее.

Оглядываясь на свой литературный путь, подводя его первые итоги, А. Приставкин писал спустя 15 лет: «Всеволод Иванов преподавал мне урок серьезного, реалистического подхода к тому, что мы наблюдали в Братске. Упрек в подслащенном изображении жизни был для меня важнее многих других его слов»³⁹.

Вс. Иванов одобряет рукописи, где замечает внимание писателей к живой повседневности, к будням героев. Конечно, он предостерегает от оборотной стороны такого «внимания» — от натурализма; советует авторам соблюдать грань, которую точно обозначил один из современных критиков: нужно «проникнуться бытом и не погрязнуть в нем...»⁴⁰. Но Иванов подчеркивает, что само обращение к обыденным фактам и обстоятельствам помогает художнику глубже понять процессы действительности, лучше, точнее запечатлеть их.

Многим молодым писателям он советует приглядеться к комедиям и драмам повседневности, к ее трагическим коллизиям, которые часто раскрываются в мелочах. Иванов хвалит В. Д. за то, что он «не боится обыденщины, — в том смысле, конечно, в каком не боялся ее Флобер». ⁴¹

Следы же «поверхностной» правды Иванов видит в романе Е. Б. Он отмечает здесь любопытное явление — романист как бы старается выдать читателям свидетельство: автор правдив, хорошо знает то, о чем пишет. На первый взгляд, его персонажи «очень земные, описывается их наружность, манера говорить, ведутся длинные производственные разговоры». Но это не правда, а лишь правдоподобие. «У меня, — говорит Иванов, — такое впечатление, что им [героям] необыкновенно легко достается жизнь: без особых хлопот о деньгах, без забот о зарплатке, и даже без размышлений — чем сейчас живет страна, чем она страдает, чему радуется. Герои слишком живут в общем, а не в частном. А ведь, скажем, у Ан. Франса в «Восстании ангелов», даже ангелы думали о

³⁸ Там же, ед. 4423.

³⁹ Письмо А. И. Приставкина от 2 ноября 1972 г.

⁴⁰ Лобанов М. Слово и образ. — «Мол. гвардия», 1972, № 8, с. 312.

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, ед. 3443.

куске хлеба, испытывали голод, нужду, страдания!» Иванов советует автору «приземлить своих героев»⁴².

Требование правдивости, неперемное в искусстве, по мнению Вс. Иванова, в каждом жанре преломляется по-разному. В газетном очерке, к примеру, — это еще и скрупулезная верность конкретным обстоятельствам. В художественном произведении те же самые обстоятельства могут показаться неправдоподобными, случайными. Здесь правдивость неотделима от законов художественной типизации.

Но опасна и излишняя авторская вольность. Вс. Иванов советует писателям «избегать надуманности, от которой, — говорит он А. Е., — один шаг к неправдоподобию, а неправдоподобие, выраженное средним слогом, — ужасно! Оно еще простительно в романтике, но в реализме — нет»⁴³.

Отчетливо различаешь и еще один его критерий при оценке художественных произведений — точность психологического анализа характеров.

Создание характеров, по Иванову, — одна из главных и самых трудных задач художника слова. Это всегда кажется ему чудом — запечатлеть внутренний мир человека. Но нередко «чуда» не происходит: во многих произведениях писатель-редактор с сожалением отмечает недостаток, однажды шутливо названный им «бесхарактерностью». «Наши писатели, — объясняет Иванов, — часто не умеют делать характеры, то есть дать такой отличительный признак индивида, по которому вы узнаете его единственную и постоянную манеру чувствовать, мыслить, желать» (VIII, 225—226).

Неумение «делать характеры» приводит к своеобразному «разрыву» между реальными героями произведения и теми, которые были задуманы писателем: контуры этих несостоявшихся персонажей по отдельным деталям легко угадывает опытный редактор. В таких случаях Иванов говорит авторам, что характер «требует еще более глубокой психологической обработки», рекомендует улучшить «психологическую ткань» повествования⁴⁴.

Иванов — теоретик искусства, посвящает проблеме психологизма многие страницы своей неоконченной работы «Прямая речь». Иванов-редактор подробно рассматривает те пути, которыми идут писатели, стараясь проникнуть в «тайное тайных» души, но которые нередко оказываются ошибочными.

Вот один из таких примеров, многократно высмеянный пародистами. В трудные, кризисные минуты герои книг начинают перелистывать страницы своей жизни. Спортсмены перед самым финишем, разведчики во время выполнения ответственного задания непременно вспоминают старушку мать, первую учительницу, седоусого заводского мастера, друга-тракториста...

Этот штамп оказался настолько живучим, что на протяжении десятилетий благополучно переходит из одного произведения в другое. Даже на примерах, взятых из редакторской практики Вс. Иванова, можно было бы написать «историю» одного литературного шаблона.

В 1935 г., анализируя рукописи, поступившие в редакцию «Истории заводов», Иванов специально останавливается на произведении, просчеты которого считает показательными. Автор, говорит он, «заставляет водолаза, готовящего взрыв скалы на дне Днепра, именно в этот момент

⁴² Там же, ед. 1186.

⁴³ Там же, ед. 1513.

⁴⁴ Там же, ед. 1123.

припомнить во всех подробностях всю свою биографию на протяжении сорока лет. Благодарный материал, видите ли!» (VIII, 263).

Сколько раз Вс. Иванов отметит этот недостаток потом.

Но, может быть, более всего мешает писателю создать «живой» характер странная, на взгляд Иванова, традиция — делить литературные персонажи на «положительные» и «отрицательные». Иванов не любил такого деления, оно казалось ему искусственным: в результате герои словно получают «бирки», где точно указаны все их качества. А мастерство психологизма как раз и заключается в том, чтобы показать человека в его жизненной многомерности и сложности.

Правда, в разговоре с авторами Вс. Иванов порой употреблял выражения «положительный» и «отрицательный» герой, но всегда подчеркивал условность этих понятий. Объяснялось это одним: именно так воспринимали своих действующих лиц сами авторы.

В поисках ответа на вопрос: как «делать характеры»? — Иванов приходил к выводу, что для писателя наиболее «труден» характер положительного героя. «У автора, — пишет Иванов о В. К., — есть приятная особенность: он умеет описывать положительных людей, что, вообще-то говоря, удается редко»⁴⁵.

Многие писатели пытаются уяснить причины этих сложностей в изображении «героев, которых называют положительными и которых с легкостью производят порой в безгрешных»⁴⁶. Определение К. А. Федина уже содержит результат такого анализа, оно прекрасно передает процесс «унификации» героя. «Они — эти бодряки всех возрастов и состояний, — продолжает К. Г. Паустовский, — не страдают и ни в чем и никогда не сомневаются, а живут по выработанному неведомо где трафарету, по убогой шпаргалке»⁴⁷.

Иванов выступал против этой довольно распространенной писательской трактовки положительного характера. Говоря о рассказах Н. Б., он, кажется, говорит сразу о многих подобных произведениях: «Это плохая литература с дешевым, с вялым языком, с тощими мыслями. Молодость здесь подается тем, что она улыбается и поет, комсомольцы только называются комсомольцами — [без] страданий, без дум — какие-то куклы...»⁴⁸

Иванову претило бодрячество, которое некоторые критики называли героикой. Примечательно: как художник слова, он был признанным певцом героического времени. Как человек, он часто восхищался людьми в минуты их высоких порывов. И все же Иванов не сомневался: идеализация героя не повышает, а снижает характер героического. «... Чем чаще литератор будет смотреть правде в глаза, — повторял он, — чем страшнее будет говорить об этой правде, тем героичнее и возвышеннее будет обрисован человек нашей страны» (I, 79).

Вс. Иванов — редактор терпеливо объясняет авторам, почему иные положительные герои оказываются при ближайшем рассмотрении не героями, а масками; почему читатель с трудом верит в их существование. Дело в том, рассуждает он, что положительные персонажи в этих книгах не живут обычной человеческой жизнью — ее заботами, радостями, тревогами, а в основном что-то «совершают». Иванов убеждает прозаика В. М.: нельзя «написать образы людей, которые не имеют никакой лич-

⁴⁵ Там же, ед. 1799.

⁴⁶ Федин К. Творить — значит постигать развитие действительности. — «Лит. газета», 1972, 19 июля.

⁴⁷ Паустовский К. Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства. М., 1972, с. 424.

⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. 4024.

ной жизни, никаких дум о доме, о семье, об искусстве, наконец, просто о том, чтобы «выпить и закусить», это какие-то автоматы, абстрактные спецы, всецело поглощенные производством».

Вс. Иванов показывает неизбежность крушения авторского замысла: «В. М. хотел изобразить, по-видимому, героических людей, а получились, с моей точки зрения, манекены и вместо богатой душевной жизни — показан мир узкий, обедненный, и, — мне не хотелось бы обижать автора, — но: мир, мало чем отличающийся от мира Плюшкина, только в другую сторону»⁴⁹.

Ивановское замечание не устарело. Кажется, эти слова обращены к некоторым сегодняшним писателям и редакторам, которые «лепят» характеры героев с помощью плакатов и лозунгов.

В рассказах Е. П. Иванова привлекает «хорошая, большая любовь к людям», но «эта любовь и нежность переходит, порой, в сентиментальность»⁵⁰. Иванову в целом понравились и рассказы А. Г.: они «милы, легко читаются». У автора есть «все данные, чтобы стать писателем; может быть, даже хорошим писателем, если, — подчеркивает редактор, — он не загубит себя сам мелкотемьем и дешевой сентиментальностью, к которой он склонен»⁵¹.

Приторность, ложная умиленность в обрисовке характера рабочего человека были свойственны иным произведениям конца 40-х — начала 50-х годов.

Характерно, что «отрицательные» герои часто получают у авторов интереснее, чем «положительные» — они выглядят живыми людьми. Создавая эти образы, писатели находят логичные мотивировки поступков, точные детали. Хотя и не всегда последовательно, они идут здесь путем художников-психологов: не просто называют черты характера, но исследуют формирование этих черт — эгоизма, стяжательства, мещанской морали.

Однако и тут есть свои беспрестанно повторяющиеся схемы. Одну из этих схем Иванов в целом охарактеризовал так: «Он [романист] отрицательные персонажи мажет только черной краской, притом очень плохой»⁵². И опять это потому, что автор заранее распределяет «положительных» и «отрицательных» героев. И забывает, что «отрицательные» те же люди: у них могут быть и свои человеческие слабости, и даже свои достоинства.

Вс. Иванов видел, что выработались уже определенные типы отрицательного героя. Если такой герой принадлежит к интеллигенции, то он непременно рационален, заботится о своем здоровье, следит за веяниями моды. «Почему все отрицательные персонажи у автора — нарядные щеголи? — задает Вс. Иванов вопрос одному из авторов. — Положительные, что же, не имеют права хорошо одеваться и непременно должны ходить растрепаны?»⁵³.

Если же речь идет о событиях дореволюционных или первых лет революции, то герои со «знаком минус» — кулаки, баи, надзиратели тюрем, прикащики, лавочки — также похожи друг на друга. Естественно их внутреннее родство, но почему же они говорят одни и те же слова, имеют одинаковые привычки? Романисту А. Ш. Иванов пишет: «Никуда не годятся отрицательные персонажи, начиная с кулака Каца и кончая адми-

⁴⁹ Там же, ф. 632, оп. 1, ед. 1887.

⁵⁰ Там же, ед. 2056.

⁵¹ Там же, ед. 3349.

⁵² Там же, ед. 1799.

⁵³ Там же.

нистрацией каторги. Это — серые, банальные фигуры, которых, кажется, много встречали мы в романах о дореволюционном прошлом»⁵⁴.

Вс. Иванов полагал, что сегодняшний писатель должен увидеть и отрицательных героев глазами своего современника. Но в персонажах А. Ш. он не находит «ни печати современности, ни какого-либо нового освещения, ни вообще чего-либо хоть сколько-нибудь ценного, что могло бы заставить нас относиться к ним снисходительно»⁵⁵.

Уместно напомнить: отвергая «идеального» героя, Вс. Иванов не мог смириться и с другой крайностью. «Я не склонен к тому, чтоб так уж резко делить героев романа на людей положительных и отрицательных, — повторяет писатель-редактор, — но когда я вижу подряд пьяниц, обманщиков, глупцов и жуликов, не говоря уже о развратниках, и не вижу людей, которые бы боролись с этим или хотя бы негодовали, я начинаю тосковать по положительному герою»⁵⁶.

Тема произведения не самое главное в искусстве, главное — в том, как она разработана. Постигая эту закономерность, писатель постигает один из очевидных, но отнюдь не простых «секретов» литературного мастерства.

Очень редко Вс. Иванов говорит авторам: «Тема ничтожная и трудно, обращаясь с такой темой, сделать что-либо дельное»⁵⁷. Чаще мы встретим замечания другого рода. «Он пишет обо всем, но, к сожалению, понемногу ... в смысле глубины исчерпывания темы». Это сказано о стихах И. Б. Естественно, что у Вс. Иванова «возникает сомнение: а не читал ли я нечто похожее?»⁵⁸. Ведь в том, как художник слова разрабатывает тему, во многом и проявляется его неповторимость.

Интересно взять одну из распространенных литературных тем и рассмотреть различные нюансы в отношении к ней писателя-редактора: «конфликты», пристрастия, раздумья.

У каждого времени есть свои любимые, наиболее актуально звучащие темы. Такой темой в советской литературе 50—60-х годов Вс. Иванов считал тему борьбы с мещанством. Во многих из читаемых им рукописей затрагивались в той или иной мере эти проблемы. Последнее казалось Иванову естественным — отражением реальных жизненных противоречий, духовных процессов, происходящих в обществе.

Но эта популярная тема, подмечал Вс. Иванов, таит для писателя опасности, если ее трактовать хоть в малейшей степени неточно. Чтобы сразу убедиться в верности такого заключения, вспомним упреки в мещанстве, адресуемые критиками и читателями к авторам иных современных книг. Однако ни один советский художник не станет сознательно поэтизировать мещанина. Напротив, в издательской заявке он наверняка сформулирует тему своего романа или повести как «антимещанскую». Причина такого «несоответствия» — в поверхностном подходе к теме.

Как конкретно выражается в произведении то, что писатель, призванный развенчать мещанство, достигает обратного эффекта? Авторы, говорит Вс. Иванов, пишут о мещанстве «пошлыми приемами низкопробного бульварного романа»⁵⁹.

⁵⁴ Там же, ед. 5013.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, ед. 5030.

⁵⁷ Там же, ф. 613, оп. 1, ед. 3955.

⁵⁸ Там же, ф. 632, оп. 1, ед. 1240.

⁵⁹ Там же, ед. 1799.

Это «перевоплощение» Иванов наблюдает в романе Э. Ш. «Игорь Менгров стучится в жизнь». Все персонажи (или почти все) оказываются здесь в «плёну мещанства, обывательщины, мелких страстишек и мелких дел». Автор хочет судить мещанина судом художника. Но герои, «выписанные подробно, во всем мещанском великолепии», дают роману «неверный и ложный уклон»⁶⁰.

Нужно смотреть вглубь темы, повторяет Иванов; нужно, говоря о мещанстве, идти дальше пресловутой герани на окнах. Ему близки произведения, где мещанство показывается не через внешние проявления, а через психологию людей. Например, Иванов одобряет повесть Г. К. «Старый дом» — повесть о духовном бунте юноши, осознающего вдруг «всю унижительную тяжесть собственности и вызванных ею чувств ...»⁶¹.

Не сусальное изображение мещанина, не грозные слова в его адрес — Иванову, по собственному признанию, дорог «реалистический, спокойный и, в то же время, иронический взгляд» писателя, исследующего это сложное общественное явление⁶².

Показателен ивановский анализ рассказа Н. Ершова «Пути, которые мы выбираем». Это еще одна история о человеческом призвании и о трудной дороге к нему, «о том, — формулирует тему рассказа Вс. Иванов, — как в юности люди мечтали о подвигах и кто-то осуществил эти подвиги, но некоторые впали в то, что Горький называл мещанством».

В отличие от других произведений Н. Ершова, прочитанных Ивановым, рассказ «Пути, которые мы выбираем» ему не понравился. Неинтересным оказался сам поворот темы. Может быть, стоило показать опустошенность души одного из героев — Димы Ушакова, выбравшего легкий путь и предавшего идеалы юности, показать иллюзорность его успеха, его счастья, наконец, его трагедию — трагедию ложно понятой жизненной цели. Но, «к сожалению, — делает вывод Вс. Иванов, — наше мещанство, в существовании которого нельзя сомневаться и которое вполне достойно сарказма, описано слабо»⁶³.

Мы уже замечали, что педагогический эффект советов Иванова был не сиюминутен, но глубок. Рассказ, о котором шла речь, автор «сам давно «похоронил», как сочинение ученическое и художественно беспомощное». Однако, работая над другими произведениями, он задумался о природе мещанства именно в том направлении, которое было очерчено Ивановым. И, естественно, писателю показали условными «внешние атрибуты» мещанства — герань на подоконнике, гитары с бантом: если пользоваться этими признаками, «то придется признать, что весь мир состоит из мещан». Все гораздо сложнее. «Мещанство, — пишет Н. Ершов, — явление вечное. От эпохи к эпохе меняются его внешние признаки, а суть остается. Суть эта — человеческая посредственность, к какой бы социальной группе ни относился носитель этой посредственности. В моих глазах, — продолжает Н. Ершов, — композитор или художник мещанин — такое же обыденное явление, как, например, чабан или слесарь — аристократ духа». Бывший питомец Вс. Иванова признается, что видит свою писательскую задачу в развенчании духовной ограниченности мещанства⁶⁴.

Таковы основные критерии, с которыми Вс. Иванов подходил к рукописи. Таковы основные вехи его анализа художественного текста.

⁶⁰ Там же, ед. 5030.

⁶¹ Там же, ед. 1775.

⁶² Там же, ед. 1088.

⁶³ Там же, ед. 1520.

⁶⁴ Письмо Н. М. Ершова от 1 февр. 1973 г.

Менее всего этот литературный наставник походил на вещателя истин. Напротив, читая произведение, Вс. Иванов часто ставил вопросы (и автору, и себе), вместе с писателем мучительно искал ответы. Он сознательно показывал, демонстрировал процесс анализа рукописи, считая это лучшей школой литературного мастерства.

Легко заметить: когда знакомишься с редакторской деятельностью писателя, индивидуальность редактора вырисовывается более ярко и резко, чем обычно. Это естественно. Ведь перед нами творец, обладающий и собственным художественным опытом, и собственным, неповторимым видением мира, и глубоко личными литературно-эстетическими взглядами.

В исследованиях о писателях-редакторах (большей частью это труды по истории русской литературы, журналистики и критики) выделяются две неравномерные группы сведений и фактов.

Во-первых, мы встречаем свидетельства того, как писатели-редакторы тонко чувствуют, буквально по первым росткам «угадывают» начинающие дарования, как внимательны они к молодым литераторам. (Примеров здесь более чем достаточно).

Факты другого рода сравнительно малочисленны, однако многие из них также хорошо известны. Белинский не оценил сразу прозу Пушкина, а издавая посмертно стихи Кольцова, правил их, «при этом нисколько не считаясь с поэтическими приемами автора»⁶⁵. Тургенев-редактор игнорировал особенности поэтики Фета и Тютчева. Он исходил из требований общелитературной нормы, но не учитывал «нормы», выдвинутые для себя самими Фетом и Тютчевым. Толстой считал Шекспира посредственным драматургом. (Любопытно, что самого Толстого мечтал отредактировать И. Бунин. Он находил у автора «Анны Карениной» много сырого, лишнего» и очень хотел «переписать набело» какую-нибудь вещь Толстого — «убрав все длинноты, кое-что опустить, кое-где сделав фразы более точными, изящными ...»⁶⁶.)

Обо всем этом вспоминают только, когда заходит речь о сложности идейно-эстетических воззрений художников слова. Часто же эти факты как бы «забывают» вообще или стыдливо относят в область курьезов. Между тем они требуют глубокого истолкования именно со стороны теории редактирования.

Явственно различаешь субъективные причины, которые порой мешают писателю-редактору объективно оценить рукопись. Например, много значит сходство или противоположность творческих манер писателя-редактора и автора, даже просто различный характер их художественных исканий на данном отрезке времени.

Примечателен эпизод, прямо относящийся к Вс. Иванову, к истории его отношений с А. М. Горьким. В 20—30-е годы Иванов с отступлениями, но все же неуклонно шел к новому для себя стилю, в котором органически сливались элементы фантастики и реализма. (Этот стиль ярко проявился позднее — в романах «У», «Кремль», в «Фантастическом цикле»). Горький чувствовал новую стилевую тенденцию в произведениях своего питомца, однако относился к ней настороженно. Чем объяснялась эта настороженность? Не тем ли прежде всего, что собственные творческие поиски Горького были в ту пору слишком далеки, а, пожалуй, и противоположны поискам Иванова? В произведениях Иванова пре-

⁶⁵ Гомашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2-е. М., 1959, с. 135.

⁶⁶ Катаев В. П. Трава забвенья. М., 1967, с. 98.

обладали «фантастические, смелые, рискованные цвета» (В. Каверин), слова здесь были сплетены в сложную и причудливую вязь. Горький же более всего стал ценить лаконизм. В 1922—1923 гг. он под этим углом зрения пересмотрел все свое творчество и произвел правку многих произведений. Он добивался предельной объективности письма, по возможности устранял авторское начало⁶⁷. И уже во многом по-новому были написаны его шедевры — «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина».

Того же Горький невольно ожидал и от своего ученика. Кстати, Иванов вполне сознавал это. «Он ждал от меня того реализма, которым был сам наполнен до последнего волоска. — Так в дневнике, позже, Иванов анализировал события и свои мысли тех лет. — Но мой «реализм» был совсем другой, и это его, — не то чтобы злило, — а приводило в недоумение, и он всячески направлял меня в русло своего реализма. Я понимал, что в этом русле мне удобнее и тише (было бы) плыть, я пытался даже... но, к сожалению, мой корабль был или слишком грузен, или слишком мелок, короче говоря, я до сих пор все еще другой»⁶⁸.

По той же самой причине, в те же годы Горький не смог по достоинству оценить и роман Вяч. Шишкова «Угрюм-река», резко отрицательно отзывавшись о нем. Ему, замечает исследователь, «была чужда поэтика и стилистика «романа страстей», — как называл свою книгу В. Шишков, — интенсивная яркость красок, загадочность и таинственность сюжетных коллизий... Художник, всегда ценивший проявление творческой самобытности, — делает вывод Е. И. Беленький, — он в данном случае неправомерно соотносил произведение другого художника со своим эстетическим кодексом тех лет»⁶⁹.

Таким образом, в работе писателей-редакторов можно выделить две закономерности. Испытав на себе «муки творчества», трудности пути в искусстве, они действительно обладают «особым зрением», чутьем на талант. Вместе с тем порою художник слова не в состоянии правильно «увидеть» произведение, чуждое его творческим устремлениям. Два художественных видения — автора и писателя-редактора — оказываются несовместимыми.

Выяснить редакторскую индивидуальность можно не обходя эти особенности, не нивелируя их, а напротив — резко высвечивая, стараясь понять.

Говоря о Вс. Иванове, важно отметить: сам он сознавал, что может быть пристрастен в своих оценках, что его писательские принципы и методы могут вступить в противоречие с принципами и методами других литераторов.

Но Иванов всегда старался остаться объективным. Для этого (как мы уже убедились при рассмотрении особенностей его редакторского анализа) он судил художника по законам, «им самим над собой признанным» (Пушкин), при разборе рукописи брал произведение как цельную художественную систему и просчеты автора выводил не из того, что противоречило его вкусу, а из того, что нарушало эту единую систему.

Опасаясь проявления редакторской субъективности, Иванов никогда не настаивал на окончательности своего суждения. «Я против печатания, но так как рассказ сей явление спорное, то предлагаю прочесть другим

⁶⁷ См.: Тарасова А. А. Из творческой лаборатории М. Горького. М., 1964.

⁶⁸ Иванов Вс. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек, с. 384—385. См.: Баранова Н. Д. «Мой «реализм» был совсем другой...» (М. Горький и Вс. Иванов). — «Сибирские огни», 1970, № 11, с. 168—175.

⁶⁹ Беленький Е. И. Горьковская тетрадь. Новосибирск, 1972, с. 117—118.

членам редакции»⁷⁰. Этот отзыв о рассказе, поступившем в альманах «Год ...», характерен для Иванова-редактора. «Может быть, я ошибаюсь...», «Я рад был бы ошибиться...» — читаем мы нередко в тех его внутренних рецензиях, где содержится отрицательная оценка произведения.

Сталкиваясь с чуждой ему писательской манерой, Иванов очень осторожно подходил к оценке такого произведения и всегда это подчеркивал. «В общем мне повесть не понравилась, — пишет он о повести В. Ж., — но это может происходить и оттого, что методы и стилистические приемы автора мне совершенно чужды»⁷¹.

Конечно же, индивидуальные свойства личности писателя-редактора оказывают прежде всего положительное влияние на редакторскую деятельность, придают ей своеобразие, неповторимость.

Известно, что призвание человека обуславливается теми или иными свойствами его натуры. У Вс. Иванова имелось все для того, чтобы стать редактором. «На отношение к литературе, — вспоминает В. Ф. Асмус, — он перенес лучшую черту своего нравственного характера — *доброжелательность*, способность видеть, подмечать, угадывать мощные побег жизни, обещающие будущий расцвет»⁷². Эти слова прямо относятся к Иванову-редактору. Именно доброжелательность, забота о завтрашнем дне литературы заставляли его с предельной внимательностью относиться к любому автору. И во многом определили его обращение к редактированию.

Иванов обладал и глубокими, разносторонними знаниями, столь необходимыми редактору, литературному воспитателю. Он был «самоучкой» — как и Горький, прошел не только тяжкие «университеты жизни», но и трудный, удивительный путь к вершинам знания.

Его редакторской деятельности способствовало и то, что в течение всей жизни писатель задумывался о «секретах» литературного мастерства. Долгие годы он создавал книгу по теории литературы, условно названную «Прямая речь». Эта книга задумывалась во многом как «прямая речь» Вс. Иванова в его беседе с литературной молодежью.

Была в характере Иванова еще одна черта, которая также обусловила его путь в редактирование. Об этом свойстве Иванова-человека подробно рассказывали многие мемуаристы, применительно же к творчеству писателя эту особенность отметил он сам. «Жизнь моя — тема романа, — писал Вс. Иванов в одной из автобиографий и пояснял: — борьба с замкнутостью, при страстном желании демократичности.

Это выражается не только в моем характере, что в конце концов дело мое и мало кого касается, но это выражается в моем творчестве, что уже представляет некоторый литературный интерес». Свои художественные поиски, которые Иванов не прекращал до конца дней, он называет здесь «поисками демократизма, т. е. поисками того, чтобы возможно проще говорить с народом. — И добавит: — Дело в том, что говорить-то хотелось»⁷³.

Эта самохарактеристика многое объясняет в творчестве и писательской психологии Иванова. И в его редакторской психологии тоже. «Страстное желание демократичности», поиски путей «возможно проще говорить с народом» — это всегда являлось побудительным мотивом деятельности прогрессивных русских редакторов.

Нельзя понять индивидуальность писателя-редактора, если не пой-

⁷⁰ ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. 27.

⁷¹ Там же, ф. 613, оп. 1, ед. 3955.

⁷² Асмус В. Человек. В кн.: Всеволод Иванов — писатель и человек, с. 275.

⁷³ Иванова Т. В. Указ. соч., с. 291.

мешь его индивидуальности как художника слова, его мироощущения на различных этапах творческого пути. И в этом смысле писатель остается в редактировании самим собой.

В статье об Иванове А. К. Воронский так определял своеобразие его творений. «Широкая радостность и упоенность жизнью, освещающая творчество молодого писателя, дает ему ключ к действительно художественному подходу и обработке материала. Благодаря наличию этого основного настроения Вс. Иванов обнаруживает ту художественную пронизательность, правдивость и нелицеприятие, без каких-либо произведений непременно делаются ходульными, тенденциозными, лишенными плоти и крови»⁷⁴.

Здесь очень точно сказано о раннем Иванове. Да, «золотой ключик» автора «Партизанских повестей» — это «широкая радостность», вера в человека, побеждающего свою судьбу. И та же «упоенность жизнью» привлекает Иванова-редактора.

Поэтический сборник Ю. С. «Юность моя» ему понравился тем, что вся книжка «от первой строки до последней, проникнута бодрым, действительно юным и, притом, талантливым настроением». У Иванова невольно возникают ассоциации: что-то слышится ему в стихах современного поэта «от молодого Ширяевца, Орешина, той группы поэтов, которых в годы юности моей мы причисляли к поэтам русской шири, удали, к поэтам волжской вольницы»⁷⁵.

И, наконец, скажем о самом очевидном аспекте проблемы «писатель-редактор». На редакторскую деятельность большого художника неминуемо падает ответ его литературного имени. Его советы наполняются для автора каким-то сокровенным смыслом, выслушиваются с особенным вниманием.

Так было и у Вс. Иванова. Многие начинающие сначала учились по его книгам искусству слова, а потом, отдав на его суд свои рукописи, с гордостью и волнением думали: «... Со мной говорит человек, который первым объяснил мне, каково это — литература»⁷⁶.

«Тогда мне казалось (и сейчас!), — вспоминает писатель М. Матюшин, — что случилось совершенно непостижимое: автор «Бронепоезда 14—69», хрестоматийный Всеволод Иванов — и вдруг пишет так заинтересованно и добро о рукописи, автора которой никогда не видел»⁷⁷.

Говорит поэтесса Визма Белшевица: «Отзыв Всеволода Иванова был для меня неожиданностью — и прекрасной, ведь я его очень уважала и любила, как писателя ...»⁷⁸

Вс. Иванов и сам понимал, что каждому, даже вскользь оброненному им слову придается особое значение. Поэтому, как заметил писатель А. Зурабов, ему была присуща «ответственность перед случайно оказавшейся в поле его зрения судьбой». Пытаясь очертить позицию редактора-педагога, А. Зурабов размышляет: «Чуть не написал сейчас тривиальное: «Так, сам того не подозревая, Вс. Иванов помог и т. д. — Подозревал, знал, что буду вчитываться в его слова и поэтому увидел ... предстоящие дальние годы и указал на то, что считал главным»⁷⁹.

... Мы говорили лишь о некоторых сторонах влияния личности редактора на его деятельность. Неизбежность такого влияния хорошо видна на примерах, взятых из редакторской работы художников слова. Но эта

⁷⁴ Воронский А. Литературно-критические статьи. М., 1963, с. 134.

⁷⁵ ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, ед. 4508.

⁷⁶ Письмо Н. В. Бейлиной от 28 ноября 1971 г.

⁷⁷ Письмо М. И. Матюшина от 20 янв. 1973 г.

⁷⁸ Письмо от В. Я. Белшевицы от 5 дек. 1972 г.

⁷⁹ Письмо А. А. Зурабова от 6 февр. 1973 г.

проблема гораздо более широкая и емкая, чем может показаться на первый взгляд: она касается не только писателей-редакторов. Ведь редакторство — всегда творчество. И «специфика редакторского труда, в частности, состоит в том, что в каждом отдельном случае он заметно окрашивается индивидуальностью редактора»⁸⁰.

Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Но предваряя выводы такого широкого исследования, обратим внимание на два момента. С одной стороны — борясь с субъективизмом в редакторском деле, нельзя все же под лозунгом некоей средней «объективности» зачеркивать редакторскую индивидуальность, лишая редактора права на его личные вкусы и пристрастия. Отсутствие у редактора индивидуальности — это всегда отсутствие собственного взгляда на произведение, это всегда путь к шаблону. С другой стороны — редактор «обязан отличать собственные пристрастия (даже если он их не скрывает) от объективных критериев талантливости и художественности. Это и есть главный признак его профессионализма»⁸¹.

Здесь точно сформулирована диалектика субъективного и объективного в редакторском творчестве, верно определена мера профессионализма редактора.

Опыт Всеволода Иванова — редактора, литературного наставника уже принадлежит времени. Но этот опыт обращен в сегодняшний день.

Активно работают в советской литературе десятки писателей, которых в самом начале их пути доброжелательно приветил Иванов. Это Д. Кугультинов, Миклай Казаков, Фоусат Балкарова, Визма Белшевица, Лина Костенко, Б. Ахмадулина, А. Приставкин, А. Нурпеисов, Б. Рамазанов, Р. Рыскулов, С. Джусуев и многие другие. По-прежнему напутствие Вс. Иванова помогает им «преодолевать неверие в себя, когда работа не удается, и вызывает спасительные сомнения, когда цель кажется достигнутой»⁸². Слова Иванова, подчеркивает эту мысль поэтесса Дина Злобина, «звучали для меня на протяжении всех последних лет, в трудные моменты жизни, в дни творческих неудач и разочарований». Думалось: «В чем же дело? Вероятно, я не в том ищущу себя или плохо чувствую свою струну ... И я вновь запасалась терпением, писала и перечеркивала ...»⁸³ Литературовед Л. Н. Афонин признается: «Часто я проверяю написанное вопросом: «А что сказал бы об этом Вс. Иванов?»⁸⁴

Всю жизнь Вс. Иванов ратовал за редакторское творчество — яркие образцы этого творчества мы находим у него самого. Поэтому его замечания, советы не могут не будить мысль и молодого автора, и молодого редактора. А ивановские раздумья о деле «очень интересном и чрезвычайно ответственном» страстно врываются в сегодняшние споры о редакторском искусстве.

⁸⁰ Каплан Г. Д. Редактирование отраслевой литературы. М., 1961, с. 21.

⁸¹ Рассадин С. Призрак в двубортном пиджаке. — В кн.: Редактор и книга. Вып. 4. М., 1963, с. 10.

⁸² Письмо А. А. Зурабова от 6 февр. 1973 г.

⁸³ Письмо Д. Д. Злобиной от 6 марта 1973 г.

⁸⁴ Письмо Л. Н. Афолина от 19 марта 1973 г.

Я. Д. ИСАЕВИЧ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА (К 400-летию книгопечатания на Украине)

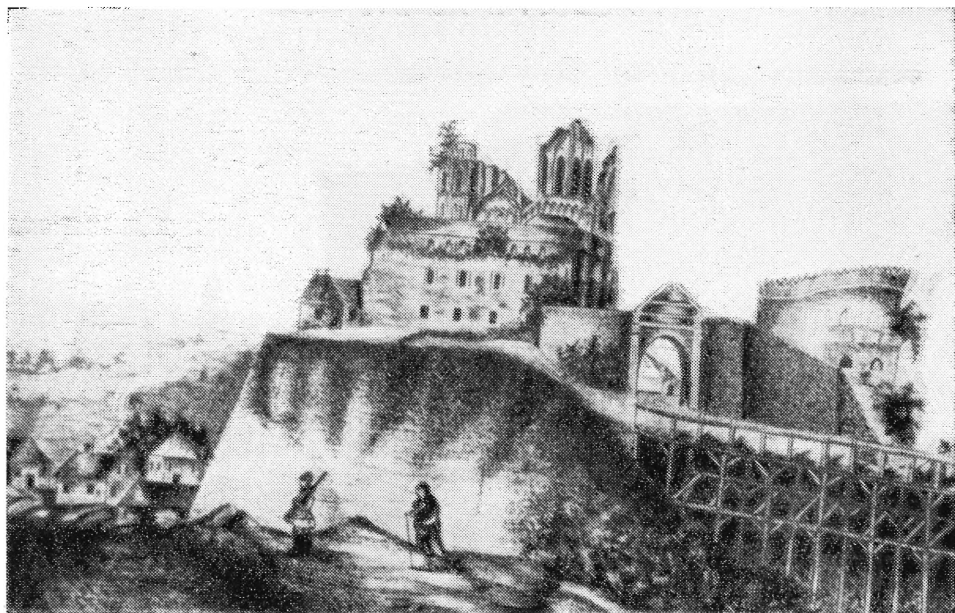

Четыре столетия тому назад, в 1574 г. вышли в свет Апостол и Букварь — две книги, с которых начинается быстрое и непрерывное развитие украинской полиграфии¹. Иван Федоров не только печатал эти книги, он одновременно является их издателем, так как только во Львове мастер-печатник стал одновременно полным собственником типографии.

В своих львовских книгах первопечатник использовал богатый опыт, накопленный им за годы работы в Московской государственной типографии и Заблудовской типографии Г. А. Ходкевича. Вместе с тем в собственных изданиях Ивана Федорова было много нового не только в оформлении, но и в содержании. Львовский Букварь предназначался для использования в школе и дома, а не в церковно-литургическом обиходе. А в Апостоле вместо краткого и несколько официального послесловия, которое было в московском издании этой книги, Иван Федоров поместил ярко написанную автобиографическую повесть, явившуюся вершиной литературного творчества первопечатника. Таким образом, благодаря Ивану Федорову в украинском книгопечатании с самого начала была сильной светская струя. Издатель пошел по этому пути, опираясь на помощь и поддержку общественности, в частности украинских горожан Львова, которые именно в это время активизировали свое участие в борьбе против социального и национального угнетения украинского народа.

Значительные средства, вложенные Иваном Федоровым в собственное издательское предприятие, в условиях того времени, окупались сравнительно медленно. Поэтому, не оставляя намерения возвратиться впоследствии к самостоятельной издательской деятельности, Иван Федоров не позже первых месяцев 1575 г. согласился поступить на службу к крупнейшему украинскому феодалу князю К. К. Острожскому. Такое решение объясняется не только финансовыми затруднениями Федорова-

¹ Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965, с. 29—41; Исаевич Я. Д. Львовский Апостол Ивана Федорова 1574 года (по материалам львовских хранилищ) — «Книга. Исследования и материалы», 1964, сб. 9, с. 54—68.

Руины острожского замка, в котором в 1578—1581 гг. размещалась типография Ивана Федорова. Рисунок начала XIX в.

издателя, но и его желанием принять участие в культурно-просветительской деятельности людей из окружения Острожского.

Украинские писатели конца XVI — начала XVII в. все заслуги в деле организации в Остроге научно-издательского центра приписывали единолично князю Острожскому. Восхваление князя в тех условиях имело целью побудить его и других феодалов активизировать меценатскую деятельность. Преувеличение заслуг К. К. Острожского было характерным и для клерикальной историографии XIX — начала XX в. Некоторые современные авторы склоняются к другой крайности. Так, М. Гембарович считает, что у Острожского не было каких-либо собственных общественно-политических взглядов, доказательство чему — сотрудничество князя с деятелями Реформации. Основание в Остроге типографии этот исследователь считает случайностью, причудой князя, решившего «поиграть в издателя»².

Вопрос о взглядах князя Острожского важен для оценки характера его взаимоотношений с Иваном Федоровым. Бесспорно, князь — фигура противоречивая, что объясняется его классовой позицией. Не приходится удивляться, что человек, которого считали самым богатым землевладельцем Европы,³ принимал активное участие в подавлении крестьянско-казацких восстаний. В то же время его лояльность по отношению к Речи Посполитой была во многих случаях вынужденной, показной; переговоры князя с католической верхушкой часто имели целью замаскировать подлинные мотивы поступков магната и его единомышленников. Но весьма непоследовательным, несмелым было и участие Острожского в движении за автономию Украины (конечно же, автономию олигархически-магнатскую), против Брестской церковной унии. Край-

² Gęb a g o w i c z M. Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1583 na tle epoki. — «Roczniki Biblioteczne», 1969, t. 13, z. 3—4, s. 445, 449, 453, 478, 480.

³ Cambridge History of Poland, 1950, vol. 1, p. 564.

няя степень умеренности аристократической оппозиции и ее склонность к компромиссам с польскими магнатами объясняется, в первую очередь, боязнью вызвать усиление антифеодального движения народных масс⁴.

В культурно-просветительской деятельности К. К. Острожский проявил гораздо больше последовательности и целенаправленности, чем в общественно-политических делах. Состав поддерживаемого им острожского кружка литераторов и ученых был весьма неоднородным. Желая сплотить всех противников идеологической экспансии католицизма, князь, наряду с соглашательски настроенными деятелями, приглашал в Острог и людей, настроенных довольно радикально, таких, как Демьян Наливайко (брат Северина), и некоторые другие. Период наибольшего подъема активности острожского кружка был связан именно с участием в нем передовых деятелей культуры, понимавших значение школы и книгопечатания для идеологической борьбы против католической реакции, за развитие украинской и белорусской культуры в тесной связи с культурой братского русского народа.

Не позже 1576 — начала 1577 г.⁵ в Остроге возник «славяно-греческо-латинский» коллегіум, по своему уровню намного превышавший все существовавшие ранее украинские школы. Недаром современники именовали новое учебное заведение академией, а Острог — «Новым Геликоном», где поселились музы и сам Аполлон, «венчающий вечнозелеными лаврами учеников новой школы». Известный славист И. Н. Голенищев-Кутузов считал возможным назвать Острожскую школу предтечей всех отечественных университетов⁶. Для работы в школе были приглашены выдающиеся деятели украинской культуры во главе с Герасимом Смотрицким, несколько ученых греков. Им поручили также принять участие в подготовке к печати полного церковно-славянского текста Библии. План опубликовать ее вынашивали в Остроге давно: достаточно сказать, что еще в 1571 или 1573 гг. белорусский феодал М. Гарабурда по просьбе К. К. Острожского привез список известной Геннадиевской Библии от русского царя Ивана IV.

Надо полагать, Иван Федоров был приглашен именно в связи с намерением издать Библию. Однако пока текст этой книги не был готов к печати, К. К. Острожский предложил Ивану Федорову должность управляющего именем Дерманского монастыря. Книгопечатник приступил к новому для себя обязанностям 2 марта 1575 г., а последний раз он назван «справцей» монастыря 5 сентября следующего года⁷.

В конце 1576 г. или в первой половине 1577 г. Иван Федоров переехал из Дермани в Острог, чтобы непосредственно руководить организацией типографии. В этом деле ближайшим помощником Ивана Федорова был художник Гринь Иванович из Заблудова. Иван Федоров считал его работу настолько важной для себя, что подписал со своим бывшим учеником договор, по которому Гринь обязался без согласия первопечатника «никому не изготовлять литер для печати и не устраивать типографии»⁸. В числе свидетелей, присутствовавших в типографии в острожском замке во время подписания договора между Иваном Федоровым и Гринем Ивановичем, были протопоп Терентий Ивановичий,

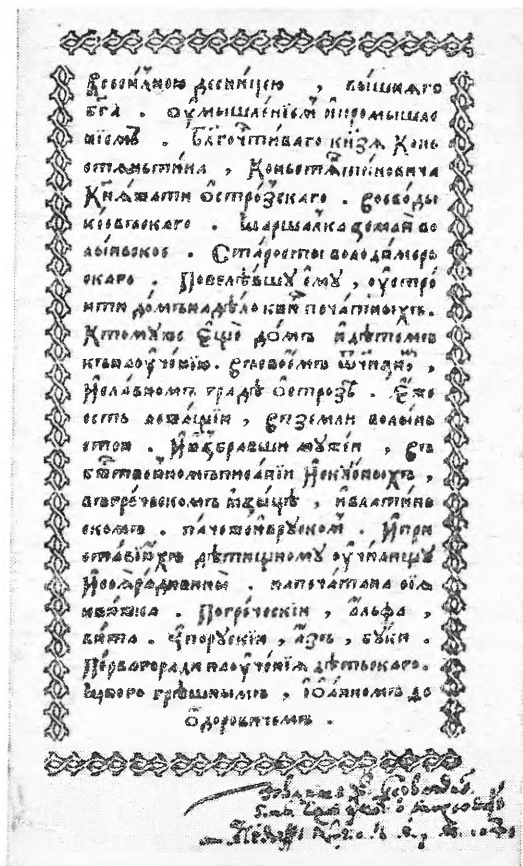
⁴ Голобуцький В. О. Актуальні питання історії України доби феодалізму і завдання радянських істориків. — «Укр. іст. журн.», 1973, № 9, с. 28.

⁵ Ісаєвич Я. Д. Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI—XVIII ст. Київ, 1972, с. 53—54.

⁶ Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1973, с. 183.

⁷ Ковальський М. П. Джерела про початковий етап друкарства на Україні. Дніпропетровськ, 1972, с. 60.

⁸ Ptaszycki S. Iwan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z konca XVI wieku. — «Rozprawy i sprawozdania wydziału filologicznego Akademii Umiejętności», Krakow, 1886, t. 9, s. 31.

Титульный лист острожского Буквара
1578 г.

Библии для подготовки ее к публикации.

В острожской типографии могли работать также Василий Лосятинский (в 1575 г. он назван слугой Ивана Федорова) и Анисим Михайлович Радишевский, который в 1586 г. переехал из Волыни в Москву, где работал в Печатном дворе, а позже в Пушкарском приказе. Печатая «Устав церковный» (М., 1610), Радишевский заимствовал значительную часть предисловия этой книги из предисловия к острожской Библии. Как известно, А. М. Радишевский составил Воинскую книгу («Устав ратных, пушечных и других дел...») ¹². Очевидно, уже в Остроге Радишевский вместе с Иваном Федоровым занимался не только книгопечатанием, но и артиллерийской техникой ¹³.

⁹ Копержинський К. Український письменник XVI ст. Василь Суразький. — Науковий збірник за рік 1926. Київ, 1926, с. 38.

¹⁰ Е. Л. Немировский считает возможным идентифицировать его с Тимофеем Анничем, который в 1584 г. называл себя «дьяком Острожской школы». Однако термин «дьяк» естественнее связывать с начальными классами школы, а Тимофей Михайлович был одним из самых образованных деятелей острожского кружка.

¹¹ Романовський В. Друкар Іван Федоров, його життя і діяльність. — «Труди Українського Наукового інституту книгознавства», 1926, т. 1, с. 54, 55.

¹² Петрушенко М. Р. Друкар XVII ст. Онисим Радишевський. — В кн.: Українська книга. Київ-Харків, 1965, с. 217.

¹³ В 1583 г. Иван Федоров, описывая изобретенную им пушку, утверждал, что он уже давно занимается «военной практикой».

писарь Василий, шорник Антосько Семашкович. Вероятно, все они принимали в какой-то степени участие в делах типографии. Писаря Василия можно идентифицировать с Василием Суражским, который после Ивана Федорова управлял Острожской типографией. Во время совместной работы с Василием Суражским Иван Федоров мог его познакомить с литературным наследием Максима Грека: отрывок одного из произведений последнего Василий включил впоследствии в свой полемический трактат — Книжицу из 6 разделов ⁹.

Близким сотрудником Ивана Федорова был также писатель и знаток богословия Тимофей Михайлович ¹⁰. Иван Федоров в акте от 5 марта 1578 г. называет Тимофея Михайловича «приятелем», поручая ему получить от виленского мещанина Якова Максимовича 262 гроша «за книги, которые у мене для розпроданя до рук своих побрал» ¹¹. В это время Тимофей Михайлович был на службе у М. Гарабурды, что можно связывать с участием последнего в добывании рукописей

Примечательно, что первым острожским изданием стала учебная книга. Вскоре после публикации сообщений о львовском Букваре стало известно, что в Копенгагенской библиотеке хранится книжечка из двух частей: перепечатки львовского Букваря и набранного тем же шрифтом знаменитого сказания Храбра «О письменах». На основании анализа орнаментики и шрифтов А. С. Зернова сделала вывод, что издание напечатано в Остроге около 1580 г.¹⁴

К числу острожских изданий А. С. Зернова отнесла и не имеющий выходных сведений Букварь, экземпляры которого имеются в Кембридже и Оксфорде¹⁵.

Гипотеза А. С. Зерновой полностью подтвердилась, когда немецкий исследователь Г. Клаус обнаружил в библиотеке г. Готы (ГДР) более полный экземпляр первого острожского Букваря, сохранивший титульный лист с выходными сведениями. Кроме двух частей, из которых состоит копенгагенский экземпляр, в готском экземпляре имеется еще одна часть, которой и начинается все издание¹⁶. Эта часть составляет отдельную тетрадь из 8 листов, тетради от второй до шестой отведены под букварные тексты, седьмую тетрадь занимает сказание Храбра. Состав первой части таков: титульный лист, страничка с греческим алфавитом и данными кириллицей названиями греческих букв (л. 2), набранные в два столбца греческие и церковнославянские молитвы (л. 2 об. — л. 8), лист с издательской маркой Ивана Федорова (л. 8 об.).

На титульном листе сказано об основании Острожским типографии и школы, в связи с чем 18 июня 1578 г. была напечатана «сия книжка, по греческии альфа-вита, а по рускии аз-буки первого ради научения дѣтскаго многогрѣшнымъ Иоанномъ Феодоровичемъ». Таким образом, заглавие относится, в первую очередь, ко второй части, служившей целям «первого научения детского». Только после того, как ученики овладевали кирилловской азбукой, они начинали учиться читать по-гречески¹⁷. Греческие тексты считались одним из разделов букваря: позже, когда Львовская братская типография не имела греческого шрифта, в состав букварей включали греческие отрывки, набранные кириллицей.

Г. Грассхофф и Дж. Симмонс дату 18 июня 1578 г. относят только к первой части томика Готской библиотеки. Вторую и третью они считают отдельной книгой и датируют ее 1578—1580 г., ссылаясь на то, что «установленная Зерновой дата 1580 является термином «ante quem»¹⁸. Однако А. С. Зернова выдвигала такую дату, исходя из того, что букварь мог быть напечатан лишь тогда, когда были готовы новые острожские шрифты. Первым острожским изданием тогда считали Книгу Ново-

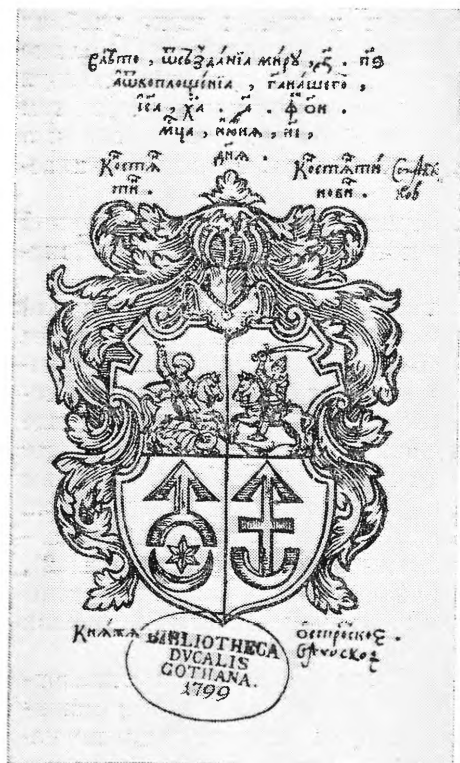
¹⁴ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии. — «Труды Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1958, т. 2, с. 16.

¹⁵ Отмечая примитивность этого издания, Г. И. Коляда считает его самым древним среди известных ныне первопечатных Букварей. («Науч. труды Ташк. ун-та», 1970, вып. 390, с. 13—23). Однако в истории раннего книгопечатания весьма часты случаи, когда перепечатки выполнены на более низком техническом уровне, чем первые издания.

¹⁶ Claus H. Slavica — Katalog der Landesbibliothek Gotha. Berlin, 1961, S. 33; Grasshoff H., Simmons J. S. G. Ivan Fedorovs griechisch-russisch/kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar von 1578—1580. Berlin, 1969.

¹⁷ Не приходится сомневаться, что греческий язык изучался после родного. Дополнительным этому подтверждением является то, что наименования греческих букв в острожском учебнике напечатаны кириллицей.

¹⁸ Grasshoff H., Simmons J. S. G. Op. cit., S. 14.

Герб К. К. Острожского на обороте титульного листа Букваря Ивана Федорова 1578 г.

было во Львове в 1574 г., то в конце шестой тетради ставилась издательская марка. Если же не было первой тетради с выходными данными, а выпускались вместе вторая — седьмая тетради (как в копенгагенском экземпляре), то в конце седьмой тетради могло быть отдельное послесловие. К сожалению, последний лист седьмой тетради не сохранился ни в одном из известных экземпляров²⁰.

Как уже упоминалось, последнюю часть острожского учебника занимает публикация выдающегося памятника древнеболгарской литературы, написанного Храбром Сказания об изобретении славянской азбуки Константином Философом. Выбор этого памятника не случаен. Острожские издатели как бы обращались к Константину — князю Острожскому — с призывом стать достойным продолжателем дела великих просветителей славян Константина (Кирилла) и Мефодия. Однако напечатание произведений Храбра имело и более глубокий смысл. Храбр разоблачал попытки принизить значение письменности славян. Это звучало весьма актуально в условиях, когда католические публицисты

го завета, напечатанную в 1580 г. После открытия готского экземпляра стало ясно, что новые шрифты были в употреблении уже в июне 1578 г. Таким образом, как раз выдвинутые А. С. Зерновой аргументы позволяют датировать также вторую и третью части готского экземпляра 1578 г. Если же допустить, что эти части вышли не одновременно с первой частью, то тогда естественнее будет принять, что первая часть напечатана не раньше, а позже остального текста. В ней уже есть наборные украшения, отсутствующие во второй и третьей частях, набрана эта часть полностью шрифтом нового образца, который в других частях встречался всего в нескольких местах.

Представляется весьма вероятным предположение Е. Л. Немировского, что отдельные части Букварей печатались так, чтобы их можно было выпускать в различных вариантах, применительно к интересам разных групп читателей¹⁹. С этой целью листы и тетради не нумеровались, а каждая часть размещалась в пределах определенного числа тетрадей. Если Букварь печатался без первой и седьмой тетрадей, как это

¹⁹ Немировский Е. Л. Выдающийся памятник русской и украинской культуры. — «Полиграфия», 1968, № 11, с. 43.

²⁰ Там же.

пытались отрицать право восточнославянских народов на развитие своей самобытной культуры²¹.

В острожском учебнике применены четыре славянских кирилловских шрифта и два греческих. Во второй и третьей частях основной текст напечатан московским шрифтом (10 строк — 84—85 мм). Титул и кирилловская часть первой тетради набраны мелким шрифтом нового рисунка (10 строк — 51 мм), в нескольких местах первой и второй частей встречается еще более мелкий шрифт (10 строк — 40 мм). Первый из новых шрифтов применен в Острожской Библии, второй — в Книге Нового завета. Очевидно, острожские шрифты и были изготовлены специально для этих изданий в соответствии с запланированным для них объемом и форматом.

Рисунок новых «полукурсивных» острожских шрифтов был разработан с учетом графических форм полуустава украинских рукописных книг середины XVI в. и полууставно-скорописного письма деловых документов²². Если исполнителем шрифта можно считать Гриня Иванова²³, то проектировать его могли члены острожского кружка, хорошо знавшие местную рукописную традицию, такие, как бывший каменецкий писарь Г. Смотрицкий и острожский писарь Василий (Суражский).

В свое время выдающийся книговед Н. П. Киселев высказал удивление по поводу того, что в Остроге Иван Федоров изготовил или заказал два греческих шрифта, хотя напечатал ими только пять слов в Книге Нового завета и около ста строк в Библии²⁴. Теперь выяснилось, что в указанных изданиях использованы греческие шрифты из учебника 1578 г. Н. П. Киселев отметил оригинальность острожского греческого шрифта: он почти вертикален — в отличие от курсивных шрифтов западноевропейских типографий. Однако надо иметь в виду, что первые греческие издания были напечатаны прямым шрифтом, и лишь Альд Мануций ввел курсив в греческое книгопечатание²⁵. После Альда Мануция попытки возврата к прямым шрифтам были предприняты в конце XIX—XX вв. Таким образом, греческий шрифт Ивана Федорова имеет общие черты с теми образцами, которые считают перспективными современные проектировщики греческого шрифта.

Оба острожских греческих шрифта имеют ту же высоту кегля, что и новые кирилловские шрифты. Это давало возможность печатать греческий и кирилловский тексты параллельно в два столбца. Бесспорно, одинаковость кегля была предусмотрена, чтобы иметь возможность выпускать двуязычные издания для Острожской школы. Вероятно, в Остроге планировали выпустить церковно-славяно-греческую грамматику. Однако Иван Федоров не успел осуществить этот замысел, и грамматика, составленная во Львовской братской школе, была напечатана братской типографией в 1591 г.

Острожский учебник украшен одним инициалом, который ранее был оттиснут в заблудовской Псалтыри, а также заставками и концовками, применявшимися во львовском букваре (однако размещены они по-другому). На обороте титульного листа изображен герб К. К. Ост-

²¹ Толстой М. И. Роль кирило-мефодіївської традиції в історії східно і південнослов'янської писемності. — В кн.: Питання походження і розвитку слов'янської писемності. Київ, 1968, с. 40.

²² Клименко П. Графіка шрифту острожкої Біблії. — «Труди Українського Наукового інституту книгознавства», 1926, т. 1, с. 58.

²³ Запаско Я. П. Мистецтво книги на Україні в XVI—XVIII ст. Львів, 1971, с. 55, 72.

²⁴ Киселев Н. П. Греческая печать на Украине в XVI веке. — «Книга. Исследования и материалы», 1962, сб. 7, с. 176.

²⁵ Schölderger V. Greek printing types 1465—1927. London, 1927, p. 8.

рожского, но, в отличие от последующих острожских изданий, нигде не говорится об издании книги по повелению князя и на его средства. Это позволяет считать учебное пособие изданием самого Ивана Федорова, осуществленным им по договоренности с другими участниками острожского кружка. Именно поэтому Книга Нового завета 1580 г. названа в предисловии «первым овощем» княжеской типографии: учебник славянской и греческой грамоты не относили к числу изданий князя.

Как говорится в послесловии, книга была «начата и совершена... Иоанном Федоровым сыном з Москвы» в 1580 г. Издание вполне определено предназначалось не для литургического употребления, а для домашнего чтения. На 494 листах малого формата (размер печатной полосы $5,6 \times 12,2$ см), благодаря применению мелкого шрифта, удалось поместить Псалтырь, отрывки из Ветхого завета и новозаветные книги (Четвероевангелие, Апостол, Апокалипсис). Без сомнения, самый мелкий острожский шрифт был разработан для данного издания, чтобы сделать его как можно более компактным. Применение мелкого шрифта заставило сузить полосу набора, так как при мелком шрифте длинные строки читать очень неудобно. Необычное соотношение ширины полосы к высоте (2,17; в Апостоле 1,75, в Библии 1,78)²⁶ — черта, отличающая острожскую книгу от большинства западноевропейских изданий Нового завета. Некоторые из этих изданий были известны Ивану Федорову²⁷. Это отразилось на оформлении книги, однако в ней, как и в предыдущих изданиях, нет и следа механического подражания какому-либо одному образцу. В оформлении книги органически сочетаются традиционные черты с новшествами, смело вводимыми первопечатником. Вероятно, Гринь Иванович по указанию Ивана Федорова изготовил для титульного листа ксилографическую рамку, увенчанную фронтоном²⁸. Прототип ее обнаружен А. А. Сидоровым среди работ одного из художников круга Л. Кранаха — это рамка к лютеровским переводам «Книги поучений Сираховых» (Виттенберг, 1533) и «Притч Соломоновых» (Виттенберг, 1535). Однако острожский художник снял изображения ангелочков-путти, а изображенных наверху колонок детей и щенят заменил простыми и изящными рисунками ваз²⁹. Рамка Книги Нового завета положила начало тому типу титульной рамки — «форты», который стал наиболее характерным для украинских изданий конца XVI—XVIII вв. Вероятно, такой титульный лист был введен по инициативе издателя или его ученых советников: в своих самостоятельных львовских изданиях Иван Федоров возвратился к старой традиции и отказался от титульных листов, которые впервые в его практике появились в обоих изданиях Заблудовской типографии Г. А. Ходкевича³⁰.

Во многих экземплярах Книги Нового завета на полях имеются рукописные киноварные пометы, отмечающие границы дневных чтений. Сделаны они несколько отличающимися друг от друга почерками, подражающими шрифту книги. Вероятно, разметка производилась в самой типографии.

²⁶ Запаско Я. П. Указ. соч., с. 49.

²⁷ Среди имущества, перешедшего после смерти Ивана Федорова к его наследникам, был «позолоченный тестаментик» — вероятно, латинское издание Нового завета (Testamentum Novum). Менее вероятно предположение Э. И. Ружицкого, что это переплетенная книжечка из пергаментных листов. См. Ружицкий Е. Нові дані про останній період життя і смерть Івана Федорова. — «Архіви України», 1972, № 5, с. 68.

²⁸ Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 115.

²⁹ Там же, с. 109.

³⁰ Каменева Т. Н. О некоторых находках кирилловской печати за рубежом. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 122.

К части экземпляров Книги Нового завета приложен алфавитный предметный указатель, составленный известным уже нам приятелем Ивана Федорова Тимофеем Михайловичем. Он оформлен как отдельное издание со своим титульным листом и гербом на его обороте. На титульном листе указатель озаглавлен: «Книжка собрание вещей нужнейших вкратцѣ, скорога ради обрѣтения в книзѣ нового завѣта по словесем азбуки всѣм благочестно вѣрующим в святую живоначальную троицу отца и сына и святого духа зѣло есть полезна». Указатель составлен по образцу так называемых реальных конкорданций — предметно-тематических указателей к Библии. В конце XV и в XVI вв. вышел из печати ряд конкорданций к латинскому, древнееврейскому, греческому, немецкому, английскому текстам Нового завета и всей Библии. В Остроге знали некоторые из западноевропейских конкорданций, а также указатели к кальвинистской Брестской Библии³¹ и к переводу Нового завета антиринитария М. Чеховича. Используя в своей работе над указателем еретический перевод Чеховича, отрицавшего догмат о троичности бога, Тимофей Михайлович счел необходимым подчеркнуть, что его работа полезна именно для верующих в троицу. Впрочем, заимствовав из иностранных источников саму идею издания и подбор части статей, составитель отнюдь не копировал зарубежные издания. У него встречаются материалы, которых нет в западных указателях, есть оригинальные черты в размещении материала и в системе ссылок (на главы и зачала). Все позиции составлены на основании Книги Нового завета или сверены с соответствующими местами в книге. Однако в указателе текст часто отредактирован, использованы другие грамматические формы, допускаются инверсии и сокращения.

Напечатанная Иваном Федоровым «Книжка» Тимофея Михайловича — первое в отечественном книгопечатании справочно-информационное издание. Книга по праву занимает почетное место в истории начального периода библиографии и документалистики в нашей стране³².

Составление указателя к Новому завету, бесспорно, связано с подготовкой к печати полного текста Библии, включающего книги Ветхого и Нового завета. Руководил коллективом редакторов и переводчиков Герасим Смотрицкий, единственный человек (кроме издателя К. К. Острожского и печатника Ивана Федорова), имя которого указано в самом издании. Под его руководством работали, по-видимому, знатоки богословия Тимофей Михайлович и Василий Суражский, ученые греки Евстахий Нафанаил из Крита³³, Дионисий Палеолог и другие.

Учитывая опыт Ивана Федорова в работах редакционно-издательского характера, не приходится сомневаться, что ему принадлежало видное место в деятельности коллегии, завершавшей подготовку текста Библии к печати. Задача перед этой коллегией стояла трудная. Как указывает К. К. Острожский в своем предисловии, ему удалось раздобыть многочисленные списки и издания Библии: из Константинополя, балканских стран, Рима; среди пособий переводчиков были также польский и чешский тексты. За основу была принята полученная от царя Ивана IV церковнославянская Библия, подготовленная в конце XV в. в Новгороде

³¹ Заглавие «книжки» Тимофея Михайловича отредактировано под влиянием названия указателя Брестской Библии («Rzeczy i mieysc czelniejszych starego i nowego zakonu porządne zebranie wedle liter obiecada...»).

³² Корнейчик И. И. История української бібліографії. Харків, 1971, с. 17.

³³ Bolognetto A. Epistolae et acta 1581—1585. Ed. E. Kuntze. Cracoviae, 1938, p. 202.

Титульный лист острожской Библии
1581 г.

писал, что перевод «слово от слова еллинской речи послѣдоваша, да не послѣдующе нраву речи словенскія истинны нѣчто погрешат»³⁷. Своим переводом и изданием Библии острожские книжники содействовали принятию греческой грамматики как модели-эталона для упорядочения норм церковнославянского языка позднего периода. Примененные ими на практике приемы были обобщены в Грамматике воспитанника Острожской школы Максима (Мелетия) Герасимовича Смотрицкого³⁸. Как непосредственно, так и через Грамматику Смотрицкого острожская Библия стала одним из важнейших факторов нормализации церковно-

при митрополите Геннадии. При исправлении некоторых книг (Пятикнижие, Иисуса Навина, Эсфирь) острожские редакторы использовали церковнославянские тексты древнейшей, кирилло-мефодиевской редакции³⁴. Книги Товии и Юдифь были сверены с Вульгатой, однако те книги, которые в Геннадиевской Библии переведены с Вульгаты, существенно исправлены на основании канонического греческого перевода 70 толковников (Септуагинты). Третья книга Маккавеев была переведена непосредственно из Септуагинты³⁵. Вообще издатели стремились к тому, чтобы их перевод был по возможности близок к Септуагинте, они считали свою церковнославянскую Библию «как бы дочерью греческой». Традиционная для переводов Библии тенденция к буквализму³⁶ сознательно культивировалась острожским кружком. Впоследствии один из студентов Острожской школы в предисловии к своему переводу трактата Федора Авукара против еретиков

³⁴ И. Крайцар, ссылаясь на письмо А. Поссевино, утверждает, что церковнославянский список библии в кирилло-мефодиевской редакции был якобы получен К. Острожским из Ватиканской библиотеки. (K r a j c a r J. Konstantin Bazil Ostrofskij and Rome in 1582—1584. — «Orientalia Christiana Periodica», 1969, vol. 35, fasc. I, p. 195—196). Однако сам Острожский говорил только, что Библию из Рима привез ему Дионисий Палеолог. В то же время, в предисловии к острожскому изданию подчеркнуто, что образцом для него был греческий текст. Вероятнее всего, Палеолог, бывший знатоком греческого языка, передал Острожскому именно греческий, а не церковнославянский текст. Ср. Bolognetto A. Op. cit., p. 422.

³⁵ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Т. 1, отд. 1, СПб., 1855, с. 52, 57, 79, 129 и др. Freidhoff G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Frankfurt am Main, 1972, S. 30—42.

³⁶ Nida E. A. Toward a science of translating. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden, 1964.

³⁷ Похвала Исае Балабану. Сообщил А. И. Соболевский. — «Чтения в обществе Нестора летописца», 1894, кн. 8, отд. II, с. 38.

³⁸ Толстой М. И. Указ. соч., с. 31.

славянского языка как средства межславянского общения. Участие в редакционных работах Ивана Федорова, внесившего в язык острожских изданий сложившиеся в России особенности, облегчало последующее распространение книги также и в России. Надо также иметь в виду, что в каждой из восточнославянских и южнославянских стран древнеславянские и церковнославянские тексты читались на свой лад, что содействовало принятию церковнославянского языка как «высокого стиля» родного литературного языка ³⁹.

После подготовки текста, разработки и изготовления шрифтов и клише орнаментальных украшений можно было приступить к печатанию книги. Отдельные разделы печатались не в той последовательности, в которой они размещены в книге. В разных экземплярах Библии имеется сравнительно много различий в оформлении и правописании, в то же время послесловие встречается в двух вариантах, один из которых датирован 12 июля 1580 г., другой — 12 августа 1580 г. Поэтому, хотя на титульном листе всех экземпляров указан 1581 г., в научной литературе было распространено мнение о наличии двух изданий Библии — 1580 и 1581 г. Осуществленное А. С. Зерновой сравнение 29 экземпляров Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина показало, что варианты листы размещены в экземплярах, имеющих различные послесловия, без какой-либо системы. Это обстоятельство, как и наличие отдельных экземпляров с двумя разными послесловиями ⁴⁰, позволило сделать вывод, что было только одно издание Библии ⁴¹. В ходе печатания книги в набор все время вносили изменения и исправления. Сначала планировали окончить печатание в августе 1580 г., а когда это оказалось неосуществимым, начали печатать выходные листы с новой датой, намеченной на день завершения работы. При комплектовании экземпляров варианты листы подбирались в разных комбинациях. Старый выходной лист был заменен новым лишь в части тиража, к тому же старое послесловие удалили не из всех экземпляров, в которые был вклеен новый вариант послесловия ⁴².

Острожская Библия — книга форматом в лист, первые 8 листов не нумерованы, после этого идет пять отдельных фолиаций: 276, 180, 30, 56, 78 листов, нумерованных справа сверху кирилловскими буквами. На полных страницах по 50 строк, набор в два столбца. Книга и сейчас поражает объемом и совершенством типографского исполнения. Только такой богатый издатель, как Острожский, и только такой опытный мастер печатного дела, как Иван Федоров, могли в условиях того времени осуществить такое грандиозное издание ⁴³.

На обороте титульного листа — герб К. К. Острожского и стихи о гербе. Далее идет предисловие Острожского (первая его часть напечатана также кириллицей), предисловие и вирши Г. Смотрицкого. Писа-

³⁹ Исследуя транскрипцию отрывков из Острожской Библии, сделанную писателем Л. Гурничким, П. Зволинский пришел к выводу, что также на этнически польских землях были распространены украинские особенности произношения церковнославянских текстов: произношение «ѣ» как «и», фрикативное «г» и др. (См. Z w o l i n s k i P. Psalmow kilka slowieńskich Łukasza Górnickiego i ich pierwowzór. — «Slavia Orientalis», 1963, N 2).

⁴⁰ В некоторых из таких изданий второй вариант послесловия мог быть подклеен букинистами или коллекционерами уже в XIX в.

⁴¹ Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 62.

⁴² Barnicot J. D. A., Simmons J. S. G. The Editio princeps of the Slavonic Bible. — «Oxford Slavonic Papers», 1951, vol. 2, p. 118.

⁴³ Маслов С. І. Культурно-національні відродження на Україні в кінці XVI і першій пол. XVII ст. — В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Т. 1, Київ, 1959, с. 212.

тель гневно разоблачает апологетов католицизма, призывает бороться против духовного порабощения народа этими «хищными волками».

Вирши Смотрицкого стали первой печатной публикацией поэтического произведения одного из украинских писателей того времени. Приблизительно одновременно с ними, в 1581 г., в Остроге была напечатана отдельной листовкой так называемая «Хронология» — вирши белорусского поэта-кальвиниста Андрея Рымши о событиях ветхозаветной истории⁴⁴ (возможно, это была работа не самого Ивана Федорова, а одного из его учеников). Таким образом, Острожская типография впервые на Украине стала печатать не только прозу, но и поэтические произведения.

Художественное оформление Библии, как и Книги Нового завета, заметно отличается от оформления предыдущих больших изданий Ивана Федорова. В Библии сравнительно мало заставок и концовок, главным видом орнаментики являются гравированные на дереве инициалы в прямоугольных рамках (их насчитали 1384)⁴⁵. Богаче, чем в предыдущих острожских изданиях, ассортимент литых наборных украшений. Среди них привлекает внимание деталь, которую Н. П. Киселев называл «херувимом-запорожцем»⁴⁶. Ее прототип выявлен в одном из изданий анонимной типографии «еретиков»-антитринитариев⁴⁷. Титульный лист украшает гравированная рамка, которая была употреблена Иваном Федоровым в обоих Апостолах. Рисунок картуша герба Острожских — подражание аналогичному изображению на обороте титульного листа кальвинистской Брестской библии. Знакомство Ивана Федорова с западноевропейскими изданиями Библии отразилось на общей композиции страницы (набор в два столбца, размещение колонтитулов и колонцифр, характер инициалов). И все же художественный облик острожского шедевра Ивана Федорова неповторимо своеобразен. Острожские шрифты, заставки и инициалы с тонким растительным орнаментом свидетельствуют, что Иван Федоров с любовью и уважением относился к украинскому искусству, прививал эту любовь и Гриню Ивановичу, которого считают непосредственным исполнителем острожских орнаментов⁴⁸.

Библия была напечатана довольно значительным, по тому времени, тиражом. Сохранилось больше ее экземпляров, чем вместе взятых всех других книг, напечатанных Иваном Федоровым. Как свидетельствуют вкладные надписи, Библия весьма быстро стала популярной не только во всех частях Украины и Белоруссии, но и в России, а также среди южных славян и в Молдавии, Валахии, Трансильвании.

Например, в Болгарии, по данным исследований П. Атанасова, сохранилось девять экземпляров книг Ивана Федорова: один экземпляр Апостола 1574 г. и восемь экземпляров острожской Библии; еще о пяти экземплярах Библии в болгарских собраниях известно по литературным

⁴⁴ Вирши примечательны также, как первая публикация не на церковнославянском, а на литературном белорусско-украинском языке. О других произведениях А. Рымши см.: Петец В. Н. Малорусские песни и вирши в записях XVI—XVIII вв.— «Изв. Отд. рус. языка и словесности Акад. наук», 1899, т. 4, кн. 3, с. 875—871; S a j k o w s k i A. Od Sierotki do Rybeńki. Poznań, 1965, s. 9—10, 21. По-видимому, Рымша познакомился с К. Острожским через Радзивиллов, у которых он состоял на службе (Анушкин А. На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс, 1970, с. 67, 115—117).

⁴⁵ Запаско Я. П. Указ. соч., с. 47.

⁴⁶ Киселев Н. П. Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова. — «Книга. Исследования и материалы», 1964, сб. 9, с. 73—74.

⁴⁷ В этом же издании обнаружен и прототип одной из концовок Апостола 1574 г. См.: Grzegorz Pawel z Brzezyn. O prawdziwej smierci, zmartwychstaniu i zywocie wiecznym. Wrocław, 1964, s. 25.

⁴⁸ Запаско Я. П. Указ. соч., с. 55.

источникам⁴⁹. Высоко ценили книгу и в Западной Европе. Довольно подробные библиографические описания ее составили Жак Ле Лонг, Иоганн Петер Коль, Иоганн Гегеманн и некоторые другие ученые XVIII в.⁵⁰ В 1787 г. «отец славянской филологии» Йосеф Добровский писал, что отдал бы за экземпляр острожского издания половину своей библиотеки. А известный ученый-славист В. Копитар, получивший книгу от украинского филолога И. Левицкого, уже на смертном одре назвал ее «прекрасным сокровищем, дорогим и милым всем славянам»⁵¹.

Высокий авторитет острожской Библии признавали и издатели XVII—XIX вв., которые не смогли противопоставить ей более совершенный текст. В 1663 г. была издана первая Библия в Москве — «с готового перевода князя Константина Острожского печати неизменно, кроме орфографии и некоторых в мале имен и речений». С небольшими изменениями этот текст переиздавался и позже в Киеве, Москве, Почаеве. Первая румынская Библия, которую в 1688 г. напечатал в Бухаресте епископ Митрофан со своими учениками, подражала острожскому изданию шрифтом, приемами полиграфической организации текста, украшениями (инициалы на черном фоне в прямоугольных рамках, применение литых наборных украшений для заставок и концовок).

Являясь в Остроге руководителем типографии, Иван Федоров и далее нередко приезжал во Львов для продажи собственных изданий, расчетов с кредиторами, вероятно, также для покупки бумаги и других материалов, нужных княжеской типографии. Во время отсутствия перепечатника во Львове его финансовые дела вел старший сын — переплетчик Иван, которого чаще всего называли Иваном Друкаровичем. В 1579 г. Ивану Федорову и его сыну пришлось, занимая у ростовщика Израиля Якубовича 411 золотых, отдать ему в залог 140 книг, «материалы, литеры, формы и всякое другое оборудование для печатания книг»⁵². В акте не сказано, был ли среди заложенного оборудования печатный стан, однако историки считают, что это само собой разумеется.

72 переводчика за работой. Миниатюра русского художника в одном из экземпляров острожской Библии (экземпляр № 16 собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)

⁴⁹ Атанасов П. Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика, с. 107—110.

⁵⁰ Немировский Е. Л. Очерки историографии русского первопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», 1963, сб. 8, с. 11—12.

⁵¹ Первольф И. И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2, Варшава, 1888, с. 578.

⁵² Monumenta Confraternitatis Stauropigiariae Leopoliensis. Leopoli, 1895, p. 103—104.

Было высказано даже предположение, что стан, хранившийся у ростовщика, использовал Павел Щербич, печатая свои пособия по муниципальному праву — «Speculum Saxonum albo Prawo Saskie» и «Jus municipale to jest Prawo mieyskie» (Львов, 1581)⁵³. Однако более вероятно, что для напечатания этих книг, составляющих один том, было использовано не заложённое оборудование, а стан, остававшийся собственностью Ивана Федорова.

В августе 1580 г. Иван Друкарович и его жена Татьяна продали полученные в наследство от ее матери Вивди Антипоровой части дома и огорода. Очевидно, Иван Друкарович выехал в Острог, чтобы помогать отцу. Хотя 12 августа 1581 г. было намечено как дата окончания Библии, вероятно, еще некоторое время после этого продолжалось печатание отдельных разделов книг (известно, что даже после смерти Ивана Федорова осталось много неполных экземпляров). Последний раз Иван Федоров назван острожским жителем в документе от 5 марта 1582 г.; начиная с 19 марта его уже так не называют. Таким образом, он, вероятно, возвратился во Львов на постоянное жительство не позже середины марта 1582 г.⁵⁴ Его сын еще некоторое время оставался в Остроге, занимаясь, вероятно, переплетом экземпляров Библии⁵⁵.

В чем причина отъезда Ивана Федорова из Острога? Историки пишут о «недоразумениях с К. К. Острожским», а М. Гембарович утверждает даже, что в 1582 г. школа и типография были ликвидированы, так как князь резко уменьшил ассигнования⁵⁶. Однако источники этого не подтверждают. Школа вовсе не прекратила существования, летом 1583 г. князь пытался пригласить для работы в Остроге ученых греков из Италии⁵⁷. Типография также действовала не только до смерти К. К. Острожского, но и некоторое время после этого. Правда, книги выходили сравнительно редко. Библия была напечатана, публицистические произведения острожских писателей-полемистов еще не были готовы. Поэтому не было особой надобности задерживать в Остроге Ивана Федорова, стремившегося возобновить собственную издательскую деятельность. К. К. Острожский не противился решению первопечатника выехать во Львов, но не порвал с ним договорных отношений (именно поэтому между ними не был произведен окончательный расчет)⁵⁸. Имеется документ середины 1583 г., где Острожский говорит о «своем типографе, очень способном»⁵⁹. Здесь, без сомнения, речь идет об Иване Федорове. И для самого Ивана Федорова было выгодно сохранять статус «княжеского типографа», что позволяло ему добиваться налоговых льгот и вообще чувствовать себя более уверенно в обстановке, царившей в Речи Посполитой феодальной анархии.

Собираясь возобновить во Львове издательскую деятельность, Иван Федоров, вероятно, рассчитывал на поддержку объединения горожан — опекунов Успенской церкви. В 1592 г. Успенское братство получило королевскую привилегию об утверждении типографии, «издавна уста-

⁵³ Drukarze dawnej Polski, z. 6. Wrocław — Kraków, 1960, s. 29—30.

⁵⁴ Ковальський М. П. Указ, соч., с. 40.

⁵⁵ Сын первопечатника назван «Иваном Друкаровичем из Острога» в документе от 5 сентября 1582 г. (Ptaszycki S. Op. cit., s. 41—42).

⁵⁶ Gębarowicz M. Op. cit., s. 447, 455, 478, 480.

⁵⁷ Bolognetto A. Op. cit., p. 500.

⁵⁸ В связи с отсутствием четко оформленного урегулирования взаимных обязательств и услуг князь после смерти Ивана Федорова наложил арест на его имущество, однако снял его, как только княжеская администрация убедилась, что нет оснований для материальных претензий к наследникам бывшего княжеского «служебника» (Ковальський М. П. Указ, соч., с. 79).

⁵⁹ Bolognetto A. Op. cit., p. 422.

новленной при этой церкви и реформированной несколько лет тому назад»⁶⁰. Слова о реформе типографии, безусловно, относятся к основанию братской типографии после смерти Ивана Федорова. Что касается первой части процитированного предложения, то Г. И. Коляда полагает, что она может служить доказательством существования во Львове типографии до Ивана Федорова⁶¹. Однако источники не подтверждают такой гипотезы⁶². Поэтому естественно считать акт 1592 г. доказательством связи типографии Ивана Федорова с деятелями, объединенными вокруг Успенской церкви (еще до организационного оформления при этой церкви братства). Это тем более вероятно, если учесть, что те или иные связи с Иваном Федоровым имели люди, ставшие впоследствии основателями братства: Лесько Малецкий, Иван Богатырец, Иван Бильдяга, Иван Минцевич (в доме последнего разместилась впоследствии братская школа)⁶³.

26 февраля 1583 г. Иван Федоров подписал новый договор с Гринем Ивановичем, который возвратился к своему бывшему хозяину и учителю, поработав некоторое время для вильнюсской типографии Мамонича. Гринь обязался окончить начатый шрифт, а уже готовый — ремонтировать в случае надобности. Если бы Иван Федоров поручил эту работу другому мастеру, то он должен был уплатить 200 золотых неустойки Гриню⁶⁴. Помощь Гриня была очень кстати, так как сам Иван Федоров был занят в это время не только устройством типографии, но и своими изобретениями в области артиллерийской техники.

Еще в январе 1583 г. Иван Федоров получил от польского короля Стефана Батория заказ на изготовление двух пушек⁶⁵. Оказывается, это не было случайностью. Польский исследователь В. Губицкий обнаружил в Саксонском краевом архиве в Дрездене письмо, посланное первопечатником 23 июля 1583 г. из Вены саксонскому курфюрсту Августу⁶⁶. Из него видно, что весной или летом 1583 г. неутомимый мастер приехал в Вену, чтобы продемонстрировать императору Рудольфу II и эрцгерцогам разборную многоствольную пушку — результат своих многолетних изысканий. По словам первопечатника, участников осмотра очень заинтересовало изобретение. «Когда же они, — пи-

Церковь Онуфриевского монастыря — место погребения Ивана Федорова (вид до перестройки). Рисунок Ф. Ковальшина

⁶⁰ Monumenta Confraternitatis Stauropigianaе Leopoliensis, p. 390.

⁶¹ Коляда Г. И. До питання про українське друкарство у Львові перед Іваном Федоровим. — «Рад. літературознавство», 1963, № 6, с. 89.

⁶² Исаевич Я. Д. Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI—XVII ст., с. 139—145.

⁶³ ЦГИА УССР во Львові, ф. 129, оп. 1, д. 1125, л. 7.

⁶⁴ P t a s z y c k i S. Op. cit., s. 31.

⁶⁵ Zródła dziejowe. T. 9, cz. 2. Warszawa, 1881, s. 119.

⁶⁶ Губицкий В. Первопечатник Иван Федоров — пушечный мастер. — «Вопр. истории естествознания и техники», 1969, вып. 2, с. 58—63.

шет Иван Федоров, — хотели узнать сущность секрета, я готов был им это раскрыть и продемонстрировать на определенных условиях, которые они отказались принять». Именно после этой неудачи Иван Федоров попытался заинтересовать саксонского курфюрста прототипом новой пушки, а также еще одним своим изобретением — мощной ручной бомбардой (мушкетом?). Иван Федоров писал, что может приехать в Дрезден, чтобы показать свое изобретение. Из записи на острожском греческо-церковнославянском учебнике видно, что уже в 1583 г. хранящийся ныне в Готе экземпляр был у ученого-ориенталиста Элиаса Гуттера (который в 1579—1583 гг. жил в Дрездене, обучая курфюрста Августа древнееврейскому языку)⁶⁷. Некоторые ученые предполагают, что эту книгу привез сам Иван Федоров из Вены в Дрезден после июля 1583 г.⁶⁸. Однако такому объяснению противоречит факт, что уже 30 июня 1583 г. Э. Гуттер получил выходное удостоверение от курфюрста и вскоре уехал из Дрездена. Острожскую Библию Гуттер уже весной 1583 г. показывал словенским филологам А. Богоричу и Ю. Далматину, которые останавливались в Дрездене по дороге в Витенберг (в Витенберге с мая по ноябрь 1583 г. печаталась Библия в переводе Далматина)⁶⁹. Итак, федоровские издания были известны Гуттеру еще до июля 1583 г. Полагаем, что Иван Федоров 20 июля обратился к курфюрсту и потому, что уже ранее установил связь с одним из его приближенных — Гуттером. Последний же завязал сношения с острожским кружком, поскольку планировал издать многоязычную библию и подбирал для нее тексты.

Таким образом, нельзя быть уверенным, посетил ли Иван Федоров Дрезден или, что более вероятно, выехал из Вены во Львов.

Не исключена возможность, что во время своего путешествия по странам Европы Иван Федоров выполнял какие-то поручения К. К. Острожского. Нунций А. Болоньетто писал 22 июля 1583 г., что Острожский предложил послать в Рим «своего типографа»⁷⁰. Однако переговоры Болоньетто с Острожским ни к каким результатам не привели, так как православный магнат, хотя и вел сложную дипломатическую игру с ватиканскими представителями, не пошел на уступки. В Рим Иван Федоров не поехал, а возвратился на Украину.

Еще по дороге в Вену или на обратном пути Иван Федоров останавливался в Кракове. Из более позднего акта известно, что в 1583 г. (месяц в этом документе не указан) Иван Федоров занял в Кракове 136 золотых у львовского городского пушечного мастера Даниила Кенига⁷¹. Вероятно, во время того же посещения Кракова он получил от краковского горожанина Фольтына Бертольдо какую-то сумму денег под залог своего имущества — 200 экземпляров Библии дефектных («без начал») и двух типографий, одной со шрифтом, второй без шрифта⁷². Таким образом, планируя собственную издательскую деятельность, Иван Федоров в то же время был вынужден отдать в залог необходимое для этого оборудование. Очевидно, Федоров надеялся выкупить залог в самое близкое время, именно поэтому кредитор согласился, чтобы заложенное имущество оставалось во Львове.

⁶⁷ Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 13. Berlin, 1881, S. 475.

⁶⁸ Немировский Е. Л. Выдающийся памятник русской и украинской культуры, с. 443.

⁶⁹ Kunstmann H. Slawisches um die Nürnberger Bibeldruck Elias Hutters. — «Welt der Slawen», 1958, N 3, S. 173—174.

⁷⁰ Bolognietto A. Op. cit., p. 422.

⁷¹ Ptaszycski S. Op. cit., p. 42—43.

⁷² Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров. Жизнь и деятельность. — «Полиграфия», 1964, № 3, с. 12—13.

Что планировал Иван Федоров издавать в своей последней типографии? Вряд ли это было переиздание Апостола, как предполагали некоторые исследователи⁷³. Из имущества, перешедшего от Ивана Федорова к его наследникам, известны только две книги — «Псалтырь в[о]лошского извода»⁷⁴ и «Псалтырь толкованный»⁷⁵. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем первопечатник собирался издавать именно Псалтырь, тем более, что это издание пользовалось наибольшим спросом. Но, конечно, этим издательские планы не ограничивались. Не случайно львовский православный епископ Гедеон Балабан спустя несколько лет писал о намерении первопечатника издать не одну какую-либо книгу, а книги («Той Иван друкар помыслил был болше книг ремесла своего друкарского видати»). Но смерть помешала осуществить эти планы. Как пишет тот же Гедеон Балабан, «пришел час скончатиися животу его, впадши в болезнь ко смерти»⁷⁶. В декабре 1583 г. Иван Федоров умер в доме портного Антоха на львовском предместье Подзамчье⁷⁷. Антох — это, вероятнее всего, портной Антон Абрагамович, принимавший впоследствии участие в деятельности Успенского братства украинских горожан Львова⁷⁸.

Похоронили Ивана Федорова в Подзамчье в Онуфриевском монастыре, находившемся под патронатом горожан центральной части Львова, ктиторов Успенской церкви. Очевидно, они и положили на могиле первопечатника надгробную плиту с надписью: [Иван Федоров]ич друкар москвитин который своим тщанием друкование занедбалое обнов[ил...].

Надгробие Ивана Федорова. С рисунка Модеста Гриневецкого 1817 г.

⁷³ Ісаєвич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. Київ, 1966, с. 176.

⁷⁴ В сохранившемся в актах львовского магистра документе речь идет о «псалтыри влошского зводу» (ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, д. 251, л. 1480). Э. И. Ружицкий, публикуя документ в переводе, пишет о «псалтыри итальянского извода» (см.: Ружицкий Е. Указ. соч., с. 69). Однако, бесспорно, имеется в виду волошский извод, — т. е. южнославянский в той редакции, которая была распространена в Молдавии и Валахии.

⁷⁵ О списке толковой Псалтыри см.: Сенгалевиц Ф. Псалтир толкований. — «Зап. ист.-філол. відділу ВЧАН». 1928, кн. 18, с. 202—211.

⁷⁶ Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, p. 111.

⁷⁷ Ружицкий Е. Указ. соч., с. 67—69.

⁷⁸ Ружицкий Е. Новое про Івана Федорова. — «Літ. Україна», 1972, 14 ноября.

Друкар книг [п]ред тым невиданых». Уже в первой половине XIX в. плита была повреждена, поэтому дату смерти разные исследователи читали по-разному: одни как 5(15) декабря, другие 6(16) декабря. Большого доверия заслуживает первая дата, фигурирующая в самых старых описаниях и зарисовках плиты⁷⁹.

Перед смертью Иван Федоров подарил 150 золотых наследникам своего друга седельщика Сенько Калениковича, который много помогал первопечатнику в первые годы его деятельности на Украине. Вдове и детям Сенько Калениковича причиталось также 300 золотых, которые в свое время Иван Федоров занял у Сенько. Впрочем, сын Сенько — Сацко Сенькович и сапожник Сенько Корунка, женившийся на вдове Сенько Калениковича, стали сами уплачивать кредиторам Ивана Федорова его долги, чтобы сосредоточить в своих руках права на как можно большее количество находившегося в залоге типографского оборудования и книг Ивана Федорова. Когда им это удалось, Сацко и Корунка попытались заняться книгопечатанием. Вероятно, именно они допечатали недостающие листы в некоторых экземплярах острожской Библии (экземпляры с так называемыми «виленскимим» листами, отличающимися по шрифту от остальной книги). Однако вскоре Сацко Сенькович и Сенько Корунка продали имевшееся у них федоровское оборудование виленскому белорусскому друкарю Кузьме Мамоничу⁸⁰. Именно поэтому такой шрифт, как в «виленских» листах, появился в изданиях Мамоничей⁸¹.

Другая часть оборудования и шрифтов Ивана Федорова, заложенная им в свое время ростовщику, была выкуплена горожанами центральной части Львова. Деньги для этого собрала группа горожан — опекунов Успенской церкви, которая как раз в эти годы занималась организационным оформлением Успенского братства — ведущей общественно-политической организации украинского населения Львова⁸². Уже в 1589 г. типография перешла в руки братства, хотя уплату выкупных платежей оно продолжало до осени 1591 г. Епископ Гедеон Балабан первоначально сотрудничал с горожанами в организации типографии, однако вскоре он вступил в конфликт с братством, не желая допустить контроля светских людей над деятельностью духовенства в области культуры и общественно-политической жизни.

Ксилографические доски из типографии Ивана Федорова применялись в изданиях типографии Львовского братства на протяжении XVII—XVIII вв., а после упразднения братства перешли вместе с остальным типографским оборудованием к типографии Ставропигийского института. Оттиск одной из федоровских досок обнаружен в львовском издании 1849 г.⁸³ Оригинальные доски Ивана Федорова или их копии применялись также Киево-Печерской, Почаевской, Могилевской и некоторыми

⁷⁹ Ісаєвич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров на Україні. Київ, 1964, с. 28; Немировский Е. Л. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. — «Вопр. истории», 1964, № 6, с. 215.

⁸⁰ Ружицкий Е. Нові дані про останній період життя і смерть Івана Федорова, с. 68—69; Крип'якевич І. П. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Київ, 1953, с. 61.

⁸¹ Менее правдоподобно предположение, что «виленские» листы и на самом деле напечатаны в Вильно. Виленская типография Мамоничей была к тому времени хорошо налаженным полиграфическим предприятием, ее издания выполнены на хорошем профессиональном уровне. Между тем «виленские» листы напечатаны очень примитивно.

⁸² Ісаєвич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст., с. 33, 177.

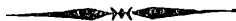
⁸³ Запаско Я. П. Використання художньої спадщини Івана Федорова в оформленні українських книг кінця XVI — початку XIX ст. — «Поліграфія і видавнича справа», 1970, вип. 5, с. 164—165.

другими типографиями⁸⁴. Длительная популярность украшений Ивана Федорова свидетельствует о том, насколько соответствовали они вкусам и эстетическим запросам современников, что, в свою очередь, усиливало влияние традиций на последующие поколения художников книги.

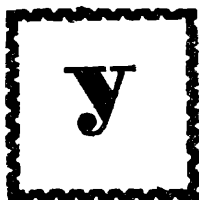
Последние годы жизни Ивана Федорова были весьма плодотворными. Он был в то время зрелым мастером своего дела, пользовался заслуженным авторитетом. Именно в изданиях Острожской типографии того периода, когда ее возглавлял Иван Федоров, появляются впервые на Украине титульные листы в ксилографических рамках, шрифты нового рисунка, наборные литые украшения. Все эти новшества соответствовали назревшим потребностям и были подхвачены последователями Ивана Федорова.

Во Львове и Остроге Иван Федоров был не только мастером книгопечатания и просветителем, но и общественным деятелем, которому удалось сплотить вокруг своих издательских начинаний широкие круги населения. Опираясь на помощь и поддержку общественности, Иван Федоров создал замечательные книги, явившиеся выдающимся вкладом в развитие украинской культуры и укрепление русско-украинских культурных связей.

⁸⁴ Гусева А. А. Взаимосвязи украинских типографий конца XVI — первой половины XVII вв. (Проблемы миграции типографских материалов). — В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая Всесоюз. науч. конференция по проблемам книговедения. Секция истории книги. Общие проблемы истории книги. История книги в СССР в XV—XIX вв. Тезисы докладов. М., 1974, с. 41.

РУССКОЕ БИБЛИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(1917—1931 гг.)

Учредительное собрание Русского библиологического общества, состоявшееся 25 сентября 1899 г., поставило своей задачей «содействие объединению работающих по вопросам книговедения и теоретической выработке и практическому применению мер для облегчения обозрения всех родов литературных произведений, а также изучение книжного дела в его прошлом и настоящем»¹. С тех пор более тридцати лет регулярно созывались заседания Общества, выходили в свет его издания, по его инициативе претворялся в жизнь ряд важных практических начинаний в области книговедения, библиографии и библиотечного дела.

Деятельность Русского библиологического общества в дореволюционные годы достаточно подробно освещена в печати². Значительно меньше изучен советский период его истории. Из работ обобщающего характера о деятельности Общества в этот период можно назвать только статью Л. К. Ильинского³ и незавершенный труд А. Г. Фомина, хранящийся в его фонде в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (ф. 568). Основные же сведения о Русском библиологическом обществе в 1917—1931 гг. можно почерпнуть из журнальной и газетной хроники и из архивных источников. Среди последних наиболее интересен фонд Общества, переданный после его ликвидации на хранение в Рукописный отдел Института русской литературы (ф. 147). Еще 10 апреля 1927 г. на заседании совета Общества было принято решение «собрать архивные материалы РБО, находящиеся у частных лиц, подобрать печатные материалы Общества, просить старейших членов РБО написать воспоминания о его деятельности»⁴. Однако выполнить эту задачу оказа-

¹ См. устав Общества, хранящийся в Ленинградском государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС), ф. 1001, оп. 6, д. 280, л. 21.

² См.: Труды Первого Всероссийского библиографического съезда. М., 1926, с. 12—18 (доклад К. И. Шафрановского); М а ш к о в а М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969, с. 421—431.

³ Ильинский Л. К. Русское библиологическое общество за годы революции. — «Библиотечное обозрение», 1926, кн. 1—2, с. 147—156.

⁴ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 37, л. 32 об.

лось совсем не просто: многие материалы были утеряны при перемещениях архива, другие рассеялись по частным собраниям. На заседании Совета Общества 16 апреля 1930 г. А. Г. Фомин проинформировал собравшихся о том, что «дела Общества до 1927 г. сохранились лишь в чрезвычайно разрозненном состоянии, и надежд на их разыскание не остается»⁵. Поэтому существенным дополнением к основному фонду РБО могут служить протоколы и другие материалы за ранние годы, сохранившиеся в делах Отдела внутреннего управления Ленгорисполкома и Научного отдела Наркомпроса (ЛГАОРСС, ф. 1001 и 2555), и в фонде Ленинградского института книговедения (Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ЛГАЛИ, ф. 8741).

Русское библиологическое общество на всем протяжении своего существования оставалось довольно узким кружком специалистов книжного дела (56 членов Общества в 1899 г., 76 — в 1925 г., 94 — в 1930 г.)⁶. Однако среди них были крупнейшие ученые — книговеды, библиографы, литературоведы, историки и библиофилы: А. Ф. Кони, Н. П. Лихачев, Н. К. Никольский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Перетц, В. Э. Банк, А. М. Белов, П. Н. Берков, В. Ф. Боцяновский, С. А. Венгеров, О. Э. Вольценбург, Н. С. Державин, Л. К. Ильинский, Б. И. Коплан, М. Н. Куфаев, Н. М. Лисовский, А. М. Ловягин, А. И. Лященко, А. И. Малейн, А. В. Мезьер, Н. К. Пиксанов, А. С. Поляков, П. К. Симони, В. С. Спиридонов, А. Д. Тропов, А. Г. Фомин, Д. Д. Шамрай, К. И. Шафрановский и др.

В трудные годы революции и гражданской войны Общество ни на месяц не прекращало своей работы. И едва ли справедлив упрек М. В. Машковой петроградским библиологам в «сознательном и нарочитом уклонении от современности и живых тем»⁷. Взволновавшие всю страну события февраля и октября 1917 г. не прошли незамеченными. Общество приняло активное участие в организации работы Книжной палаты, в спасении и разборке библиотеки и архива Департамента полиции, намечало практические меры по борьбе с полиграфическим кризисом, с книжной дороговизной, здесь горячо обсуждались новинки книговедческой литературы, вышедшие в свет после свержения самодержавия⁸. «Русское Библиологическое Общество, — писал в эти дни журнал московских библиографов, — блестяще доказало, что оно обладает большим запасом творческих сил, в которых так нуждается наша наука о книге»⁹.

Регулярно, раз в три недели, его члены собирались на заседания то в помещении Книжной палаты, то в Единой трудовой школе на Фонтанке.

В 1919 г. Русское библиологическое общество скромно отметило свой двадцатилетний юбилей. В отчетном докладе на торжественном заседании А. И. Малейн подвел итоги его деятельности. 31 мая 1919 г. состоялось отчетно-перевыборное заседание Общества, на котором был избран его новый Совет: президент А. И. Малейн, вице-президент — Л. К. Ильинский, секретарь — А. Д. Александров и члены Совета — В. В. Буш, А. Г. Максимов, Ю. Г. Оксман, А. С. Поляков, П. К. Симони, В. С. Спиридонов и А. Г. Фомин. На заседании возникла дискуссия о пересмотре устава. От внимания членов Общества не укрылось, что его деятельность в послереволюционные годы начала приобретать все более определенный

⁵ Там же, д. 40, л. 34.

⁶ См.: М а ш к о в а М. В. Указ. соч., с. 421; ЛГАОРСС, ф. 1001, оп. 6, д. 280, л. 85; ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 40, лл. 40—48.

⁷ М а ш к о в а М. В. Указ. соч., 429.

⁸ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 35, лл. 2—4; д. 62, л. 9; д. 105, лл. 33, 39, 40; ЛГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 62, л. 1; «Библиогр. вестник т-ва В. А. Березовского», 1918, № 245, 28 мая, с. 43.

⁹ «Библиогр. известия», 1917, № 1—2, с. 73.

историко-литературный характер. Большинство из них настаивало на том, чтобы Общество более твердо придерживалось основного направления в своей работе — разработки теории книговедения, конкретного разрешения практических вопросов книжного дела. В рекомендациях новому Совету было записано, что последний должен установить самый тесный контакт с Книжной палатой, активно участвовать во всех ее начинаниях¹⁰.

В 1919—1921 гг. наметился определенный перелом в деятельности Общества, вопросам книговедения стали уделять больше внимания. Однако на его заседаниях по-прежнему доминировали доклады на историко-литературные темы. Сетуя на это, журнал московских библиографов писал: «Очевидно, библиология в Петрограде понимается, как область литературоведения, и, к сожалению, ничто не может наших уважаемых соседей разубедить в ложности этого взгляда»¹¹. Поэтому Русскому библиологическому обществу на заседании 29 декабря 1921 г. снова пришлось вернуться к этому вопросу. Была создана специальная комиссия в составе А. И. Малеина, А. М. Ловягина, А. С. Полякова и Л. К. Ильинского для подготовки доклада об изменении устава Общества и определения его дальнейшей программы. Положения, разработанные Комиссией и доложенные на заседании 16 января 1922 г., способствовали активизации его деятельности в области книговедения, вовлечению в него новых членов и, в первую очередь, работников книги — практиков¹².

Выпустив в свет несколько интересных изданий, Общество пополнило свою кассу. Благодаря любезности своего нового секретаря, директора Центральной библиотеки русской драмы А. С. Полякова, оно смогло бесплатно пользоваться для заседаний помещением библиотеки. Повестки о заседаниях Общества регулярно вывешивались в Публичной библиотеке, Библиотеке Академии наук, в Доме ученых и Доме литераторов, в Петроградском институте книговедения, в университете и педагогических институтах¹³.

К середине 20-х годов интерес к вопросам книговедения и научной библиографии настолько возрос, что их разработкой начали заниматься уже десятки обществ, учреждений, организаций и отдельных лиц во многих городах страны. Однако отсутствие теоретического и практического опыта, самых необходимых руководств и пособий, разобщенность и распыленность сил библиографов зачастую приводили к кустарничеству и параллелизму в их работе, особенно губительным в библиографии — отрасли деятельности, требующей особой точности и методичности. Поэтому родившаяся в кругах московских и ленинградских книговедов идея созыва всероссийского форума для обсуждения и разрешения жизненно важных вопросов библиографической теории и практики встретила горячую поддержку Российской центральной книжной палаты. По ее инициативе в ноябре 1923 г. началась подготовка к проведению I Всероссийского библиографического съезда¹⁴. Активно включилось в эту работу и Русское библиологическое общество.

29 февраля 1924 г. на заседании Общества с программным докладом «Насущные вопросы библиографии» выступил Л. К. Ильинский¹⁵. Он

¹⁰ См.: «Вестник просвещения», 1919, № 1—3 (9—11), с. 80; ЛГАЛИ, ф. 8741, оп. 1, д. 213, л. 1.

¹¹ «Библиогр. известия», 1922, № 1—4, с. 45.

¹² «Библиогр. листы Русского библиологического общества», 1922, л. 11, с. 27.

¹³ Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 30 окт. 1821—30 окт. (12 ноября) 1921. Пг., 1921, с. 34.

¹⁴ См. письмо директора Российской центральной книжной палаты Н. Ф. Яницкого в Отдел научных учреждений Главнауки от 29 ноября 1923 г. — ЛГАЛИ, ф. 8741, оп. 1, д. 322, лл. 4—5.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 36, л. 11 об.

указал на отсутствие координации в работе библиографов, на неразработанность истории отечественной библиографии, в которой был бы проанализирован и обобщен опыт их предшественников и, наконец, на путаницу в самом определении задач библиографии, ее места среди других научных дисциплин. Для устранения этих недочетов им была выдвинута широкая программа практических мероприятий. Среди последних намечалось издание книговедческой энциклопедии и специального библиографического журнала, регулярный созыв конференций и съездов библиографов, составление репертуара русской книги и ретроспективной библиографии периодических изданий и журнальных статей, улучшение системы текущей государственной библиографической регистрации.

С интересными дополнениями к докладу Л. К. Ильинского выступили на этом заседании М. Н. Куфаев, А. Д. Торопов, А. И. Малеин и Л. М. Шах-Паронианц. Они предлагали включить в систему текущей государственной библиографической регистрации летописи статей из журналов и крупнейших газет, рецензий и библиографию второй степени, разработать единые правила описания произведений печати, начать подготовку сводных каталогов инкунабул и русских старопечатных книг, хранящихся в библиотеках СССР.

На этом же заседании членами Общества была избрана специальная комиссия для объединения ленинградских библиографов, выработки программы работ предстоящего съезда и подготовки докладов. В комиссию, возглавляемую профессором М. Н. Куфаевым, впоследствии вошли представители Ленинградского института книговедения, Библиотеки Академии наук СССР, Публичной библиотеки, библиографической комиссии Губполитпросвета, Ленинградского университета, Госиздата, книжно-библиотечного факультета Института внешкольного образования и Библиотеки Института инженеров путей сообщения. За несколько месяцев ею была проделана большая работа: собраны сведения о деятельности библиографических организаций Ленинграда, укреплены их связи, намечены и заслушаны доклады, предлагаемые вниманию участников съезда, установлены прочные контакты с Московским организационным комитетом съезда¹⁶. 9 мая 1924 г. на заседании Общества А. И. Малеин сообщил, что важнейшие предложения комиссии учтены организационным комитетом съезда при разработке его программы¹⁷.

На состоявшемся в Москве со 2 по 8 декабря 1924 г. I Всероссийском библиографическом съезде были и представители Русского библиологического общества. Доклады членов Общества — М. Н. Куфаева о координации в библиографии, К. И. Шафрановского о деятельности РБО в предреволюционные годы, А. И. Малеина и А. Д. Торопова об унификации титульного листа и Я. П. Гребенщикова о связи теоретической и практической библиографии — были заслушаны собравшимися с живым интересом¹⁸. Съезд оказал большое влияние на дальнейшее развитие советского книговедения. Попытка «внести организованность и стройность в библиографическую работу и, прежде всего, заложить фундамент теории библиографической науки»¹⁹ была для того времени крайне плодотворной и своевременной. Ленинградские библиографы почерпнули на съезде много ценного в опыте своих иногородних коллег. Эта мысль ярко про-

¹⁶ См. протоколы совещаний Комиссии 24 и 31 марта, 7 и 21 апреля и 5 мая. — ЛГАЛИ, ф. 8741, оп. 1, д. 322, лл. 7, 8, 9, 12—13, 17.

¹⁷ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 36, л. 31.

¹⁸ См.: «Печать и революция», 1925, № 1, с. 318—320.

¹⁹ От Комитета по созыву I-го Всероссийского библиографического съезда. М., 1924, с. 1.

звучала в докладе А. И. Малеина о работе съезда на заседании Общества 2 января 1925 г.²⁰

На торжественном заседании 29 января 1926 г., посвященном 25-летию юбилею Русского библиологического общества, с интересными докладами выступили А. И. Малеин, В. Ф. Боцяновский и Л. К. Ильинский, были оглашены приветствия от научно-исследовательских организаций и обществ, библиотек и музеев Ленинграда, Москвы, Киева и Одессы²¹.

Высокую оценку получили оба главных направления в работе Общества: книговедческое и историко-литературное. Выступая от имени Ленинградского института книговедения, Л. В. Булгакова отмечала то большое значение, которое имели для советских книговедов заседания Общества, позволявшие им делиться результатами своих исследований с коллегами, быть постоянно в курсе новейших достижений отечественной и зарубежной науки о книге²². Представители Пушкинского дома воздавали должное тому, что члены Общества на протяжении многих лет кропотливо собирали и обобщали многообразные факты истории отечественной литературы. Без этой «в существе своем неблагодарной, невидной, черновой» работы не было бы возможным серьезное изучение литературных процессов, их теоретическое осмысление²³.

Не успели отзвучать приветственные речи на юбилейном заседании Общества, как началась полоса затяжного кризиса. Большим ударом для Общества была кончина в 1923 г. его секретаря — директора Центральной библиотеки русской драмы А. С. Полякова, человека на редкость энергичного и эрудированного. Новый секретарь С. А. Красильников не мог уделять делам Общества столько внимания, сколько покойный. Почти полное отсутствие у Общества средств привело к конфликту с новой дирекцией Центральной библиотеки русской драмы, у которой оно арендовало помещение для заседаний²⁴. Отсутствие ясного направления в деятельности Общества, случайный подбор тем и авторов докладов, провал большинства практических начинаний — все это неуклонно расшатывало его фундамент.

В феврале 1926 г. подали заявление об отставке президент Общества А. И. Малеин и секретарь С. А. Красильников, в мае их примеру последовал вице-президент Л. К. Ильинский²⁵. На бурных заседаниях Совета Общества 2 и 23 апреля раздавались голоса за полную ликвидацию самостоятельности Русского библиологического общества и присоединение его к какому-нибудь кредитоспособному учреждению. Наиболее принципиальную позицию заняли А. Г. Фомин, М. Н. Куфаев и Я. П. Гребенщиков, предлагавшие в корне перестроить всю работу Общества, придав ей четко выраженное книговедческое, библиографическое направление, расширить число его членов за счет работников книги — практиков, и в первую очередь — молодежи, активизировать издательскую деятельность Общества и тем пополнить его финансы²⁶. Однако ни создание 14 мая комиссии по рассмотрению этих предложений (А. И. Лященко, А. Г. Фомин и В. И. Кардашевский), ни избрание 9 июня нового состава Совета (президент А. И. Малеин, вице-президент А. Г. Фомин, секретарь В. И. Кардашевский) не помогли Обществу выйти из создавшегося положения²⁷.

²⁰ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 36, л. 62.

²¹ Там же, л. 137; «Красная газета», веч. вып., 1926, 30 янв., с. 3.

²² ИРЛИ, там же, д. 47, лл. 1—3.

²³ Там же, д. 48, л. 1.

²⁴ Там же, д. 85, л. 1.

²⁵ Там же, д. 36, лл. 152, 162, 177, 184.

²⁶ Там же, лл. 165 об., 173—174.

²⁷ Там же, лл. 177, 185.

Возрождение деятельности Общества связано с именем А. Г. Фомина. После того как в начале 1927 г. был разработан твердый производственный план Ленинградского института книговедения, и работа последнего заметно активизировалась, перед Фоминым и его коллегами открылась более ясная перспектива дальнейшей деятельности Общества, дополняющей, но не дублирующей начинания других книговедческих организаций и обществ Ленинграда²⁸. Этими выводами руководствовался с первых дней своей работы избранный на заседании Общества 2 апреля его новый Совет (президент — А. Г. Фомин, вице-президент — В. С. Спиридонов, секретари — В. И. Кардашевский и М. К. Клеман)²⁹.

Однако осуществить новую программу оказалось делом чрезвычайно трудным. Ленинградский институт книговедения привлек к участию в своих работах почти всех ленинградских книговедов. Кроме того, в известной мере книговедческие силы Ленинграда отвлекали от Библиологического общества другие организации: Общество библиофилов, Общество библиотековедения, Общество экслибрисистов, Библиографическую комиссию Центрального бюро краеведения, Библиографическую комиссию Облоно и др. Указывая на это в отчетном докладе Совету Общества 19 февраля 1928 г., А. Г. Фомин предостерегал собравшихся от нового уклона в сторону историко-литературной тематики, просил их помочь в подыскании докладчиков-книговедов, а также в распространении изданий Общества³⁰. Просьба Фомина встретила активную поддержку членов Общества, и с каждым годом вопросы книговедения начали занимать в его деятельности все более доминирующее положение (в 1927 г. 30% всех докладов, прочитанных на заседаниях Общества, носили историко-литературный характер, в 1928 г. — 22%, в 1929 г. — 10%, в 1930 г. — ни одного доклада непрофильной тематики)³¹.

В последние годы самостоятельного существования Русского библиологического общества в его деятельности наметились новые тенденции. Фомин и его коллеги попытались покончить с узкоакадемической замкнутостью Общества, познакомить массовую аудиторию с новейшими работами ленинградских книговедов. Для этой цели, по соглашению с культсектором Облпрофсовета, членами Общества был подготовлен цикл популярных лекций и докладов, которые предполагалось прочитать в рабочих клубах и библиотеках («Изображение рабочего класса в русской революционной книге» А. Г. Фомина, «Книги ранних пролетарских поэтов и их предшественников» П. Н. Беркова, «Как делается книга» А. К. Шульца и др.)³². Постоянными гостями на заседаниях Общества стали учащиеся Государственного техникума печати, Высших курсов библиотековедения, студенты Ленинградского государственного университета, Педагогического института им. А. И. Герцена.

В январе 1931 г. Ленинградский областной отдел народного образования в целях концентрации усилий ленинградских книговедов принял постановление о слиянии Русского библиологического общества с Обществом библиотековедения³³. Все попытки Фомина добиться пересмотра этого решения и присоединить Библиологическое общество к Музею книги при Академии наук СССР успеха не имели³⁴. Русское библиологическое общество было преобразовано в библиологическую секцию Общества библиотековедения. 10 июня 1931 г. состоялось даже первое за-

²⁸ Там же, д. 37, лл. 30—31.

²⁹ Там же, д. 37, л. 7.

³⁰ Там же, д. 38, л. 69.

³¹ «Библиогр. известия», 1929, № 1—4, с. 167.

³² ИРЛИ, там же, д. 40, лл. 139—141.

³³ Там же, д. 24, л. 57; д. 105, л. 88.

³⁴ Там же, д. 24, лл. 63, 65; д. 25, л. 40.

седание секции, на котором выступил А. И. Лященко³⁵ с докладом «С. Г. Домашнев как автор „Известия о некоторых русских писателях (1768 г.)»³⁶. Но на этом работа секции прекратилась.

* * *

Деятельность членов Русского библиологического общества в области книговедения и истории литературы находила отражение в докладах и сообщениях, с которыми они выступали на его заседаниях. О тематике этих докладов наглядно свидетельствует приводимая ниже таблица.

Годы. Кол-во заседаний	Теория книго- ведения, ис- тория книги и библиогра- фии	Биограф. материалы о работни- ках книги	Вопросы практич. библиогра- фии	Критико- библиогра- фич. об- зоры	Отзывы о но- вых работах по книгове- дению	История лит., жур- налистики, театра и общ. мыс- ли	Всего
1918 ³⁶ 10	5	1	3	—	—	12	21
1919 10	1	—	1	1	1	7	11
1920 11	3	6	—	3	1	8	21
1921 —	2	9	—	2	4	11	28
1922 —	3	2	1	2	1	21	30
1923 —	3	4	2	1	1	5	16
1924 12	4	2	3	3	6	8	26
1925 13	7	4	3	1	—	7	22
1926 3	4	2	—	—	1	—	7
1927 6	3	2	1	—	—	3	9
1928 9	2	9	—	3	—	4	18
1929 8	3	1	1	3	2	1	11
1930 9	5	11	2	—	1	—	19
Итого 60 зас.	28	31	10	10	10	23	112

³⁵ Там же, д. 25, л. 51; д. 105, л. 75.

³⁶ Сведения за 1918—1923 гг. неполны, так как для точного подсчета количества заседаний Общества и докладов в этот период нет достаточных данных. В последней графе таблицы суммируются данные только за 1924—1930 гг.

В центре внимания Общества, несмотря на отклонения от основной программы, постоянно находились вопросы книгоиздания, законодательства о печати, распространения книги, книжной статистики, классификации, регистрации и библиографирования книг, деятельность работников книги.

Однако подлинно научное решение всех этих вопросов затрудняли неразработанность теоретических основ книговедения, эмпирический, немарксистский подход к проблеме книги. Попытки проследить основные моменты бытия книги, выявить их взаимосвязь и социальное значение предпринимались на заседаниях Общества еще в начале 20-х годов. Оживленную дискуссию, затянувшуюся на два заседания, вызвал в марте 1920 г. доклад основателя Русского библиологического общества А. М. Ловягина «Библиология или общая наука о книге». Попытка выявить социальную роль книги, предпринятая докладчиком, была, несомненно, интересной и позитивной. В том же 1920 г. выяснению содержания термина «библиология» посвятил А. С. Поляков свой доклад «Книговедение как научная дисциплина и ее методы». В другом своем сообщении — «Русская драматическая литература за два века и принципы ее описания в Центральной библиотеке русской драмы» — Поляков познакомил слушателей с практическим применением методов книговедческого описания.

Важные теоретические вопросы книговедения были затронуты в докладе М. Н. Куфаева «Проблемы философии книги» (29 сентября 1921 г.). Докладчик, подробно проанализировав различные аспекты изучения книги в целом ряде смежных научных дисциплин, указал на необходимость разработки «науки наук» о книге, философского осмысления ее бытия, развития и познания.

Интерес к вопросам теории особенно возрос в последние годы существования Общества, когда впервые начались серьезные поиски марксистского метода в книговедении. Выходу в свет книги Г. Богатта «Введение в книговедение»³⁷ сотрудница Ленинградского института книговедения А. Н. Никифоренко посвятила свой доклад «Объем и содержание книговедения в новейшей русской и немецкой литературе» (6 июня 1928 г.). Проанализировав важнейшие работы немецких ученых по теории и истории книги, Никифоренко отметила, что «характерной чертой немецкого книговедения является обособленная разработка каждой из входящих в него дисциплин и отсутствие интереса к методологическим вопросам, следствием чего является большая несистематичность». Для русского книговедения, как отмечал в своем выступлении А. Г. Фомин, издавна была характерна противоположная тенденция, выражавшаяся в повышенном интересе к социальной роли книги, в стремлении «найти идею, объединяющую все отдельные дисциплины книговедения — поиски системы». Фомин считал, что без применения марксистского метода в книговедении найти такую идею невозможно³⁸.

Эту мысль А. Г. Фомин развил в своих докладах «Книговедение как наука. (Работы В. Г. Анастасевича, Н. М. Лисовского и А. М. Ловягина)» (25 октября 1930 г.)³⁹ и «Современное состояние книговедения как науки и очередные задачи его разработки» (29 декабря 1930 г.). Проследив историю основных терминов и понятий, которыми оперировало современное ему книговедение, докладчик пришел к печальным выводам, что оно

³⁷ Bohatta H. Einführung in die Bücherkunde. Handbuch für Bibliothekare, Bücherfreunde und Antiquare. Wien, 1927, VII, 328. См. рецензию В. Бернера в кн.: Книга о книге. Вып. 2. Л., 1929, с. 261—262.

³⁸ ИРЛИ, там же, д. 38, л. 58.

³⁹ Там же, д. 40, л. 24.

«не располагает устойчивой терминологией, самое название его не может считаться общепринятым. Равным образом отсутствует общепринятое определение задач этой дисциплины, состава и объекта изучения. Место книговедения в системах классификации наук неопределенно, методология книговедения не разработана. Таким образом, книговедение отвечает только части требований, предъявляемых к науке. Первоочередными задачами в разработке книговедения являются: 1) выработка устойчивой терминологии, 2) определение самих понятий «книга» и «книговедение», 3) определение состава книговедения и связи между отдельными его частями, 4) выяснение границ книговедения и его места в системе классификации наук. Выполнение всех задач возможно лишь при четкой разработке марксистского метода в книговедении»⁴⁰. Все выступавшие горячо поддержали мнение Фомина.

Успешному решению ключевых проблем книговедения немало способствовала разработка членами Общества теории и истории отдельных его составных частей, в особенности библиографии. Большой интерес у собравшихся на заседании Общества 10 апреля 1925 г. вызвал доклад М. Н. Куфаева «Библиография как наука», в котором он «проследил историю возникновения и развития библиографии, постепенное видоизменение содержания этого понятия и определение цели и задачи библиографии как науки»⁴¹. Незавершенность библиографической терминологии ярко показал В. Б. Шкловский в рецензии на словарь библиографических терминов, составленный Ольгой Пинто⁴². Не была забыта и история библиографии. 20 июня 1924 г. на заседании Общества с докладом «В. М. Ундольский и И. П. Каратаев в приемах их изучения и описания наших инкунабул (старопечатных книг)» выступил П. К. Симони. Двумя докладами А. И. Малейна 9 октября и 4 декабря 1925 г. был ознаменован столетний юбилей одного из интереснейших русских книговедческих журналов — «Библиографических листов» П. И. Кеппена⁴³. Но особенно много споров вызвали полемические, подготовленные на богатом фактическом материале доклады П. Н. Беркова «Кто был составителем первого библиографического словаря русских писателей (1768 г.)?» (26 декабря 1929 г.)⁴⁴ и «Идеологический момент в „Опыте российской библиографии В. С. Сопикова“» (22 февраля 1930 г.)⁴⁵. Гипотезы Беркова об авторстве А. А. Волкова и о четкой просветительской направленности «Опыта» Сопикова вызвали серьезные возражения Д. Д. Шамрая, А. М. Белова и А. Г. Фомина. Однако основное их достоинство было в том, что, «несмотря на специальность тем», они будили творческую мысль, способствовали живому обмену мнениями, без которого никогда не рождается истина в науке.

Интересные мысли о труде библиографа, малоизвестные сведения биографического характера содержатся в докладах, посвященных юбилеям видных работников книги. Свыше 100 человек гостей собралось в сентябре 1921 г. на совместное заседание Общества и Петроградского

⁴⁰ Там же, д. 40, л. 29.

⁴¹ Там же, д. 36, л. 101.

⁴² Там же, д. 40, л. 8 об. Имеется в виду кн.: Pinto O. Termini d'uso nelle bibliografie dei periodici. Saggio compilato in 38 lingue. Roma, 1929.

⁴³ Там же, д. 36, л. 37—38, 119, 129.

⁴⁴ Там же, д. 39, л. 25. См.: Берков П. Н. 1) А. А. Волков, забытый писатель XVIII века. — В кн.: Хроника Ленинградского общества библиофилов. 5 января — 20 июня 1930 г. Л., 1931, с. 32—37; 2) Кто был автором лейпцигского «Известия о русских писателях»? — «Изв. АН СССР». Отд. обществ. наук, № 8, с. 937—952.

⁴⁵ ИРЛИ, там же, д. 40, л. 6. См.: Берков П. Н. Идеологическая позиция В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии». — «Сов. библиография», 1933, № 1—3, с. 139—155.

института книговедения, посвященное памяти Н. М. Лисовского и С. А. Венгерова. Академик В. Н. Перетц поделился своими воспоминаниями о покойных библиографах, А. И. Малеин познакомил собравшихся с их неопубликованными статьями по библиографии, А. Г. Фомин обстоятельно охарактеризовал деятельность С. А. Венгерова как директора Книжной палаты, М. Н. Куфаев дал оценку вклада Венгерова и Лисовского в общую теорию книговедения. С новыми яркими страницами жизни и деятельности С. А. Венгерова познакомил собравшихся на заседании 25 сентября 1930 г. А. Г. Фомин, Л. М. Добровольский, С. А. Переселенков, А. А. Шилов.

Масса ценных сведений встречается в докладах Б. С. Боднарского о последних годах библиографической деятельности Н. М. Лисовского в Москве (15 июня 1921 г.), Л. К. Ильинского и А. И. Малеина — о В. Я. Брюсове как организаторе Московской книжной палаты и сотруднике критико-библиографических журналов (17 октября 1924 г.), Л. К. Ильинского — о библиографической деятельности А. В. Мезьер (14 ноября 1924 г.), А. И. Малеина — об А. Д. Торопове (14 мая 1927 г.) и К. Н. Дерунове (25 марта 1930 г.), А. Г. Фомина — об А. Н. Неустроеве (15 января 1926 г.), Б. Л. Модзалевском (9 мая 1928 г.), А. М. Белове (25 ноября 1928 г.) и Б. П. Гущине (29 мая 1930 г.)⁴⁶.

Знаменательной датой для всех советских библиографов была 25-я годовщина научной и общественной деятельности А. Г. Фомина. В докладах академика П. Н. Сакулина, О. Э. Вольценбурга и А. И. Малеина на торжественном заседании Общества 5 июня 1930 г. высшей похвалой юбиляру прозвучали слова о том, что как библиограф он впервые «ввел библиографию в число социальных дисциплин, обслуживающих широкие массы», а как книговед — впервые применил в книговедении «новый марксистский метод»⁴⁷.

Несколько десятков докладов, прочитанных на заседаниях Общества, были посвящены истории книги. Их тематика очень многообразна: история цензуры, биографические сведения о видных книговедах, книгоиздателях и книготорговцах, рассказы об отдельных замечательных книгах и книжных собраниях. В числе первых следует назвать сообщения А. И. Малеина о гонениях церковников на книгу во Франции времен Франциска I, породивших ее героев и мучеников (8 декабря 1921 г.), о цензурной политике в эпоху Николая I, когда любое сочинение общественного характера (вплоть до творения отцов церкви) вызывало подозрение властей и явное предпочтение отдавалось книгам естественнонаучной тематики как «менее опасным в политическом отношении» (1922 г.), о цензурных преследованиях «Русского вестника» (1923 г.). Общество широко отметило юбилей Франциска Скорины (доклады П. К. Симони и Е. И. Кальвайц 23 апреля 1925 г.), историка книги С. Ф. Либровича (доклад П. Н. Беркова 6 февраля 1929 г.), известного петербургского книгопродавца В. И. Клочкова (доклад Ф. Г. Шилова 19 февраля 1926 г.). А. И. Малютин рассказал членам Общества о раритетах библиотеки Томского университета (1923 г.), В. Ф. Боцяновский — о сатирических журналах 1905 г. (4 декабря 1925 г.), Г. В. Артоболовский — о первом русском учебнике естествознания XVIII в. (19 февраля 1926 г.), А. М. Белов — об истории бесчисленных изданий «Робинзона Крузо» Дефо, Б. И. Коплан — об уничтожении екатерининской цензурой траге-

⁴⁶ ИРЛИ, там же, д. 36, лл. 41, 50, 135; д. 37, л. 16; д. 38, л. 65; д. 40, л. 9, 16, 22, 53—54.

⁴⁷ Там же, д. 40, л. 19.

дии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», Н. П. Бауэр — о наиболее замечательных экслибрисах своей коллекции (13 октября 1929 г.)⁴⁸.

Анализ докладов историко-литературной тематики не входит в нашу задачу. Отметим только, что диапазон их был крайне широк — от Г. Р. Державина до А. М. Горького. Особенно большой интерес у слушателей вызывали увлекательные рассказы А. Ф. Кони о встречах с русскими писателями второй половины XIX в.

Большое место на заседаниях Общества, в соответствии с его программой, отводилось критико-библиографическим обзорам литературы по самой разнообразной тематике.

Хорошей традицией Общества было регулярное и оперативное рецензирование и обсуждение всех новейших трудов по книговедению и библиографии. В 1919—1929 гг. вниманию собиравшихся на его заседаниях рекомендовались работы В. Н. Всеволодского-Гернгросса «Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв.», напечатанный в первом томе сборника историко-театральной секции Наркомпроса (Пг., 1918) (отзыв А. С. Полякова 25 июля 1919 г.), «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке», под редакцией В. М. Андерсона (Пг., 1920) (отзыв А. И. Малеина 2 июля 1920 г.), Г. И. Поршнева «Книжная летопись Иркутска за годы революции» (Иркутск, 1920) (отзыв Л. К. Ильинского 20 июля 1920 г.), В. П. Семенникова «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании» (Пг., 1921) (отзыв Л. К. Ильинского 17 ноября 1921 г.)⁴⁹, Н. К. Пиксанова «Пушкинская студия» (Саратов, 1921) (отзыв Л. К. Ильинского 29 декабря 1921 г.)⁵⁰, А. Г. Когана «Десятичная классификация» (Харьков, 1924) (отзыв Л. К. Ильинского 11 апреля 1924 г.), Георга Шнейдера «Handbuch der Bibliographie» (Berlin, 1923) (отзыв А. М. Ловягина 30 мая 1924 г.), А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению» (Л., 1924) (отзыв Л. К. Ильинского 17 октября 1924 г.), «Книга в России» (ч. 1, М., 1924) (отзывы М. Н. Куфаева, А. И. Малеина и Л. К. Ильинского 17 октября 1924 г.), Н. В. Здобнова «Основы краевой библиографии» (М., 1925) (отзыв Л. К. Ильинского 15 января 1926 г.), «Альманах библиофила» (Л., 1929) (отзыв А. И. Малеина 23 ноября 1929 г.) и др.

Некоторые рецензии вызвали бурные дискуссии. Так, на заседании Общества 14 мая 1929 г. с отзывом о первом номере журнала «Библиография» и втором выпуске сборника «Книга о книге» (Л., 1929) выступил П. Н. Берков. Он довольно резко критиковал редакционную статью журнала «как не отличающуюся достаточной четкостью», статьи Е. И. Шамурина «К вопросу о составлении полной библиографии русских книг», С. И. Успенского «Классификация книг по социальному назначению» и Н. Ю. Ульянинского «Библиографическое разыскание (Эвристика)» как «не самостоятельные», «компилятивные», «спорные». Не понравились ему отдел библиографии и хроника, в которой «не нашла должного отражения работа ленинградских библиографических учреждений». Беркову возражали В. Э. Банк, А. Н. Никифорова и А. Г. Фомин. Они сочли его требования к журналу слишком максималистскими и не всегда справедливыми⁵¹.

Но когда на заседаниях Общества обсуждались такие фундаментальные работы, как «Словарный указатель по книговедению» А. В. Мезьер, выступавшие были, как правило, единодушны в своих оценках, видя в

⁴⁸ Там же, д. 36, лл. 18, 152; д. 37, лл. 17—18; д. 39, лл. 18, 20.

⁴⁹ «Библиогр. листы Русского библиологического общества», 1922, л. 1, с. 11—12.

⁵⁰ Там же, л. 2, с. 12.

⁵¹ ИРЛИ, там же, д. 39, л. 18.

подобных трудах важные вехи в развитии книговедческой науки. Общество даже направило специальное приветствие издательству «Колос» как за выпуск в свет книги Мезьер, так и за то, что оно, «встав на путь издания библиографических книг, отвечает тем самым наиболее назревшей жизненной потребности нашего времени»⁵².

Возникновение в среде членов Общества грандиозных, но реально неосуществимых проектов было вызвано отсутствием ясной и четкой программы практической работы. В начале 1918 г. здесь родилась идея составления исчерпывающей полной библиографии отечественной литературы по социальным вопросам. 12 апреля 1918 г. президиум Общества обратился в Наркомпрос с ходатайством об ассигновании 73 тыс. руб. для этой цели⁵³. Затем этот замысел разросся до проекта организации Института социальной библиографии, который «изо дня в день, год за годом, десятилетие за десятилетием с методической точностью отмечал бы рост науки, накопление опыта у целого народа или других народов, движение законодательства или государственного строительства во всех его деталях». Задачей нового института должно было стать не составление библиографий по социальным вопросам, а сбор изо всех печатных, письменных и устных источников ценнейшей информации по социальным вопросам⁵⁴. Организаторами Института предполагалось создать при нем обширную библиотеку социальной литературы, широко развернуть издательскую деятельность. Ими было разработано специальное воззвание ко всем отделам народного образования с просьбой об оказании содействия в подыскании корреспондентов и инструкция⁵⁵.

20 сентября 1918 г. схема организации Института социальной библиографии обсуждалась на заседании Общества⁵⁶. А. М. Ловягин ходатайствовал перед Наркомпросом об ассигновании полмиллиона рублей на нужды Института и о выделении литературы по социальным вопросам для его библиотеки⁵⁷. И хотя эта просьба не была удовлетворена, 11 октября 1918 г. состоялось открытие эфемерного Социобиблиологического института⁵⁸. Несколько месяцев Институт влачил жалкое существование, не имея ни материальных средств, ни исполнителей намеченных работ, пока 30 марта 1919 г. Совет Русского библиологического общества категорически не отказался от какой-либо поддержки этого мертворожденного детища⁵⁹.

Такая же судьба постигла и другой, не менее грандиозный проект создания «Дома газеты», выдвинутый на одном из заседаний Общества в конце 1923 г. Л. К. Ильинским. Справедливо отметив, что ни в одной из крупнейших библиотек страны не имеется полных комплектов центральных, а особенно провинциальных газет за послереволюционные годы, докладчик предлагал принять самые энергичные меры для того, чтобы сохранять эти ценнейшие документальные свидетельства эпохи для будущих историков⁶⁰. Однако план создания огромного газетного хранилища со специальными помещениями и штатом сотрудников был явно утопичен. К этому выводу пришла Комиссия, созданная Обществом для рас-

⁵² Там же, д. 36, л. 44.

⁵³ ЛГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 62, лл. 1—2.

⁵⁴ Там же, лл. 9—10. См. схему Института социальной библиографии (там же, лл. 10 об. — 12).

⁵⁵ Там же, д. 163, лл. 5 и 6.

⁵⁶ Там же, л. 9.

⁵⁷ Там же, л. 3.

⁵⁸ ИРЛИ, там же, д. 105, л. 58; «Петроградская правда», 1919, № 59, 15 марта, с. 3; № 63, 21 марта, с. 3; «Дела и дни», 1920, кн. 1, с. 518.

⁵⁹ ЛГАЛИ, ф. 8741, оп. 1, д. 213, лл. 4—5.

⁶⁰ См.: «Зори», Пг., 1923, 23 дек., с. 12; «Петроградская правда», 1924, 9 янв., с. 5.

смотрения предложения Ильинского. Гораздо более простым и реальным решением этого вопроса, по ее мнению, было бы увеличение штатов и помещений газетных отделов крупнейших библиотек, более действенный контроль за доставкой туда обязательного экземпляра. Было решено делегировать от Общества А. М. Ловягина на конференцию архивных деятелей Ленинграда, чтобы рассказать об истинном положении дела собирания, регистрации и хранения газет, листовок и плакатов и указать на необходимость принятия спешных мер к сохранению их наравне с рукописями⁶¹.

Однако не все практические начинания Общества были так безнадежно фантастичны⁶². Давняя идея петроградских библиографов — продолжить фундаментальный труд А. Н. Неустроева «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» начала постепенно претворяться в жизнь после того, как в мае 1917 г. при Обществе была создана комиссия по описанию русских журналов первой четверти XIX в., работавшая под председательством Л. К. Ильинского⁶³. Коллективными усилиями члены комиссии расписали к 1924 г. 46 журналов, но только библиографические описания журнала В. Г. Анастасевича «Улей» (сост. Н. К. Замков) и «Российского Музеума, или Журнала европейских новостей» (сост. А. Г. Максимов) увидели свет⁶⁴. Еще большее значение для будущих продолжателей этой работы, необходимость которой особенно ясна в наши дни, имел теоретический и методический опыт, накопленный и обобщенный Комиссией в ее трудах, опубликованных в «Литературно-библиологическом сборнике» под редакцией Л. К. Ильинского (Пг., 1918). В середине 20-х годов члены Общества принимали участие в реализации интересного замысла заведующей отделом периодических изданий Библиотеки Академии наук Н. А. Вукотич, — аналитическом расписывании русских послереволюционных журналов⁶⁵.

Важнейшим практическим начинанием, предпринятым в первые послереволюционные годы Русским библиологическим обществом совместно с Российской книжной палатой, была организация первых в нашей стране курсов книговедения. В организационный комитет курсов, ставивших своей целью дать обучающимся общую теоретическую подготовку по книжному делу, вошли виднейшие ученые-книговеды: С. А. Венгеров, А. И. Малеин, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков и А. Г. Фомин⁶⁶.

Занятия на курсах начались в январе 1920 г. и продолжались два месяца (затем срок обучения был увеличен до шести месяцев). К чтению лекций и проведению практических занятий были привлечены крупнейшие специалисты в различных областях книговедения. Они знакомили слушателей курсов с историей книги, с организацией полиграфического производства и книжной торговли, с теорией и практикой библиографии.

⁶¹ ИРЛИ, там же, д. 36, л. 1.

⁶² К числу такого рода проектов можно отнести также план организации Славянского библиологического института на базе Славянского отделения Библиотеки Академии наук, выдвинутый на заседании Общества 13 октября 1917 г. См.: Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарем, академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. Пб., 1917, с. 50 (ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 105, л. 38).

⁶³ О деятельности Комиссии см.: М а ш к о в а М. В. Указ. соч., с. 427.

⁶⁴ См.: *Sertum bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 39—87.

⁶⁵ ИРЛИ, там же, д. 36, л. 73.

⁶⁶ «Вестник литературы», 1919, № 10, с. 5—7; «Жизнь искусства», 1920, № 450, 13 мая, с. 1.

За несколько лет существования курсы подготовили десятки квалифицированных специалистов книжного дела.

Русскому библиологическому обществу так и не удалось в послереволюционный период развернуть широкую издательскую деятельность. В 1917 г. по ходатайству академика С. Ф. Ольденбурга Министерство просвещения отпустило Обществу ссуду в 6 тыс. руб. на издание историко-литературного и книговедческого журнала⁶⁷. Однако осуществить это намерение в условиях острого полиграфического кризиса так и не удалось. Субсидию Министерства Общество израсходовало на издание очередного тома «Библиологического сборника». Здесь были помещены биобиблиографические очерки о видных книговедах и библиографах: К. Г. Залемане, К. И. Рубинском, А. М. Белове, А. Б. Ламбиной, А. И. Першцетском, Н. М. Петровском, А. В. Багрии и Н. А. Гастфрейнде, материалы по истории Библиотеки Академии наук⁶⁸.

В 1918 г. Общество предполагало приступить к изданию серии книг под заглавием «Друзья книги». Ряд отдельных выпусков серии должен был заключать в себе биографии и автобиографии известных книговедов и библиофилов. Первым выпуском намечалось издать биографию президента Общества А. М. Ловягина⁶⁹. Но этот проект так и не был реализован.

В том же году председатель Комиссии по описанию русских журналов XIX в. Л. К. Ильинский обратился в Наркомпрос с ходатайством об ассигновании средств на издание ее трудов⁷⁰. Просьба Ильинского была удовлетворена. Материалом для сборника⁷¹ послужили, главным образом, труды членов Комиссии. Здесь были напечатаны программные статьи Л. К. Ильинского «К вопросу об описании русских журналов» и «Что такое „повременная печать“?», инструкция по описанию журналов, разработанная А. Г. Фоминим, протоколы заседаний Комиссии, алфавитные списки описанных и намеченных к описанию русских журналов первой четверти XIX в. и др.

После длительного перерыва в издательской деятельности на заседании Общества 20 октября 1921 г. было решено ознаменовать столетнюю годовщину со дня рождения Ф. М. Достоевского выпуском посвященной ему однодневной газеты. Руководители Петроградского отделения Госиздата взяли на себя все материальные расходы по ее изданию. Газета, как отмечала критика, получилась на редкость «интересной и разнообразной»: воспоминания А. Ф. Кони и В. Н. Перетца, статьи В. С. Спиридонова, Л. К. Ильинского, А. И. Малеина, А. С. Долинина и В. В. Виноградова, неизвестное письмо великого писателя, библиография о Достоевском за послереволюционные годы, подготовленная Г. В. Никольской, удачно составленные библиографический отдел и хроника⁷².

Одним из интереснейших изданий Общества был отмечен тридцатилетний юбилей научной и литературно-библиографической деятельности

⁶⁷ Литературно-библиологический сборник. Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918, с. 5—6 (Труды Комиссии Русского библиологического общества по описанию журналов XIX века. Вып. 1); ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 62, л. 2; ЛГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 62, л. 1

⁶⁸ Библиологический сборник. Т. 2, вып. 2. Биобиблиографические материалы, собранные Э. А. Вольтером. Пг., 1918.

⁶⁹ «Новая жизнь», 1918, № 115, 16 июня, с. 4.

⁷⁰ ЛГАОРСС, ф. 2555, оп. 1, д. 62, лл. 3—4.

⁷¹ Литературно-библиологический сборник. Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. См. рецензию У. Г. Иваска. — «Библиогр. известия», 1919, № 1—2, с. 59—60.

⁷² Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 30 октября 1821 — 30 октября (12 ноября) 1921. Пг., 1921, 34 с., с илл. Тираж 5000 экз. См. рецензию И. Н. — «Жизнь», М., 1922, № 1, с. 203—204.

его президента А. И. Малеина⁷³. В сборник вошли исследования, статьи, сообщения и материалы по книговедению и истории литературы друзей и учеников юбиляра. На его страницах были впервые опубликованы многие доклады, прочитанные ранее на заседаниях Общества: М. Н. Куфаева «Проблемы философии книги», лекция Н. М. Лисовского «Книговедение, его предмет и задачи», статьи: С. А. Венгерова «Наша задача», А. Д. Торопова «Московский библиографический кружок», Н. Г. Богдановой «Книжные богатства Строгановых в 1578 г.», Н. К. Никольского «К истории русских книг XIX века», Л. К. Ильинского «Библиотека И. М. Хвостова» и другие.

В 1922 г. Обществу, наконец, удалось приступить к изданию собственного журнала «Библиографические листы». Однако просуществовал он недолго (вышло в свет всего три номера). Несмотря на незначительный объем этого журнала, редакция наметила для него довольно обширную программу, намереваясь приложить все старания к тому, «чтобы отмечать ценные книги по всем отраслям знания», но на первых порах предполагалось отдать предпочтение «разборам сочинений по книговедению в самом широком смысле этого слова, а также трудов историко-литературного содержания». В программу нового журнала намечалось включить обзоры современной книгоиздательской и книгопродавческой деятельности, материалы по истории книговедения, афоризмы и отзывы ученых, писателей и библиофилов о чтении и книгах, статьи по теории и методике книговедения и библиографии. Однако «Библиографическим листам» с первого номера не хватало цельности и выдержанности. Отбор рецензий зачастую был случайным, из материалов книговедческого характера в трех номерах журнала были помещены только две теоретические статьи А. И. Малеина — о терминах «библиография» и «библиофильство» — и два сообщения по истории книги: Б. Л. Модзалевского «Первенцы печати в г. Енисейске» и А. В. Петрова «Сведения о малоизвестных изданиях Петровского времени»; летопись заседаний Общества представляла собой сухой перечень прочитанных докладов без какой-либо их характеристики⁷⁴. И все-таки, несмотря на все эти недочеты, «Библиографические листы» оставили заметный след в книговедческой журналистике первых послереволюционных лет.

В 1925 г. Русское библиологическое общество предполагало совместно с Ленинградским обществом библиофилов возобновить издание «Библиографических листов»⁷⁵. Но осуществить это намерение ему так и не удалось. Не увидел свет и перевод знаменитого трактата Ричарда де Бери «Philobiblon» («Любокнижие»), выполненный президентом Общества А. И. Малеиным⁷⁶.

В последующие годы Обществу удалось издать только биографический очерк об известном ленинградском книговеде И. К. Голубеве и брошюру инженера государственного треста «Ленполиграф» А. К. Шульца «Проблемы трехцветного клише»⁷⁷.

⁷³ Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922. Именной экземпляр сборника был поднесен А. И. Малеину на юбилейном заседании Общества 28 сентября 1922 г. См.: «Последние новости», Пг., 1922, 2 окт., с. 4. См. рец. Н. Кашина. — «Печать и революция», 1923, № 4, с. 255—257.

⁷⁴ Эти недочеты журнала отмечались и в рецензии П. Б. — «Современник», М., 1923, № 2, с. 312—314.

⁷⁵ ИРЛИ, ф. 147, оп. 1, д. 24, л. 33.

⁷⁶ Отрывки из него были напечатаны в кн.: Альманах библиофила. Л., 1929, с. 289—314.

⁷⁷ Иван Каллинович Голубев. Пятьдесят лет на службе книги. 1875—1925. Биографический очерк. Л., 1925; Шульц А. К. Проблема трехцветного клише. Л., 1930.

Каковы же основные итоги деятельности Русского библиологического общества за тридцать лет Советской власти? Более сотни интересных докладов на книговедческие и историко-литературные темы, прочитанных на заседаниях Общества, несколько оригинальных, пусть зачастую нереализованных практических начинаний, около десятка журналов, сборников и брошюр — таковы материальные свидетельства его работы за эти годы. Но основная заслуга Общества перед советской наукой о книге все же в том, что, несмотря на ошибки и неудачи, оно немало способствовало установлению живых, творческих контактов между книговедами, будило их мысль и инициативу, способствуя тем самым более активному развитию отечественного книговедения.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

(1924—1974 гг.)

История книгоиздательского дела Советской Молдавии — неотъемлемая часть истории общественного и культурного строительства края, яркий образец мудрой ленинской национальной политики, свидетельство духовного роста молдавского народа за годы Советской власти. В настоящее время издательства Молдавии выпускают ежегодно в среднем 1700—1800 названий книг общим тиражом 12 млн. экз.

Однако вопросы развития книжного дела в республике до сих пор не изучены: не определены основные этапы развития молдавской советской книги, не исследована деятельность Компартии Молдавии по развитию издательств, полиграфии, книгораспространения. Написан лишь ряд популярных очерков, обзоров¹ и газетных информационных статей, где встречаются отрывочные, зачастую противоречивые данные, которые приводятся, как правило, для иллюстрации более общих сторон общественной жизни и культурного строительства республики.

Ценные материалы о книгоиздательском деле в республике и роли партийных организаций в его развитии содержатся в «Очерках истории Коммунистической партии Молдавии»² и втором томе «Истории Молдавской ССР»³. Но в этих фундаментальных работах тема отражена не полностью, ибо авторы и не ставили данную цель.

Настоящая работа представляет собой попытку на базе архивных материалов, периодической печати, статистических данных Всесоюзной и республиканской книжных палат, библиографических указателей и непосредственного изучения изданной литературы определить основные

¹ Данилов М. Ынсемнэрь деспре преса большевикэ ын Молдова. — «Октомбрие», 1949, № 6, п. 89—91; Танасевский Б. З. Молдавская книга. — В кн.: Дойна радости. Кишинев, 1963, с. 435—446; Хабалова С. В. Молдавская ССР. — В кн.: 400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. [Т. 2]. Книгоиздательство в СССР. 1917—1964. М., 1964, с. 384—392; Новак А., Бардаш И. Печать Молдавской Советской Социалистической Республики. Кишинев, 1968. Островский И., Рыбак С. Молдавская книга. Кишинев, 1970.

² Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 2-е, испр. и доп. Кишинев, 1968.

³ История Молдавской ССР. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Кишинев, 1968.

этапы истории книги Советской Молдавии, показать особенности молдавского книгопечатания.

Для молдавских издателей, полиграфистов, работников книжной торговли, библиотекарей дороги традиции лучших деятелей печати нашего края, и, в первую очередь, традиции первой в России Кишиневской подпольной типографии ленинской газеты «Искра»⁴.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Молдавии 1 января 1918 г. открыли перед молдавским народом невиданные возможности экономического, общественно-политического и духовного развития. Однако оккупация Бессарабии королевской Румынией надолго задержала его развитие.

В течение двадцати с лишним лет в Бессарабии большая часть продукции различных официальных и мелких частных типографий носила религиозный, монархический, антирусский и демагогический характер. В своих «трудах» буржуазные националисты Шт. Чобану, П. Халипа, П. Казаку, Г. Пынтя и другие с шовинистических и антинародных позиций стремились доказать, что не существует ни молдавской нации, ни молдавской культуры.

Большинство населения было безграмотным. По официальным данным, в 1930 г. 61,8% жителей Бессарабии были неграмотными, в том числе 48,5% мужчин и 74,9% женщин⁵.

В эти годы думы и чаяния трудящихся Бессарабии выражала подпольная большевистская печать. Нелегальные типографии печатали газеты «Бессарабский коммунист», «Болшевикул басарабян», «Драпелул Рош», «Молодой большевик», листовки, прокламации и брошюры. В середине 1920 г., например, Бессарабский обком РКП(б) стал издавать серию популярных брошюр «Рабоче-крестьянская библиотека», в которой вышли «Помни об Октябре», «Красное знамя», «В царстве королей золота», «Ленин — великий вождь мировой революции» и др. За полтора года было издано около 50 таких брошюр⁶.

Деятельность коммунистов и прогрессивных организаций Бессарабии по изданию книг и брошюр, газет, плакатов, прокламаций способствовала пробуждению революционного сознания трудящихся, информировала их об успехах социалистического строительства в СССР и МАССР, призывала к борьбе против оккупантов за воссоединение Бессарабии с Родиной.

Иначе сложилась жизнь в левобережной Молдавии. Здесь после окончания гражданской войны трудящиеся молдавских городов и сел совместно со всеми народами нашей страны активно включились в восстановление разрушенного хозяйства, в проведение социалистических преобразований.

С первых лет Советской власти книга, газета, журнал стали содействовать приобщению трудящихся к марксистско-ленинскому учению, привлечению их к социалистическому строительству, повышению их культурного уровня.

В эти годы для трудящихся Молдавии брошюры общественно-политической тематики, буквари, книги для чтения печатались в Одессе, Харькове и других городах.

⁴ Иванов Ю. Первая в России подпольная типография ленинской «Искры». Кишинев, 1960.

⁵ Recensământul general al populației României din 29 decembrie 1930. Vol. III. Știința de carte. București, 1938, p. XXIX.

⁶ Клобуцкий В. С. Большевистская печать Бессарабии. 1918—1921. Кишинев, 1967, с. 57.

В декабре 1918 г. было создано Бессарабское бюро при ЦК РКП(б), которое придавало особое значение снабжению Бессарабского края большевистской литературой. Активную издательскую деятельность для молдавского населения в 1919 г. начало издательство политотдела Первой пехотной бессарабской специальной дивизии. В январе 1919 г. на молдавском языке тиражом 30 тыс. экз. вышел доклад В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Советов ⁷.

В этом же году на молдавском языке вышла «Конституция РСФСР» (тиражом 15 тыс. экз.).

Осуществляя ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия создала все условия для развития и расцвета народов бывшей царской России. Процесс образования Молдавской советской государственности, прерванный оккупацией Бессарабии, продолжался в левобережных районах Молдавии. Идя навстречу пожеланиям трудящихся края, ЦК РКП(б) обязал ЦК КП(б) Украины начать подготовку к созданию советской автономии молдавского народа. 11 марта 1924 г. пленум Одесского губернского комитета партии принял постановление о создании Молдавской секции при Губкоме КП(б) Украины ⁸. Секция организовывала в молдавских селах клубы и кружки по ликвидации неграмотности, вела пропаганду на молдавском языке, готовила первые издания.

Следствием принятых партией мер было создание молдавской советской газеты «Плугарул Рош» — органа Молдавской секции Одесского губкома КП(б) Украины и Одесского губполитпросвета, позже — органа Молдавского обкома КП(б) Украины. Первый номер вышел 1 мая 1924 г. в Одессе. Газета сыграла значительную роль в завершении государственности молдавского народа.

28 июля 1924 г. была создана Молдавская секция при Одесском губполитпросвете. Секция информировала общественность, что начато издание литературы для школ (букварь, книга для чтения, арифметика), а также книг для взрослых (букварь, «Кто был Ленин», «О кооперации» В. И. Ленина, «Сказки» И. Крянгэ) ⁹.

III сессия ЦИК Украины приняла 12 октября 1924 г. исторический закон об образовании МАССР в составе Украинской ССР. Столицей республики до 1929 г. была Балта, затем Тирасполь. Партийная организация республики всегда уделяла особое внимание книге, газете, видя в них сильное идеологическое оружие. На первом заседании Партийное организационное бюро МАССР (4 ноября 1924 г.) обсудило вопрос об издании литературы на молдавском языке. Бюро приняло решение «приступить к изданию молдавского букваря и книжки для ликбеза русским шрифтом...» ¹⁰

9 декабря был образован временный редакционно-издательский совет. Он должен был составлять план печатания литературы, решать вопросы перевода и редактирования.

Перед молодой республикой стояли важные задачи в области культуры. В частности, необходимо было обеспечить население общественно-политической литературой, учебниками, сельскохозяйственными книгами, художественной литературой.

⁷ Антонюк Д., Сабадьрьов И. Рэспындира ши студия марксизм-ленинизмулуй ын Молдова. Кишинэу, 1969, п. 123.

⁸ Очерки истории Компартии Молдавии, с. 119.

⁹ «Плугарул Рош», 1924, 21 авг.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПМ, ф. 49, оп. 1, ед. 10, л. 1.

Для решения этих проблем 8 января 1925 г. было организовано Государственное издательство Молдавии¹¹. До этого года на территории МАССР не было издательских учреждений, были только типографии: в Балте и Бирзуле действовали советские типографии, которые печатали литературу для нужд советских, профсоюзных и кооперативных организаций¹². В 1920, 1924 гг. типографии были и в Тирасполе, и Рыбнице.

В начале 1925 г. партийная организация приняла меры, направленные на организацию систематического издания книг. Секретариат Молдавского областного комитета КП(б) Украины в своем решении от 8 января 1925 г. определил программу издательской деятельности в МАССР. Согласно этому решению Госиздат распространил свои функции книгоиздания и распространения литературы и на другие города республики¹³.

Несмотря на большие трудности (слабую полиграфическую базу, отсутствие кадров издательских и редакционных работников), Госиздат организует планомерный выпуск литературы. Уже в 1925 г. вышло 15 названий тиражом 53 тыс. экз.

Среди первых книг Молдавии в Балте была издана двухтысячным тиражом работа В. И. Ленина «О кооперации» в переводе писателя Д. Милева. Для рабочих, крестьян и солдат издательство выпустило на молдавском языке книги «Как боролись рабочие и крестьяне в 1905 году», «О структуре Российской Коммунистической партии», «Отчет о работе первого Всемолдавского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Была издана первая оригинальная советская молдавская книга — «Что такое комсомол» П. Киору.

В этом же году были изданы семь учебников для начальной школы, каждый из них тиражом 4—10 тыс. экз., для взрослых — букварь «Свет крестьянина». На молдавском языке была издана повесть Вс. Иванова «Партизаны».

За первые пять лет своей деятельности Госиздат Молдавии выпустил 137 книг.

В 30-е годы в Тирасполе была введена в действие крупная типография им. Х. Лифшиц, оснащенная новейшим оборудованием, линотипами и ротационной машиной. В 1934 г. в Молдавии было создано Партийное издательство, на которое возлагалось издание общественно-политической литературы, а также выпуск основной части газетно-журнальной продукции. Был осуществлен ряд мероприятий по распространению книг среди широких масс трудящихся.

В 1924—1940 гг. партийная организация республики направляла деятельность издательств, принимала меры к укреплению их кадрами, к улучшению качества и расширению тематики издаваемых книг. Решением Молдавского обкома КП(б) Украины была создана специальная комиссия по переводу на молдавский язык и изданию произведений основоположников марксизма-ленинизма.

Издавалось большое количество общественно-политической литературы: материалы съездов и конференций ВКП(б), КП(б) Украины. На молдавском, русском и украинском языках выходили стенограммы областных партийных конференций. Несколько изданий выдержали «Кон-

¹¹ Там же, ед. 92, л. 4.

¹² В 1924 г. были изданы: Положение о сельских Советах. Постановление Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета от 16 июля 1923 года. Балта, Совтипография и переплетная, [1924]. 16 с.; Положение о профторгах на местах. Балта, Совтипография, [1924]. 8 с.; Устав кустарно-промышленного кооперативного товарищества (артели). Бирзула, Совтипография, 1924. 26 с.

¹³ ЦА ИИП при ЦК КГПМ, там же.

ституция СССР» и «Конституция УССР». В 1927 г. в молдавском переводе вышла известная книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» с предисловием В. И. Ленина.

Большая роль в проведении политики партии в области школьного дела принадлежит Госиздату Молдавии. Свыше 60% всего тиража книг, выпущенных в 1925—1926 гг. в Молдавии, составляют школьные учебники. Выполняя директивы партии о ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения до 50 лет, партийная организация республики мобилизовала общественность на решение этой задачи. Госиздат Молдавии издал ряд книг для общего образования, а с 1930 г. начал выпуск серии «Библиотека для малограмотных».

«По данным переписи 1926 года, в Молдавии только 45 процентов всех жителей были грамотными, — писала газета «Правда» в 1934 г. — В настоящее время безграмотность в рядах взрослого населения в основном ликвидирована. В республике действуют 36 клубов и 273 колхозные избы-читальни. В 1933 г. было 89 киноустановок. Значительно выросла сеть библиотек — в настоящее время работает 431 библиотека по отношению к 11 в 1924 году»¹⁴.

Издавались также книги по вопросам сельского хозяйства, технике, медицине.

Зарождение и развитие молдавской советской литературы связано с деятельностью газеты «Плугарул Рош» (с сентября 1930 г. — «Молдова Социалистэ») и Госиздата Молдавии.

В 1927 г. отдельным изданием вышла первая оригинальная художественная книга — повесть Д. Милева «Дед Горицэ», а также два сборника молдавских народных песен, собранных П. Киору. В конце 20-х и в 30-е годы вышли сборники стихов К. Кошэрэу, М. Андриеску, С. Лехтцира, Ф. Малая, Н. Кабака, Л. Корняну, поэма М. Андриеску «Стежар Вэлущэ», а также романы, повести, сборники рассказов Д. Милева, Н. Маркова, Ф. Малая, И. Қанны, Л. Барского. Была создана серия «Библиотека молдавских писателей».

Важную роль в воспитании молодых писателей сыграли переведенные на молдавский язык и опубликованные в журнале «Октомбрие» работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», «Л. Н. Толстой», отдельные издания докладов А. М. Горького и А. А. Жданова на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

Хорошей школой для молдавских писателей были переводы произведений выдающихся мастеров слова. В 20—30-е годы на молдавском языке были изданы книги Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, а также «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» Шолохова, «Разгром» Фадеева, стихи Маяковского и Д. Бедного.

Введение в 1931 г. латинского алфавита для молдавской письменности оказалось ошибкой, ограничивающей развитие культурных связей между молдавским, русским, украинским и другими народами СССР.

Поэтому Молдавский обком КП(б) Украины 27 февраля 1938 г. принял решение о переводе молдавской письменности на русский алфавит¹⁵.

В 30-е годы улучшается художественное оформление и полиграфическое исполнение книг. Среди хорошо изданных книг следует отметить

¹⁴ «Правда», 1934, 10 окт.

¹⁵ Афтенюк С. Я. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971, с. 291.

такие, как «Коза с тремя козлятами» И. Крянгэ (1937, худ. Е. Мерега), «Стахановцы социалистических полей Советской Молдавии, награжденные орденами» (1936, худ. Н. Бондар). В мае 1928 г. молдавская книга участвовала в Международной выставке книгопечатания в Кельне (Германия)¹⁶.

Выполняя свою общественную функцию, книга способствовала ликвидации неграмотности в молодой республике, подготовке национальных кадров, решению народнохозяйственных задач, политическому просвещению народных масс.

Всего за 1924—1940 гг. в Молдавии вышло в свет 1606 названий книг тиражом 7 млн. 49 тыс. экз. Наибольшее количество книг за весь довоенный период было издано в 1932 г. — 220 названий.

Воссоединение в июне 1940 г. Бессарабии с Советской Родиной имело огромное значение для общественно-политической жизни и культурного строительства Молдавии. 2 августа 1940 г. решением VII сессии Верховного Совета СССР была образована Молдавская ССР.

Наступил новый этап, правда короткий, в книгоиздательстве республики. Центр издательского дела перешел из Тирасполя в Кишинев. 15 августа 1940 г. Молдавский областной комитет ВКП(б) принимает постановление «Об издании социально-экономической и художественной литературы на молдавском языке», которое предусматривало выпуск крупными тиражами ряда общественно-политических книг, а также романов — «Чапаев» Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, произведений Пушкина, Горького и др.¹⁷

В целях своевременного издания газет и журналов Государственное издательство Молдавии 26 августа 1940 г. было реорганизовано в газетно-журнальное издательство при ЦК КП(б) Молдавии и Государственное издательство при Совнаркоме МССР¹⁸. Был организован Полиграфтрест для снабжения издательств и типографий оборудованием, бумагой и другими материалами.

Компартией и правительством республики были приняты меры, действующие развитию полиграфической базы. Кишиневские типографии № 1 и 2 были переоборудованы и расширены¹⁹. Был организован Дом печати, в котором находились редакции всех республиканских газет и журналов. Газетно-журнальное издательство, типография²⁰.

С июля 1940 по июнь 1941 г. Всесоюзная книжная палата зарегистрировала 166 названий книг, вышедших в Советской Молдавии тиражом 2 600 100 экз.

Во время войны Госиздат Молдавии временно прервал свою деятельность. Многие его работники ушли на фронт²¹. Пал смертью храбрых под Смоленском директор Госиздата Молдавии С. Чернат, в рядах Советской Армии воевали А. Матяш, Е. Мерега, А. Липкан, И. Корнфельд, И. Шамис.

В тяжелых условиях войны Компартия Молдавии принимала меры, направленные на подготовку научных и учительских кадров, на издание книг, газет и журналов. 25 декабря 1942 г. в Москве начала снова выходить газета «Молдова Социалистэ». В первом же номере газета сообщила, что в «Деггизе» тиражом 25 тыс. экз. вышла книга Ем. Букова «Я вижу тебя, Молдавия».

¹⁶ «Плугарул Рош», 1928, 13 юлие.

¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПМ, там же, ед. 4648, л. 30.

¹⁸ Там же, ф. 51, оп. 1, ед. 3, л. 66.

¹⁹ Там же, ед. 7, л. 2.

²⁰ Михайлов Д. Пресса советижэ а Молдовой. — «Октомбрие», 1951, № 3, п. 89.

²¹ «Молдова Социалистэ», 1944, 23 мартие.

В конце 1943 г. в Москве возобновило свою деятельность Государственное издательство Молдавии²². Уже в первые месяцы 1944 г. стали выходить книги. Среди них — «Конституция МССР» на молдавском и русском языках, изданная тиражом 20 тыс. экз.

В течение 1944 г. издательство провело большую организационную работу по собиранию литературно-издательских кадров и подготовке к печати рукописей, выпустив в то же время 13 учебников и 7 книг общественно-политической тематики тиражом 270 тыс. экз.

24 августа 1944 г. в результате Яско-Кишиневской операции вся территория МССР была освобождена. Фашистские оккупанты нанесли хозяйству и культуре республики ущерб в 11 млрд. руб.²³ Очень сильно пострадала и полиграфическая промышленность.

Партийные и советские органы республики приняли действенные меры по восстановлению разрушенного хозяйства, а также издательств и типографий. С целью упорядочения управления всей издательской деятельностью, централизации снабжения издательств бумагой и полиграфических предприятий оборудованием, запасными частями, переплетными материалами, 12 августа бюро ЦК КП(б) Молдавии приняло постановление о создании Управления по делам издательств и полиграфии при Совнаркомом МССР²⁴.

В сентябре 1944 г. возобновилась деятельность газетно-журнального издательства «Молдова Советикэ», которое в январе 1945 г. было реорганизовано в Партийное издательство ЦК КП(б) Молдавии. В конце 1944 г. Госиздат Молдавии переехал из Москвы в Кишинев. Благодаря принятым мерам уже в конце этого года четыре типографии стали давать продукцию.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения политической работы среди населения Молдавской ССР» ЦК КП(б) Молдавии принимает ряд существенных мер по восстановлению и расширению полиграфической базы, по налаживанию книжной торговли, по воссозданию книжного фонда библиотек²⁵.

В целях обеспечения школ и других учебных заведений республики учебниками и методической литературой, а также интенсификации издания художественной литературы для детей 2 июля 1946 г. было организовано Учебно-педагогическое издательство Министерства народного образования МССР «Шкоала Советикэ».

В первые годы после освобождения от фашистских оккупантов в республике чувствовался большой книжный голод. В это время огромную помощь населению края оказали русский, украинский и другие народы СССР. Только по линии книжной торговли республика получила от них в 1944—1945 гг. литературы на сумму 3 млн. 870 тыс. руб., а в следующие три года — 5 млн. 660 тыс. 600 экз. на сумму 25 млн. руб.²⁶ Кроме того, Молдавия получала литературу от различных министерств, организаций и учреждений. А в самой республике уже в 1946 г. было издано 110 книг тиражом 4 млн. экз., что превысило выпуск книг за 1940 г. более, чем в полтора раза.

²² ЦГА МССР, ф. Р—3055, оп. 1, ед. 1, л. 5.

²³ Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 2-е. Кишинев, 1968, с. 330.

²⁴ ПА ИИП при ЦК КПМ, ф. 51, оп. 2, ед. 9, ч. 1, л. 177.

²⁵ М а д а н И. Книга Советской Молдавии. — «Коммунист Молдавии», 1972, № 11, с. 27.

²⁶ ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 7, ед. 311, л. 154.

В конце 40-х годов в стране было реорганизовано управление издательским делом. 31 марта 1949 г. было создано Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при Совете Министров МССР. Сосредоточение управления трех отраслей книгоиздательства — полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли — благотворно повлияло в последующие годы на качество молдавской книги, ее распространение в широких массах трудящихся. За 1944—1950 гг. издательства республики выпустили 2050 книг тиражом более 18 млн. экз.

Тематику и темпы роста издания литературы в эти годы определили основные хозяйственные, политические и культурные задачи: повышение идейно-политического уровня широких масс трудящихся, создание и освоение новых отраслей промышленности, коллективизация сельского хозяйства правобережных районов, подготовка и переподготовка кадров, ликвидация неграмотности, осуществление всеобщего обязательного обучения.

Компартия Молдавии постоянно занималась изданием на молдавском языке произведений основоположников марксизма-ленинизма.

Всего в 1945—1950 гг. в МССР вышло 13 изданий произведений В. И. Ленина общим тиражом 130 тыс. экз. В 1948 г. тиражом 15 тыс. экз. вышел «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Новый этап в издании произведений основоположников марксизма-ленинизма начинается с организации в январе 1948 г. Института истории партии при ЦК КП Молдавии — филиала Института Маркса, Энгельса и Ленина. С первых же дней своего существования Институт активно работал по переводу на молдавский язык и изданию произведений классиков марксизма-ленинизма.

Общественно-политическая книга помогала трудящимся Молдавии осознать внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства, активнее включиться в строительство новой жизни.

Одной из главных задач книгоиздательства Молдавии в последние годы войны и в четвертой пятилетке было обеспечение школ учебниками и методической литературой. Всего за пятилетку было издано 305 учебников тиражом 7 млн. 456 тыс. экз.

Особое внимание было уделено изданию сельскохозяйственной литературы. 25 февраля 1946 г. Совет Министров МССР и ЦК КП(б) Молдавии приняли постановление «Об улучшении сельскохозяйственной пропаганды в правобережных районах МССР», которое предусматривало выпуск Госиздатом и Партиздатом книг, брошюр и плакатов по агроинимуму²⁷.

Сельскохозяйственная книга помогла партийной организации проводить коллективизацию, учила хлеборобов повышать урожайность полевых культур, изучать и внедрять передовой опыт. Авторами книг и брошюр, выпускаемых Госиздатом, были ученые и практики Молдавии — А. Е. Коварский, М. И. Сидоров, П. П. Дорофеев, Г. А. Каблучко, Я. И. Принц, Д. Д. Вердеревский, П. Н. Унгурян и др.

25 июля 1950 г. Совет Министров МССР и бюро ЦК КП(б) Молдавии обсудили вопрос «О состоянии работы по пропаганде и внедрению достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве республики»²⁸. Согласно этому постановлению, Госиздат Молдавии наладил своевременное издание массовой литературы, учебников, плакатов. Всего

²⁷ ЦГА МССР, ф. Р — 3055, оп. 1, ед. 18, л. 12.

²⁸ Там же, ф. «Молдполиграфиздат», оп. 1, ед. 93, л. 15.

за 1945—1950 гг. были изданы 373 книги по сельскому хозяйству тиражом 1 млн. 592 тыс. экз.

Как и везде в стране, в республике уделялось особое внимание научной и научно-популярной книге.

Была издана ценная литература по естественным наукам, по медицине. В подготовке научной книги участвовали сотрудники Института истории, языка и литературы, Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, а также вузов — Государственного университета, медицинского, сельскохозяйственного и других институтов.

В первые послевоенные годы были приняты меры по восстановлению и дальнейшему развитию книжной торговли, обеспечению ее материально-технической базы. 15 августа 1944 г. была организована республиканская контора «Молдкнигокульторг». В 1950 г. в системе Молдавского книготорга было 67 магазинов, которые в этом году реализовали литературы на 22 млн. 211 тыс. руб.²⁹ Сельскую местность обеспечивал литературой Молдавпотребсоюз.

В послевоенные годы полиграфическая промышленность была восстановлена и снабжена высокопроизводительным оборудованием. Если в 1945 г. в республике было 15 полиграфических предприятий, в которых работало 38 машин, то в 1950 г. число их возросло соответственно до 64 и 489.

В первые послевоенные годы деятельность издательств Молдавии была направлена в основном на удовлетворение самых насущных потребностей трудящихся в книге, т. е. главное внимание уделялось изданию политических брошюр, учебников, художественной литературы.

В 1951—1958 гг. книгоиздательское дело республики получает дальнейшее развитие. В отчетном докладе ЦК КП(б) Молдавии IV съезду Компартии Молдавии (сентябрь 1952 г.) Л. И. Брежнев, тогда первый секретарь ЦК КП(б) Молдавии, сделал глубокий анализ работы двух издательств республики — Госиздата и Учпедгиза «Шкоала Советикэ». Он указал, что после III съезда (февраль 1951 г.) в республике было издано 712 названий политической, художественной, сельскохозяйственной, научно-популярной, учебной и другой литературы тиражом 6,5 млн. экз.³⁰ Постановление IV съезда Компартии Молдавии предусматривало конкретные меры по увеличению издания на молдавском языке произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической, производственной литературы (в том числе книг о передовом опыте в промышленности и сельском хозяйстве), произведений художественной литературы.

Партийная организация республики уделяла особое внимание изданиям научных учреждений и вузов, привлечению лучших сил к созданию научных, научно-популярных книг.

В июне 1953 г. было создано Министерство культуры МССР. Одной из его задач было руководство изданием и распространением книг в республике. Министерство культуры организовало книжную торговлю в городах и поселках, а Молдавпотребсоюз — в сельской местности.

В 1957 г. при Министерстве культуры МССР была организована Книжная палата, которая ведет учет всех изданий, выходящих в Молдавии, выпускает издания государственной библиографии. До этого регистрационная библиография осуществлялась Государственной Республиканской библиотекой МССР им. Н. К. Крупской.

²⁹ Там же, оп. 1, ед. 155, ф. 65.

³⁰ «Сов. Молдавия», 1952, 20 сент.

В 1958 г. были изданы 842 книги и брошюры тиражом 6 млн 418 тыс. экз., из них 485 названий тиражом 4 млн. 215 тыс. экз. — на молдавском языке. Тогда же вышли первые книги на гагаузском языке.

Выполняя решение ЦК Компартии Молдавии, Госиздат республики совместно с Институтом истории партии при ЦК Компартии Молдавии выпустил за эти годы 29 томов Сочинений В. И. Ленина, многие его отдельные произведения и литературу о Ленине.

Возрастает удельный вес изданий оригинальной литературы. Выходят такие крупные произведения молдавской советской литературы, как «Страна моя» и «Город Реут» Ем. Букова; «Свет» А. Лупана, «Весна в Карпатах» Б. Истру, «Товарищ Ваня» и «Солдат идет за плугом» С. Шляху, «Люди и судьбы» А. Шаларь, книги П. Дариенко, Л. Деляну, Г. Менюка, П. Крученюка, А. Бусуйока, И. Балцана и др. Проведена большая работа по изучению и переоценке литературного наследия молдавского народа. Были изданы крупными тиражами на молдавском и русском языках произведения Н. М. Спафария, Дм. Кантемира, К. Негруци, Б. П. Хашдеу, В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, А. Матеевича и др.

Всего с 1951 по 1958 г. было издано 5608 названий книг тиражом 47 млн. 436 тыс. экз., в том числе общественно-политической литературы — 820 названий тиражом 6 млн. 662 тыс. экз. и производственной литературы — 1620 названий тиражом 5 млн. 544 тыс. экз.

В период после XXI съезда КПСС продолжается бурный рост книгоиздательского дела в республике, совершенствуется система управления полиграфической промышленностью, издательствами и книжной торговлей.

В 1959 г. на основе Госиздата и Учпедгиза было создано издательство «Картя Молдовеняскэ», куда в 1963 г. влились также Сельхозиздат и издательство «Штинца».

В 1964 г. был организован Комитет Совета Министров МССР по печати, в функции которого вошло руководство издательским делом, полиграфией и книжной торговлей, контроль в общереспубликанском масштабе за содержанием и направлением издания всех видов литературы, контроль за выполнением решений партии и правительства в области книжного дела.

С апреля 1966 г. из системы издательства «Картя Молдовеняскэ» были выделены редакции учебно-педагогической и детской художественной литературы и образовано издательство «Лумина».

Особенно активизировалась деятельность издательств в период подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и к полувековому юбилею Великого Октября, а также к 50-летию СССР. Осуществлено издание 32 томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина на молдавском языке, вышли в свет трехтомник «Избранных произведений» В. И. Ленина, «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса. Большими тиражами ежегодно выпускаются отдельные произведения основоположников марксизма-ленинизма. В хорошем полиграфическом исполнении вышел трехтомник статей и выступлений Л. И. Брежнева «Ленинским курсом» на молдавском языке. Молдавский читатель получил на родном языке «Историю КПСС» в новом издании, «Очерки Коммунистической партии Молдавии», первые тома Молдавской Советской Энциклопедии, «Историю МССР» в двух томах, а также книги С. Я. Афтениюка — «Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа», И. И. Бодюла — «Преодоление существенных различий между городом и деревней», К. Ф. Ильяшенко — «Молдавия в братской семье народов

СССР», А. М. Лазарева — «Воссоединение молдавского народа в единое советское государство», сборник «Великий Октябрь в судьбах молдавского народа», серию брошюр «Решения XXIV съезда КПСС в жизнь», «Молдавия вчера и сегодня», «Молдавия от съезда к съезду» и многие другие издания.

Ведущее место в этот период занимает литература по технике, промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, связи и торговле, что связано с быстрым развитием новых и совершенствованием старых отраслей промышленности, с совершенствованием колхозно-совхозного производства. В 1971 г. по этой тематике было издано 755 названий книг, что составило 41% всей книжной продукции республики.

Современная молдавская книга отражает развитие точных наук, медицины, искусства и языка в республике.

В республике совершенствуется издание художественной литературы. Кроме произведений местных авторов, на молдавском языке выходят многие выдающиеся произведения современной советской, русской и мировой литературы. Большой популярностью пользуются серии «Аврора», «Лучафэрул», «Библиотека школьника», «Книга для всех» и др.

На русском языке в издательстве «Картя Молдовеняскэ» выходят сочинения классиков молдавской литературы, а также серии «Современный молдавский роман», «Современный молдавский рассказ», «Современная молдавская драматургия» и др.

За последние шесть лет издательство «Лумина» выпустило в свет более 11 млн. экз. детской художественной литературы.

Полиграфические предприятия республики оснащены ныне современным оборудованием, имеют высококвалифицированные кадры. С каждым годом улучшается художественное оформление и полиграфическое исполнение издаваемой литературы. Плодотворно работают в области книжной графики талантливые художники И. Богдеско, Б. Несведов, Е. Мерега, И. Виеру, Ф. Хэмурау, Н. Мудрак, А. Усов, И. Кырму и др. Многие молдавские книги были отмечены на всесоюзных и республиканских конкурсах. А книга «Твое имя зажигает зори» — результат работы издательства «Картя Молдовеняскэ» и 2-й Кишиневской типографии — была отмечена высшей наградой — Дипломом I степени в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Молдавская книга участвовала в международных выставках в Москве (1967, 1970), Софии (1967), Монреале (1967), Братиславе (1967), Бухаресте (1960), Загребе (1968), а также в Японии (1970), в ГДР, КНДР, Исландии, Монголии и других странах.

С каждым годом растет авторитет молдавской книги. Только в 1969 г. заказы на молдавскую литературу были получены из 84 зарубежных стран, в том числе из США и Японии, Англии и Италии, Канады и Венесуэлы, Йемена и Турции, Испании, Голландии и даже с острова Маврикия³¹.

Посредством международного книгообмена Государственная Республиканская библиотека МССР им. Н. К. Крупской и Центральная научная библиотека АН МССР высылают молдавскую книгу 269 партнерам со всех континентов.

В последнее десятилетие произведения молдавских авторов были изданы во всех остальных республиках СССР, во многих социалистических странах — в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии, Монголии, а также в Англии, Франции, Японии, Италии и других странах.

³¹ «Культура», 1970, 26 сент.

Оживилась пропаганда книг в печати, по телевидению и радио. Были изданы проспекты «Наша лениниана», «Картя Молдовеняскэ», «Издает „Лумина“». В Молдкниготорге и в издательствах организованы рекламные отделы, начал издаваться бюллетень «Новые книги». В республике активизировалась библиографическая работа, определенную роль в этом сыграло совместное постановление коллегий Министерства культуры МССР и Комитета по печати при Совете Министров МССР от 29 мая 1970 г. «О состоянии и мерах по улучшению рекомендательной библиографии в республике».

Из отсталого края в прошлом Молдавия стала сегодня цветущей республикой с современной промышленностью, передовым сельским хозяйством, с высокой наукой и культурой, с развитой сетью библиотек, книжных магазинов, издательств.

За 1924—1973 гг. в Советской Молдавии издано 32 210 книг и брошюр тиражом 241 млн. 725 тыс. экз.

Отличительной чертой молдавского советского книгопечатания является быстрый рост количества книг и тиража. В 1972 г. на каждые 100 жителей республики было издано 352 книги, что намного превосходит показатели ряда капиталистических стран Западной Европы.

С каждым годом все разнообразнее и богаче становится тематика изданных книг и брошюр. Если в первые послевоенные годы издавались в основном брошюры пропагандистского характера, учебники, переводы, то сегодня молдавские издательства выпускают литературу по всем отраслям знаний, от мелких брошюр до фундаментальных монографий и многотомных изданий. Быстрыми темпами растет количество оригинальных книг.

Постоянно улучшается качество издательской продукции как по содержанию, так и по художественному оформлению. Рост уровня издательской и полиграфической культуры отражается в первую очередь на общественно-политической литературе, учебниках, книгах для детей, произведениях художественной литературы.

Создана единая для городов и сел республики система книжной торговли. В республике работают 415 книжных магазинов, в том числе 377 на селе. На средства колхозов усиленно строятся в селах книжные магазины под названием «Луминица» («Светлячок»). Широко используются новые формы распространения литературы — специализация книжных магазинов, организация народных магазинов, привлечение книгонош.

Была восстановлена и намного расширена библиотечная сеть, разрушенная во время войны.

В настоящее время в республике работают 4346 библиотек с книжным фондом свыше 40 млн. экз. В 1973 г. только библиотеки системы Министерства культуры МССР и колхозов обслужили 1 млн. 300 тыс. читателей, выдав им более 22 млн. экз. книг. Каждый второй житель Молдавии — читатель библиотеки.

Девятая пятилетка в республике ознаменована значительным ростом книгоиздания. Выпуск книг увеличится в 1975 г. на 13,3% по сравнению с 1971 г.

Еще в 1970 г. Управление издательств и Главная редакция Комитета по печати при Совете Министров МССР совместно с издательствами «Картя Молдовеняскэ» и «Лумина» разработали перспективные планы издания молдавской классической литературы, а также общественно-политической и сельскохозяйственной литературы, которые были обсуждены совместно с учеными, писателями, журналистами, педагогами, представителями различных отраслей народного хозяйства.

Надо отметить также очень полезное и перспективное сотрудничество молдавских издателей с представителями издательств Украины и Болгарии. Так, издательство «Картя Молдовеняскэ» совместно с ужгородским «Карпати», одесским «Маяком», симферопольским «Крымом» выпустило ряд ценных книг.

Издательства «Картя Молдовеняскэ» и «Христо Г. Данов» (Пловдив, Болгария) выпустили коллективные труды «Достижения в овощеводстве НР Болгарии и Молдавской ССР», «Достижения в садоводстве НР Болгарии и Молдавской ССР». Готовится к печати совместная книга о виноградарстве. Книги издаются отдельно на русском, молдавском и болгарском языках. Они являются ярким свидетельством болгаро-советской дружбы.

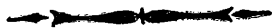
Улучшается материально-техническая база книгоиздательства. Сдана в эксплуатацию центральная книжная типография мощностью 170 млн. листов-отисков в год. Расширится офсетное производство на полиграфическом комбинате. Переоборудованы многие полиграфические предприятия. Производительность труда в полиграфической промышленности в конце пятилетки возрастет на 35% по сравнению с 1970 г.

Дальнейшее развитие получит книжная торговля. В 1975 г. в республике будет 665 книжных магазинов, товароборот которых составит 17 млн. 530 тыс. руб.

В республике имеются все условия для дальнейшего роста книгоиздательского дела. Залогом этого служит забота и помощь партии, интерес к книге советского народа — самого читающего в мире.

В октябре 1974 г. трудящиеся нашего края широко отметили полувековой юбилей образования МССР и Компартии Молдавии. Все пять издательств республики провели большую работу в связи с этим знаменательным праздником. Были изданы многочисленные книги, отражающие достижения трудящихся республики за годы Советской власти. Среди них — «Образование молдавской советской государственности и бессарабский вопрос» А. М. Лазарева, «Развитие науки и культуры Советской Молдавии» Д. И. Антонюка, «Литература и жизнь народа» И. П. Ракула и другие. Были опубликованы статьи по актуальным проблемам книгоиздательского дела Молдавии.

Книга явилась выдающимся средством проведения культурной революции в нашей республике, приобщения широчайших масс к науке, культуре, искусству. Она один из ведущих факторов развития социалистической культуры молдавского народа.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ РОМАНА
Н. А. ОСТРОВСКОГО «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»
(К 70-летию со дня рождения писателя)

то произошло 22 декабря 1932 г. В домик по Ореховой улице, в Сочи, где жил тогда Николай Алексеевич Островский, мать писателя Ольга Осиповна принесла из книжной лавки только что полученные экземпляры отдельного издания первой части романа «Как закалялась сталь».

Вспоминая этот день, Екатерина Алексеевна, сестра писателя, рассказывала, что брат, пытаясь сдержать сильное волнение, попросил книгу. Нашупав на переплете тисненый рисунок — скрещенный штык и ветку, — он сказал стоявшему рядом Л. Берсеневу, прототипу одного из героев книги: «Послушай, Лев, это же чудесно! Это тот самый штык, о котором писал наш друг Павел Корчагин брату Артему. Это же мой штык, мое новое оружие, которое позволит мне вместе со всеми вами, вместе с партией, со всей моей страной биться в строю бойцов за социализм!»¹

История книги, которой суждено было занять особое место в советской литературе, началась задолго до того дня.

Когда тяжкий недуг и слепота сковали организм бойца, активного участника гражданской войны, комсомольского работника, коммуниста, он решил вернуться в строй через литературу.

Решение это пришло, конечно, не сразу и не без борьбы. «Много нужно воли, чтобы не сорваться раньше срока, — писал Н. Островский в 1926 г. из Новороссийска А. П. Давыдовой. — Бывают и невеселые дни, когда все кажется темным, но в основном контроль есть. Слишком тянет жизнь с ее борьбой и стройкой, чтобы пустить себя в расход. Живешь вечно новой надеждой, что хоть как-нибудь буду работать. Жизнь пока бьет, и ей сдачи дать — нет сил»².

Но в том и проявилась сила характера большевика, что он нашел в себе волю превозмочь недуг, преодолеть пессимистические настроения.

¹ Островська К., Розова Л. Життя-подвиг. Київ, 1951, с. 70.

² Островский Н. А. Собр. соч. В 3-х т. Т. 3. М., 1956, с. 15. Далее ссылки на источник цитат приводятся в тексте по этому изданию. Первая цифра обозначает том, вторая — страницу. См. также: Давыдова А. П. Воспоминания о Николае Островском. Симферополь, 1964, с. 26—27.

Н. А. Островский

22 октября 1927 г. Островский сообщает П. Н. Новикову: «Собираюсь писать «историческо-лирическо-героическую повесть», а если отбросить шутку, то всерьез хочу писать, не знаю, что только будет» (3, 20—21). Задумана была повесть о котовцах — бойцах-соратниках по гражданской войне.

И он пишет. Днем. Ночью. А по утрам мать собирает десятки листочков, которыми усеян пол. Несколько глав воспоминаний отправлены старым фронтовым друзьям в Одессу. Котовцы горячо одобряют первый литературный опыт Островского. Но радость творческой победы омрачена на сей раз почтовым казусом: на обратном пути бандероль с рукописью бесследно исчезает...

Это случилось в начале 1928 г.

И все же, вопреки трудностям, горечи происшедшего, Островский не складывает оружия.

11 сентября 1930 г. Островский сообщает П. Н. Новикову: «У меня есть план, имеющий целью наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни. Я о нем сейчас писать не буду, скажу пока кратко: это касается меня, литературы, издательства «Молодая гвардия». План этот очень трудный и сложный» (3, 82).

Болезнь прогрессирует. Писать на обыкновенных листках уже становится невозможным, и Островский прибегает к помощи картонного транспаранта, к диктовке.

26 мая 1931 г. он пишет Новикову: «Я, Петушок, весь заполнен порывом написать до конца свою «Как закалялась сталь». Но сколько трудностей в этой сизифовой работе, — некому писать под мою диктовку. Это меня прямо мучит, но я упрям, как буйвол. Я начал людей оценивать лишь по тому, можно ли их использовать для технической помощи. Пишу и сам!!! По ночам пишу наслепую, когда все спят и не мешают своей болтовней. Сволочь-природа взяла глаза, а они именно теперь так мне нужны ...» (3, 85).

Вскоре на помощь начинающему писателю приходит молодая москвичка Галина Алексеева. По утрам, до работы, и вечерами летом 1931 г. она записывает под диктовку главы нового романа.

«Один за другим ложатся исписанные листки, — вспоминает Галина Алексеева. — Увлекаясь, Николай Алексеевич ускоряет рассказ. Я до отказа напрягаю внимание, чтобы, не перебивая, не пропустив ни одного слова, успеть все записать. Мельком взглядываю на него: лицо подвижно, глаза живые, лучистые. В часы труда, особенно — плодотворного труда, кажется, что Островского оставила болезнь ...»³

В октябре 1931 г. все девять глав первой книги «Как закалялась сталь» были закончены и отпечатаны на пишущей машинке.

Островский буквально бомбардирует письмами своих товарищей, спрашивая их мнения о книге.

³ Алексеева Г. Николай Островский. — «Огонек», 1951, № 51, с. 23.

Рукопись книги была послана в Ленинград А. А. Жигиревой, в партийные и комсомольские организации Шепетовки, где протекала боевая молодость писателя, передана другом Николая Островского, старым большевиком И. П. Феденевым в издательство «Молодая гвардия» в Москве.

«Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила, — пишет он. — Я пытаюсь из глубокого тыла перейти на передовые позиции борьбы и труда своего класса. Неправ тот, кто думает, что большевик не может быть полезен своей партии даже в таком, казалось бы, безнадежном положении... Я должен, я страстно хочу получить «путевку» в жизнь. И как бы ни темны были сумерки моей личной жизни, тем ярче мое устремление» (3, 90—91).

Несмотря на то, что рукопись уже в издательстве, Н. Островский продолжает работать над романом. В крохотной комнатухе в Москве, где живет восемь человек, тяжело больной писатель редактирует свою книгу.

Когда перечитываешь письма Н. Островского той поры, проникаешься его состоянием, его неукротимым стремлением дать молодому читателю произведение, достойное величайших свершений его эпохи.

Но вот приходят первые отзывы. А. А. Жигирева, как явствует из ответного письма Островского, «не считает худым и бесцветным» произведение. В Шепетовке на собрании актива города были прочитаны пять глав романа. «О работе отозвались хорошо, приветствуя работу над историей рев-олюционн<о>го движения в городе», — сообщает Н. Островский (3, 96).

21 февраля 1932 г. Н. Островского на его московской квартире вместе с И. П. Феденевым (выведенным в книге под фамилией Леденева)⁴, навещает заместитель редактора журнала «Молодая гвардия» Марк Колосов⁵. Затем, 2 апреля 1932 г., к нему приходит редактор журнала Анна Караваева, сообщившая Островскому, что рукопись принята и будет печататься на страницах «Молодой гвардии». «... Я была счастлива, — вспоминала А. А. Караваева, — что могу обрадовать его: его неуемный Павка уже нашел свое место в боевом строю героев, в образах которых современники и будущие поколения увидят борьбу, победы и великие преобразования эпохи социализма»⁶.

В № 4 «Молодой гвардии» за 1932 г. начинается публикация первой части романа, продолженная в № 5—9 за тот же год. Одновременно издательство «Молодая гвардия» ведет переговоры с Островским о выпуске ее отдельной книгой. С ним заключается договор и на вторую часть. Молодого писателя принимают в члены Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП).

«Жизнь для меня открылась во всю ширь, — пишет он А. А. Жигиревой 10 марта 1932 г. — Я стал бойцом действующим» (3, 101). Теми же чувствами проникнуто и его письмо к П. Н. Новикову от 4 апреля 1932 г.: «Дверь жизни широко распахнулась передо мной. Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась.

Все условия для творческой работы есть. Жизнь моя теперь наполнена до краев. Вперед, к труду, за рост и достижения! Пожмите крепко мои руки, товарищи! Моя победа — ваша победа! Слышите, как горячо стучит мое сердце?» (3, 104).

⁴ См.: Феденев И. Любимый писатель и друг. Воспоминания. — «Молодая гвардия», 1967, № 5, с. 310—317.

⁵ См.: Колосов М. Встречи с Островским. — «Лит. Россия», 1964, 25 сент.

⁶ Караваева А. А. Николай Островский. М., 1954, с. 8.

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

РОМАН

ОТ АВТОРА

Когда я принялся писать мою книгу, я думал написать ее в форме воспоминаний, записей целого ряда фактов. Но встреча с товарищем Костровым, и близость его редактором «Молодой гвардии», который предложил написать в форме повести или романа историю рабочих, подростков и юношей, их детство, труд и участие в борьбе своего класса, изменила это намерение.

Я попытался облить литературную форму действительные факты, зарисовал целую группу товарищей, частью работающих и сейчас, частью погибших.

Главных действующих лиц я знал лично и, показывая их, желал сделать это правдиво, указав все их недостатки и положительные стороны.

События происходят в маленьком украинском городке Шепетовке (сейчас пограничный район на Волыни). Название городка в книге дано условно. Мои желания было показать детство и юность детей рабочих, ртутный тяжелый труд и рассказать, как они вовлекались в классовую борьбу. Я писал исключительно о фактах — это меня связывало. Иногда и впал в плен к фактам. Написать иначе — значит фантазировать, перестать рассказывать то, что было. Фамилии действующих лиц частью настоящие, частью вымышленные.

Потряс в Шепетовке в 1919 году, устроенный петлоровцами, кровавый беспорядочный террор зимой 1920 года, повешение и расстрел нашей подпольной партийной организации, приход немцев, убийство партийной бригады, немецкого солдата и все остальные эпизоды из моей жизни свидетелей и участников

Я их познакомил с главами, в которых они участвовали, и они утвердили фактическую сторону написанного.

Я работал исключительно с желанием дать нашей молодежи воспоминания, написанные в форме книги, которую я даже не называю ни повестью, ни романом, а просто «Как закалялась сталь». В этом письме я пишу свою краткую автобиографию.

Родился в 1904 году, в рабочей семье. По найму работать стал с двенадцати лет. Образование низшее. По профессии — помощник электромонтера. В комсомол вступил в 1919 году, в партию — в 1924 году. Участвовал в гражданской войне. С 15-го по 19-й год работал по найму: кубовщиком, рабочим материальных складов, подручным конюшаром на электростанции и т. д. В 1931 году работал в Киевских главных мастерских. В 1932 году участвовал в ударном строительстве по постройке железнодорожной ветки для подвоза дров, где тяжело заболел, простудившись и поймав тиф. По выздоровлении с начала 1923 года был снят с производства по состоянию здоровья и послан на другую работу в пограничье. В 1923 году был военным комиссаром батальона ВВФ «Берездов». Последующие годы вел руководящую комсомольскую работу в районном и окружном масштабе. В 1927 году с совершенно разрушенным здоровьем, исключенный тяжелыми годами борьбы, был избран в расстрельные ЦК Украины. Было сделано все к тому, чтобы выдвинуть меня и возратить на работу, но это до сих пор не удалось. Будучи оторван от организационной работы, стал агитпропом, вел марксистские кружки, обучал молодых

Первая страница публикации романа Н. А. Островского в журнале «Молодая гвардия» (1932, № 4)

Так открылась новая, творческая страница в жизни Николая Островского. В эти дни явился на свет еще один жизнеутверждающий герой советской литературы — Павел Корчагин, подвиг которого стал примером для миллионов читателей в нашей стране и за рубежом.

Островский упорно работает над второй книгой романа. В каждом письме слышится творческое беспокойство автора книги, написанной в невероятно трудных условиях. Мало того, что он ослеп, он еще был жестоко скован в своих движениях, его терзали тяжелейшие боли! Трудно было не впасть в отчаяние... Но Островский думал о жизни, а не о смерти, и прежде всего о книге, которая рассказывала бы не о страданиях, а о победе воли и мужества, о борьбе за возвращение в строй.

В № 1—5 журнала «Молодая гвардия» за 1934 г. была напечатана вторая часть романа. В июле этого же года она вышла отдельной книгой. Полный текст романа (обе части вместе) был выпущен издательством «Молодая гвардия».

До последних дней жизни Николай Островский продолжал заботиться о том, чтобы его книга попала к самому широкому читателю. И делал он это, разумеется, не из авторского тщеславия. Николай Островский, как сам он не раз говорил в своих письмах и выступлениях, видел в книге боевое оружие в борьбе за социализм. И в своем благородном стремлении ознакомить с нею молодежь встречал полную поддержку общественности.

Важной вехой на пути книги «Как закалялась сталь» к читателю было опубликование в марте 1935 г. в «Правде» очерка Михаила Кольцова «Мужество» — литературного портрета писателя-бойца. «Маленький, бледный Островский, навзничь лежащий в далекой хатенке в Сочи, слепой, неподвижный, забытый, — писал М. Кольцов, — смело вошел в литературу, отодвинул более слабых авторов, завоевал сам себе место в книжной витрине, на библиотечной полке. Разве же он не человек большого таланта и беспредельного мужества? Разве он не герой, не один из тех, кем может гордиться наша страна?» Много теплых слов было сказано и о самой книге, которая, «придя на редакционный стол, обожгла своей — вы думаете, надрывностью, скорбью? — нет, молодостью, задором, свежей силой ...»⁷

К тому же времени относится появление в периодической печати и ряда других рецензий, в которых дается высокая оценка как книге, так и жизненному и творческому подвигу писателя. Среди них следует особо отметить статью Семена Трегуба «Как закалялась сталь», опубликованную в «Комсомольской правде»⁸. Это выступление положило начало тесному сотрудничеству Николая Островского с центральной молодежной газетой.

А. А. Фадеев писал Островскому: «Роман понравился мне многими сторонами: прежде всего, глубоко понятой и прочувствованной партийностью... новым видением и чувствованием мира, выраженными, главным образом, в центральном герое — Павле Корчагине... Мне кажется, что во всей современной литературе нет пока что другого такого же пленительного по своей чистоте и в то же время такого жизненного образа...»⁹

В этом смысле интерес представляет и письмо генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева Островскому от 23 сентября 1935 г. — за несколько дней до награждения писателя орденом Ленина: «Дорогой т. Островский, Костя Ерофицкий (в то время секретарь Северо-Кавказского крайкома ВЛКСМ. — Ш. В.) обратился ко мне по поводу переиздания вашей книги «Как закалялась сталь» в Ростовском издательстве.

Два раза читал эту книгу я. Нахожу, что для воспитания нашей молодежи, чем больше тиража эта книжка будет иметь, тем лучше будет для нас... Эта книжка есть жизнь — жизнь многих справедливо называемых, молодых, проверенных и закаленных кадров нашей Великой революции»¹⁰.

Не только ростовское, но и многие другие издательства и комсомольские организации, учитывая громадный интерес читателей к роману, запрашивали у автора разрешение на его издание.

К 1936 г. роман уже был выпущен только на русском языке семь раз, причем к одному из изданий предисловие написал Г. И. Петровский — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства.

⁷ Кольцов М. Мужество. (Люди нашей страны). — «Правда», 1935, 17 марта.

⁸ Трегуб С. «Как закалялась сталь». — «Комс. правда», 1935, 3 апр.

⁹ Фадеев А. А. Письма. Изд. 2-е, расшир. М., 1973, с. 162.

¹⁰ Махрова И. История двух писем. — «Комс. знамя», Киев, 1964, 15 авг.

Наряду с «Молодой гвардией» Н. Островский ведет переписку и с «Советским писателем». Директору этого издательства Г. М. Лазарю он пишет 21 августа 1936 г.: «Книга издана прекрасно. По общему мнению моих друзей — это самое красивое издание из всех 36 изданий на русском языке» (3, 324).

Но особенно волнует Н. Островского предполагаемое в Гослитиздате полумиллионное издание книги, и он по этому поводу неоднократно запрашивает директора издательства Н. Н. Накорякова и других работников — А. П. Большеменникова, Р. А. Ковнатор.

25 августа 1936 г. Островский сообщает жене, что общий тираж его книги достиг 1 млн. 144 тыс. экз. (3, 332).

Беспокойство писателя о массовом издании его книги имело тем больше оснований, что число приходивших к нему писем читателей возрастало день ото дня. Уже в 1934 г. Николай Островский получил 1700 писем — волнующих откликов на книгу, а за 10 месяцев 1935 г. — 5120¹¹. Около 7 тысяч писем, хранящихся ныне в архиве Н. А. Островского,¹² — лучшее доказательство всенародного признания романа «Как закалялась сталь» еще при жизни писателя. Недаром автор ее говорил: «Тысячи этих писем, бережно разложенных в папки, — самое дорогое мое сокровище» (2, 240).

В октябре 1935 г. мне выпало счастье беседовать с Николаем Алексеевичем Островским у него дома в Сочи. Он говорил о том, что больше всего помогает ему в его нелегком творческом труде: «Единство со страной чувствуешь все время. Дружба с читателями, их письма, прочитанные новые книги наполняют меня такими дополнительными силами, которых, казалось, раньше и не было. Это иногда удивляет врачей, но на самом деле это так. И хочется сказать еще раз, что Коммунистическая партия и Советское правительство дали нам, писателям, все необходимое для творчества, отняв лишь право плохо писать...»¹³

О большой популярности книги уже в то время свидетельствуют и многочисленные коллективные отзывы, материалы читательских конференций. Интересны, например, факты, приведенные в статье директором Северо-Кавказской краевой библиотеки им. М. Горького А. В. Шаховым (16 декабря 1935 г.): «У нас уже немало хороших книг советской художественной литературы, немало советских писателей, но по силе, по глубине воздействия на нашего советского читателя первой книгой сегодня является книга «Как закалялась сталь» и первым из прекрасных советских писателей является советский писатель Николай Островский. По опросу читателей за последние месяцы 1935 г. книга Н. Островского «Как закалялась сталь» занимает первое место»¹⁴.

Интересно отметить, что рабочие прессового цеха Горьковского автозавода, выступая на читательской конференции, потребовали от Наркомпроса включить книгу Островского в программу школ, а от издательства — выпуска ее миллионными тиражами.

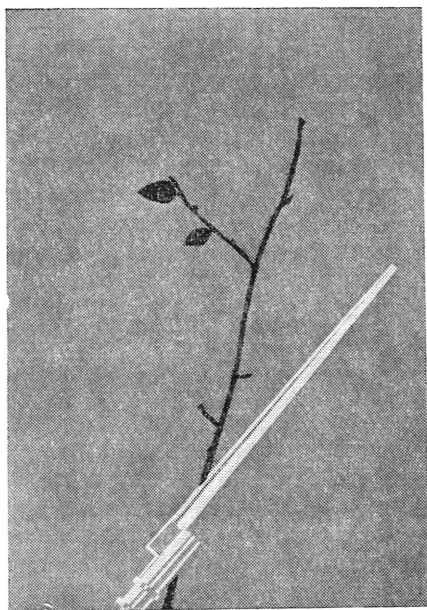
Число читателей романа все возрастало. Его издания на русском языке проникали во все уголки Советского Союза; он уже переводился на языки народов СССР, готовился к изданию в зарубежных странах. Особое волнение проявляет Островский в отношении двух изданий — украинского и польского. И это понятно, языки эти он знал с детства.

¹¹ См.: Трегуб С. Жизнь и творчество Николая Островского. М., 1964, с. 184.

¹² См.: Островская Р., Соколова Д. Музей Николая Островского в Москве. М., 1964, с. 75.

¹³ Из беседы Н. А. Островского с автором данной работы. См. также: В'ядр о Ш. Я. Микола Островський та його читачі. Київ, 1962, с. 21.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 634, оп. 1, ед. 45, л. 9—10.

Обложка первого отдельного издания первой части романа «Как закалялась сталь» (1932)

Суперобложка первого издания первой части романа «Как закалялась сталь»

21 апреля 1934 г. Николай Алексеевич шлет в издательство «Молодой більшовик» в Харькове на имя главного редактора К. Д. Трофимова телеграмму-посвящение для украинского издания книги: «Комсомолу Украины, воспитавшему меня, в честь 15-летнего юбилея посвящаю эту книгу» (3, 163). Первое издание романа на украинском языке у писателя вызвало большое удовлетворение и качеством перевода, и художественным оформлением. М. З. Финкельштейну он сообщает: «Получил первые экземпляры украинского издания. Книга сделана прекрасно. Она была роздана делегатам юбилейного пленума ЦК комсомола Украины в Киеве 11 июля» (3, 181).

Касаясь вопроса об издании романа на польском языке, Н. А. Островский пишет сотруднице издательства «Молодая гвардия» А. И. Подгаецкой, что он готов для этого издания доработать ряд мест, что поможет лучше раскрыть некоторые образы: поляка-революционера, кадрового рабочего Вячеслава Полентовского, комиссара Тыжицкого и других и будет более глубоко характеризовать интернациональные связи украинских и польских рабочих в борьбе за Советскую власть.

Внимательно следит Николай Островский также и за подготовкой к выпуску книги на белорусском, грузинском, армянском, татарском, мордовском, еврейском и других языках.

К началу 1935 г. появляются первые весточки о предстоящих изданиях романа «Как закалялась сталь» за рубежом. «Спешу с тобой поделиться своей радостью, — пишет он 13 апреля 1935 г. А. Д. Солдатову. — Ведь книжку-то будут читать и на Западе, братишка, разве не достижение. Ура!!!» (3, 228). А неделю спустя — 20 апреля того же года — он пишет редактору журнала «Интернациональная литература» С. С. Динамову: «То, что «Сталь» перешагнет рубеж, наполняет мое сердце волнением...» (3, 230). К. Д. Трофимову он сообщает 23 апреля 1935 г., что готовится французское, немецкое, английское издания (3, 233).

Следя за зарубежными изданиями книги, Островский сообщает из Москвы своему секретарю А. П. Лазаревой 7 марта 1936 г.: «Книга переводится на голландский, чешский, греческий и болгарский языки. На днях закончатся переговоры в Англии и Франции об издании. Намечаются издания в Швеции, Норвегии, Дании» (3,302). Наконец, 1 сентября того же года он сообщает А. А. Караваевой: «Вчера получил «Как закалялась сталь» на японском языке, издана в Токио издательством „Наука“...» (3, 338).

Видимо, это было единственное зарубежное издание книги «Как закалялась сталь», которое успел получить писатель. О других прижизненных изданиях романа за границей не известно.

Уже в первую годовщину со дня смерти Н. А. Островского «Комсомольская правда» писала: «Замечательный роман Николая Островского «Как закалялась сталь» в Советском Союзе выпущен в 64 изданиях. На русском языке вышло в свет 46 изданий и на языках других народов СССР — 18 изданий. Кроме того, роман вышел в нескольких иностранных изданиях — лондонском, парижском, токийском, пражском и нью-йоркском. Общий тираж всех этих изданий — 1 650 000 экземпляров»¹⁵.

За истекшие со дня выхода второй части книги «Как закалялась сталь» (1934 г.) сорок лет тираж произведений Николая Островского в нашей стране и за рубежом достиг огромных размеров, о которых их автор вряд ли мог мечтать. Уже к 1950 г., например, по сведениям Всесоюзной книжной палаты, они были изданы на русском языке 136 раз и на других языках народов СССР — 150 раз.¹⁶

К 1964 г., по далеко не полным данным, романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» были изданы на 57 языках народов Советского Союза тиражом свыше 15 миллионов экземпляров¹⁷.

К началу 1974 г. роман был издан в Советском Союзе 385 раз общим тиражом 18 млн. 803 тыс. экз.¹⁸ Книгу Островского читают буквально во всех уголках нашей Родины. Она выходила на 58 языках народов СССР (кроме русского). В каких масштабах «Как закалялась сталь» печатается в братских советских республиках, можно судить, например, по данным Украинской ССР. Здесь роман вышел на украинском языке 17 раз. Он издавался на Украине также на болгарском, венгерском, молдавском, немецком, польском и других языках.

Еще в 1932 г., когда роман начал печататься на страницах «Молодой гвардии», к его переводу приступил грузинский писатель Р. Коркия. С 1936 г. вышло 6 изданий «Как закалялась сталь» на грузинском языке. В Узбекской ССР, где произведения Островского были впервые переведены поэтом Х. Алимджаном еще в конце 30-х годов, роман о Павле Корчагине выходил 9 раз. На белорусском языке книга выдержала 5 изданий. Она выходила на абхазском, адыгейском, балкарском, башкирском, бурятском, ингушском, кабардинском, каракалпакском, коми, лезгинском, марийском, мордовском, осетинском, тувинском, уйгурском, хакасском, чеченском, якутском и других языках.

За создание книг, «которые стали боевым оружием комсомола в воспитании миллионов молодых советских патриотов, достойной смены старшим поколениям коммунистов»¹⁹, решением девятого пленума

¹⁵ От Москвы до Нью-Йорка. Где изданы книги Н. Островского. — «Комс. правда», 1937, 22 дек.

¹⁶ См.: Трегуб С. Николай Алексеевич Островский (1904—1936). М., 1950, с. 461.

¹⁷ Островская Р., Соколова Д. Указ. соч., с. 120.

¹⁸ По данным Всесоюзной книжной палаты на 1 января 1974 г.

¹⁹ Лауреаты Ленинского комсомола. М., 1967.

ЦК ВЛКСМ в 1966 г. Н. А. Островскому посмертно присуждена премия Ленинского комсомола.

Мечта писателя о том, чтобы его книга, которую он писал «для тех миллионов, что теперь влились в комсомол, для тех, кто не был свидетелем или участником героической борьбы рабочей молодежи бок о бок с отцами за жизнь республики» (2, 218), послужила воспитанию нового человека, полностью сбылась.

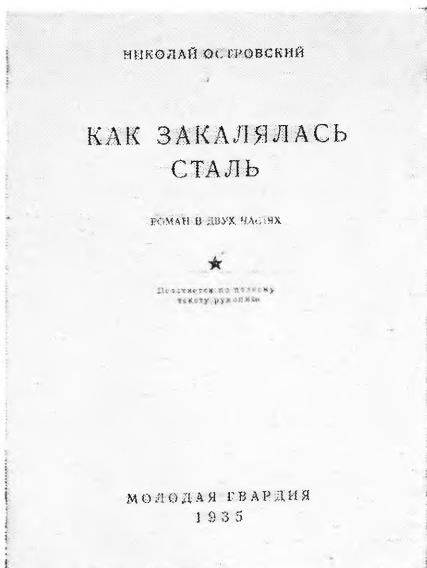
В этой работе, естественно, не представляется возможным широко осветить проблемы идейно-эстетического влияния книги «Как закалялась сталь» на читателя. К тому же на эту тему имеется обширная книжная и газетно-журнальная литература, тысячи писем читателей, хранящихся в музеях Н. Островского в Вилии, Шепетовке, Сочи и Москве, государственных архивах, особенно ЦГАЛИ. Попытка обобщить эти материалы сделана автором данной работы в книге «Николай Островский и его читатели»²⁰.

Ограничившись наиболее яркими примерами, напомним лишь, что над изданиями произведений Н. А. Островского на русском и других языках народов Советского Союза работал большой коллектив редакторов, издателей, художников, полиграфистов. К произведениям писателя-большевика написали вступительные статьи, предисловия и послесловия, а также участвовали в их редактировании общественные деятели, писатели и литературоведы: Н. Венгеров, А. Егоров, А. Жаров, К. Зелинский, В. Кин, М. Кольцов, А. Караваева, А. Лазарева, Е. Островская, Р. Островская, Б. Полевой, Г. Петровский, Р. Роллан, М. Серебрянский, С. Трегуб, К. Трофимов и др.

Их иллюстрировали художники: С. Алехин, П. Баранов, А. Глуховцев, Е. Грибов, Б. Дехтярев, Е. Кибрик, Л. Красовский, В. Ладагин, В. Лыков, Б. Маркевич, В. Минаев, А. Морозов-Лас, А. Пахомов, А. Пластов, Н. Ращектаев, Ю. Ребров, А. Резниченко, В. Смердов, А. Хайлов, В. Шикалов, Л. Эппле, Г. Ярвелан и др.

Не имея возможности характеризовать каждое издание произведений Н. А. Островского, упомянем, однако, что за истекшие 40 лет неоднократно издавались его собрания сочинений. Только на русском языке они вышли несколько раз.

«Мы уверены, что эта книга станет одной из любимых настольных книг каждого молодого рабочего, колхозника, красноармейца, что на исключительном героизме Николая Островского будут воспитываться тысячи и десятки тысяч молодых бойцов — строителей социализма», — писали Николаю Алексеевичу из военной части № 1567 (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия) 23 апреля 1935 г.²¹

Титульный лист первого полного издания романа «Как закалялась сталь» (1935)

²⁰ См.: В ядро Ш. Я. Микола Островський та його читачі. Київ, 1962.

²¹ Цит.: Шелоумова Л. И сегодня на линии огня. — «Коммунист Вооруженных Сил», 1968, № 14, с. 43.

Эти слова как нельзя лучше подтвердились во время Великой Отечественной войны. Тысячи солдат и офицеров Красной Армии, народных мстителей носили в своих ранцах книгу «Как закалялась сталь», а в нагрудных карманах часто вместе с партийным или комсомольским билетом выписку со знаменитой клятвой Павла Корчагина: «Самое дорогое у человека — это жизнь...»

Немало экземпляров «Как закалялась сталь», обожженных огнем войны и обогранных кровью, хранится в музеях Николая Островского.

Вот один из них. На титульном листе его написано: «С этой книгой комсомольцы и молодежь частей нашего фронта прошли от Витебска до Восточной Пруссии — логова фашистского зверя. Книга была верной спутницей в упорных боях... И в самые тяжелые минуты, когда сжималось «железное кольцо», сколько воинов спрашивали себя: «А что бы на моем месте сделал Павел Корчагин?» И делали так, как делал Павел Корчагин, разрывали кольцо смерти и побеждали»²².

Во время войны роман «Как закалялась сталь» стал тоже своего рода оружием. «Если «Катюша», — писали советские воины в музей Н. Островского в Сочи, — наше боевое оружие, то книги, написанные Н. А. Островским, — наше идейное оружие»²³.

И не случайно группа пехотинцев, принимавшая участие в освобождении Шепетовки, в отзыве о романе «Как закалялась сталь» отмечала: «Жаль, что нет обычая награждать книги за их боевую славу. Книгу «Как закалялась сталь» можно было бы наградить орденом Отечественной войны»²⁴.

Не удивительно, что в ответах многочисленных читателей «Комсомольской правды» на анкету института общественного мнения — «На Марс — с чем?» — среди десяти лучших книг советской литературы названы произведения Николая Островского²⁵.

Хорошо сказал об этом летчик-космонавт Владимир Комаров во время посещения Музея Н. Островского в Москве 6 апреля 1967 г.: «Вся жизнь и творчество Николая Островского — это подвиг во имя светлого будущего. Герои его книг будут всегда вдохновлять молодежь на славные патриотические дела...»²⁶

На героев Николая Островского равняется и передовая зарубежная молодежь. «Когда обращаешься к книге Островского, сразу вступаешь в мир зрелости, — писал еще в 1937 г. английский прогрессивный писатель Джек Линдсей. — Автор ее — подлинный гуманист... Книга написана мастерски. Она блестяще отражает мысли и чувствования героев. В ней нет ни одной фальшивой ноты. Эта книга заставляет гордиться званием человека»²⁷.

К началу 60-х годов, по далеко не полным данным, роман «Как закалялась сталь» издавался за рубежом на 47 языках в 45 странах²⁸.

При этом интересно отметить, что после упомянутого уже нами японского издания 1935 г. следующими наиболее ранними изданиями были чехословацкое (1936 г.), английское (1937, 1938), французское

²² Материалы Музея-квартиры Н. А. Островского в Москве.

²³ Материалы Музея Н. А. Островского в Сочи. См. также: «Звезда», 1949, № 5, с. 215.

²⁴ Материалы Музея Н. А. Островского в Шепетовке. См. также: Государственный музей Николая Островского в Сочи. Краснодар, 1962, с. 42.

²⁵ См.: Оганов Г., Чикин В. На Марс — с чем? М., 1963, с. 39.

²⁶ Материалы Музея-квартиры Н. А. Островского в Москве. См. также: Шелумова Л. Указ. соч., с. 43.

²⁷ Линдсей Д. Широкие горизонты творчества. — «Лит. газ.», 1967, 6 сент.

²⁸ См.: Островская Р., Соколова Д. Указ. соч., с. 120.

(1937), американское (1937), китайское (1937), голландское (1938), датское (1939).

Последующие данные также свидетельствуют о все возрастающем интересе зарубежного читателя к произведениям Николая Островского и прежде всего к его роману о Павле Корчагине. Так, например, в 1945—1953 гг. роман «Как закалялась сталь» был издан за рубежом 65 раз, в 1954—1957 гг. — 36, в 1958—1964 гг. — 59, в 1965—1970 гг. — 29 раз²⁹. Всего же к 1973 г. (по данным Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы) он издавался 211 раз в 37 странах Европы, Азии, Америки. Известны произведения Н. Островского и в Африке, Австралии.

И нельзя не напомнить о некоторых наиболее ярких эпизодах, связанных с изданием и распространением «Как закалялась сталь» за рубежом.

Первые известия об этом Николай Островский получил еще при жизни. Особенно показательно письмо из Болгарии, где в те годы свирепствовал монархо-фашистский режим. Книга, запрещенная цензурой, проникла благодаря усилиям революционеров, находившихся в политической эмиграции в Советском Союзе, за решетку болгарских тюрем. Проживавшая в Москве дочь известного болгарского революционера Н. Цырвуланова осенью 1935 г. нелегальным путем переслала книгу заключенным Старо-Загорской тюрьмы. Здесь в камере, в невероятно трудных условиях, ее перевел за 25 дней коммунист И. Марински. Группа молодежи, томившаяся с ним в фашистском застенке, переписала восемь экземпляров романа. Один из политических заключенных Г. Огнянов тогда писал Николаю Островскому: «Я в восторге от книги, а товарищ, который ее сейчас читает, ни на мгновение не отрывается от нее. Но мы ее используем не только как ценное высокохудожественное произведение, от которого могут многому научиться и наши литераторы, но и используем ее в практической своей деятельности в политико-воспитательной работе»³⁰.

Небезынтересно отметить, что спустя почти четверть века, в 1959 г., Г. Огнянов, ветеран Болгарской Коммунистической партии, сообщал Р. П. Островской: «Книга была прочтена «одним духом» всеми как в одиночках, так и в общих камерах. Восторг от нее был неописуемым. Обсуждение книги продолжалось долго. Павел Корчагин стал любимцем не только всех политических заключенных, но и примером для нас всех, — бороться, как он, выработать прекрасные качества, которыми обладал Павел, чтобы служить нашей партии и революции»³¹.

Затем книга была передана и в Сливенскую тюрьму, где с ней познакомились около двух тысяч заключенных. «Переписанная от руки, она читалась коммунистами и антифашистами в Горна-Джумая (ныне Благоевград), в Габровской, Троянской, Ловечской и других околиях», — рассказывает болгарский литературный критик и историк профессор Георгий Цанев³².

В 1969 г. в Болгарии вышло шестнадцатое издание книги в переводе известного писателя Л. Стоянова и с послесловием исследователя твор-

²⁹ См.: Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубеж. издания. 1945—1953. Библиогр. указ. М., 1954, с. 174—177; То же. М., 1959, с. 151—152; То же. 1958—1964. М., 1966, с. 165—166; То же. 1965—1970. М., 1972, с. 107.

³⁰ Привет от старого узника. — В кн.: Николай Островский. Сборник материалов. Орел, 1938, с. 150—151.

³¹ Цит. по статье: Ерихонов Л. Павлик Корчагин на Балканах. — «Подъем», 1965, № 3, с. 149.

³² Цанев Г. Как родная литература. — «Картинная галерея», София, 1967, № 8, с. 25.

Иллюстрация Е. А. Кибрика к роману
«Как закалялась сталь»

в одном из тюремных помещений. Но это не остановило югославских патриотов. Молодые коммунисты тайком пробрались на территорию тюрьмы, куда попала фашистская бомба, и, рискуя жизнью, спасли несколько экземпляров.

Книга стала верным другом югославских партизан, в рядах которых сражались Б. Нешкович и Д. Костич, погибший смертью героя. Имя Павла Корчагина присваивалось самым смелым, самым мужественным борцам с фашизмом. Уцелевший экземпляр книги, которую коммунист Б. Нешкович всегда возил с собой, он передал для фоторепродукции в Музей Н. Островского в Москве. И ныне истрепанные и рассыпавшиеся страницы книги, фотографии Д. Костича-Гута и Б. Нешковича³⁴ привлекают пристальное внимание посетителей музея.

После войны книга неоднократно издавалась в том же переводе. Сербо-хорватское издание открывается предисловием Ромена Роллана.

В гитлеровской Германии произведения Н. Островского уничтожались, а с теми, кто был причастен к распространению «Как закалялась сталь», беспощадно расправлялись. Ныне в Германской Демократической Республике книга о Павле Корчагине занимает первое место среди изданий переводной литературы. Она вышла в 28-ми изданиях (1968 г.) общим тиражом около одного миллиона экземпляров³⁵.

В 1972 г. в Чехословакии вышло шестнадцатое издание «Как закалялась сталь»³⁶.

Во Франции первое издание романа Н. Островского появилось в 1937 г. в переводе В. Фельдмана с предисловием Р. Роллана, который писал Николаю Островскому: «Верьте мне, что если в Вашей жизни и бы-

³³ Островски Н. Как се каляваше стоманата. Роман. Прев. от рус. Л. Стоянов. Послесл. Й. Цонев. 16-е изд. София, «Народна култура», 1969 (Б-ка за ученика).

³⁴ См.: Маслов И. Книга удивительной судьбы. — «Калининская правда», 1965, 10 окт.; Паниев Н. Югославские Корчагины. — «Смена», 1967, № 4, с. 18—19.

³⁵ См.: Трегуб С. Живой Корчагин. М., 1973, с. 254.

³⁶ Там же, с. 251.

Иллюстрация А. И. Резниченко к роману «Как закалялась сталь»

ли мрачные дни, она сама есть и будет источником света для тысяч людей. Вы останетесь для всего мира благотворным, вдохновляющим примером победы духа над коварством личной судьбы, ибо Вы неразрывно связали себя с Вашим великим народом, воскресшим и освобожденным; Вы навсегда приобщились к его могучей радости и неукротимому порыву. Вы — с народом, и с Вами народ»³⁷.

Когда гитлеровцы оккупировали Францию, они схватили и подвергли жестоким пыткам Валентина Фельдмана, профессора Дьепского лицея. Единственной виной его было то, что он перевел на французский язык роман «Как закалялась сталь», а в период оккупации пытался сделать новый перевод. Не дождавшись от него признаний, просьбы о помиловании, фашисты 27 июня 1942 г. расстреляли верного сына Франции³⁸.

Произведения Н. А. Островского проникли в самые отдаленные уголки земного шара.

Так, английский перевод романа, неизвестным образом оказавшийся в далекой Африке, помог вернуться к жизни африканскому труженику, принявшему имя Павла Корчагина. Под этим именем он был известен среди делегатов III Всемирного конгресса профсоюзов в Вене в 1953 г. Рассказывая о встрече с ним, автор «Повести о настоящем человеке» Борис Полевой писал: «Это великая книга, — говорил он с пылом. — Она сказала мне — выздоравливай, и я стал выздоравливать. Она приказала мне — стань на ноги, и я стал на ноги. Она сделала меня тем, чем я теперь стал...»³⁹

Несколько лет назад в Музей Н. Островского в Москве пришел из-

³⁷ Роллан Р. Собр. соч. В 14-ти т. Т. 14. М., 1958, с. 607.

³⁸ Материалы Музея-квартиры Н. А. Островского в Москве. См. также: Филипович Г. Книга идет по свету. М., 1958, с. 33, 35.

³⁹ Цит.: Полевой Б. Павел Корчагин из Черной Африки. — «Правда», 1961, 2 апр.

вестный мальгашский писатель, постоянный секретарь Комитета защиты мира и председатель профсоюза работников печати Мальгашской Республики Арсен Рацихефера. Он рассказал, как в его стране — на далеком острове Мадагаскаре узнали о книге советского писателя. В его переводе на мальгашский язык «Как закалялась сталь» была впервые напечатана в 1960 г. в прогрессивной газете «Имунгу ваувау», а затем, по просьбе читателей вторично опубликована в 1966 г.

«Для читателей газеты «Имунгу ваувау» и для меня лично, — писал он, — перевод романа «Как закалялась сталь» на мальгашский язык стал наглядным уроком мужественной борьбы и был высоко оценен читателями»⁴⁰.

Мы уже упоминали о том, что еще при жизни Н. Островский получил экземпляр романа «Как закалялась сталь», переведенный на японский язык и изданный в Токио. Но тогда же это издание было запрещено полицией. И только в 1950 г. роман был полностью опубликован токийским издательством «Наука» в переводе Сучимото Риокито. Прогрессивная общественность одобрительно встретила новое издание.

«В этой книге, — отмечал писатель Курахаро Корехито, — блестяще показан образ нового человека, взращенного и закаленного революцией, образ человека коммунистического будущего»⁴¹.

Книга «Как закалялась сталь», переведенная на языки народов Республики Индии (пенджаби, бенгали, гуджарати, хинди, урду, тамили и др.) становится все более популярной среди миллионов читателей. Один из переводов на языке хинди принадлежит классику индийской литературы Прем Чанду.

«Этот роман стал настольной книгой не только для советского юношества, но и для молодежи всего мира. Книга эта призывает молодежь всех стран к борьбе за мир и свободу», — писал журнал «Ная патх»⁴².

Свидетельством всенародного признания книги в Индии, великой силы этого произведения советской литературы может, очевидно, служить тот факт, что книга выдающегося государственного деятеля этой страны Джавахарлала Неру «Открытие Индии» заканчивается знаменитыми словами Павла Корчагина о том, какой должна быть жизнь настоящего борца за счастье человечества⁴³.

Кубинские коммунисты подарили Музею Н. Островского в Москве томик произведений писателя, с которым они сражались против диктаторского режима Батисты. Здесь же хранится тетрадь в красной обложке с переписанными от руки главами романа «Как закалялась сталь». Эта тетрадь принадлежала партизанам Южного Вьетнама. «Благодаря этой книге, — писали наши вьетнамские друзья, — мы многому научились у Николая Островского. Самого храброго и умного бойца мы называем Корчагиным»⁴⁴.

Эстафета книги «Как закалялась сталь» продолжается. Она идет через годы и десятилетия, страны и континенты.

⁴⁰ Цит.: Николаева М. Павел Корчагин на Мадагаскаре. — «Лит. Россия», 1968, 24 мая, с. 19.

⁴¹ Цит.: Петров В. Книга Н. Островского в Японии. — «Лит. газ.», 1951, 20 дек.

⁴² «Лит. газ.», 1955, 17 ноября.

⁴³ Неру Д. Открытие Индии. М., 1955, с. 624.

⁴⁴ См.: Кубичев Е. Красная тетрадь. — «Комс. правда», 1966, 15 дек.

Б. С. ГОРБАЧЕВСКИЙ

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ (1960—1970 гг.)

Печать в развитых зарубежных странах — одна из ведущих сфер экономики, мощное оружие монополистического капитала. В США, например, полиграфическая промышленность и издательское дело в экономике страны занимают восьмое место по числу работающих и седьмое по объему оборота¹. В Англии полиграфическая продукция составляет в общем объеме производства страны 8% и около 3% всей валовой продукции².

За последнее десятилетие печатная индустрия по темпам роста и масштабам производства опережала многие другие отрасли. За 1960—1970 гг. количество ежегодно публикуемых в США названий книг удвоилось, а общий оборот за указанный период вырос почти в полтора раза, что почти в два раза превышает рост американской экономики в целом³.

Никогда еще человечество не располагало столь мощными средствами издания и распространения публикаций. В то же время эти средства до сих пор не использовались в таких грандиозных масштабах для влияния на общественное мнение. К началу 70-х годов мировая книжная продукция достигла рекордной цифры — 500 тыс. названий книг в год общим тиражом 7—8 млрд. экз. За истекшее десятилетие темпы годового прироста по названиям составляли около 4%, а по количеству экземпляров — 6%. В период с 1950 по 1970 г. число публикуемых названий увеличилось вдвое, а тиражи возросли втрое. За это же время читательская аудитория мира более чем удвоилась⁴.

Высокими темпами за два последних десятилетия развивалась и периодика, в первую очередь, газетная и журнальная печать⁵.

¹ «British Printer», 1968, vol. 81, N 6, p. 68.

² «Printing Production», 1969, vol. 100, N 3, p. 137—147.

³ Демпсон Д. Что происходит на издательском фронте. — «Америка», 1971, № 175, с. 15—20.

⁴ «Курьер Юнеско», 1972, февр., с. 37.

⁵ Газетный мир. Краткая справочная книга. М., 1971; «Polygraph», 1970, № 25, p. 993—994; «Курьер Юнеско», 1971 февр., с. 14.

Книжная продукция (в названиях) зарубежных стран за 1965—1969 гг.⁶

	1965	1969	1969 г. в % к 1965 г.
США	54378	62083	113
Великобритания	26314	32321	122
ФРГ	25006	33545	130
Япония	24203	31009	128
Франция	17138	21958	122
Испания	17342	20031	115
Италия	10385	11398	110
Нидерланды	10193	11204	110

Говоря о высоких темпах развития печати во всем мире, нельзя не отметить резкого разрыва между книгоизданием развитых и развивающихся стран. Неравномерно распределяется выпуск книг и в региональном масштабе. Если в африканских странах ежегодно издается 6 названий книг на 1 млн. жителей, то в европейских странах на это же число жителей приходится 420 названий, или в 70 раз больше. 45% книг (по названиям) выпускают страны Западной Европы, где проживает всего 13% населения земного шара. В 1970 г. страны Африки, Латинской Америки и Азии (без Японии, но с учетом КНР) выпустили всего 19% мировой книжной продукции, хотя в этих районах проживает около 50% всех взрослых грамотных и 63% школьников земного шара⁷.

Одно из характерных явлений современного развития печати и книгоиздания в зарубежных странах — непрерывный процесс монополизации средств доставки информации. А это ведет к массовой концентрации производства, увеличению числа объединенных предприятий, усилению процесса сращивания издательских объединений с крупными промышленными монополиями и финансовым капиталом. Особенно активно наблюдается эта тенденция среди фирм с неиздательскими функциями, главным образом специализирующихся на электронике и средствах связи. Только в США с 1962 по 1970 г. прекратили свое существование около 150 издательских фирм⁸.

В США, согласно данным, опубликованным в справочнике «Америкэн бук Трейд директори», насчитывается 5837 издательских фирм, из них книжных около 2 тыс.⁹ Однако основная часть всей книжной печати сосредоточена в 20—30 корпорациях.

В Англии почти 70% выпуска книг приходится на десять ведущих издательских фирм. В Японии четыре крупных издательских объединения производят половину общего объема печатной продукции. Аналогичное положение и в других развитых странах.

В результате расширения рынков сбыта печатной продукции, интенсивного развития экспорта индустрия печати становится колоссальным источником обогащения крупного капитала. Общая сумма от реализации печатной продукции в США в 1969 г. достигла 23,5 млрд. долларов. По

⁶ «Издательское дело. Книговедение», 1971, № 6, 58 (В указанный список включены страны, выпускающие ежегодно свыше 10 тыс. названий книг).

⁷ «Курьер Юнеско», 1972, янв., с. 10.

⁸ The Bowker Annual of Library and Book Trade Information, New York — London, 1969, p. 260. Literary Market Place, 1970—1971 New York — London, p. 174.

⁹ American Book Publishing Record New York — London, 1966, Editor's preface.

сравнению с 1963 г. она возросла почти на 20%. Состояние реализации различных видов печатных изданий в США за 1963—1969 гг. видно из следующих данных (в млрд. долларов) ¹⁰:

	1963	1966	1969	Средний годово- вой темп роста в %	1969 г. в % к 1966 г.
Книги	1,547	2,081	2,664	10,4	28,0
Реализация всей продукции печатной и издательской промышленности	15,63	19,65	23,5	7,9	19,5

За 1963—1969 гг. в американской печатной индустрии самые высокие темпы роста были достигнуты в книжном производстве: они в два раза выше, чем в области периодики и на 30—40% больше, чем в газетной печати.

Еще два десятилетия назад крупнейшими издательскими фирмами на мировом рынке считались такие, доход которых ежегодно исчислялся суммой не менее, чем 10 млн. долларов. В настоящее время доход многих издательских объединений в США превышает 25—30 млн. долларов в год. Ежегодная прибыль американских издательских компаний «Мак Гроу-Хилл бук компани», «Даблдей» и других достигает 100 млн. долларов в год.

В ФРГ оборот полиграфической промышленности в 1968 г. по сравнению с 1950 г. увеличился с 1,86 млрд. марок до 7,834 млрд. марок, или в 4,2 раза ¹¹. Общие ежегодные доходы от продажи печатной продукции в Японии превышают 600 млн. долларов. Обороты крупных книгоиздательских фирм страны за последнее десятилетие выросли в шесть — восемь раз ¹². Во Франции объем производства печатных изданий составил в 1968 г. 4,4 млрд. франков ¹³.

Одним из основных каналов получения прибыли с помощью массовых средств информации является реклама: она обеспечивает свыше половины всех доходов газетно-журнального производства, радио- и телевизионных компаний. Цена ее публикации увеличивается прямо пропорционально росту тиражей. За послевоенный период в США и западноевропейских странах общие доходы от помещения рекламы в печати возросли в 3—4 раза.

Прибыль от объявлений, к примеру, в США составляет более половины всех доходов полиграфической промышленности. В первую очередь это касается газет, сумма доходов которых в два раза выше, по сравнению с другими видами печатной продукции.

В 1970 г. доходы американских издателей от рекламы, подписки и розничной продажи превысили 3 млрд. долларов.

Большую роль реклама играет и в журнальных изданиях. В общей структуре средств информации в 1968 г. американские журналы занимали второе место по количеству публикуемой рекламной информации — 11% общего объема рекламных изданий по всей стране.

¹⁰ «Inland Printing /American Lithographer», 1969, Jan., p. 34—36; «Book Production Industry», 1970, vol. 46, N 11, p. 8.

¹¹ «Polygraph», 1970, N 2, p. 64—66.

¹² «British Printer», 1968, March, p. 64.

¹³ «Polygraph», 1970, N 6, p. 480—485.

Однако прибыль от продажи многих журналов постоянно снижается. Из данных обзора «Ассоциации издателей журналов» о соотношении прибыли за 1970 г. в 35 крупнейших издательствах США видно, что за последние 18 лет в целом произошло снижение прибыли с 8,3 до 4,3%. Объясняется это непрерывно возрастающими затратами на изготовление журналов и бумагу. В целях преодоления возникших трудностей с выпуском журналов, которые нередко ставят издательства в трудное финансовое положение, издатели все активнее расширяют экспорт, включая выпуск журналов за пределами страны¹⁴.

Аналогичные тенденции можно обнаружить и в книгоиздательском деле. К примеру, крупнейшее американское издательство «Мак Гроу-Хилл» владеет 18% капитала известной английской фирмы «Пингвин букс». Под контроль американских издателей за последние годы перешли английские издательства «Кассель», «Джин Компани ЛТД», «Блонд». Усилилось влияние американского капитала в печатном производстве Японии, особенно в организации выпуска учебников.

Существование и направление развития прессы и книгоиздания все больше зависит непосредственно от крупных монополий. Они стремятся к участию во всех средствах коммуникации, включая и центры по сбору и передаче любого рода информации. Газетно-журнальные, издательские и радио-телевизионные корпорации выходят за рамки национальных объединений и по существу превращаются в монополии международного характера. Под контролем концернов-гигантов оказываются основные рычаги управления всеми средствами коммуникации, включая ЭВМ, спутники связи, многочисленные телесети, обширная сфера книгораспространения и печати.

Характерная черта развития книгоиздания за последнее десятилетие — увеличение экспорта книг и журналов, особенно в страны Азии, Африки, Латинской Америки. Ведущее положение среди мировых экспортеров печатной продукции занимают США. Американские издатели экспортируют печатные издания в 120 стран мира. В 1967 г. экспорт американских книг превысил на 25% общие размеры экспорта 14 стран — самых крупных экспортеров книжной продукции.

Объем полиграфической промышленности США, участвующей во внешнеторговом товарообороте, в 1969 г. по сравнению с 1960 г. увеличился почти в два раза. Ежегодный экспорт книг из США в 1969 г. по сравнению с 1958 г. вырос в три с лишним раза — с 45 млн. долларов до 140 млн. долларов, а общая сумма экспорта всей полиграфической продукции США превысила 300 млн. долларов. 70% экспортируемых американских книг направляется в Латинскую Америку, Юго-Восточную Азию и Африку.

В Англии 50% общего выпуска книжных издательств приходится на экспорт¹⁵. Во Франции и ФРГ ежегодный экспорт книг составляет 20—30% всего объема печатного производства. За последние годы в ФРГ экспорт книг и журналов возрос на 18—20%¹⁶.

Анализ экспортируемой печатной продукции показывает, что около половины ее приходится на книги. Большое место в экспорте занимают журналы, бланки, поздравительные открытки и др. США, к примеру, экспортируют журналы более чем в 100 стран мира на общую сумму

¹⁴ «Druck Print», 1970, N 3, p. 263—265.

¹⁵ Евзикова Б. З. Состояние издательского дела и организация книжного рынка Англии. — «Издательское дело. Книговедение», 1970, № 7, с. 38—40.

¹⁶ «Polygraph», 1969, N 10, p. 636; N 12, p. 798.

80 млн. долларов. 70% экспортируемых книг — научно-технические издания, справочники и учебно-образовательная литература¹⁷.

Частично продукция печатается за пределами страны для непосредственного распространения за рубежом. Характерно, что часть экспортируемых изданий, особенно в развивающихся странах, продается по более низким ценам. Усилия издателей по расширению экспорта печатной продукции, как правило, встречают активную поддержку в государственном масштабе.

Структура полиграфического производства в зарубежных странах в основном не претерпела существенных изменений. Как и прежде, в печатной индустрии основной удельный вес приходится на газетное и журнальное производство. Например, в США в газетном производстве занято 36% всего числа работающих в полиграфии, а реализация газетной продукции достигает 30% общего объема реализации всей печатной продукции. В ФРГ объем периодики (в том числе и журналы) составляет 37,6% объема полиграфического производства; в Англии — 35%¹⁸.

Заметное место в полиграфическом ассортименте зарубежных стран занимает так называемая «коммерческая печать»: выпуск бланков, поздравительных открыток и др. В США на эти виды продукции приходится 50% общего объема производства с ежегодным оборотом около 8 млрд. долларов, что в 3 с лишним раза превышает ежегодную сумму реализации книг и журналов¹⁹. Огромного размера достиг рост деловой документации, которая по темпам развития превышает все другие виды публикаций. Количество деловой документации за последние 12—15 лет возросло во всем мире более, чем в 3 раза²⁰.

Высокими темпами развивается и издание книг, что, разумеется, не могло не повлиять на некоторое изменение структуры печатной продукции. За истекшее десятилетие выпуск книг возрос, во всем мире примерно в 2 раза, в то время как рост периодики за указанный период составил 60—70%.

За последнее десятилетие произошли существенные перемены и в издательской тематике. Изучение ее позволяет сделать вывод, что рост производства книг происходит в первую очередь за счет расширения издания учебной литературы, а также распространения книг карманного формата. В США учебная литература составляет около 40% всего объема книгоиздания (1970 г.). Если в 1965 г. в стране насчитывалось 172 издательства учебной литературы, то в 1970 г. таких издательств было уже 240. В Англии, ФРГ, Франции, Италии каждая четвертая книга — учебное издание²¹.

Систематически растет выпуск книг справочно-энциклопедического характера по самым различным областям знания. Например, в США за два последних десятилетия продажа этого вида литературы выросла в 8 раз. Большой удельный вес в издательском ассортименте занимают справочно-энциклопедические книги в Японии, Англии и Франции.

Реализация книг за последние годы в значительной степени растет за счет дешевых книг в мягкой обложке. Среднегодовой прирост этих изданий в США за истекшее десятилетие составлял 9,7%, в то время как книг в переплетах — 3,5%²². Американский книжный рынок насчитывает примерно 130—150 тыс. названий книг. Из них почти 40% — это книги в

¹⁷ «Druck Print», 1970, N 3, p. 263—265.

¹⁸ Op. cit.

¹⁹ Op. cit.

²⁰ Реф. журн. «Науч.-техн. информация». Сер. 1, 1971, № 1, с. 75.

²¹ «Polygraph», 1969, N 10, p. 636.

²² «Издательское дело. Книговедение», 1969, № 4, с. 46.

мягкой обложке²³. В Англии каждая пятая книга — карманного формата. В ФРГ ежегодный прирост книг в мягкой обложке за последние годы достиг почти 6%²⁴.

Около 30% издательской тематики занимают книги по науке и технике, издания прикладного характера (по медицине, сельскому хозяйству, педагогике и др.), «книги по профессиям», различные серии под общим названием «Сделай сам». Как правило, подобные издания, рассчитанные на определенную читательскую аудиторию, выпускаются небольшими тиражами. Заметно вырос на книжном рынке спрос на философские и исторические сочинения.

Длительное время одно из ведущих мест в продукции издательств занимала религиозная литература. В зарубежном книгоиздании она и по сей день играет большую роль. Например, в США насчитывается 160 издательств, выпускающих религиозную литературу. Однако в 60-е годы положение изменилось: снизились темпы издания и особенно сбыта религиозной литературы. В 1969 г. по сравнению с 1965 г. в США было выпущено на 20—25% меньше книг религиозного содержания. В 1971 г. по числу названий и тиражам они занимали лишь девятое место среди других видов литературы²⁵.

Новым действенным средством распространения книжной продукции является возникшая за два последних десятилетия гигантская «индустрия информации», удельный вес которой в научном книгоиздании постоянно возрастает, особенно в научных информационных учреждениях, а также в пределах университетской печати. Расширяется так называемая специализированная печать; она включает в себя тематически широкий круг изданий: университетские публикации, литературу научных и учебных центров, специализированные издания, по практическим проблемам различных областей промышленности, торговли, сельского хозяйства.

Большое число выпускаемых книг — новые издания. В США новые издания составляют примерно 80% общего ассортимента, в Англии — около 70%²⁶, в ФРГ — 84% всего ассортимента²⁷. Основная часть новых книг — издания учебной, научной и технической литературы. На эти же тематические разделы приходится и большая часть переводов.

Развитие издательского дела сопровождается постоянным ростом цен на книги. За 1957—1968 гг. средняя цена американской книги выросла на 160%²⁸. По данным «Ежегодника Боукера по библиотечной и книготорговой информации», книги по сельскому хозяйству в 60-е годы подорожали на 170,2%, экономике — на 155,1%, медицине на 153,1%, технике — 155,2%. Особенно увеличились цены на художественные произведения — более чем в два раза. За десять лет, с 1952 по 1961 г. цена на книги в Японии выросла в 1,5 раза²⁹. В 60-е годы цены на книги в Японии вновь возросли. В ФРГ средняя цена на книги за 1966—1969 гг. увеличилась с 17,49 до 18,6 марок³⁰. В то же время следует отметить, что книги в мягких обложках примерно в 4—6 раз дешевле книг в переплетах, что в значительной степени определило их массовый сбыт.

²³ Literary Market Place. 1970—1971. Edition, New York — London, p. 197.

²⁴ «Polygraph», 1970, N 21, p. 1501.

²⁵ Statistical Yearbook UNESCO, New York, 1971, p. 205.

²⁶ «Издательское дело. Книговедение», 1971, № 7, с. 57.

²⁷ «Polygraph», 1970, N 21, p. 1501.

²⁸ The Bowker Annual of Library and Book Trade. Information. New York — London, 1969, p. 49.

²⁹ «Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом», 1963, вып. 2, с. 83.

³⁰ «Polygraph», 1970, N 21, p. 1501.

Одна из причин увеличения цен на книги заключается в непрерывном росте стоимости труда, производства, бумаги и материалов. По сравнению с 1961 г. в 1968 г. оптовые цены на полиграфическое оборудование выросли почти на 50%, на бумагу и материалы в 2—3 раза.

Несмотря на рост цен на книги, издатели сумели, в известной мере, преодолеть статичность каналов сбыта. Более активно внедряются в книготорговую практику так называемые внемагазинные формы продажи книг, увеличиваются затраты на рекламу, проводятся многочисленные книжные выставки, главным образом, по отдельным видам литературы с целью ее оптовой и розничной продажи. Широко используются средства массовой информации для ознакомления читателей с литературными новинками и планами издателей. Большое распространение приобретает реализация книг по подписке и в первую очередь научной, справочной, учебной и технической литературы.

Произошли известные сдвиги в 60-е годы и в организации издательского дела. Следует обратить внимание на два новых подхода к планированию выпуска печатных изданий. Издательство, вступая в договорные отношения с предприятиями, должно гарантировать «типографское время». Время на изготовление печатных работ устанавливается в рабочих часах, а не в зависимости от количества названий, тиража, объема или различной их сложности. В соответствии с новым порядком выполнения заказов издательские фирмы оплачивают не отдельные производственные процессы, а время, необходимое на изготовление продукции. В свою очередь, предприятия предоставляют издателям известную скидку при условии печати книг по заранее разработанным стандартам, которые предусматривают группировку изданий по сортам бумаги и переплетных материалов, унификацию оформления и др.

Издатели в своей практике не могут не учитывать новых кардинальных изменений в полиграфии, вызванных современным научно-техническим прогрессом на всех стадиях производства печатной продукции. Научно-техническая революция, властно вторгающаяся в полиграфию, оказывает все большее воздействие и на издательские процессы.

Стремясь модернизировать печатную индустрию на основе новейших научных и технических достижений, издатели вкладывают в полиграфическую промышленность значительные капиталы. По данным зарубежной печати, ежегодные суммы капитальных вложений на модернизацию полиграфического производства в 60-е годы в 2 с лишним раза превышали уровень десятилетней давности. В книжном производстве США, например, эти затраты ежегодно составляют 50—60 млн. долларов, а в газетно-журнальном — 300—400 млн. долларов. Значительно вырос технический потенциал полиграфической промышленности, что стало возможным благодаря увеличению за 1960—1970 гг. в США, Англии, ФРГ, Японии в 2—3 раза выпуска современного высокопроизводительного оборудования для предприятий.

Автоматизация издательских и производственных процессов все больше оказывает воздействие на изменение характера производства печатной продукции, структуру книгоиздания и книгораспространения, экономические показатели работы издательств и предприятий. Издательства и полиграфия постепенно становятся единой частью автоматизированной информационной системы на основе разработки систем прямой кодированной связи отдельных типографий и издательств с информационными центрами, оборудованными ЭВМ.

В этой области обозначились два ведущих направления: применение ЭВМ для обработки информации на стадии изготовления печатных форм и постепенный переход к фотонабору. В 1969 г. по сравнению с 1964 г.

масштабы применения ЭВМ для издательских и полиграфических целей в 30 странах мира увеличились в 11—12 раз. В США за 1964—1969 гг. около 900 предприятий внедрили автоматические системы набора³¹. Только в США 19 крупных фирм заняты разработкой и внедрением ЭВМ в издательские и полиграфические процессы³².

Увеличение масштабов применения ЭВМ для издательских целей зарубежные специалисты объясняют тремя причинами: необходимостью автоматизации информационных процессов, быстрым прогрессом самой электронной промышленности и, наконец, появлением специальных устройств для обработки набора с учетом издательских требований³³.

Хотя в европейских странах ЭВМ применяются реже, чем в США, но и здесь за последние годы наблюдается известный прогресс. С 1967 по 1968 г. число внедренных в печатную индустрию западноевропейских стран ЭВМ выросло в 3,5 раза (в основном для программирования набора)³⁴. К началу 1971 г. насчитывалось 300 ЭВМ по сравнению с 71 в 1967 г. Из них 82 использовались на предприятиях, 77 — в газетных и 50 — в книжных издательствах.

Еще в 1956 г. американский журнал «Принтинг Ревью» утверждал, что «время широкого применения фотонабора еще не пришло»³⁵. Эту точку зрения разделяли многие специалисты. В настоящее время суждения о перспективах фотонабора существенно изменились.

В 1963 г. удельный вес фотонабора в США достиг 7% в общем объеме набора, к 1967 г. — 12%, а к 1970 г. — около 20%. Фотонабор завоевывает позиции в газетах, а также в книжном производстве, где происходит массовый переход на офсетный способ печати. Например, с 1963 по 1967 г. объем фотонабора в книжном производстве США возрос на 26%³⁶. Начиная с середины 60-х годов темпы ежегодного роста фотонабора в США и в отдельных западноевропейских странах составляли от 14 до 20%.

К началу 70-х годов уже было освоено 70 различных систем фотонабора. По данным отдельных прогнозов, американская полиграфия к 1980 г. в основном перейдет на фотонабор. Большое число машиностроительных фирм прекращает или снижает производство строкоотливных наборных машин³⁷.

Серьезные изменения в 60-е годы произошли в структуре основных способов печати для всех видов печатной продукции. Особенно большое развитие получила за истекший период ролевая офсетная печать. С 1958 по 1968 г. в США объем выпуска продукции офсетным способом печати (в денежном выражении) вырос почти в 2 раза, опередив все другие способы печати³⁸. Лишь за шесть лет, с 1963 по 1969 г. объем офсетной печати в США возрос на 1,3 млрд. долларов. В среднем ежегодный рост офсетной печати за указанный период составил 200 млн. долларов³⁹.

В США офсетный способ используется преимущественно для печати книг: 92% школьных учебников, 52% учебников для средних учебных заведений, 22% учебников для высших учебных заведений печатаются

³¹ «Printing Production», 1969, vol. 100, N 2, p. 36—38.

³² «British Printing», 1970, Febr., p. 23.

³³ «Inland Printer/American Lithographer», 1969, Jan., p. 37—38.

³⁴ «Printing Production», 1968, vol. 98, N 7, p. 80—81.

³⁵ Уотерлоу Д. Современные тенденции развития полиграфии. — «Полиграф. производство за рубежом», 1956, № 1, с. 5.

³⁶ «Polygraph», 1970, N 4, p. 177—179.

³⁷ Немировский Е. Л. Развитие фотонаборной техники в послевоенный период. — «Полиграфия», 1971, № 9, с. 45—48.

³⁸ «Printing Production», 1968, June, p. 73; 79.

³⁹ «Inland Printer/American Lithographer», 1969, Jan., p. 34—36.

этим способом. В перспективе американские издатели предполагают перевести все учебники на офсетную печать. Офсетным способом изготавливается около 70% книг, свыше 30% периодических изданий, 50% коммерческой печати, 95% поздравительных открыток и 75% бланочной продукции⁴⁰.

Если в 1958 г. офсетным способом в США было отпечатано 40% всех массовых книг, то в 1963 г. доля этого способа в книжном производстве выросла до 57%, а в 1969 г. было отпечатано около 2/3 всей продукции офсетом⁴¹. Высокие темпы роста офсетной печати заметны и в других развитых странах. В Англии удельный вес офсетного способа печати в 1970 г. достиг 52%, в Японии — 53%⁴².

Огромное влияние на современное развитие издательских и полиграфических процессов оказывают разработка и внедрение в издательскую практику информационных коммуникативных систем, а также факсимильных методов передачи информации по каналам связи. В США в эксплуатации находится свыше 50 тыс. устройств подобного рода. Они используются для передачи машинописных копий, пробных оттисков, газетных объявлений, черно-белых фотографий, цветных изображений⁴³.

В зарубежной печати за последние годы все большее место уделяется проблемам автоматизации издательских процессов.

Эти проблемы рассматриваются в основном в трех аспектах: изучаются технические возможности ее решения, намечаются новые формы организации редакционно-издательского процесса, учитывая взаимоотношения издательств и полиграфических предприятий, и, наконец, проясняется роль автора и редактора в условиях автоматизации издательских и полиграфических процессов.

Хотя данные об автоматизации издательских процессов, публикуемые в зарубежной печати, нередко носят рекламный характер и не всегда отражают действительное положение дела, однако некоторые выводы бесспорны: ЭВМ оказывают все большее влияние на издательскую индустрию. Специалисты подчеркивают, что особенно за 3—4 последних года были достигнуты крупные успехи в использовании компьютеров, в первую очередь универсальных ЭВМ в печатном деле⁴⁴. Применение ЭВМ для получения так называемых кодированных оригиналов, а также для управления наборными процессами, позволяет организовать единый редакционно-издательский процесс с учетом сферы производства и сбыта продукции, их оперативного планирования и контроля.

Применение новой дорогостоящей и высокопроизводительной техники вызвало к жизни необходимость в концентрации производства, что находит свое отражение в организации крупных издательско-производственных комплексов, большого числа специализированных предприятий. Постепенно рождается новая крупная сфера обслуживания в книгоиздании и печатной индустрии. В ее функции входит программирование набора, компоновка печатных материалов, хранение информации и ее передача по каналам связи на предприятия.

Однако, говоря о достижениях в области применения ЭВМ для издательских целей, необходимо отметить, что многие прогнозы не оправда-

⁴⁰ Op. cit.

⁴¹ «Modern Lithography», 1969, Oct., p. 24, 25, 28.

⁴² Банникова А. М. Тенденция развития офсетного способа печати. — «Полиграфия», 1970, № 11, с. 45—46.

⁴³ «American Pressman», 1969, Oct., p. 24—26.

⁴⁴ «Print Trades J.», 1970, M 29—31, p. 45, Ворожцова Т. П., Воскресенский М. И., Костин Б. А. ЭВМ в наборных процессах. — «Полиграфия», 1971, № 4, с. 42—44.

лись. Использование электронной техники в издательских и полиграфических процессах находится на начальной стадии и имеет пока ограниченное применение по сравнению с традиционными методами. Многие задачи, связанные с внедрением в издательскую практику ЭВМ, еще требуют своего решения.

Сложность автоматизации издательских процессов заключается в организации управления и постоянного контроля за всеми системами и, особенно производственным процессом, учитывая связь с заказчиками и каналами сбыта печатной продукции. Эта сложная задача, по мнению специалистов, будет решена в ближайшее время. Об этом свидетельствуют итоги конференции по прогнозированию «Компринт-90», состоявшейся в 1970 г. в США⁴⁵. Не менее трудная проблема — психологическая подготовка автора, редактора и полиграфистов к использованию новых технических средств. Она, может быть, окажется более сложной, чем создание самой техники. Внедрение ЭВМ — переворот не только технический, но прежде всего интеллектуальный, затрагивающий многие стороны человеческой деятельности, включая психофизиологические проблемы.

Немалое препятствие на пути освоения новых методов — дорогостоящий и сложный процесс программирования набора. Он требует почти половины всех затрат, необходимых на изготовление печатной формы. Это обстоятельство делает непригодным первичное кодирование текста. Специалисты видят выход в разработке недорогого способа обработки оригиналов. Изменения в технике «записи» касаются прежде всего процесса редактирования и первичной обработки рукописи, которые должны стать органической частью всего редакционно-производственного процесса.

Многие специалисты утверждают, что к 1980 г. изготовление печатных форм будет осуществляться автоматически с программным управлением, без предварительного набора шрифта. Из сказанного можно сделать вывод о том, что кодирование печатного материала в форме программы в перспективе превратится в самостоятельное подразделение в информационной системе.

По мнению зарубежной печати, к концу 70-х годов еще более широкое распространение получит фотонабор и ролевая офсетная печать, автоматизация набора на базе универсальных ЭВМ⁴⁶. Большое влияние на дальнейшее совершенствование издательских процессов окажут научные исследования и разработки в области лазерной техники, электростатики, новейших средств связи, включая возможности, которые открывает кассетное телевидение.

Особое значение в новейших научных разработках придается применению электронно-лучевых трубок для ввода и вывода информации, что в перспективе приведет к изменению традиционных способов корректуры. Не менее важная роль предназначена «читающим» устройствам для обработки текстов и графических материалов. По сведениям журнала «American Pressman», к концу 1972 г. продажа их должна была возрасти более, чем в 5 раз по сравнению с 1968 г.⁴⁷

⁴⁵ Лопатухин В. С., Тихонов В. П. Международная научная конференция полиграфистов в США. М., 1971.

⁴⁶ «Australian Printer», 1970, N 48—49, p. 51—53.

«Printed in Britain», 1970, N 1, p. 45—48.

«Druck Print», 1970, N 12, p. 60.

«Printing Production», 1969, Oct., p. 44.

⁴⁷ «Print Trades», 1970, p. 996.

Электронная революция в книгоиздании только начинается. Она сулит большое будущее⁴⁸. Рассматривая воздействие ЭВМ на издательские процессы, специалисты указывают на следующие наиболее перспективные области практической реализации электронных средств: применение в качестве хранилищ информации, использование ЭВМ для автоматизации набора, факсимильные методы передачи информации, широкое использование аудиовизуальных средств.

В 70-е годы автоматизированные системы получают распространение в сложных процессах редактирования, производства и сбыта печатной продукции, что коренным образом изменит редакционно-издательский процесс, как и самую форму издательского оригинала. Общим требованием к новым производственным процессам является подготовка печатного материала, зашифрованного на ленту и пригодного для прямого использования машиной.

Автоматические системы подготовки оригинала, его передача по каналам связи и телеаппаратура для организации редакционного и корректурного процесса практически созданы. Но стоимость управления этими системами высока и они еще не отвечают необходимым требованиям, предъявляемым к сложной редакционной работе⁴⁹.

В условиях глубоких социальных перемен и научно-технической революции, затрагивающей все стороны жизни современного общества, роль печатных публикаций существенно возросла, а книгоиздание стало еще более, чем прежде, важной областью общественной жизни, выдвинулось в одну из ведущих отраслей экономики.

По мнению большинства специалистов, прогнозы по поводу полной или даже частичной замены книги ЭВМ и различными аудиовизуальными формами передачи информации — пока оказались нереальными. Совершенно очевидно, что книга сохранит свою традиционную форму до XXI в. Широкое и повсеместное развитие получит в 70—80-е годы учебно-образовательная литература⁵⁰. Большие усилия будут предприняты в поисках более совершенных методов и новых технических средств, которые позволили бы производить в полном объеме редакционный и корректурный процесс в фотонаборной стадии. Особое значение в перспективе будет иметь использование ЭВМ для хранения крупных массивов информации, включая текстовой и графический материал, с возможностью его оперативного извлечения, что явится важным шагом к созданию всеохватывающих систем обработки и распространения информации⁵¹.

Все большее значение приобретет в 70-е годы внедрение в издательские процессы новейших средств связи и оперативно-множительной техники, что откроет возможность получения новых методов обработки и доставки информации.

Научно-технический прогресс современных средств обработки и доставки информации происходит быстрыми темпами. Однако изучение его показывает, что какие бы блага ни сулила электронная техника, только решение всего комплекса задач, связанных с изучением книги как целостного объекта, включая и ее потребителя, как и всего многообразия издательской деятельности, может дать положительные результаты. Современная же зарубежная информационная практика нередко пре-

⁴⁸ «American Pressman», 1969, Oct., p. 30—32.

⁴⁹ «Druck Print», 1971, Gan., p. 36—40.

⁵⁰ «Print World», 1971, vol. 189, N 14, p. 354—355; «British Printer», 1972, vol. 85, N 1, p. 56—59.

⁵¹ Op. cit., 1971, vol. 84, N 11, p. 61, 63; Кьюни Дж. Издание и распространение информации. — «Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики» (ВИНИТИ), 1971, № 19, с. 31—54.

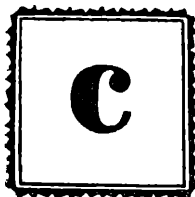
небрегает этим требованием, что приводит к недостаточному использованию в книгоиздании новейших достижений научно-технической революции.

Будущее покажет — удастся ли найти оптимальные пути реализации системы «человек — печать» на основе автоматизации информационных процессов, включая новые системы информации и принципиально новое отношение к ним потребителя. Пока сделаны только первые шаги по пути эффективного решения насущных проблем в области информационной деятельности.

АВТОБИОГРАФИИ ДЕЯТЕЛЕЙ КНИГИ В СОБРАНИИ С. А. ВЕНГЕРОВА

Публикация М. Д. Эльзона

реди ценнейших материалов рукописного отдела Института русской литературы Академии наук СССР архив С. А. Венгерова занимает особое место. В его составе, наряду с другими документами, — уникальная картотека (незаменимое справочное пособие по истории книжного дела в России XIX — начала XX в.), богатейшее собрание писем, наконец, единственная в своем роде коллекция автобиографий. Возникновение этих собраний связано с деятельностью самого ученого, его историко-литературными библиографическими трудами, теперь же они служат новым поколениям исследователей, отыскивающим здесь самые разнообразные сведения. В этом отношении архив Венгерова может быть сравним разве с такими широкоизвестными материалами ИРЛИ, как картотеки Б. Л. Модзалевского или В. И. Сантова, вопрос об издании которых неоднократно поднимался в нашей печати.

Первое и второе собрания автобиографий служили подготовительными материалами к создававшемуся Венгеровым «Критико-биографическому словарю русских писателей и ученых». Изготовленный типографским способом опросный лист был разослан значительному числу литераторов, библиографов, издателей (их неполные списки даны в кн.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых Изд. 2-е. Т. I. Пг., 1915, с. XX—XL) и вызвал поток не только лаконичных формальных ответов, но и развернутых автобиографий. Кроме того, к Венгерову поступали сведения от родных и близких того или иного деятеля и т. д.

В этом массиве (около трех с половиной тысяч номеров) автобиографии и прочие сведения о деятелях книги занимают сравнительно скромное место. По форме они разделяются на три вида — автобиографии, библиографические списки и ответы на анкету. В первом собрании представлены: Н. Я. Агафонов, П. В. Алабин, Е. И. Аркадьев, С. И. Балтромайтис, П. И. Бартенева, А. А. Бахтияров, Н. Н. Бахтин, А. М. Белов, Я. Ф. Березин-Ширяев, В. Л. Бурцев, П. В. Быков, А. Ф. Бычков, И. А. Бычков, Н. Н. Вакуловский, И. В. Владиславлев, Э. А. Вольтер, П. Д. Драганов, У. Г. Иваск, А. И. Калишевский, В. В. Каллаш, А. М. Калмыкова, С. Г. Кара-Мурза Я. Н. Колубовский, К. С. Кузьминский, М. К. Лемке, С. Ф. Либрович, А. М. Ловягин, А. И. Ляшенко, С. Р. Минцлов, В. Я. Муринов, А. И. Остроглазов, Ф. Ф. Павленков, Л. Ф. Пантелеев, П. И. Певин, А. Н. Пешкова-Толиверова, С. И. Пономарев, Н. А. Рубакин, М. Н. Слепцова, А. В. Смирнов, Л. Б. Хавкина, В. Г. Чертков, Г. В. Юдин, во втором — С. И. Бернштейн, Б. С. Боднарский, В. В. Буш, А. Н. Васильев, Ф. И. Витязев, И. В. Владиславлев (Гульбинский), Л. М. Вольф, К. Н. Дерунов, М. М. Клевенский, И. С. Книжник-Ветров, В. А. Крандиевский, М. Н. Мазаев, Н. Г. Мартынов, И. Ф. Масанов, Б. Л. Модзалевский, Н. А. Оболянинов, А. И. Яцимирский.

Все эти справки содержат неизвестные биографические сведения о перечисленных деятелях книги и представляют несомненный фактический интерес

Сам Венгеров в шестом томе «Критико-биографического словаря» поместил автобиографии С. И. Балтромайтиса и А. В. Смирнова. Э. А. Вольтер ввел в научный оборот жизнеописание Б. С. Боднарского, Б. Л. Модзалевского, Н. А. Рубакина и

Л. Б. Хавкиной*. Однако подавляющее число автобиографий осталось неопубликованным и почти не привлекало внимания исследователей.

В настоящей публикации помещены автобиографии издательниц А. М. Калмыковой и М. Н. Слепцовой, книгопродавца и книгоиздателя Н. Г. Мартынова, историков книги М. К. Лемке и С. Ф. Либровича, библиофилов Г. В. Юдина и С. Г. Кара-Мурзы.

Выбор обусловлен тем, что сообщаемые фактические данные значительно расширяют или существенно уточняют имеющиеся в специальной литературе подчас довольно скудные сведения об этих деятелях книги.

В частности, определенный интерес представляет автобиография М. К. Лемке, устраняющая отдельные фактические ошибки в целом интересной и безусловно полезной монографии М. Г. Вандалковской «М. К. Лемке — историк русского революционного движения» (М., 1972).

Автобиография С. Г. Кара-Мурзы вскользь упомянута П. Н. Берковым в «Истории советского библиофильства» (М., 1971). Обращение к подлиннику позволяет установить, что известный библиофил, автор интересных воспоминаний о Русском обществе друзей книги (РОДК), был еще и издателем, владельцем эфемерного книжного предприятия «Дилетант», выпустившего несколько примечательных книг.

Тексты автобиографий воспроизведены в соответствии с правилами современной орфографии.

А. М. КАЛМЫКОВА (1849—1926)

Александра Михайловна Калмыкова, рожденная Чернова, родилась в 1849 г. 26-го декабря в г. Екатеринославле, вероисповедования православного. Родители мои были дворяне-землевладельцы Екатеринославской и Полтавской губ. Первые 12 лет жизни проведены в деревне в тех благоприятных условиях для умственного развития, какие представляла в то время домашняя среда и обстановка достаточного и образованного дворянства. С переселением семьи Черновых в Екатеринославль дом их сделался средоточием лучших представителей интеллигенции: я выросла в атмосфере лучших идеалов и интересов 60-х годов, под непосредственным влиянием лиц, принимавших участие в проведении в жизнь реформ прошлого царствования. Известный потом деятель по народному образованию барон Н. А. Корф, двоюродный брат моей матери, в течение нескольких лет был моим учителем истории: общение с ним оказало значительное влияние на характер моих интересов и на мою дальнейшую деятельность¹. Когда в 1864 г. была основана в Екатеринославле первая женская гимназия на средства местного дворянства, начальницей ее была избрана моя мать А. А. Чернова, до сих пор стоящая во главе этого учреждения. В старших классах гимназии я закончила свое образование и получила учительский диплом². В 1869 г. я вышла замуж за Д. А. Калмыкова — товарища председателя вновь открытого окружного суда. С переводом мужа в Симферополь в течение ряда лет я в качестве секретаря местного благотворительного общества принимала самое деятель-

* Библиографические материалы, собранные в 1913—1914 годах. Э. А. Вольтером. Вып. 1. Пг., 1915, с. 7—9, 21—22, 28—31, 47—50. Следует отметить, что автобиографии в венгерском собрании частично отличаются от опубликованных Э. А. Вольтером. В подзаголовке статьи «Б. С. Боднарский» указано: «Библиографический очерк С. С. Лисовского», в действительности, как показала сверка с рукописью, она является незначительно измененной автобиографией.

¹ Н. А. Корф (1834—1883) — педагог и методист, известный деятель в области народного образования, автор популярной книги для чтения «Наш друг», дополнявшей «Родное слово» К. Д. Ушинского.

² В воспоминаниях А. М. Калмыковой, записанных В. Славенсон (кстати сказать, довольно неточных) указано, что это произошло «18 лет от роду», т. е. в 1867 г. («Красная летопись», 1926, № 4, с. 140).

ное участие в общественной жизни. С 1879 г. я сделалась жительницей Харькова и, обладая большим досугом, который не мог быть весь наполнен воспитанием единственного сына, я приняла ближайшее участие в занятиях в частной женской воскресной школе, созданной Х. Д. Алчевской в союзе с несколькими испытанными работницами на учительском поприще³. К преподавательской деятельности в воскресной школе присоединился и литературный труд. В 1884 г. был выпущен первый том книги «Что читать народу?», в котором отделы исторический и географический были почти всецело составлены мной⁴. В 1879 г. я сделалась сотрудницей возникшей тогда в Харькове ежедневной газеты «Южный край», около редакции которой группировались лучшие силы местной интеллигенции и университета⁵. Считаю нужным отметить, что мое сотрудничество в этой газете относится к первому периоду ее существования. Я совершенно лишена возможности дать список всех моих статей и заметок в «Южном крае».

А. М. Калмыкова

Из числа их особенно дороги мне по мысли фельетоны об еврейском вопросе в России, вышедшие потом отдельной брошюрой⁶. Назначение мужа сенатором гражданского кассационного департамента сделало меня с 1885 г. жительницей Петербурга. Прерванное переездом учительство было немедленно возобновлено в воскресных школах (для рабочего населения) фарфоровского попечительства по Шлиссельбургскому тракту, где я вела обучение грамоте и чтению с волшебным фонарем. В то же время я сделалась членом Совета комитета грамотности и членом комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам. В 1889 г. изменившиеся обстоятельства семейной жизни (смерть мужа) дали мне возможность всецело посвятить себя давно избранному роду деятельности — посильному служению делу образования массы темного русского населения. Убеждение, что школа уже создала абсолютно значительное количество грамотных, для которых хорошая дешевая книга является теперь настоятельной потребностью, побудило меня открыть книжный склад, имеющий целью составление по тщательному выбору

³ Здесь Калмыкова проработала почти пять лет, с 1880 по 1884 г.

⁴ Фамилия Калмыковой стоит также на титульном листе второго тома, выпущенного в 1889 г.

⁵ Общественно-политическая и литературная газета «Южный край» выходила с 1880 по 1882 г. под ред. А. Н. Стоянова. В 1882 г. редактором газеты стал ее издатель А. А. Иозефович.

⁶ См.: Калмыкова А. М. Еврейский вопрос в России. Харьков, 1881; изд. 2-е. Харьков, 1882.

школьных и народных библиотек. В первый же год 1890-й я издала каталог своего склада, представляющий собой пособие для составления школьных и народных библиотек и периодический указатель народной литературы⁷. Издание книг для народного чтения составляет также одну из задач, преследуемых моим складом. Его издательская деятельность выразилась в двух сериях дешевых народных книг, составленных, главным образом, мною лично (см. ниже «Библиография») ⁸. Занятия по складу и воскресной читальне почти не оставляли мне времени для журнальной работы, которая ограничивалась исключительно сотрудничеством в журнале «Русская школа»⁹.

10 сентября 1894 г.

А. Калмыкова.
(ф. 377, I собр., № 1377)

С. Г. КАРА-МУРЗА (1878—1956)

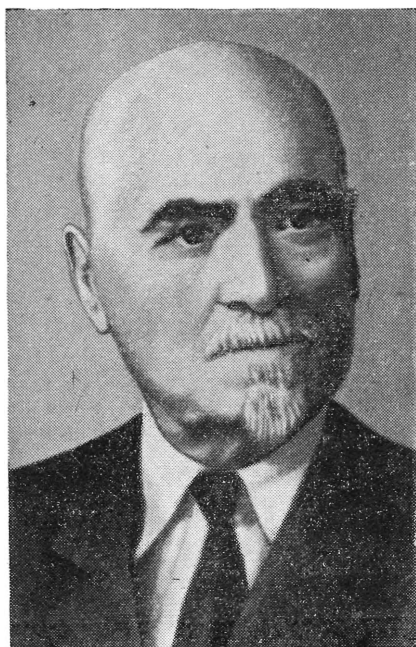
Сергей Георгиевич Кара-Мурза (журналист). Родился 29 января 1878 года в г. Симферополе (армяно-григорианского вероисповедания). Отец был купцом, вел торговлю шерстью. В роду выдающихся людей не было. Воспитывался в Лазаревском институте восточных языков в Москве, где окончил курс в 1899 г. Высшее образование получил в Московском университете по юридическому факультету, по окончании которого в 1903 г. записался в помощники к известному адвокату, ныне члену Государственной Думы Н. П. Шубинскому. С 1908 г. состоит присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, занимаясь гражданской практикой. Журнальную деятельность начал еще с гимназической скамьи, печатая библиографические заметки в газете «Новости дня» и журнале «Семья». В 1901 г. работал в статистическом бюро при Таврическом земстве под руководством С. М. Блеклова. В 1900 г. принимал участие в составлении «Галереи русских писателей», изданной в Москве С. Скирмунтом под редакцией И. Игнатова, для которой написал более 25 литературных характеристик. В 1900—1903 гг. посещал собрания известного литературного салона В. А. Морозовой, где неоднократно читал рефераты. В 1902 г. в Московском литературно-художественном кружке сделал доклад «О драматических произведениях А. П. Чехова», вызвавший оживленные прения, растянувшиеся на два вечера. В 1909 г. совершил первую поездку за границу и посетил города Германии и Франции. В 1910 г. совершил путешествие по Бельгии, Англии и Голландии. В 1911 г. посетил Австрию и в 1913 г. — Северную и Южную Италию.

⁷ В 1893 г. вышел «Каталог книжного склада А. М. Калмыковой» с подзаголовком «третье издание» и со следующим указанием: «Настоящий каталог склада составлен на тех же основаниях, как и два предшествующих его издания». Однако ни одного из первых двух изданий публикатору не удалось обнаружить.

⁸ Имеются в виду «Силы природы и труд человека» и «Прежде и теперь».

⁹ «Русская школа» — известный педагогический журнал. Издавался в 1890—1917 гг. в Петербурге под ред. М. Г. Гуревича (в 1890—1906 гг.) и М. Я. Гуревича (в 1906—1917 гг.). Кроме Калмыковой, в работе журнала участвовали П. Г. Мижуев, В. П. Острогорский, С. И. Шохор-Троцкий и другие видные деятели народного образования и просвещения.

Кроме названных выше газет, сотрудничал в следующих изданиях: «Курьер», «Московский вестник», «Русское слово», «Русская мысль», «Путь», «Новый путь», «Век», «Современник», «Парус», «Час», «Московская газета» и др. В настоящее время подготавливает к печати одновременно две книги: 1) сборник литературно-критических статей и 2) собрание фельетонов о городах Европы, встречах и впечатлениях. До последнего времени пишет в различных московских газетах прогрессивного направления статьи по вопросам литературы, искусства и текущей жизни под следующими псевдонимами: К. Мур, Бумлер, Книжник, Саддукей. В 1906 г. им основано литературно-философское издательство «Дилетант», которым выпущены в свет: «Наоборот» Гюисманса, «Калибан» Ренана, «Душа человека при социализме» Оскара Уайльда, «Пир» Платона, «Мое обнаженное сердце» Бодлера¹.

С. Г. Кара-Мурза

Сергей Георгиевич Кара-Мурза.
(ф. 377, I собр., № 1391)
<1913 г.>

М. К. ЛЕМКЕ (1872—1923)

Лемке Михаил Константинович. Родился 31 октября 1872 года в г. Демянске Новгородской губ. Отец — среднего достатка помещик, штабс-капитан в отставке, получил скудное образование в I Кадетском корпусе, которое и потом не пополнил. Мать — дочь штурманского генерал-майора, окончила гимназию в Петербурге. Православный. Род записан в дворянские книги Новгородской губ<ернии>, происхождением и историей его я никогда не интересовался; знаю только, что какой-то предок выехал в Россию из Швеции. Первоначальное домашнее воспитание

¹ Гюисманс Ж.-К. Наоборот. М., 1906 (Дилетант, кн. 1); Ренан Э. Калибан. Филос. драма. М., 1906. (Дилетант, кн. 2); Уайльд О. Душа человека при социализме. М., 1907; Бодлер Ш. Мое обнаженное сердце. М., 1907. [Сборник, включающий дневник поэта «Мое обнаженное сердце», стихотворение Элліса «Эпилог» (по мотивам «Стихотворений в прозе» Бодлера) и отрывок из статьи Крепе «Бодлер в Бельгии» (пер. А. Киселевой, под ред. Элліса)]; Платон Пир. Беседа о любви. М., 1908. Книги Гюисманса, Ренана и Уайльда вышли в переводе М. А. Головкиной, «Пир» — в переводе И. Д. Городецкого.

О неосуществленных планах издательства дает представление список предполагаемых к изданию книг, помещенный в первых двух изданиях: «Искушение св. Антония» Флобера, «Сатириконт» Петрония, «Там, внизу» Гюисманса, «Опыты» Монтеня, «История о милом боге» Рильке, «Усталые души» Гарборга, «Письма к Фр. Ницше» Саломе, «Зеленая гвоздика» Хитченса.

М. К. Лемке

было во всех отношениях самым обычным. 8-ми лет привезен был переехавшей в Петербург матерью в I классическую гимназию, откуда к рождеству был исключен за упорную лень. С нового (1881) года поступил в VI гимназию, но и оттуда был скоро исключен по той же причине. За эти годы, помню, меня часто секли дома и в виде наказания решили отдать в дом призрения малолетних бедных, что на Лиговке, против Кузнечного переулка. С осени 1883 г. был отдан, по собственному настойчивому желанию и обещанию хорошо учиться, во II Кадетский корпус. Там вначале оказался снова лентяем и в первом классе был оставлен на второй год. С 1884/85 г. начал заниматься порядочно, а потом и хорошо, особенно по русскому языку и русской истории. Очень посредственное знание математики не позволило по окончании корпуса идти в специальные

гражданские высшие учебные заведения, и я поступил осенью 1891 г. во II военное Константиновское училище. Будучи портупей-юнкером, кончил его в 1893 г. и был произведен подпоручиком в 1-й пехотный Невский полк, в котором и числился до 12 декабря 1898 г., когда, по прошению, уволен был в запас. Будучи первые два года офицерской службы занятым военным, готовился поступить в академию генерального штаба, а затем, передумав и бросив начатые уже в Москве предварительные экзамены, стал готовиться в военно-юридическую академию. В это время я уже чувствовал на себе влияние двух светлых стариков-«шестидесятников», живших в г. Рославле (Смоленской губ<ернии>), в месте стоянки полка¹. Оно становилось все сильней и сильней... Летом 1898 г. я решил, взяв продолжительный отпуск, оставить навсегда военную службу. В это время было уже двое детей (женился 23 лет). 18 августа поступил на 35 руб. счетчиком в Орловское губернское земское статистическое бюро, а 29-го августа был приглашен заведовать редакцией «Орловского вестника», незадолго перед тем купленного А. И. Аристовым. Оставил статистику и с головой окунулся в газету, в которой и работал почти 3 года. 3 августа 1901 г. принял на себя редактирование (сначала фактическое, а через три месяца и официальное) екатеринославской газеты «Приднепровский край». 30 марта 1902 г. он был приостановлен на 8 месяцев, главным образом, благодаря выпуску очень нашумевшего «белого номера» от 19 марта². В апреле 1902 г. приехал в Петербург и занялся журнальной работой, имея в виду специально заняться изучением истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. С января 1904 г. был

¹ Речь идет о П. Г. Гофштеттере (брате жены Г. З. Елисеева) и рославльском старожиле Л. В. Стихомирове.

² См.: Лемке Мих. История «белого» номера («Образование», 1906, № 9, с. 123). В монографии М. Г. Вандалковской «М. К. Лемке — историк русского революционного движения» (М., 1972) выход «белого» номера отнесен к 29 марта 1902 г., приостановка газеты — к 31 мая; соответственно отодвинут и переезд Лемке в Петербург.

приглашен заведовать историческим отделом молодого книгоиздательства М. В. Пирожкова, открытым по моему совету и плану. 28 октября 1904 года был призван на действительную военную службу в качестве поручика запаса и отправлен во 2 Варшавский крепостной пех<отный> полк<...>

Очень часто в одном номере («Орловского вестника». — М. Э.) помещал две, три, а то и четыре работы сразу; характер их самый разнообразный.

5 января 1905 года.
(Спб.).

Мих. Лемке.
(ф. 377, I собр., № 1691)

С. Ф. ЛИБРОВИЧ (1855—1918)

Либрович (Сигизмунд Феликсович) — писатель, род<ился> в Варшаве, в 1855 г. Образование получил в Варшавской гимназии, в высшем техническом институте в Хемнице, в Саксонии и в политехнической академии в Дрездене. С 1875 г. состоит секретарем — членом правления издательской фирмы «М. О. Вольф» в Петербурге и принимает деятельное участие в ее книжных и журнальных предприятиях. С самого основания журнала «Задушевное слово», т. е. с 1876 г., бессменно, в течение 30 лет, состоит секретарем редакции и одним из постоянных сотрудников. Точно так же принимал ближайшее участие в журналах: «Новь» (1885—1898), «Новый мир», «Вестник литературы» и «Известия книж<ных> маг<азин> Вольф», в которых, в общем итоге, поместил несколько сот мелких статей по истории, истории литературы, искусству, библиографии и пр., и пр., большей частью под псевдонимом *Виктор Русаков*. Сотрудничал также в газетах «Новости» и «Луч» — в последней в период ее издания под редакцией В. В. Чуйко (1896—<189>7) и помещал в ней ежедневные беседы, подписанные *Русак*. Кроме того, сотрудничал в польских газетах «Крај», «Slowo», «Nowiny» и в немецких «St. Petersb. Zeitung» и «Herold». Три года вел издававшийся Эдуардом Гоппе журнал для типографов «Обзор графических искусств» (1880—<18>82). Напечатал по-русски: «Пушкин в портретах» (история изображений поэта) (1890), «Царь в плену» (история пребывания Василия Шуйского в Польше) (1901, два издания), «Неполомицкий царевич» (история легенды о королевском происхождении Лжедмитрия) (1903), «Петр Великий и женщины» (1904), «Разбитые жизни» (1898), «Мишурные карьеры» (1902); затем ряд книг для детей и юношества: «Гроза гимназии» (1892, два издания), «Семнадцать дочерей» (1898, два издания), «Приготовишки и старшекласни-

С. Ф. Либрович

ки» (1902, два издания), «Маруся Безродная» и друг<ие>. Кроме того, выпустил под псевдонимом «Виктор Русаков»: «Русские Колумбы и Робинзоны» (1903, два издания), «Майские союзы» (1902), «Детский смех», «Нервное воспитание» и др. Собрание его рассказов из школьной жизни вышло в Париже во французском переводе п<од> з<аглавием> «Sur les bapcs» (1894). По-польски издал: «Polacy w Syberji» — история пребывания поляков в изгнании и <на> каторге (1884), «Z wzrazen karosciarza» — статья о евреях и еврейском вопросе в Польше (1878), «Stara Polska» — история одного несостоявшегося издания (1885), «Shylock» и др. На немецком языке выпустил: «Ueber der Kuss und das Küssen» (1877) и «Die Marliff» (1878).

<1906 г.>

(ф. 377, I собр., № 1711)

Н. Г. МАРТЫНОВ (1843—1915)

Мартынов Николай Гаврилович.

Родился 17 июня 1843 г. в Петрограде. Отец из Кашина привезен мальчиком поступить в торговлю мануфактурным товаром и по истечении нескольких лет открыл свое дело. Торговал лентами и имел свою сигарную фабрику. Мать из старинной купеческой семьи (около 150 лет были купцами). Семья Калугиных. Торговали сукнами.

Дед по бабушке Немков.

Получил образование в частном учебном заведении Климченко — в 1878 году выдержал экзамен на первый класс<ый> чин и (в 1913 году) получил коллежского регистратора. Тем не менее все время состоял в купечестве с 1864 года по 1913-й.

Книгоиздатель.

Пишу статьи с 1864 года, бесплатно, и помещаю, где примут, потому что статьями о книжном деле и библиографии редакторы журналов и газет не интересуются и не помещают.

Редактировал 2 года «Книжную биржу», которую издавал на свой счет; «Книжный вестник» только 1/2 года.

Издавал книг много. Каталог соберу и пришлю.

Больше всего издавал русских авторов.

Продолжаю издавать и писать и по-сегодня.

14 янв<аря> 1857 г. поступил к Я. А. Исакову.

6 декабря 1878 открыл свое дело.

Июнь 1864 — поместил 1-ю свою статью в «Книжном вестнике» — «О неудобстве книжного дела в России».

Июля 4—1915.

Н. Мартынов.
(ф. 377, II собр.)

Н. Г. Мартынов

М. Н. СЛЕПЦОВА (1861—1951)

Мария Николаевна Слепцова, урожденная Лаврова. Родилась 10-го февраля 1861 г. в г. Кан (Франция). Православная. Со стороны отца находится в близком родстве с Бакунинными (Михаил и его братья), с Муравьевыми (граф Н. Н. Муравьев-Амурский), Мордвиновыми... Воспитывалась сначала в Швейцарии, затем в русской деревне Рязанской губ<ернии>, где мать, в период хождения в народ, была фельдшерницей, затем в петербургской Литейной гимназии. По окончании гимназии вышла замуж и поступила на Георгиевские фельдшерские курсы. Кончив их, прослушала курс химии у Бутлерова на Бестужевских курсах и поехала служить фельдшерницей в Царскосельское земство, где и пробыла два года. По возвращении в Петербург литературной деятельностью начала заниматься только

М. Н. Слепцова

в 1894 году, в 1895 поместила свой перевод небольшого рассказа Брет Гарта «Лодырь» в «Звезде» № 25 18 июня 1895 г. Сотрудничала в детских журналах «Родник» и «Детское чтение»; два 1/2 года (1894—1897) совместно с мужем вела журнал «Читальня народной школы» и в 1898 году стала издавать научно-популярные книжки для кончающих и окончивших начальную школу, под общим названием «Книжка за книжкой». В сборнике «В защиту слова» поместила статью «Цензура после цензуры». Портрет был помещен в юбилейном сборнике известного педагога Д. И. Тихомирова «На трудовом пути». В прилагаемом каталоге отмечены крестами переводы, компиляции и другие работы, мною выполненные для издания «Книжка за книжкой», каковой состою и издательницей, и редактором¹.

5 марта 1913 г.

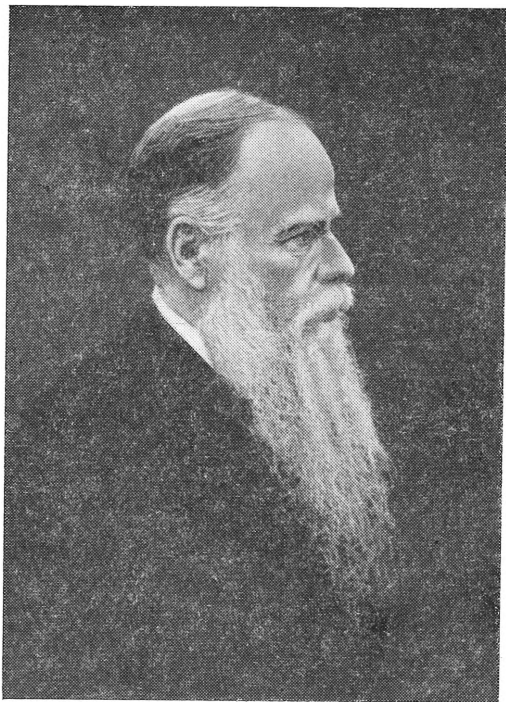
М. Слепцова.
(ф. 377, I собр., № 2519)

Г. В. ЮДИН (1840—1912)

Моя кратчайшая жизненная канва

Родился 28 февраля 1840 г. в Екатерининском заводе, в 10—12 верстах от города Тары Тобольской губ<ернии>. По словам покойной матушки, при появлении в свет оказался в «сорочке». В младенческих пеленках, 6 недель, увезен в Симбирскую губ<ернию>, в Мелекесский завод.

¹ Среди переводов — «Маленькая колдунья» Жорж Санд, «Сирота» Б. Ауэрбаха, «Восставший раб» В. Гюго, «Маленький оборвыш» Д. Гринвуда, и др.

Г. В. Юдин

Начал помнить себя с 1845 г. в гор<оде> Чигирине Киевской губ<ернии>. Как теперь вижу бывший в июне того года на моих глазах обряд погребения деда Михаила Михайловича, содержавшего Чигирин на откупе.

В 1847 г. семья наша переехала в Тобольск. Здесь началось и окончилось мое домашнее воспитание приглашением учителя, доброго старичка из военного звания Александра Егоровича Рязанова, приходившего на дом года два-три.

В 1853 г. в Минусинске Енисейской губернии начал службу клерком в питейной конторе (18-го ноября).

В 1863 г., с введением «свободной» торговли вином, с накопленными трудовыми 600 рублями начал свое коммерческое дело в селе Балахте Енисейской губернии.

В 1866 году женился.

К 1-му января 1869 г. прекратил совершенно торговые дела с 25000 рублей в кармане и отправился путешествовать на «ближний» Восток: был в Константинополе, в городах по левому побережью Средиземного моря до Яффы, завертывал в Иерусалим, Вифлием, обитель св. Саввы, Иерихон, купался в Мертвом море и Иордане; видел Порт-Саид с оконченным в тот год Суэзским каналом, и от Александрии повернул обратно, в Одессу. Из Одессы, переплыв вкось Черное море, был в городах Крыма от Евпатории до Керчи и обратно. Затем, прожив два месяца в Москве и Петербурге, возвратился в Балахту. Вскоре отправился на другой «дальний» Восток — до Иркутска, возвратившись домой в январе 1870 г.

С июля 1870 г. возобновил торговое дело.

В 1873 г., 1 марта, выиграл во втором займе, имея 50 билетов, главный выигрыш, за получением которого, с женой, поехали в С<анкт>-П<етер>б<ург>, где прожили весело все лето и в августе были в Вене на всемирной выставке.

В 1874 г. был один в С.-П<етер>б<урге>.

В 1878 г. переселился из Балахты в Красноярск.

В 1881 г. окончил постройку своего винокуренного завода, начавшего действовать с ноября м<есяца> и до сих пор занимаюсь питейной торговлей, конец коей из складов и питейных домов наступит 1-го июля 1904 года с введением в Восточной Сибири казенной винной монополии, для надобностей которой будет, в числе других, работать мой завод.

Занятие и честное ведение питейной торговли в обширном размере в течение 40 лет не считал и не считаю предосудительным, как это общепринято в России <...>

В 1889 г. посетил выставку в Париже. Возвращался в Россию через Швейцарию, Италию и Вену. В Швейцарии был в Вевэ, Лугано, Люцер-

не, Берне, Женеве; в Италии — в Милане, Флоренции, Риме, Генуе, Неаполе, Вентимилье.

Занятия в своей библиотеке, имеющей особое двухэтажное здание; составляют для меня необходимый от житейских дрязг отдых и невыразимое наслаждение. Библиотека непрерывно и энергично пополняется всем выдающимся, выходящим ныне в таком изобилии.

Горестные, ничем на свете не возместимые события, неизгладимые из помыслов до гробовой доски, всегда щемящие сердце, были два: 2 марта 1896 г. внезапно скончался сын Михаил, 16½-летний юноша, ученик 14 класса Красноярской гимназии, прекрасно учившийся, даровитый, но на беду попавший в названном классе в неподходящую среду, и 24 апреля 1899 г. кончина другого сына, Василия, после краткой болезни в Киеве, вдали от семьи, 27-летнего молодого, цветущего человека, студента Киевского университета по юридическому факультету. События эти глубоко потрясли меня и надорвали мое здоровье.

Мои собственные издания и редакторство

«Некоторые фамильные портреты рода Июдиных»... Москва... 1890.

«Записная книжка Григория Григорьевича Швецова»... Москва... 1890.

«Опыт родословной Июдиных... Составил Г. В. Юдин... Красноярск... 1892».

«Записная книжка Анны Михайловны Июдиной»... Москва... 1894.

«Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Июдиных (1613—1895). Собрал и издал Г. В. Юдин. Томы I и II... Красноярск... 1902». Печаталось без предварительной цензуры по особому исключительному разрешению Главного управления по делам печати. Издание «Материалов» предположено в восьми томах, но едва ли при жизни моей оно может осуществиться, ибо год от году чувствую несомненный упадок сил.

Издания, печатанные на мои средства

«Сибирь в XVII веке» А. А. Титова... Москва... 1890. В подборе рукописей для издания принимал участие Л. Н. Майков, а перевод с латинского принадлежит Вл. Вл. Майкову. Издателю объявлена благодарность в бозе почившего императора Александра III. См. «Енисейские» губ<ернские> ведомости», 1892 г., № 37.

«Наказы сибирским воеводам в XVII веке» В. Кулешова. Изд. 2-е. Болград, 1894.

«Летопись Якутского края» В. Л. Приклонского. Красноярск, 1896.

«Самарово»... Х. М. Лопарева. Изд. 2-е. Спб., 1896.

«Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири» Н. Н. Бакая. Москва, 1896.

«Синодик Колясниковской церкви». Выпуск первый. (СХ). Спб., 1896.

«Синодик Колясниковской церкви». Выпуск второй. (СХV). Спб., 1899 г. — с особой тетрадью, озаглавленной: «Приложение ко 2-му выпуску Колясниковского Синодика». Оба выпуска и приложение печатались под наблюдением В. В. Майкова. Предисловие написано Н. В. Покровским. За предоставленные на издание всецело средства мне объявлена председателем императорского Общества любителей древней письменности благодарность с уведомлением о выборе членом-корреспондентом Общества.

«Русские книги». Редакция С. А. Венгерова... Томы I, II и III. СПб., 1897—1899. Перипетии с этим изданием предоставляю описать Вам. Желательно только ярче оттенить мои и Ваши надежды на сочувствие, с которым было приступлено к этому грандиозному изданию, посильному лишь коллективному труду и материальным средствам таких учреждений, как императорская Публичная библиотека и Академия наук, но ни Вашему одиночному труду, ни моим ограниченным средствам. Изложите также, если признаете возможным, Ваше хождение по разным ведомствам, имевшее последствием досадную неудачу. Затраты мои на подготовительные работы и печатание 3-х томов простираются более чем до 25 000 рублей.

«Стоимость домашней библиотеки Г. В. Юдина на 1-е января 1898 года. Краткое сведение, составленное Вл. А. Цаплиным... Томск... 1898». Последнее издание, какое составлено автором, ныне уже покойным¹, и первое в виде брошюры, с моей «Библиографической заметкой».

27 декабря 1903.
Тараканово

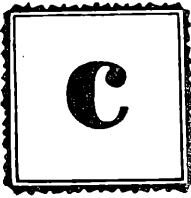
Г. В. Юдин.
(ф. 377, I собр., № 2973)

¹ В. А. Ц а п л и н — конторщик Г. В. Юдина.

КРАТКИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Публикация С. В. Белова

Собирая материалы о жизни и деятельности замечательного русского издателя Петра Петровича Сойкина, зимой 1962—1963 гг. я обнаружил в архиве Отдела социального обеспечения Петроградского района г. Ленинграда пенсионное дело издателя, скончавшегося 5 января 1938 г. в г. Пушкине Ленинградской области. Все последние годы своей жизни Сойкин работал в типографии в г. Пушкине.

Среди прочих документов в пенсионном деле находились краткая автобиография издателя и фотоснимок с конторской книги П. П. Сойкина о переводе им гонорара В. И. Ленину в ссылку в Минусинск за его статью «Еще к вопросу о теории реализации», напечатанную в журнале Сойкина «Научное обозрение», а также письма крупнейших советских ученых, ходатайство Детскосельской типографии и решение Детскосельского райсовета о назначении Сойкину пенсии, — документы, в которых дается высокая оценка типографско-издательской деятельности Сойкина.

После смерти в 1965 г. вдовы издателя основная часть материалов из пенсионного дела (в том числе краткая автобиография Сойкина и фотоснимок с его конторской книги) была передана нам, и в настоящее время хранится в отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ф. 1115).

«Краткие автобиографические сведения» — один из немногих сохранившихся личных документов издателя, значительная часть архива которого погибла во время Великой Отечественной войны.

Особенно ценным и новым в этой автобиографии являются документально подтвержденные данные о типографско-издательской деятельности П. П. Сойкина после Октябрьской революции. «Краткие автобиографические сведения» — важный источник по изучению жизни и деятельности издателя в 20 и 30-е годы, когда уже в преклонном возрасте П. П. Сойкин отдавал все свои силы для организации советского типографского издательского дела.

Публикуемый ниже документ лишь частично использован нами в книге о П. П. Сойкине «Рыцарь книги» (Л., 1970; совм. с А. М. Адмиральским).

Согласно предложению профорганизации Детскосельской типографии Районного Совета сообщаю о себе

Краткие автобиографические сведения.

Родился я в трудовой семье в г. С.-П<етер>б<урге> 22 августа 1862 г. Дед был крепостной, а отец — вольноотпущенный. Детство мое протекало в крайне тяжелых материальных и бытовых условиях. Образование получил среднее (классическая гимназия, окончил счетоводные курсы Ф. В. Езерского).

Рано познав нужду и суровые лишения, я 20-летним юношей вынужден был изыскивать средства на пропитание себе и родителям службою: вначале бухгалтером, а впоследствии заведующим одной из больших

железно-дорожно-банковских типографий (И. С. Леви в С.-П<етер>-б<урге>), где изучил теоретически графические искусства (1881—1884).

Придавая громадное значение печатному делу, я после 4-летнего пребывания в стенах типографии решил оставить службу и отдаться творческому труду.

Не имея ни наследственных, ни благоприобретенных капиталов, обладая лишь тремя заветными выигрышными билетами, полученными от родителей, я взял под них ссуду в 600 рублей, да 200 рублей достал взаимобразно у добрых людей. За эти деньги я приобрел в 1885 г. в рассрочку за 2000 руб. маленькую типографию без машин, инвентарь которой состоял из ручных станков и 30 пудов шрифта.

С первых же дней самостоятельной деятельности мне приходилось искать кредита. Крошечная типография, имея годовой оборот в 3000 руб., едва давала возможность сводить концы с концами. Для содержания своей семьи и стариков-родителей мне пришлось изыскивать средства, заняв место счетовода в бухгалтерии Общества Балтийской жел<езной> дороги с окладом в 75 руб., и для пополнения бюджета взял еще вечером занятия в Госбанке, с оплатой 50 руб.

Скоро, однако, я убедился, что мое постоянное присутствие в созданном мною деле необходимо, и мне пришлось отказаться от службы.

В самое короткое время производительность типографии настолько увеличилась, что потребовалось приобрести типографскую машину и другие необходимые принадлежности.

Первое десятилетие моей типографской деятельности служащие и рабочие типографии отметили адресом, в котором они указали, что они приветствуют меня не как хозяина, а как товарища, показавшего, что можно сделать при непреклонной воле, неослабной энергии и честном труде.

Год от года типография расширялась и пополнялась инвентарем.

Печать и знание меня всегда интересовали. Не имея возможности получить высшее образование, я урывал досуг для пополнения своего образования путем чтения, что натолкнуло меня на мысль издавать еженедельный журнал для самообразования.

В 1889 г. я, совместно со студентом В. С. Груздевым, ныне старейшим заслуженным профессором-гинекологом, основал на скромные трудовые сбережения научно-популярный журнал «Природа и люди».

С 1898 г. я, совместно с известным марксистом, д-ром философии М. М. Филипповым, издавал научно-философский журнал марксистского направления «Научное обозрение». В журнале этом сотрудничали: В. И. Ленин-Ульянов (под псевдонимом Вл. Ильин, К. Тулин), Г. В. Плеханов (Н. Бельтов, А. Кирсанов), А. В. Луначарский, Вера Засулич (Н. Карелин), А. Коллонтай и целый ряд крупных марксистов и революционеров-подпольщиков.

В одном из донесений С.-П<етер>б<ургского> департамента полиции о журнале «Научное обозрение» дается такой отзыв: «Редактируемый Филипповым журнал «Научное обозрение» представляет собой орган так называемых марксистов, причем большая часть помещенных в нем статей посвящена социализму и экономическим вопросам, и сотрудничают эмигранты».

В архивах департамента полиции имеется обширное дело «Научного обозрения» (д. № 13, ч. 33, 1898 г.).

В 1905 г. я предпринял издание дешевой (3 р. 60 к. в год) ежедневной газеты «Обновленная Россия», поставившей себе целью борьбу за беспристрастную живую разработку всех вопросов, связанных с судьбами

и положением русского крестьянства, деревенской интеллигенции, городского и сельского пролетариата, — неся на газете крупные потери. Газета подвергалась гонениям, конфискации и неоднократным закрытиям со стороны правительства за вредное революционное направление. Несмотря на все это, газета продолжала выходить под новыми заголовками. Редактору было предъявлено 21 обвинение по всем пунктам знаменитой 12 ст<атьи> уголовного уложения. Петербургская судебная палата присудила редактора к заключению в крепость на два года, а я, как издатель, подвергся штрафу и строгому выговору.

Газета подорвала мои материальные средства, но это не остановило мои стремления популяризировать науку, распространять ее в ширь и глубь народной толщи, что было неотъемлемым свойством моей издательской деятельности, для чего мною были предприняты дешевые периодические издания по самообразованию: «Народный университет», «Знание для всех», а по практическому знанию: универсальный журнал «Сельский хозяин» (1894), журнал «Прогрессивное садоводство и огородничество» (1904), «Хуторское хозяйство» (1912).

В период с 1898 по 1917 год мною было выпущено свыше миллиона сельскохозяйственных книг и брошюр.

На книгоиздательское поприще я вступил в 1889 г. Первая книга, которую я издал, — «Диагностика внутренних болезней» О. Фирордта.

Тяжелые условия в то время русской промышленности, высокая стоимость производства, стеснительные цензурные условия, малый спрос на книгу — все это вынуждало издателей назначать на книги высокие цены. Книга была доступна зажиточным классам населения. Для удешевления и широкого распространения я стал выпускать книги сериями, приложением к издаваемым мною журналам, в соответствии с программой журнала, как-то: «Сельскохозяйственная библиотека» и «Библиотека знания» и др., а также собрания сочинений, имеющие строго научное содержание, развивающие ум и обогащающие его познаниями в той или иной области, как-то: полное собрание сочинений Жюль Верна (40 книг — 10 руб.), Г. Уэллса, Эмара, Купера и других излюбленных юношеством писателей.

Наряду с дешевыми сериями библиотек выпущен целый ряд капитальных трудов: «Человек и Земля» Элизе Реклю, «Вселенная и Человечество», «Земля и ее народы» Фр. Гельвальда, сочинения Чарльза Дарвина, Кам<илия> Фламмарiona, Людвиг Берне, М. М. Филиппова, Н. Добролюбова, Ч. Диккенса (40 кн<иг> — 10 руб.), Ал<ександра> Дюма (84 кн<иги> — 15 руб.), Марка Твена, путешествия: Н. Пржевальского, д-ра А. В. Елисеева «По белу свету», акад. П. К. Козлова по Монголии и многих других как русских, так и иностранных писателей. Мною изд<ан> первый на русском языке перевод «Талмуда», полный и точный текст, критически восстановленный по сохранившимся рукописям

и нецензурным изданиям, «Научно-энциклопедический словарь» под ред. <акцией> д-ра М. М. Филиппова. О словаре Департамент полиции дал такой отзыв: «Издаваемый Сойкиным «Научно-энциклопедический словарь» правильное было бы назвать словарем «социалистическим», т. к. в нем особенно подробно и тщательно разработаны термины и библиографические указания, касающиеся социализма». Словарь, ввиду явно антирелигиозного характера, был конфискован по распоряжению К. П. Победоносцева.

Возможное удешевление журналов и книг делается девизом издательства «П. П. Сойкина» и этот девиз проходит красной нитью во всех моих изданиях.

В марте 1918 г. были национализированы мои предприятия: типография и издательство, со всеми запасами бумаги и книг. Со дня национализации я не оставался праздным, бездеятельным, не проживал капитал или какие-либо ценности, которых у меня и не было, так как все прибыли за все время своей деятельности я не выбирал из дела, а оставлял на расширение того же дела.

С первых же дней Советской власти я начал работать вместе с нею. В апреле 1918 года я был приглашен занять должность начальника бюро печати и справочного отделения по общему отделу Центральной коллегии по разгрузке и эвакуации Петрограда, в коей должности находился до 15 августа (аттестат № 1059 — 9-IX-1918 г.), когда получил разрешение на отпуск для свидания со своей семьей, проживавшей в г. Геленджике с марта 1917 года.

В Геленджике, где проживала моя семья, я был приглашен занять должность секретаря продовольственного отдела революционного комитета г. Новороссийска (аттестат № 753 — 3-IV-1920).

В мае 1920 г. я перевелся в Геленджик в отдел народного образования на должность заведующего финансово-счетным отделом продовольственного отдела.

Одновременно с занимаемой должностью в октябре 1920 г. я был назначен заведующим хозяйственной частью курортного управления Геленджик-Новороссийского района (удостоверение за № 622 — 28-II-1921). В означенной должности состоял до отбытия в Петроград 25 августа 1921 г.

В период советской службы я состоял членом профсоюзов народного просвещения, здравоохранения, работников земли и леса.

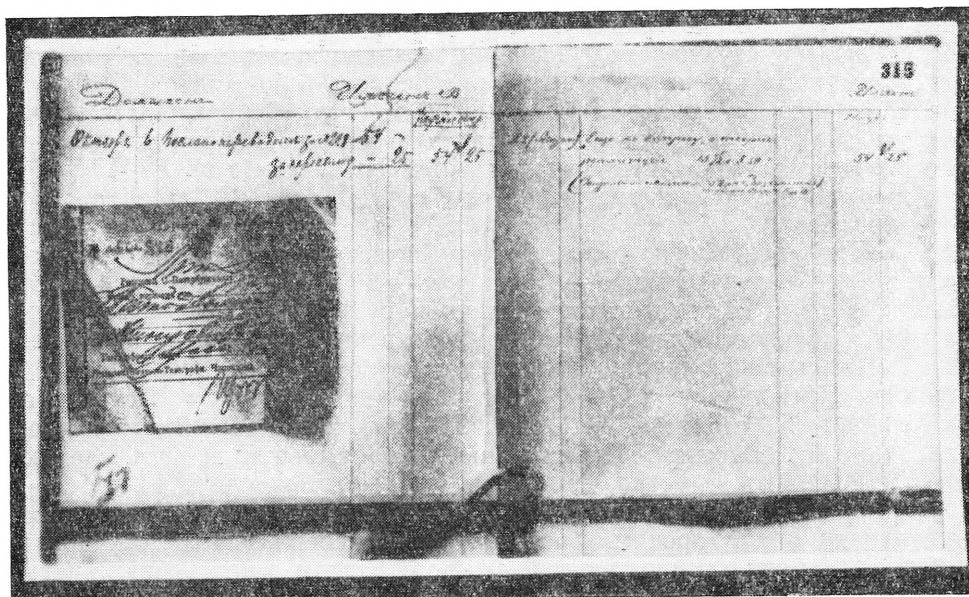
В сентябре 1921 года я прибыл в Москву, откуда был командирован в Петроград в распоряжение Петроградского отделения Госиздата. Одновременно получил предложение Петроградского Совета народного хозяйства занять должность заведующего редакционно-издательским отделом (№ 5828 — 28.X.21 г.), в которой пробыл до июля 1922 г.

В феврале 1922 г. мною были зарегистрированы: 1) издательство «П. П. Сойкин»; журналы «Знание для всех», «Прогрессивное садоводство и огородничество», «Сельский хозяин», «Природа и люди», «Мир приключений».

В июле 1922 г. состоялось постановление президиума Северо-Западно-областного Эконо. совета [экономического совета] о передаче мне в аренду 5-й государственной типографии.

В 1924 году я получил разрешение на издание «Журнала для усовершенствования врачей» под ред. <акцией> проф. С. А. Бруштейна, который издавал до 1927 года, когда бесплатно переуступил свое право на издание журнала Институту для усовершенствования врачей.

В 1925 году совместно с акад. Бехтеревым стал издавать журнал для самообразования «Вестник знания» и позднее популярно-научный

Страницы из конторской книги Сойкина с почтовым переводом в Минусинск
гонорара В. И. Ленину за статью «Еще к вопросу о теории реализации»

журнал «Природа и люди», под ред. <акцией> Н. А. Морозова-шлиссельбуржца.

Журнал нашел себе лестную оценку со стороны Всесоюзного управления по делам печати на заседании в Смольном при передаче Ленинградскому издательству в 1930 г. журналов «Вестник знания» и «Природа и люди», — признав таковые большими культурными ценностями, которые не должны издаваться в пределах области, а обслуживать весь СССР (постановление Ленинградского исполнительного комитета № 0262 — 5-XI-30 г.)

С 16.XII-1930 года я состоял консультантом по издательскому и библиотечному отделу в Государственном научно-исследовательском институте геодезии и картографии.

В мае 1931 г. откомандирован в Северо-Западное геодезическое управление по организации геодезической конференции по Урало-Кузбассу.

С ноября 1931 г. по совместительству занял должность технического редактора в Л<енинградском> о<тделении> Государств<енного> издательства транспортной литературы — справочник по вопросу транспорта Хютте. 9 марта 1932 г. я заболел гриппом, повлекшим за собой поражение лучевого нерва и паралич левой части руки. 10 мая уволен в связи с упразднением должности технического редактора (№ 698—10/V-1932 г.). С 23 октября 1932 г. работал в Ленинградском научно-исследовательском институте аэросъемки в должности научного сотрудника — по 14 марта 1933 г. С 28 июля 1933 г. работал корректором и техническим редактором Детскосельской типографии.

В заключение позволяю себе указать на характеристику моей издательской деятельности в дореволюционное время. Я являлся организатором первого в России научно-марксистского журнала «Научное обозрение», издававшегося мною под ред. <акцией> М. М. Филиппова, выслан-

ного впоследствии за границу. Марксистское направление «Научного обозрения» и в особенности участие в нем крупных деятелей подпольной эмиграции навлекло на меня целый ряд репрессий со стороны Главного управления по делам печати, неоднократно останавливавшего издание этого журнала за «вредное его направление» и угрожавшего мне прекращением единого для него издания. Факт сотрудничества В. И. Ленина-Ульянова в издававшемся мною журнале «Научное обозрение» подтверждается:

1) Прилагаемым при сем фотографическим снимком с почтовой квитанции о переводе мною — Сойкиным — В. И. Ульянову-Ленину, отбывавшему в ту пору административную кару в г. Минусинске, гонорара за статьи, напечатанные в «Научном обозрении», показанием, данным В. И. Лениным начальнику Петербургского охранного отделения полковнику Пирамидову 23.V—1900 г. при аресте его в Петербурге («Красн<ая> летопись», № 1(10), 1924, стр. 23 и 240). В этом своем показании Вл<адимир> Ильич Ленин говорит, между прочим, следующее:

«... остальную сумму, полученную мною меньшими частями, в которую входят, между прочим, и остатки от моих сбережений, в случае надобности, я могу с точностью указать по справкам в конторских книгах редакций изданий: «Научное Обозрение», «Начало», «Новое Слово» и издательства Водовозовой».

2) Перечень статей В. И. Ленина, напечатанных в «Научном обозрении» за 1897—1900 гг. (см. вып. I «Перечня напечатанных работ В. И. Ленина». Изд. Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, Москва, 1920 г.).

3) «История рус<ской> книги XIX века» — М. Куфаев. Ленинград, 1927, стр. 248.

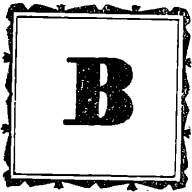
13 декабря 1936 г.

Петр Петрович Сойкин.

Т. Н. КАМЕНЕВА

ОРНАМЕНТИКА И ИЛЛЮСТРАЦИИ ЧЕРНИГОВСКИХ ИЗДАНИЙ XVII—XVIII ВЕКОВ

В орнаментике и книжной гравюре XVII—XVIII вв. заключена большая художественная ценность, они дают богатый исторический и бытовой материал, передают национальный колорит и аромат эпохи. Книговеду изучение гравюр и орнамента позволяет сделать выводы об экономическом положении типографии в разное время ее деятельности, определить дефектные издания или вышедшие с ложными выходными сведениями. Тожество досок может показать отношения между печатниками или типографиями; общность рисунка и заимствования позволяют уяснить культурные связи, влияния.

На основе орнамента московских первопечатников — Ивана Федорова и Петра Мстиславца, восприняв все лучшие традиции украинского народного творчества и западной графики, украинские печатники вырабатывали свои приемы оформления.

Для украинской книги XVII—XVIII вв. характерно наличие титульного листа, заключенного в гравированную рамку или целиком гравированного. На его обороте обычно помещено изображение патрона типографии или герб мецената, которому посвящалось издание. В нижней части титульного листа нередко изображалась местность, где была расположена типография или близлежащий храм¹. Герб часто сопровождается хвалебными виршами. Перед основным текстом книги обычно помещено пространное посвящение и одно-два предисловия: от автора и к читателю. Первая страница текста почти всегда украшена заставкой, часто с гравюрой, а разделы книги отмечаются заставками и оканчиваются гравированной или наборной концовкой. По аналогии с рукописями полоса текста иногда оканчивается треугольником или другой фигурой, образующей концовку. Страницы украинских изданий обычно обрамлены линейками или полосами наборных украшений или же гравированным бордюром сложного и красивого рисунка. Последний тип

¹ В львовских изданиях — герб города Львова и вид Онуфриева Успенского монастыря, при котором была типография братства, или икона Успения; в киевских — вид лавры, икона Успения, Антоний и Феодосий печерские; в черниговских — Троицко-Ильинский монастырь, Ильинская церковь, икона Троицы или Ильинско-Черниговской богоматери и т. д.

рамок произошел, по-видимому, от западных образцов. Большое количество гравированных инициалов с растительным орнаментом, с изображениями животных и людей, пейзажей или целыми сценами, заключенными в буквенную рамку, завершает оформление украинских изданий. Иллюстрированы украинские книги много богаче, чем московские того же времени. Кроме общепринятых изображений (царя Давида, евангелистов, апостолов, Иоанна Дамаскина, трех святителей), в украинских изданиях много иллюстраций, относящихся к содержанию. Живыми бытовыми сценами снабжены, например, такие, казалось бы, сухие книги, как Триодь постная или Толкования на деяния и послания апостолов. Авторы дошедших до нас рисунков и резчики-граверы редко оставляли свои имена, несколько чаще встречаются их инициалы или монограммы.

Мы можем стличить манеру работы того или иного мастера, но, к сожалению, часто не знаем даже его имени. Большинство инициалов остаются нераскрытыми. Труды Д. А. Ровинского² и П. Н. Попова³, вероятно, могут быть дополнены позднейшими исследователями.

Первая книга в Чернигове. Интересно по оформлению первое издание, вышедшее в Чернигове, — «Перло многоценное», сочинение Кирилла Транквиллиона Ставроецкого. Оно вышло в 1646 г. во время польско-литовского господства на Украине и ничем не связано с позднейшей Черниговской типографией, основанной Барановичем в 80-х годах XVII в. В его оформлении видна рука хорошего мастера, обладавшего большим вкусом в расположении материала и орнамента. Гравюр в этой книге нет совсем. Хороша гравированная на дереве рамка титульного листа с колоннами, а также с характерными ветками, повторяющимися в инициалах по всей книге. В нижней части рамки, в овале — пронзенное сердце. Рамка и часть инициалов, украшенных растительным орнаментом, изготовлены, видимо, одним мастером. Другие — с изображением людей и птиц — заимствовали рисунок львовских изданий, так же как и одна концовка. Текст титула оканчивается буквами М. Т. Г. Значение их, к сожалению, не удалось распознать. Две заставки своеобразного рисунка не встречаются в других украинских изданиях. Третья же заставка принадлежит резцу известного киевского мастера Илии и была взята, вероятно, взаимобразно, так как не раз встречается в киевских изданиях. Большое количество наборных украшений, образующих заставки и концовки причудливого узора, дополняют убранство этой небольшой книги⁴.

Типография Барановича. Первая типография на Левобережье, основанная в 1674 г. черниговским епископом Лазарем Барановичем в Новгороде-Северском, была перенесена через несколько лет в Чернигов, где продолжала свою деятельность последние двадцать лет XVII и весь XVIII в.

В оформлении своих изданий черниговская типография следовала сложившимся на Украине традициям. Некоторые исследователи высказывали мысль об отсутствии в черниговской типографии собственной инициативы в художественном оформлении книг; о чисто подражательном, не оригинальном характере гравюр. Такой взгляд на оформление

² Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. 1—2. СПб., 1895.

³ Попов П. М. Матеріали до словника українських граверів. Київ, 1926; То же. Додаток I, Київ, 1927.

⁴ Можно заметить, что если две первые книги Транквиллиона — Зерцало богословия (Почаев, 1618) и Евангелие учительное (Рахманово, 1619) имеют общие доски инициалов, то в его последней книге (Перло многоценное) мы их не находим совсем. Часть инициалов из книги Перло многоценное были впоследствии скопированы для издания Зерцало богословия (Киев, 1696).

черниговских изданий объясняется тем, что исследователи учитывали или недостаточное количество материала⁵, или же ограниченный отрезок времени деятельности типографии⁶.

При тщательном изучении черниговского книгопечатания (в Новгороде-Северском и Чернигове) обращают на себя внимание доски гравюр, общие с изданием проповедей Барановича, вышедших в Киеве в 1674 г. («Трубы на дни нарочитые праздников»), когда типография только начинала работу. В течение всего XVIII в. только две «чужие» доски попадают в черниговских изданиях. Одна, видимо, завезена мастером Лукашом из Вильны⁷, вторая — киевская, много раз употреблявшаяся в киевских изданиях, уже в изношенном виде оказалась в Чернигове⁸.

Однако заметна разница в оформлении изданий XVII — первой четверти XVIII в. и изданий, вышедших после перерыва в работе типографии (с 40-х годов XVIII в.). Во втором периоде мы видим прямое подражание киевским изданиям. Это объясняется новыми условиями жизни типографии. В начале ее деятельности и до XVIII в. книгопечатание в Чернигове развивалось самостоятельно. Лазарь Баранович и его преемники были авторами, редакторами, издателями и цензорами печатавшихся книг. Так было в годы независимого развития культурных связей Украины с Москвой. Позднее, во времена Петра I, с укреплением царской власти и особенно с передачей типографии в ведение Синода, усилился контроль над украинским книгопечатанием. Черниговская типография попала в немилость за слишком большое проявление самостоятельности и едва избежала закрытия. Она получила возможность продолжать свою работу лишь ценою полного подчинения распоряжениям Синода и рабского подражания изданиям типографии Киево-Печерской лавры. Будучи несравненно беднее этой типографии и не имея во второй половине XVIII в. среди своих мастеров подлинных художников, Черниговская типография в искусстве оформления своих изданий сильно уступала киевским образцам. Таким образом, историю оформления черниговских изданий можно разделить на два периода. Первый — с начала книгопечатания на черниговской земле и до перерыва в работе типографии в 20-х годах XVIII в.

Царь Давид. Иллюстрация из Псалтырей — Новгорода-Северского 1675 г. и Чернигова 1680 г.

⁵ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. Т. 1. СПб., 1895, с. 37—38.

⁶ Срезневский В. И., Бем А. А. Издания церковной печати времени имп. Елизаветы Петровны. 1741—1761 гг. Пт., 1914, с. XX—XXI.

⁷ Доска заставки из Октоиха Гарабурды (Вильно, 1582) употреблена в Анфологионе 1753 г.

⁸ Гравюра Воскресения с двумя воинами помещена в киевских изданиях, и — позднее — в черниговских XVIII в.

Второй период — с 1743 г. и до конца существования типографии в начале XIX в.

Исходной точкой оформления черниговских изданий явилась уже упоминавшаяся книга «Трубы на дни нарочитые праздников» (Киев, 1674). Под этим названием вышла вторая часть тиража издания того же года, отличающаяся от первой только измененным титульным листом и гравюрами. Эту книгу Лазарь Баранович стремился издать в своей вновь организуемой типографии в Новгороде-Северском. Для этого он пригласил печатника — Семена Ялинского и нескольких граверов. Однако Ялинский не справился с порученным ему делом, и книга вышла в Киеве. В издании «Труб» второго вида Ялинский был не печатником, а гравером, как и другие лица, приглашенные Барановичем. И гравюры, изготовленные по заказу и на средства Барановича, являлись собственностью его типографии, хотя впервые были помещены в киевском издании⁹. Из семнадцати досок гравюр, имеющих вид издания «Труб» (Киев, 1674), четыре употреблены только в изданиях Новгорода-Северского, семь еще и в изданиях Чернигова и шесть — только в Чернигове.

С 1674 г. (первое датированное издание мы имеем от 1675 г.) и до лета 1679 г. типография находилась в Новгороде-Северском¹⁰, а с 1680 г. издания печатались в Чернигове в типографии Барановича, позднее — в типографии Троицко-Ильинского монастыря. Книги выпускались на церковнославянском, украинском, латинском и польском языках. Большинство изданий первого периода выходило с гравюрами на дереве, меньше — на меди. Гравюры на дереве более однообразны по содержанию и менее интересны по исполнению. С самого начала работы типографии в черниговских книгах видны все основные черты оформления украинских изданий.

Все гравюры на дереве, имеющиеся в черниговских изданиях с начала деятельности типографии и до 20-х годов XVIII в., можно разделить на несколько групп.

К первой должны быть отнесены те, которые перешли из издания «Труб» Барановича. Три из них имеют инициалы Семена Ялинского, две — Константина, вызванного Барановичем в Новгород-Северский для резания гравюр к «Трубам»¹¹, и двенадцать не имеют инициалов, хотя по типу и манере исполнения условно могут быть отнесены к работам этих же граверов¹².

Одна из гравюр представляет особый интерес. В издании «Труб» она

⁹ Ни одна из гравюр издания первого вида не встречается в Новгороде-Северском и Чернигове, и ни одна из досок издания второго вида, сделанных по заказу Барановича и перешедших в его типографию, не имеет отпечатков в киевских изданиях последующих лет. Три гравюры (Успение, Рождество и Тайна причащения), перешедшие в Новгород-Северский и Чернигов, помещены еще в киевском издании «Акафистов» 1674 г. Понятно, что до образования типографии Барановича они были в Киеве. (См.: Попов П. М. Матеріали до словника українських граверів. Додаток I, Київ, 1927, с. 18—19).

¹⁰ Об этом периоде см. работу С. А. Клепикова «Издания Новгород-Северской типографии и ложночерниговские издания 1674—1679 годов» («Книга. Исследования и материалы», 1963, сб. 8, с. 255—278).

¹¹ Баранович Лазарь. Письма. Чернигов, 1865, с. 192.

¹² Попов П. М. Матеріали до словника українських граверів. Додаток I, Київ, 1927, с. 22. Помимо указанных граверов, П. Н. Попов, основываясь на сведениях из писем Л. Барановича, называет еще Дамаскина, приписывая ему гравюры, не имеющие инициалов (там же, с. 16). В число граверов, приглашенных Барановичем, Попов зачисляет гравера под инициалами J. G. (там же, с. 18). Его гравюры (в «Трубках» на л. 60 об., 64 и 142 об.) не встречаются в Новгороде-Северском и Чернигове. Таблицу гравюр см.: Каменева Т. Н. Черниговская типография, ее деятельность и издания. — «Труды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», 1959, т. 3, с. 224—384.

Образцы инициалов черниговских изданий

помещена под названием «Молитва Лазарева» с инициалами М. Я.¹³ В издании Триоди цветной (Чернигов, 1685) та же доска употреблена для изображения «Явления Христа Петру Александрийскому». Верхняя часть и середина гравюры вырезаны и заменены новыми частями, подгравированными довольно грубо. Инициалы счищены. Это характерно для черниговской типографии, в которой доски береглись и употреблялись иногда очень долго. По-видимому, Ялинский, Константин, а, может быть, и М. Я., приглашенные Барановичем, резали доски гравюр в Новгороде-Северском и впечатывали гравюры в готовый текст. Это предположение подтверждается наблюдениями А. С. Зерновой: в «Трубах» на листе второго счета 332 об. видно, что гравюра отпечатана после текста: она поставлена наискось, задевает буквы.

Ко второй группе гравюр черниговской типографии должны быть отнесены гравюры, изготовленные в Новгороде-Северском и употреблявшиеся затем в Чернигове. Таких досок шесть — пять деревянных и одна медная. Причем на последней — изображение иконы Богоматери ильинско-черниговской, патронессы монастыря, при котором существовала типография¹⁴. Это, по-видимому, первая на Украине книжная иллюстрация, отпечатанная с медной доски. Из гравюр на дереве особенно интересна фигура царя Давида, в виде русского боярина, стоящего на коленях. Помещена она была сначала в Псалтири (Новгород-Северский, 1675), а затем повторена в Псалтыри (Чернигов, 1680). Другая доска гравюры на дереве — Христос Виноградарь (тоже новгород-северского происхождения) — интересна тем, что этот мотив повторен не только в отпечатке гравюры в черниговском издании, но и в большем размере — как станковая гравюра этой же черниговской типографии¹⁵. А в малом размере — в заставке 1720 г.

Следующую группу составляют гравюры-иллюстрации Триоди цветной 1685 г. Они невысокого качества, но интересны тем, что в них хотя и нет подписей, явно видна рука одного мастера. Второй анонимный гравер на дереве иллюстрировал два миниатюрных издания: Псалтырь 1712 г.

¹³ Попов П. М. Матеріяли до словника українських граверів. Додаток I, с. 23. Без объяснения причин, Попов называет М. Я. новгород-северским или черниговским гравером. В изданиях Новгорода-Северского и Чернигова гравюры с этим именем не встречаются.

¹⁴ В изданиях на польском языке: «Книга радости» (Новгород-Северский, 1676) и «О пяти ранах Христа» (Чернигов, 1680).

¹⁵ П и л и п е н к о Б. Ксілографури Чернігівського державного музею. Чернігів, 1925.

и Молитвословец 1714 г. Этому мастеру присущ своеобразный изящный стиль работы. Его гравюры отличаются редкой штриховкой по белому полю.

Постепенно в черниговской типографии появляются разнообразные гравюры на дереве малого формата. Среди них, наряду с впервые изготовленными, видим клейма или середники круглой формы из заставок Новгорода-Северского.

Книга «Души людей умерлых» (1687) украшена гравюрами с изображением орудий казни Христа: из них составлено его имя. Подражание этому приему мы видим в более позднем, киевском издании «Венец молитв седмичных» (1694): имя «Мария» составлено в нем из изображений различных предметов.

В некоторых черниговских изданиях в тексте встречаются мелкие гравюры с изображением отдельных предметов. Так, в книге «О пяти ранах» (1680) изображены короны, ноги, руки; в книге «Благодать и истина» (1685) — глаза, уши, кресты.

К началу XVIII в. появляются подписи граверов. Никон Фигурский иллюстрирует богослужебные издания, внося в обычные изображения святых бытовой колорит. Его гравюры отличаются сочными глубокими штрихами и множеством деталей.

Начиная с 1707 г. появляются в черниговских изданиях прекрасные гравюры на дереве Никодима Зубрицкого. Он начал свою работу во Львове и ко времени появления его гравюр в Чернигове успел изготовить много книжных иллюстраций и листов по всей Украине. По-видимому, он выполнял заказы различных типографий, может быть, не меняя своего местожительства¹⁶. Гравюры Зубрицкого интересны по композиции. Среди них есть одна с распространенным в киевских изданиях изображением святых в чашечках цветов (мотив, заимствованный из еще более ранних изданий). Интересно, что такое же изображение было на царских вратах Екатерининской церкви в Чернигове, а также вышито на епитрахили Черниговского древлехранилища¹⁷. Наряду с прекрасными художниками в Чернигове работали и довольно посредственные, такие, например, как Иннокентий Поддубный, довольно грубо оформивший «Феатрон» 1708 г.

В первый период деятельности Черниговской типографии, наряду с гравюрами на дереве, появляются гравюры на меди. Ими украшали сначала книги на польском и латинском языках, затем и на церковнославянском. Среди украинских граверов на металле мы видим имена прославленных мастеров: Леонтия Тарасевича, Иннокентия Щирского, Иоанна Стрелбицкого и Никодима Зубрицкого, бывшего одновременно гравером по дереву и металлу. В книге на польском языке — «О пяти ранах Христа», одном из первых изданий 1680 г., имеются две гравюры значительно большего формата, чем книга: одна из них — Распятие, вторая — сложная композиция, изображающая победу русского герба над татарами. Обе — без подписи, возможно, одного мастера. Две другие гравюры в этой же книге — небольшие. Одна из них — отпечаток новгород-северской доски, другая — вероятно, аллегория победы добродетели или разума над пороками и смертью. По манере исполнения обе эти гравюры близки между собой.

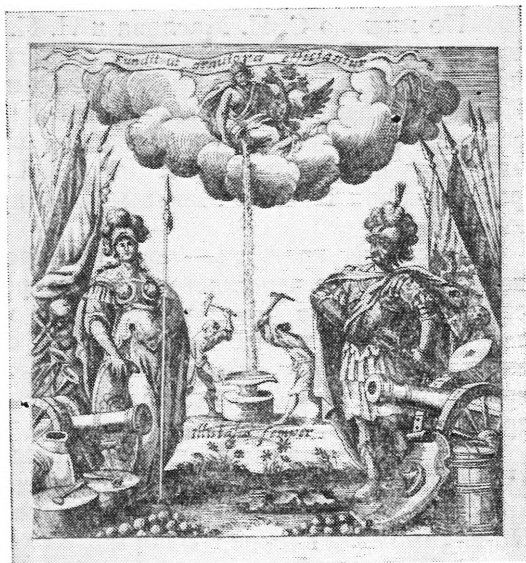
¹⁶ Это подтверждается тем, что его гравюры появляются одновременно: в 1709 г. в «Ирмологии» в Львове, в «Акафистах» в Киеве и в «Царском пути» в Чернигове; в 1717 г. — в львовской «Триоди постной», в киевских «Акафистах» и в черниговском «Новом Завете», где им награвировано множество гравюр для Евангелия и Апокалипсиса.

¹⁷ Картины церковной жизни Черниговской епархии. Киев, 1911, с. 86.

Гравюры Иннокентия Щирского, соответствуя не только духу времени, но, может быть, и вкусам их автора, — почти всегда аллегоричны. Его большая гравюра в книге «Благодать и Истина», своеобразном панегирике царям, — хорошо известна¹⁸. Гравюры же в черниговских изданиях мало известны. Таков герб Мазепы в стихотворном панегирике ему Яна Орновского «Русская муза...» (1688, на польском языке). Большая гравюра в панегирике того же автора «Цена драгоценных камней» (1693, на польском языке), посвященном племяннику Мазепы Обидовскому, тоже аллегорична. Подпись художника на гравюре, к сожалению, отрезана, но по манере исполнения она, кажется, может быть отнесена к работам Щирского. Небольшие иллюстрации в «Трехакафистном молитвослове» 1697 г., изображающие Троицу, св. Варвару и Христа, возможно, тоже принадлежат Щирскому. Подпись J. S. имеется только на первой¹⁹. К работам Щирского (или близкого к нему мастера) могут быть отнесены и гравюры из «Руна орошенного» 1696 г. Все они без подписи, но смелые линии в рисунке крупной листвы, живое выражение лиц, кажется, ясно указывают манеру гравера. В эти годы Щирский уже удалился в Любеч, где основал скит²⁰ и, возможно, по этой причине, не стал подписывать свои работы.

Щирскому же принадлежат, по мнению исследователей, интересные гравюры из учебника риторики, составленного для двух сыновей князя Б. А. Голицына. На титульном листе помещено изображение этих юношей с книгами в руках²¹. На обороте второго листа имеется аллегорическая картина — ульи с пчелами и трудящиеся муравьи, — показывающая значение труда в соединении с учением. Все надписи этой композиции сделаны на латинском языке так же, как текст книги.

Вторая книга с малоизвестными гравюрами-заставками Щирского аллегорического содержания обнаружена была в Киеве П. Н. Поповым²². Им же были разобраны и описаны гравюры этого издания — панегирика Барановичу, в котором он сравнивается с воскресшим фениксом.

Гравюра на меди Л. Тарасевича из панегирика Б. П. Шереметеву 1695 г. — «Слава героических дел» (на польском языке)

¹⁸ Воспроизведена Д. А. Ровинским в его «Материалах для русской иконографии» (вып. 1, № 3).

¹⁹ В Чернигове два мастера, имевшие одинаковые инициалы, работали почти одновременно: Иннокентий Щирский и Иоанн Стрелбицкий. Последний редко подписывает свои работы, только двумя буквами, но они другого начертания, чем у Щирского.

²⁰ Попов П. М. Матеріали до словника українських граверів. Київ, 1927, с. 31.

²¹ Воспроизведение гравюр и разбор этого сочинения сделаны С. И. Масловым в книге «Етюди з історії стародруків». (Київ, 1925).

²² Воскресший феникс (Чернигов, 1683). Описано в книге: Попов П. М. Панегирик Кршоновича Лазарю Барановичу. Невідоме чернігівське видання, 80 років XVII в. Київ, 1927.

По мнению С. И. Маслова и П. Н. Попова, крупные гравюры, помещенные в некоторых экземплярах книги «Зерцало от писания божественного» 1705 г. размером в лист, возможно, тоже принадлежат Щирскому. Первая изображает святых Бориса и Глеба, поддерживающих герб Мазепы; вторая — герб Максимовича в окружении «древа иерархов», где в чашечках цветов помещены Борис и Глеб, а также черниговские архиереи, включая Иоанна Максимовича, при котором была напечатана эта книга.

Еще одну гравюру — портрет царевны Софьи в виде самодержицы изготовили «два черкашенина» — Щирский и Тарасевич по заказу в Москве. Однако уже Д. А. Ровинский не мог ее найти, и до сих пор поиски ее не увенчались успехом. Вероятно, она была уничтожена во время следствия по делу Шакловитого. Остался только сопроводительный к гравюре текст — «Дары духа святого», изданный в Черниговской типографии в 1688 г.

Леонтий Тарасевич иллюстрировал панегирик Б. П. Шеремегеву (Чернигов, 1695). Его подпись имеется лишь на двух гравюрах — красном портрете и картине, изображающей взятие турецких крепостей. По-видимому, и прочие гравюры этой книги его же работы.

В 1693 г. в Черниговской типографии был напечатан Молитвослов малого формата, вернее, повторено издание Молитвослова 1692 г. Разница между ними состоит в том, что рисунок деревянной рамки 1692 г. в издании 1693 г. воспроизведен на меди и вставлены очень изящные гравюры: герб Феодосия Углицкого и четыре аллегорические картины, посвященные ему же. В единственном сохранившемся экземпляре подписи граверов не видно. Судя по всему, гравюры могут принадлежать только двум мастерам: Щирскому или Стрелбицкому. Стрелбицкий остался подписать только в двух книгах и то не на всех своих гравюрах. Это — «Алфавит, рифмами сложенный» (1705 г.) и «Царский путь креста» (1709 г., перевод с латинского). Последняя книга иллюстрирована Стрелбицким и Зубрицким гравюрами на меди — копиями гравюр антверпенского издания 1635 г. Но, кажется, прав П. Н. Попов, приписавший Стрелбицкому рамку титульного листа и герб в «Алфавите, рифмами сложенном»²³. Доска герба из этого издания встречается еще в книге «Зерцало от писания божественного», вышедшей в Черниговской типографии в 1705 г. «Алфавит», датированный 15 декабря, вышел позже, так как в нем та же доска использована по сути дела для другой гравюры. В «Зерцале» изображен один герб: на груди орла — Георгий-победоносец. В «Алфавите» же изображение Георгия заменено изображением Богоматери, внизу награвирован город, вверху Бог-отец, кругом облака (на груди орла видны края щита от изображения Георгия).

В медных гравюрах изданий черниговской типографии заметны следы западно-польского влияния. Частые аллегории — изображение Христа в виде юноши и богоматери с непокрытой головой или распущенными волосами, Бога-отца в тиаре, сюжеты и персонажи мифологические (Пегас, Олимп, сирены, Хронос и т. п.) — встречаются в изданиях Чернигова конца XVII и начала XVIII в. Все это черты западно-католические, невозможные в изданиях Москвы и даже Киева.

Наряду с этим есть и вполне реальные образы и картины. Никон Фигурский, изображая какого-либо восточного святого, жившего в пятом или восьмом веке, не удержится окружить его реалистическим пейзажем своего времени. Мы видим то всадника, то берег реки и на нем лодку, то одинокого рыболова в широкополой шляпе, сидящего с удочкой на бе-

²³ Попов П. М. Матеріали до словника українських граверів, с. 157.

регу. Изображения города, храмов, городской стены — все это картины Украины XVII в.

Орнамент этих же лет тоже легко может быть разделен на несколько групп. Самыми интересными, пожалуй, можно считать рамки на титульных листах. Первая рамка в книге большого формата — Триоди цветной (1685) — принадлежит типографии Новгорода-Северского. В нижней ее части было помещено изображение новгород-северского монастыря, при котором была типография. В Чернигове его заменили соответственно изображением черниговского монастыря. Другая рамка большого размера была сделана по заказу и рисунку Барановича еще ко второму изданию «Труб» 1674 г. В ее середине была помещена большая книга с висящими печатями, на которой печатался текст титульного листа. В таком виде рамка была оттиснута в издании «Зерцала» 1705 г. Но для книги «Богородице Дево» (1707) та же доска была изменена, изображения книги нет, а просто впечатан текст титула. На большинстве рамок титульного листа изображены или храм Троицко-Ильинского монастыря, при котором была типография, или вид Лесковицы — местности в Чернигове, где находился монастырь. Иногда нижний край рамки выпиливали, чтобы уместить текст нового титульного листа (например, доска рамки Молитвослова 1692 г. была переделана внизу для полуустава 1703 г.).

Заставки можно разделить на два типа: узоры растительного характера и изображения отдельных лиц или целых сцен, большей частью из евангельской истории. Особенно интересны новгород-северские заставки с вырезом посередине, в который вставлялось круглое изображение, соответствующее тексту. Иногда менялась или счищалась надпись так, что отпечаток одной доски служил для изображения двух лиц²⁴. Заставки с меняющимися клеймами употреблялись очень долго, а для Октоиха 1715 г. были вырезаны новые, подобные прежним, с клеймами оригинального рисунка — белым по-черному. Красивые заставки в книге «Богородице Дево» имеют инициалы граверов Никодима Зубрицкого и Иакова Сацкого²⁵. Но вообще монограмма граверов в орнаменте — редкое явление, а в концовке встретилась только одна раз: арабесковый рисунок в «Феатроне» 1708 г. имеет буквы ИМ.

Влияние московских первопечатников непосредственно сказалось в копировании их орнамента или в подражании ему. Так, в изданиях 1698

Иоанн Дамаскин. Гравюра на меди Иакова Таляревского из Октоиха 1757 г.

²⁴ Так, в «Феатроне» 1708 г. посередине заставки изображен Иоанн Златоуст, но эта же заставка в 1759 г. употреблена как изображение св. Николая. Первая надпись счищена; гравюра в служебнике 1704. — изображение Григория Двоеслова, та же доска в 1720 г. изображает св. Николая.

²⁵ Иаков Сацкий позднее был игуменом Костянского монастыря.

и 1705 г. мы видим копии заставок Петра Мстиславца. Подражания заставкам Ивана Федорова и «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона (Рахманово, 1619) тоже встречаются в это время.

Одно издание Черниговской типографии, вышедшее в 1717 г., нарушило все традиции украинского книгопечатания. Это Псалтырь, напечатанная по заказу старообрядцев, для которой точно был скопирован орнамент могилевской Псалтыри 1704 г., изданной также старообрядцами.

Инициалы черниговских изданий довольно разнообразны. Вначале это крупные красивые инициалы лиственного орнамента, изготовленные еще в Новгород-Северском. Затем, в изданиях форматом в кварту, появляются изящные буквы, украшенные колокольчиками или цветами, напоминающими цветы водосбора. В Октоихе 1715 г. впервые видим букву «Ч» с городским пейзажем внутри рамки. Большое количество таких «пейзажных» букв находится в «Правиле к причащению» 1720 г. Такого стиля инициалы были заимствованы черниговскими печатниками из западных, а также львовских и киевских изданий. Черниговские инициалы этого типа интересны тем, что в них можно рассмотреть виды Чернигова. С 1716 г. появляются инициалы с изображением людей, зверей и птиц. Наряду с этим в небольших книгах имеются инициалы очень малого размера с лиственным орнаментом или просто на фоне штриховки.

После синодального и судебного преследования типографии по поводу «неправославных» изданий, вышедших во втором десятилетии XVIII в., книгопечатание в Чернигове надолго было прервано. Судя по изданиям, которыми мы располагаем в настоящее время, этот перерыв продолжался с 1722 по 1743 г.

После возобновления книгопечатание в Чернигове находилось под постоянным наблюдением московских церковных властей, что заметно отразилось на оформлении изданий. В 1721 г. появляется новое имя среди черниговских гравюров — Георгий, мастер, оформивший Часослов 1721 г. Его рамка титульного листа повторяется в первом издании, вышедшем после перерыва в книгопечатании, — Букваре 1743 г. Черниговские мастера, верные приказу свыше — печатать все «сходственно» с киевскими изданиями, с этого времени начинают копировать киевских мастеров.

Большинство гравюр этого второго периода деятельности черниговской типографии являются или копиями киевских гравюр, или близким подражанием им. Изредка промелькнет в орнаменте влияние другого города, как, например, в заставке середины XVIII в. можно увидеть копию могилевского издания («Алфавит духовный» 1747 г. и «Православное исповедание» 1752 г.). Художественные достоинства этих копий и подражаний зависели исключительно от степени одаренности их автора. Наиболее заметен среди черниговских мастеров XVIII в. гравер Иаков (Илиодор) Талыревский. Он работал по дереву и металлу. В его деревянных гравюрах мы видим копии киевских мастеров Макария и гравера ФБ. По-видимому, им же изготовлен и орнамент черниговского издания большого формата — «Анфологиона» 1753 г. В Октоихе 1757 г. помещены две его крупные гравюры на меди, изображающие Троицу у Авраама и Иоанна Дамаскина. Доски этих гравюр до сих пор сохранились в Черниговском историческом музее.

Наиболее плодовитым оказался Михаил Чернявский — очень плохой гравер по дереву и несколько лучший на меди. Он неустанно копировал киевские гравюры, а однажды вырезал копию гравюры Никодима Зубрицкого. На это были особые причины: книге «Руно орошенное», вышедшей в 50-х годах XVIII в. с фальшивой датой «1702» надо было придать вид издания начала века. А доски Зубрицкого, вероятно, уже не сохранились. Чернявский награвировал много мелких гравюрок, помещенных

в тексте, а также иллюстрировал Новый Завет 1748 г. плохими копиями гравюр киевского издания 1727 г.

Приглядываясь к изданиям этого времени, нельзя не пожалеть, что черниговским мастерам приходилось заниматься главным образом копированием. Каждый из них имел свою индивидуальность, но не имел свободы творчества мастеров первого периода. Тем не менее некоторые изображения становились излюбленными и повторялись неоднократно в различных типографиях вплоть до XIX в. (например, гравюра богоматери из Молитвослова 1758 г.). Это было связано, без сомнения, с тем, что книги в это время выходили главным образом богослужебные, для которых традиционные изображения уже были закреплены. В орнаменте второго периода деятельности черниговской типографии мы видим, во-первых, старые доски заставок и концовок. Постепенно они изнашивались и заменялись новыми того же рисунка, иногда в зеркальном положении. Рамки на титульных листах постепенно исчезают. Их заменяет наборное обрамление, иногда бордюры, и заставка вверху. Крупные заставки середины XVIII в. с изображениями и композициями посередине — почти всегда копии киевских. Больше самостоятельности заметно в изображении инициалов с листовным орнаментом. К концу века мы видим заимствованные из Киева «сюжетные» инициалы, т. е. буквы на фоне целых сцен (главным образом в Акафистах Варваре и Николаю чудотворцу). Подражание киевским изданиям настолько близко, что если нет выходных сведений, то нужен опытный глаз, чтобы отличить черниговское издание от киевского. В конце XVIII в. появляются новые гравюры анонимных мастеров — копии прежних. Видимо, заменялись изношенные доски. Копии значительно грубее своих образцов.

В XVIII в. черниговская типография печатала немало указов. Они оформлялись просто: наборное обрамление и один инициал.

При работе над оформлением своих изданий Черниговская типография в основном следовала обычным композициям, принятым в украинской книге. Подлинный расцвет черниговского книгопечатания падает на рубеж XVII и XVIII столетий. Лучшие образцы изданий относятся именно к этому времени. В их оформлении заметно влияние католического Запада, подражание Москве и соблюдение традиций украинского творчества. Видимо, сказывается положение Чернигова, находившегося в одинаковой близости от польского в те времена Львова, украинского Киева и Москвы. В начале XVIII в. московское влияние в черниговских изданиях сказывается в появлении русского герба, в рисунке заставок Ивана Федорова и Петра Мстиславца и, наконец, в хитром «лабиринте»²⁶, заимствованном черниговцами из издания Псалтыри Симеона Полоцкого, вышедшей в Московской Верхней типографии в 1680 г. В Москве лабиринт был напечатан наборными литерами, в Чернигове напечатали две таблицы: набором и медной гравюрой.

История оформления черниговских изданий — одна из интересных страниц истории украинского книгопечатания. В нем отразились веяния и искания XVII в., связи с другими типографиями, влияние московских первопечатников, а главное — судьба самой типографии — значительного культурного центра на Украине XVII—XVIII вв.

²⁶ «Лабиринтом» называлась таблица литер, составляющих фразу и расположенных в таком порядке, что данную фразу можно читать с середины таблицы в любую сторону по прямой или диагонали.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СБОРНИКОВ («Воронежская беседа на 1861-й год»)

Русская провинция середины XIX в., разбуженная толками о возможной крестьянской реформе, бурно откликнулась на различные культурные веяния. Эпоха либеральной гласности вызвала особенное оживление печати. Книжное дело оказалось некоторым образом в центре духовной жизни провинции. В частности, не остался без внимания изменившийся профиль столичных повременных изданий: вместо изящных альманахов пушкинской поры появились «сборники», отличавшиеся не только толщиной, но и более демократическим содержанием.

Один за другим выходят в свет губернские варианты этого типа издания: «Архангельский историческо-литературный сборник» (1844), «Малорусский литературный сборник» (Саратов, 1859), «Новороссийский литературный сборник» (Одесса, 1859), «Пермский сборник» (1859—1860), «Ярославский литературный сборник» (1849—1851) и др.

«Пермскому сборнику» посвятил содержательную статью Н. А. Добролюбов. Несмотря на несколько иронический тон, в целом критик с одобрением отнесся к рецензируемой книге как свидетельству здоровых интеллектуальных сил, таящихся в русской глубине. Особую ценность представляют рассуждения Добролюбова о характере деятельности вдали от столиц. Он считает, что нельзя огульно обвинять провинцию в дремучести и спячке, здесь «живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли»¹. В самом деле, политический подъем той поры отозвался эхом даже в захолустье.

Историки отечественной книги почти совсем не занимались исследованием губернских сборников середины прошлого века. А между тем они заслуживают специального рассмотрения.

Мы коснемся здесь лишь одного из сборников того времени — «Воронежской беседы на 1861-й год» (СПб., 1861). По своему художественному уровню она относится к числу самых ярких изданий подобного рода; на ее страницах встречаются такие крупные имена, как А. В. Кольцов,

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 5. М.-Л., 1962, с. 403.

И. С. Никитин, А. С. Суворин, Н. С. Кохановская, М. Ф. Де-Пуле и др. Вместе с тем «Воронежская беседа» во многих отношениях может считаться изданием типологическим, ей свойственны достоинства и недостатки других губернских сборников. Поэтому восстановление перипетий творческой и издательской истории «Воронежской беседы» имеет не только частное, узкокраеведческое значение. История русской книги XIX в. не в состоянии существовать без учета данных о положении дел в провинции.

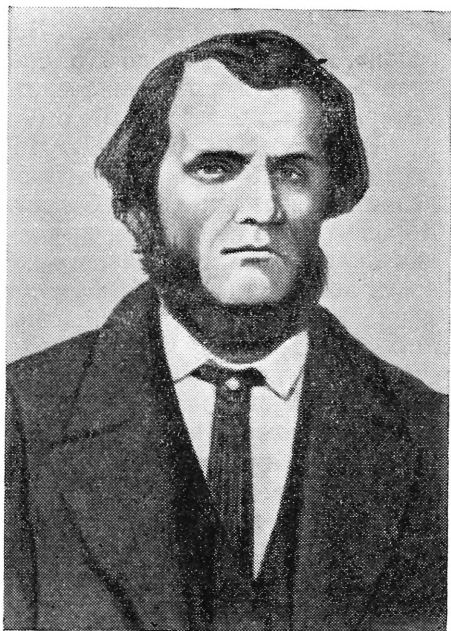
Идея выпуска собственного сборника давно вызревала в передовых кругах воронежского общества. Безусловно, особую решимость им придал благожелательный отклик Н. А. Добролюбова на книгу пермяков, появившийся в октябрьском номере «Современника» за 1859 г. Тогда же осенью в Воронеж приезжал из Москвы известный историк, археолог и библиограф П. И. Бар-тенева. Видимо, он вел конкретные переговоры о сборнике с поэтом и книгопродавцем И. С. Никитиным и его близким другом М. Ф. Де-Пуле.

Об этом свидетельствует неопубликованная переписка между П. И. Бар-тенева и М. Ф. Де-Пуле. Последний 6 мая 1860 г. шутливо укоряет П. И. Бар-тенева: «...Вы подали нам мысль о Сборнике, Вы и казнитесь за это»².

Из этой переписки становится ясно, что «Пермский сборник» обсуждался как возможный эталон для предстоящего издания. Однако было признано нецелесообразным полностью копировать пермяков, поскольку они избрали лишь единственный аспект — документально-этнографический. Де-Пуле (вероятно, не без влияния И. С. Никитина) предлагал включить литературный отдел. Для участия в нем намечалось пригласить, помимо воронежцев Никитина, А. С. Суворина и Ф. Н. Берга, иногородних авторов — писательниц Марко Вовчка и Н. С. Кохановскую. В учебном отделе предполагалось сотрудничество воронежских уроженцев — фольклориста А. Н. Афанасьева и историка Н. И. Костомарова, а также П. И. Бар-тенева, М. П. Погодина, М. Н. Лонгинова, Г. Н. Геннади. Все они, кроме последнего, обещали свою помощь. Сам Де-Пуле собирался извлечь из местного архива материалы для истории края.

Большую поддержку, моральную и практическую, продолжал оказывать предстоящему изданию его «крестный отец» П. И. Бар-тенева. В этом смысле интересно письмо Бар-тенева к Де-Пуле от 15 апреля 1860 г.: «...Рад очень Вашему сборнику. Напишите поточнее, когда думаете его выпустить, т. е. много ли есть готового. Может быть, пришлю Вам какую-нибудь историческую заметку из прошлого столетия. Неужели Вы сомневаетесь, братья ли за редакторство?»

Посмотрите, как расходятся сборники Пермский, Саратовский; как раскупился Симбирский и Владимирский. Насчет вознаграждения за

М. Ф. Де-Пуле

² ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. 556, л. 65.

редакторство могу сообщить Вам только то, что, заведая «Рус[ской] беседой», я получал около 7 р. с каждого печатного листа: тут вся возня с типографией, исправление слога, переписка и проч. Это было в 1857. Теперь такого рода труды в столицах стали еще дороже»³.

В письме от 12 мая 1860 г. П. И. Бартенев советует: «Сборник будет успешен, коль скоро статьи наберутся хорошие, а о составе и распределении хлопотать нечего. Один только отдел необходим для окраски — Воронежский; нельзя ли, кроме названных Вами статей, поместить еще любопытнейшие из печатаемых Вами актов⁴. История и всякая подлинность нынче имеют успех: рассуждения всем надоедают. Погодин непременно Вам поможет... Вероятно, также откликнется на Ваш вызов Мих<аил> Никол<аевич> Лонгинов, которому надо писать в Общество люб<ителей> Рос<сийской> словесности. Марко Вовчок, или госпожа Маркович, ныне в Гейдельберге. Аксакова адрес сообщит Вам Берг, которому я передал также образцы бумаги. Очень важное обстоятельство, где Вы будете печатать сборник, у себя, или здесь, или в Петерб<урге>. Мне кажется, что Толстой⁵ мог бы очень быть пригоден.

Если бы сборник печатался с разрешения губернатора, как в Вильне, и на месте, Вы бы сэкономили себе много времени и хлопот. Переписываться с цензурными комитетами и ждать рукописей дело убийственное.

Но во всяком случае Толстой своим словом может подвинуть и помочь...

О Кольцове-то неужели ничего не будет? Хоть записать все рассказы о нем, сколько и каковы ни на есть...»⁶

Первоначально издателем отредактированного Де-Пуле сборника должен был выступить воронежский книгопродавец Никанор Васильевич Гарденин, чей магазин соперничал с книжной лавкой Никитина; с поэтом у Гарденина сложились очень натянутые отношения. 30 мая 1860 г. Де-Пуле сообщает П. И. Бартеневу: «...Дело о Сборнике сладилось: с Гардениным мы условились за 600 руб. сереб<ром>. Если Вас не затруднит, потрудитесь передать А. Н. Афанасьеву два слова: Вор<онежский> Сборник состоится. Он обещает мне статью, но пишет, что скоро едет за границу, след<овательно>, если мне писать к нему, то письмо может пропасть и не застать его... Пожалуйста, узнайте повернее: нужно ли просить дозволения цензуры на право издания Сборника или не надо?.. Печатать будем здесь, в типографии Гольдштейна, очень порядочной...»⁷

Однако планы быстро изменились. Конкурирующий с Никитиным Н. В. Гарденин задумал, в пику ему и Де-Пуле, выпуск собственного сборника. Пришлось искать нового издателя со средствами. Им стал коллега Де-Пуле по Воронежскому Михайловскому кадетскому корпусу инспектор Петр Петрович Глотов. Из хранящейся в Государственном архиве Воронежской области описи дел кадетского корпуса явствует, что в июле 1860 г. штабс-капитан Глотов и надворный советник Де-Пуле обратились к начальству с испрошением дозволения на предпринятое ими издание книги под заглавием «Воронежский сборник». Само дело, к сожалению, отсутствует.

В июле — августе 1860 г. Де-Пуле отправляется в Москву и Петербург. Основной целью поездки было установление связей с будущими

³ ИРЛИ, ф. 569, № 134, л. 3.

⁴ Имеются в виду подготовлявшиеся М. Ф. Де-Пуле к печати «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, состоящие из царских грамот и других актов XVII—XVIII ст.».

⁵ Граф Д. Н. Толстой занимал тогда пост воронежского губернатора.

⁶ ИРЛИ, ф. 569, № 134, лл. 4—6.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. 556, лл. 76 об. — 77.

авторами и выяснение издательских тонкостей. Прежде всего следовало решить вопрос о тираже. П. П. Глотов просит в письмах к Де-Пуле справиться в московской типографии, сколько экземпляров печатали там «Пермского сборника» и велик ли его сбыт. Обсуждаются два варианта тиража — 2400 и 1500 экз., предпочтение отдается последнему. В письме П. П. Глотова от 15 августа 1860 г. читаем: «Совершенно согласен печатать 1500 экз. Это вернее, а если бы издание хорошо разошлось, то повторить его... пустяки»⁸. Владелец местной типографии В. Гольдштейн за изготовление 1500 экз. запрашивал цену — 390 руб., а за 2400 экз. — 500 руб. Глотов полагал, что печатание в Москве было бы намного выгоднее.

А между тем в Воронеже разыгрывались издательские страсти. Успех пермского и других губернских сборников вскружил голову Н. В. Гарденину. Он находит для своего сборника нового редактора — Петра Васильевича Малыхина, также преподавателя кадетского корпуса. В кругу воронежской интеллигенции говорят о существовании двух лагерей — никитинцев и гарденинцев, слухи об этом уже просочились в столичную печать. Сам И. С. Никитин 5 сентября 1860 г. так информирует Н. И. Второва: «Пишущие люди нашего богоспасаемого города разделились теперь на литературные кружки, образовали разные партии и с развернутыми знаменами, украшенными надписью: «Воронеж <ский> Сборн <ик>» или «Провинциальный вестник»⁹, готовы выступить на широкое поле quasi-литературной деятельности»¹⁰. В другом письме Никитина читаем: «...Одновременное издание двух сборников произвело у нас, как это Вам уже известно, некоторое волнение. Проснулась зависть, зашипели самолюбия, выползли на свет разные микроскопические гадины. Де-Пуле ненавидят. Меня побранивают из-за углов»¹¹.

П. В. Малыхин и Н. В. Гарденин так и не смогли поставить издание на широкую ногу. Сотрудников они набрали из местных сочинителей и в спешном порядке — лишь бы опередить Де-Пуле и Глотова! Так как оригинального материала не хватало, в ход пошли невысокого качества переводы и переделки с иностранного. Позднее критики единодушно отмечали художественную нетребовательность, проявленную составителями книги.

Соперничающая сторона успела быстрее собрать рукописи и получить цензурное разрешение на издание. Глотов и Де-Пуле должны были подумать над тем, чтобы как-то иначе озаглавить свой сборник. В фонде Московского цензурного комитета имеются любопытные прошения «гвардии штабс-капитана Глотова», который ходатайствует 4 января, а затем 10 января 1861 г. о дозволении переменить название «Воронежский сборник» сначала на «Украинскую беседу, воронежский альманах на 1861-й год», а потом, спохватившись, что новое название не вполне соответствует характеру издания, — на «Воронежскую беседу на 1861-й год»¹².

По экономическим соображениям было признано разумным печатать сборник в Петербурге — в типографии комиссионера Академии художеств Гогенфельдена и К^о. Цензурование воронежского издания проходило в Москве, очевидно, по совету П. И. Бартенева, хорошо знавшего всех тамошних цензоров.

⁸ ИРЛИ, ф. 569, № 195, л. 12.

⁹ Н. В. Гарденин взял для своего издания название «Воронежский сборник» (в дальнейшем — «Воронежский литературный сборник»). Он же намеревался выпускать журнал «Провинциальный вестник».

¹⁰ Никитин И. С. Соч. М., 1955, с. 282.

¹¹ Там же, с. 284.

¹² ЦГАГМ, ф. 31, оп. 5, ед. 458, лл. 9, 17.

П. И. Бартнев

Выпускался сборник чрезвычайно медленно. Объясняется это тем, что основной издатель П. П. Глотов вскоре охладел к своей затее и отдался другим коммерческим предприятням. В письме к А. С. Суворину от 24 июля 1861 г. Никитин скептически отзывается о Глотове, который бросился в лесопромышленность вместо того, чтобы доводить до конца свое издательское дело.

Летом 1861 г. тираж был отпечатан, но так как Глотов никак не расплачивался сполна с владельцем типографии, то выход в свет оттягивался. В начале августа из Петербурга привезли только два экземпляра сборника в несброшюрованных еще листах. В письме к А. С. Суворину от 3 августа 1861 г. Де-Пуле сообщает: «Книга по внешнему виду (за исключением опечаток) роскошная и громадная (44 печатных листа). Пустится в продажу не ранее конца этого или начала будущего

месяца. Гарденинский «Сборник» задержан цензурой за то, что наставили непозволительных точек. Но Гарденин не робеет: он, говорят, не только намерен издать 2-ю книжку, но уже помышляет о 3-ей — просто напролом прет¹³. По выходе обоих сборников как бы хорошо провести параллель и продернуть подлеца Гарденина? А?...»¹⁴

Расстояние между Воронежем и Петербургом, где выпускался сборник, отсутствие должного контроля за процессом печатания создали немало затруднений и даже недоразумений. Прежде всего поражает огромное количество опечаток — только выявленных около 170. Принадлежащая перу И. И. Зиновьева, активного участника издания, статья «Нечто о воронежских пустосвятах и юродивых» оказалась анонимной. По вине типографии не включены были в состав книги стихотворения К. Н. Батюшкова, доставленные А. Н. Афанасьевым. Н. И. Второв справедливо упрекал Де-Пуле за то, что тот не поручил ему, петербургскому жителю, надзора за изданием «Воронежской беседы».

Поступление сборника в книжную торговлю тормозилось. А «гарденинцы» тем временем действовали, они добились от цензуры разрешения на выпуск тиража в свет, и вскоре тот появился в книжной лавке издателя (печатался «Воронежский литературный сборник» в местной типографии В. Гольдштейна). И. С. Никитин болезненно воспринял перевес конкурентов. Сохранилось примечательное письмо его, до сих пор не опубликованное. Хотя в каталоге Рукописного отдела Института русской литературы АН СССР оно значится как письмо к «неизвестному», однако по содержанию и манере обращения к корреспонденту совершенно ясно, что оно могло быть адресовано только редактору «Воронежской беседы» М. Ф. Де-Пуле. Вот это письмо:

¹³ Свои намерения Н. В. Гарденин не осуществил. В 1865 г. он разорился.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. 3514, л. 3 об.

«1861. Август 17.

Позвольте обратиться к Вам, мой милый друг, за советом. Сборник, изданный Гардениным, поступил в продажу, продается, говорят, хорошо. Его появление в печати, вероятно, напомнило людям, подписавшимся у меня на «Воронежскую Беседу», что пора, наконец, и им получить свою книгу. На уверения моих помощников, что книга будет выдаваема непременно в первых числах сентября, отвечают, что эту песню с припевом: подождать, они, подписчики, слышат уже давно, что все это скверно, что нужно бы обстоятельнее знать конец того дела, за которое берешься, не водить за нос публику и проч., и проч. Словом — в чужом пиру я нашел похмелье и попал в весьма неловкое положение. Как Вы мне посоветуете за него выйти? Выдавать ли обратно подписчикам на «Воронежскую Беседу» заплаченные ими за книгу деньги, или... я, ей-богу, не знаю, что придумать другое. Ведь книга и в сентябре, наверное, не получится здесь. Неужели нельзя ее было вытребовать в Воронеж несколько экземпляров по почте, не дожидаясь поправок в опечатках? Повидайтесь, пожалуйста, со мною, об этом необходимо нам переговорить, писать много у меня нет силы.

Весь Ваш
*И. Никитин*¹⁵

Следует помнить, что эти строки занедуживший Никитин набросал ровно за два месяца до своего трагического конца. Находясь на пороге смерти, содержатель магазина-библиотеки оставался верен своей книгопродавческой профессии. Интересы подписчиков даже потеснили естественное авторское любопытство (в «Воронежской беседе» публиковались никитинский «Дневник семинариста», поэма «Тарас» и два стихотворения).

И. С. Никитину так и не привелось увидеть «Воронежскую беседу» изданной. 13 октября 1861 г. владелец типографии известил московский цензурный комитет о получении билета за № 895 на выпуск в свет отпечатанных экземпляров¹⁶, а 16 октября поэт скончался. Жизнь, всегда сурово обходившаяся с Никитиным, и здесь не сделала исключения...

«Воронежская беседа» появилась на книжном прилавке позднее аналогичных губернских изданий, и рецензенты имели возможность сравнивать ее качества и структуру с уже знакомыми образцами, прежде всего с «Пермским сборником». Последний был задуман как сугубо краеведческий, строился на документальной основе, с явным кремом в сторону истории и этнографии. Как источник сведений о далеком и недавнем прошлом родной земли «Пермский сборник» отличается исключительным богатством и разнообразием.

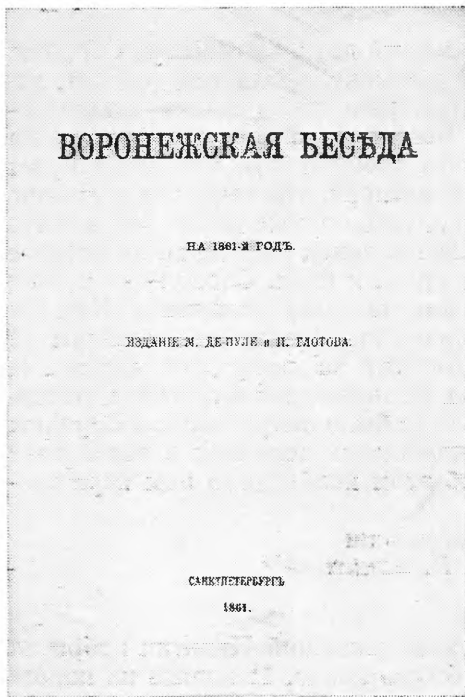
М. Ф. Де-Пуле избрал другой путь — объединения литературных и научных материалов. Это решение было продиктовано специфическими условиями местной духовной жизни. Не каждая губерния могла похвалиться именами вроде А. В. Кольцова и И. С. Никитина. Оставить их творчество за пределами книги, представлявшей читателю историко-культурные традиции воронежского края, было бы просто нерасчетливо.

Критика по достоинству оценила прозу и поэзию «Воронежской беседы»¹⁷, почти единодушно увенчав лаврами покойного Никитина, про-

¹⁵ ИРЛИ, ф. 569, № 706.

¹⁶ ЦГАГМ, ф. 31, оп. 5, ед. 462, л. 51.

¹⁷ О «Воронежской беседе» см.: «Современник», 1861, № 12, отд. II, с. 195—210; «Русская речь», 1861, № 92, 16 ноября, с. 625—630; «Моск. ведомости», 1861, № 263, 30 ноября; «Санкт-петербургские ведомости», 1861, № 267, 1 дек.; «Северная пчела», 1862, № 29, 30 янв.

Титульный лист «Воронежской беседы»

всего нареканий за попытку пересмотреть трактовку В. Г. Белинским творчества Кольцова). Из работ научного характера, включенных в сборник, следует выделить: «О заселении Воронежской губернии» Н. И. Второва, «Сличение нескольких русских песен» Н. С. Кохановской, «Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии» Н. С. Тарачкова и др. Вместе с тем в книге оказались материалы легковесные, с привкусом провинциальности (в дурном смысле слова), они-то и дали «Современнику» повод для справедливых упреков.

Тесный кружок инициаторов издания волновался за судьбу своего детища. П. И. Бартенев был доволен книгой и даже предлагал готовить продолжение. В его письме к Де-Пуле от 1 января 1862 г. есть строки: «Я у Вас в большом долгу, любезный Михаил Федорович: не поблагодарил до сих пор за книгу, доставленную мне Сувориным. Честь Вам и слава: у нас и в столицах немногие так дельно *беседуют*...»¹⁸ Бартенев справлялся у Де-Пуле, пользуется ли сборник успехом у воронежцев. В ответ Де-Пуле сообщал: «...,Беседа“ идет не бойко; Глотов потерпел страшный убыток, что, конечно, будет самое верное средство охладить его к подобным предприятиям; у меня, Вы знаете, нет своих средств, следоват., нечего и думать о продолжении издания»²⁰.

В Москве, по словам А. С. Суворина, «Воронежская беседа» «сильно покупалась» (торговали ею в магазине А. И. Глазунова на Кузнецком мосту).

изведения которого (как и «Русские пословицы, собранные А. В. Кольцовым») явились действительно украшением книги. С «Воронежской беседой» связан писательский дебют А. С. Суворина, ставшего в скором времени известным беллетристом и фельетонистом. Произведения его «Черничка» и «Гарибальди» (Из путевых заметок)» также обратили на себя внимание. Рассказ «Гарибальди» (из крестьянского быта), по свидетельству автора, пользовался особой популярностью благодаря тому, что понравился знаменитому актеру П. М. Садовскому и тот читал его со сцены с большим успехом¹⁸.

П. И. Бартенев напечатал в «Воронежской беседе» подборку писем М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову. Де-Пуле выступил как публикатор мемуарных записок ветерана 1812 г. М. М. Петрова и автор обширной статьи «Алексей Васильевич Кольцов» (она вызвала более

¹⁸ Суворин А. С. Всякие. Очерки современной жизни. Изд. 2-е. СПб., 1907, с. V.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 569, № 134, л. 7.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. 557, лл. 344 об. — 345.

Дневникъ Семинариста.

184.. *Юля 18.*

Слава Тебѣ, Господи! Вотъ и каникулы! Вотъ наконецъ я и дома... да! Нужно подобно мнѣ позубрить круглый годъ уроки, ежедневно, да еще два раза въ день, за исключеніемъ, разумѣется, праздниковъ, промѣрять отъ квартиры до семинаріи версты четыре, или болѣе, потомъ, въ душевнѣйшій кабинетъ, въ кружкѣ шести человѣкъ товарищей, подчасъ въ дыму тютюна, погнаться до полночи надъ запачканною тетрадкой, или истрепанною книгой, подтвердить греческій и латинскій язмки, геометрію, герменевтику, философію, и прочее и прочее, и послѣ броситься съ досадою на жесткую постель, и заснуть съ тощимъ желудкомъ, оттого, что какіе нибудь таять жиденькіе, сваренные съ свиннымъ саломъ щи, пролиты на полъ пьяною хозяйкою дома, — нужно, говорю я, все это пережить и перечувствовать, чтобы оцѣнить всю прелесть теплаго, гостеприимнаго, роднаго уголка... ухъ! Да и потянусь на этомъ кожаномъ стулѣ, въ этой горенкѣ съ окнами, выходящими въ зеленый, обрызганный росой, садъ, въ этомъ раю, гдѣ я самъ большой, самъ старшой, гдѣ имѣеть право прикрикнуть на меня только одинъ мой добрый батюшка... А право, здѣсь настоящій рай; тихо, свѣтло. Изъ сада пахнетъ травою и цвѣтами: на яблоняхъ чирикаютъ воробьи, у ногъ моихъ журлычеть мой старшій знакомецъ, сѣрый котъ. Яркое солнце смотритъ сквозь стекло и золотымъ свѣтомъ упирается въ чисто-вымытую и высеребренную пожесть, сословую

Страница «Воронежской беседы» с началом «Дневника семинариста» И. С. Никитина

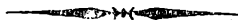
Де-Пуле и прежде замышлялъ превратить «Воронежскую беседу» в повременное издание, но отсутствие средств сделало это невозможным. Редакция уплатила большие деньги владельцу типографии в Петербурге, остальное ушло на гонорары авторам (Н. С. Кохановская, например, получила 100 руб. за лист). Продолжения так и не последовало.

«Воронежская беседа» осталась характерным памятником своей эпохи, когда широкий интерес к изданиям подобного типа захватил и губернскую глушь. «Современник» правильно отмечал: в провинции «появление какого-нибудь туземного сборника есть явление далеко вы-

ступающее из ряда обыкновенных; к изданию сборника приготавлиются долго, в составлении его участвуют все знаменитости туземные, весь цвет и сок провинции»²¹.

Именно поэтому, изучая этапы развития в стране просвещения, определяя роль и место провинции в общероссийском историко-культурном процессе, следует уделять необходимое внимание и опыту создания ряда ценных губернских научно-литературных сборников.

²¹ «Современник», 1861, № 12, отд. II, с. 189.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА ГЕОРГИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЧАБРОВА

Исполнилось 70 лет со дня рождения известного книговеда, доктора исторических наук, профессора Г. Н. Чаброва.

Георгий Николаевич родился 19 января 1904 г. в Ленинграде. В 1927 г. он окончил Ленинградский университет, получив специальность историка-архивиста. Проработав около десяти лет в государственных архивах, он приобрел значительный интерес к вопросам истории и источникововедения.

Переломным моментом в научной биографии Г. Н. Чаброва явился переезд в 1934 г. в Ташкент. Богатейшая культура народов Средней Азии и малоизученная в то время культурная жизнь дореволюционного Туркестана вызвали у него глубокий интерес. Работая в республиканском Музее искусств, он интересуется историей планировки и строительства «русских» городов дореволюционного Туркестана, а также овладевает вещеведческой специализацией, изучив китайский «кашгарский» фарфор, в большом количестве поступающий в Среднюю Азию в конце XVIII в. и всего XIX в. На эти темы им написан ряд работ.

В довоенные годы исследовательская работа Г. Н. Чаброва только начиналась и по-настоящему развернулась после Великой Отечественной войны, участником которой он был. После тяжелого ранения в 1944 г. Г. Н. Чабров возвратился в Ташкент.

В 1945—1946 гг. Г. Н. Чабров был ученым секретарем института истории и археологии АН Узбекской ССР.

В течение почти 20 лет Г. Н. Чабров работал на историческом факультете Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории городов. На кафедре искусствоведения он читал курсы истории гравюры и истории русского искусства XVIII — начала XX в. Г. Н. Чабровым написано несколько статей о творчестве художников, работавших в Средней Азии и Узбекистане¹.

¹ См., напр.: Художники России в Туркестане. — «Звезда Востока», 1954, № 5 с. 113—125; Художник Верещагин в Туркестанском крае. — Там же, 1955, № 5, с. 113—124 и др.

Переход в 1947 г. на кафедру истории СССР и вступление Г. Н. Чаброва в 1955 г. в члены Географического общества Узбекистана способствовали усилению его интереса к истории изучения Средней Азии и культурной жизни туркестанских городов. В это время были написаны статьи по истории изучения развалин Джанкента² и истории русских поселений между Оренбургом и Ташкентом³, а также о поездке в Бухару переводчика П. И. Демезона⁴, Приаральской экспедиции Н. А. Северцова⁵ и др.

В течение нескольких лет Г. Н. Чабров читал студентам исторического факультета курс источниковедения истории Средней Азии⁶.

Серьезное место в научном творчестве Г. Н. Чаброва занимают источниковедческие работы, начало которым было положено в 1947 г. статьями, посвященными бухарскому историку Абдул-Азим Сами⁷ («Новый источник по истории Бухарского ханства») и записке декабриста А. Корниловича о разрешении русской торговли в Средней Азии⁸.

Итогом многолетних источниковедческих и искусствоведческих исследований явилась успешно защищенная в 1966 г. докторская диссертация «Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана в XVIII — первой половине XIX века».

В 1960 г. Г. Н. Чабров организовал при Фундаментальной библиотеке Ташкентского университета научный кружок по изучению истории Средней Азии и Узбекистана, на заседаниях которого до 1969 г. многими учеными Ташкента были прочитаны свыше 100 докладов по истории изучения Средней Азии, истории географических открытий, библиотечного дела и т. д.

Одним из аспектов исследований Г. Н. Чаброва является история присоединения Средней Азии к России. Им написаны большая статья «Русская прогрессивная интеллигенция дореволюционного Туркестана и влияние передовой русской культуры на коренное население Средней Азии»⁹, статьи по истории городов, разработана частично опубликованная (за 1865—1900 гг.) хронология культурной жизни дореволюционного Туркестана.

Для нас, книговедов и библиографов, особый интерес представляют работы Г. Н. Чаброва по истории книгоиздательского дела в дореволюционном Туркестане, в которых он выступает одним из пионеров, разрабатывающих эту важную и малоизученную проблему. Начало этим работам положила статья «Первые литографированные издания произведений Алишера Навои в Средней Азии»¹⁰, вышедшая четверть века назад. В 1954 г. была напечатана статья «Из истории полиграфии и издательства литературы на местных языках в дореволюционном Турке-

² Из истории изучения развалин древнего города Джанкента. — «Труды Среднеазиат. ун-та», 1957, вып. 111. Ист. науки, кн. 25, с. 187—192.

³ «Труды Среднеазиат. ун-та», 1957, вып. 90, с. 153—192.

⁴ Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.) — «Труды Среднеазиат. ун-та», 1957, вып. 94. Ист. науки, кн. 14, с. 109—115.

⁵ Новые документы о Приаральской экспедиции Н. А. Северцова. — «Науч. метод. бюл. Архив. отд. МВД УзССР», 1959, № 4, с. 57—63.

⁶ Об этой работе он рассказал в статье «Опыт разработки специального курса по источниковедению истории Средней Азии» («Вопр. архивоведения», 1963, № 2, с. 69—71).

⁷ Новый источник по истории Бухарского ханства. — «Бюл. АН УзССР», 1947, № 3, с. 23—25.

⁸ Записки декабриста А. О. Корниловича о расширении русской торговли со Средней Азией. — «Труды Среднеазиат. ун-та», 1960, вып. 152. Ист. науки, кн. 33, с. 87—93.

⁹ «Науч. труды Ташк. ун-та», 1970, вып. 346, с. 5—43.

¹⁰ «Звезда Востока», 1948, № 3, с. 98—100.

стане»¹¹, являющаяся первым обобщением многих литературных и архивных данных. В сборниках «Книга. Исследования и материалы» Г. Н. Чабров опубликовал статьи: «Александр Александрович Семенов как книговед» и «У истоков узбекской полиграфии. (Хивинская придворная литография 1874—1910 гг.)»¹².

В это же время была напечатана статья «Художественное оформление туркестанской литографированной книги (1880—1917)»¹³, в которой Г. Н. Чабров раскрыл яркое своеобразие туркестанских полиграфистов, смело сочетавших традиции рукописной книги с современными приемами оформления русской печатно-наборной книги. В перечисленных работах проявились незаурядные способности Г. Н. Чаброва — серьезного исследователя истории книгоиздательского дела в Средней Азии.

Для юбилейного академического издания «400 лет русского книгопечатания» (1964) Г. Н. Чабров написал разделы по истории книгопечатания в Средней Азии конца XIX — начала XX в.

Учитывая специфику этого фундаментального труда, Г. Н. Чабров стремился в обобщенном виде дать основную канву многовековой истории книги в Средней Азии: рукописной, литографской и печатно-наборной. Используя все основные сведения, он сумел создать довольно полную картину книгоиздательства в дореволюционном Туркестане.

В 1964 г. Г. Н. Чабров поместил первую в советской литературе статью о среднеазиатском книжном переплете¹⁴. В это же время были написаны и опубликованы его статьи «О национализации полиграфических предприятий в Туркестанской АССР (1918—1920 гг.)»¹⁵ и «Проблема изучения истории узбекской книги»¹⁶, представляющие значительный ин-

¹¹ «Труды Среднеазиат. ун-та», 1954, вып. 57, с. 77—95.

¹² «Книга. Исследования и материалы», 1960, сб. 3, с. 409—419; Там же, 1961, сб. 4, с. 317—329.

¹³ «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», 1960, т. 29, с. 205—224.

¹⁴ К изучению среднеазиатского книжного переплета. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 2, с. 136—141.

¹⁵ «Науч. труды Ташк. ун-та», 1964, вып. 238. Ист. науки, кн. 50, с. 134—141.

¹⁶ Там же, 1964, вып. 261. Библиография, вып. 10, с. 88—90.

терес. В последней из них, говоря об успехах изучения истории узбекской книги, он совершенно справедливо отметил необходимость собирания и библиографирования всех печатных и литографированных книг. «Мы до сих пор еще не имеем перечня литографированных изданий, полных перечней печатно-наборной книги узбекского народа, вышедшей в дореволюционный период и изданной в советское время», — писал Чабров и указывал, что в силу этих причин совершенно необходимо организовано и в плановом порядке наладить библиографирование всех изданий, охватываемых понятием узбекской книги. Высказывание Г. Н. Чаброва остается актуальным и сегодня.

С 1966 г. Г. Н. Чабров работал на библиотечном факультете Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, где с 1963 г. читал впервые им разработанный спецкурс «Книга дореволюционного Туркестана»¹⁷. В 1967 г. утвержден заведующим кафедрой библиографии, а в 1969 г. в ученое звание профессора по этой кафедре.

В 1967 г. в журнале «Гулистон» на узбекском языке была помещена статья Г. Н. Чаброва, впервые освещающая книгоиздательскую деятельность известного узбекского издателя литографированной книги Гуляма Хасана Арифджанова¹⁸.

В 1968 г. он опубликовал работу «Проблемы изучения истории книгоиздательского дела в республиках Средней Азии»¹⁹, намечающую пути разработки этого малоизученного вопроса. А в 1970 г. была напечатана статья «Начало книгоиздательского дела в дореволюционном Туркестане»²⁰.

Выступая в 1971 г. на первом Всесоюзном совещании по проблемам книговедения, Г. Н. Чабров рассказал о работах узбекских книговедов и справедливо ратовал за необходимость привлечения к разработке данных проблем среднеазиатских книговедов-ориенталистов.

В 1972 г. вышли в свет его статьи «Экслибрис и его мастера»²¹ и «Узбекские экслибрисы»²², положившие начало изучению узбекского экслибриса.

В разное время Г. Н. Чабров успешно выступал в качестве редактора монографических исследований и некоторых других материалов по истории Средней Азии (например, М. Г. Вахабов «Ташкент в период трех революций», А. Я. Соколов «Русско-афганские торговые отношения», роман А. В. Алматинской «Гнет», четыре выпуска «Обзора русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» О. В. Масловой, «Города Узбекистана» — указатель литературы, составленный Государственной республиканской библиотекой им. А. Навои, несколько сборников трудов исторического и востоковедческого факультета ТашГУ).

Г. Н. Чабров руководит работой аспирантов, многократно выступал официальным оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций.

В настоящее время, продолжая разработку истории книгоиздательского дела дореволюционного Туркестана, Г. Н. Чабров совместно с библиографами О. В. Масловой и Е. Н. Киткович завершает составление

¹⁷ См.: Книгоиздательское дело в дореволюционной Средней Азии (1871—1917 гг.) — «Ученые зап. Ташк. пед. ин-та», 1966, т. 71, с. 8—31.

¹⁸ О ташкентской литографии Г. Х. Арифджанова. — «Гулистон», 1967, № 12, с. 26. — На узб. яз.

¹⁹ «Издательское дело. Книговедение», 1968, № 2, с. 14—18.

²⁰ Там же, 1970, № 5, с. 3—4.

²¹ «Звезда Востока», 1972, № 1, с. 149—152.

²² «Творчество», 1972, № 10, 4 с. обл.

указателя полного репертуара книг, вышедших в дореволюционном Туркестане на русском языке, а также готовит вводную статью для указателя, освещающую все особенности истории туркестанской книги.

В последние три года Г. Н. Чабров изучает особенности пропаганды книги во всех туркестанских газетах, выходивших на русском языке с 1870 по 1900 г.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ВНЕДРЕНИЯ В ЖИЗНЬ ГОСТа 16448—70 «БИБЛИОГРАФИЯ. ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ»

В связи с предстоящим пересмотром стандартов, входящих в «Систему информационно-библиографической документации» и терминологических ГОСТов 16447—70 «Издания. Основные виды. Термины и определения» и 16448—70 «Библиография. Термины и определения» в печати появились статьи, посвященные этим ГОСТам. В них дается не только общая оценка действующих государственных стандартов, но и содержатся критические замечания и предложения по их дальнейшему совершенствованию.

Автор ставит своей задачей рассмотреть лишь некоторые наиболее важные вопросы, поднятые в статьях, касающихся ГОСТа 16448—70.

Остановимся на тех критических замечаниях, которые затрагивают современные принципы стандартизации терминологии, так как по этому вопросу высказаны противоположные точки зрения.

Одним из важнейших принципов упорядочения любой терминологии является ликвидация многозначных слов, бытующих в языковой практике и литературе¹. Поэтому в методической инструкции по стандартизации терминологии предусмотрен специальный раздел, в котором предписывается ликвидация многозначных слов при построении системы терминов той или иной науки или практики. Принципу однозначности термина и выражаемого им понятия много места уделено в статье А. И. Барсука «Стандартизация библиографической терминологии и некоторые вопросы теории»², которая ставит своей задачей «осмыслить внутреннюю логику ГОСТа 16448—70, показать методологическую правильность его исходных принципов, научную обоснованность принятых в нем основных решений, содействовать его быстрейшему внедрению в практику»³. Одно из главных достоинств рассматриваемого стандарта автор видит в том, что в нем успешно преодолена многозначность слова «библиография». А. И. Барсук подробно характеризует употребление этого слова в трудах как советских, так и зарубежных авторов и приходит к выводу, что многозначность всей библиографической терминологии связана прежде все-

¹ См., напр.: Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968, с. 8—9.

² «Книга. Исследования и материалы», сб. 27, 1973, с. 205—218.

³ Там же, с. 212.

го с многозначностью слова «библиография», лежащего в основе всей системы терминов. Поэтому он решительно выступает за ликвидацию многозначных слов в специальной терминологии, за превращение слова «библиография» в термин, обозначающий только одно понятие. Эта правильная методологическая установка является стержнем всей работы по упорядочению терминологии любой науки или практики. Даже малейшее отступление от этого принципа при стандартизации терминологии может повлечь за собой нарушение логической стройности всей системы терминов. Без соблюдения указанного принципа нельзя создавать *нормативную* терминологию. Поэтому нельзя не согласиться с основным выводом А. И. Барсука о том, что «многозначность либо необходимо преодолеть, либо отказаться от самой идеи научной стандартизации терминологии»⁴.

Иная точка зрения по этому вопросу высказана в недавно опубликованных статьях С. П. Луппова⁵ и Н. А. Никифоровской⁶. Именно принцип однозначности термина и выражаемого им понятия является объектом споров. Так, С. П. Луппов утверждает, что составители ГОСТа 16448—70 исходят из «ошибочных предпосылок», придав термину «библиография» свойство однозначности. «Против стандартизации никто не возражает, — замечает Луппов, — но не все можно стандартизировать». Оказывается, нельзя стандартизировать понятие «библиография» лишь потому, что «полисемия терминов⁷ обычно совсем не лишает возможности понимать их правильно»⁸. Следовательно, по мнению С. П. Луппова, многозначность слов не представляет никакой опасности быть неправильно понятым, она не является пороком терминологии и потому не подлежит устранению. Более того, он предлагает в предисловии к ГОСТу указать «все значения этого термина», т. е. узаконить многозначность слова (а не термина!) «библиография». Таким образом, С. П. Луппов ставит под сомнение один из главных принципов стандартизации терминологии — принцип однозначности термина и выражаемого им понятия.

Н. А. Никифоровская, казалось бы, не отвергает принцип однозначности. «В стандартах на терминологию требуется неукоснительное соблюдение принципа однозначности терминов, — пишет она. — Однако в отношении термина «библиография» этот принцип выдержать нельзя. Отсюда напрашивается вывод: термин «библиография» стандартизировать не следует»⁹. Итак, несмотря на признание принципа однозначности термина и выражаемого им понятия, автор делает исключение для многозначного слова «библиография». Противоречивость данной позиции трудно обосновать, хотя автор и пишет далее: «Искусственное ограничение термина «библиография» лишь одним из присущих ему значений (к тому же значением наименее распространенным) не только приведет к разрыву с мировой практикой применения этого термина, но и повлечет за собой возникновение ряда трудностей и недоразумений при использовании его в нашей литературе и в работе библиографов и библиотекарей»¹⁰. Думается, что подобная аргументация необходимости сохране-

⁴ Там же, с. 206.

⁵ Луппов С. П. О подготовке стандартов, входящих в систему информационно-библиографической документации. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1973, вып. 7, с. 3—7.

⁶ Никифоровская Н. А. Трактовка термина «библиография» в терминологическом стандарте. — Там же, с. 7—10.

⁷ Вызывает удивление само словосочетание «полисемия термина», так как под «термином» обычно понимают однозначное слово.

⁸ Луппов С. П. Указ. соч., с. 6.

⁹ Никифоровская Н. А. Указ. соч., с. 10.

¹⁰ Там же, с. 10.

ния многозначности слова «библиография» покоится на укоренившейся традиционной привычке пользования библиографической терминологией и находится в противоречии с принципами стандартизации терминологии.

Полемизируя с подобной точкой зрения, А. И. Барсук приводит доказательства ее ошибочности. Особое внимание он уделил анализу зарубежной практики использования слова «библиография» и его трактовкам в иностранных словарях, энциклопедиях и учебных пособиях. Приводя многочисленные примеры определений и толкований понятия, выражаемого словом «библиография», он совершенно справедливо делает вывод о том, что не только в СССР, но и за границей состояние библиографической терминологии остается неудовлетворительным. Именно поэтому ссылка противников упорядочения системы библиографических терминов на зарубежный опыт не может служить аргументом против стандартизации терминологии. Автор убедительно доказывает, что защита этой противоречивой позиции объективно способствует застою в области библиографической терминологии, тормозит дальнейшее ее развитие.

Противники стандартизации библиографической терминологии выступают не только за сохранение многозначности слова «библиография» и всех производных от него словосочетаний, но и за сохранение синонимов. Однако современные методические пособия по упорядочению терминологии совершенно определенно указывают на вред синонимов в научно обоснованных системах терминов, так как термин и выражаемое им понятие должны *однозначно соотноситься между собой*. Следовательно, другим важнейшим принципом стандартизации терминологии является *принцип устранения синонимии*.

Согласно этому принципу в ГОСТе 16448—70 приведены многочисленные синонимы, применение которых недопустимо вместо стандартизованного термина (в стандарте они помечены Ндп). Именно это обстоятельство вызывает нарекания противников стандартизации библиографической терминологии. Так, Н. А. Никифоровская пишет: «В связи с запретом использования термина «библиография» в иных значениях, кроме как «области деятельности», в ГОСТе оказался запрещенным целый ряд распространенных терминов, в том числе, например, такие термины, как «библиография библиографии», «биобиблиография...». Особенно касается это термина «список литературы». В принципе не отвергая этого термина, Никифоровская сожалеет, что ГОСТ наложил запрет на использование термина „библиография“ в значении „список литературы“»¹¹. Высказываясь за сохранение двух словесных обозначений одного и того же понятия, автор присоединяет к ним еще и третье обозначение этого понятия — «литература», на том основании, что «во многих книгах и статьях списки литературы озаглавлены „литература“»¹². Итак, для обозначения одного из видов библиографического пособия мы имеем три термина: «список литературы», «библиография» и «литература».

Давайте проанализируем, можно ли указанные слова и словосочетания считать синонимическими? Под «списком литературы» обычно понимают простой ряд библиографических описаний каких-либо литературных материалов (книг, брошюр, статей, заметок и т. п.). Именно за этим понятием в ГОСТе закреплён термин «список литературы». В других значениях это словосочетание не употребляется. Следовательно, термин «список литературы» *однозначно* соотносится с тем понятием, которое он

¹¹ Там же, с. 9.

¹² Там же, с. 10

выражает, т. е. обладает качествами, присущими термину. Слово «библиография» не может выполнять роль термина на том основании, что оно многозначно, по признанию самой же Н. А. Никифоровской, и служит обозначением не одного, а нескольких понятий: «списка литературы», «указателя литературы», «библиографического пособия», «библиографической продукции», «области деятельности», «научной дисциплины и т. д. Все перечисленные понятия, естественно, не совпадают как по объему, так и по содержанию, поэтому одно и то же слово «библиография» не может служить точным обозначением ни одного из них. Таким образом, слово «библиография» не является синонимом термина «список литературы». Да и сама Н. А. Никифоровская в одном из примечаний выразила сомнение: «хорошо ли называть „библиографией“ список, включающий два-три названия?»¹³. Слово «литература» не может быть синонимом термина «список литературы», так как служит обозначением *реальных произведений* в виде опубликованных материалов. Следовательно, словосочетание «список литературы» и «литература» являются обозначениями *разных понятий*.

Таким образом, наш анализ «синонимов» показывает их несовпадение между собой как по объему, так и по содержанию обозначаемых ими понятий, поэтому их *нельзя называть синонимами*.

Позиция противников стандартизации библиографической терминологии по вопросу сохранения синонимии вытекает из их отношения к многозначным словам. Отсюда следует и общий вывод: существующая система библиографических терминов, видимо, их вполне устраивает; они стоят лишь за устранение частных недостатков библиографических терминов, которые не затрагивают *коренных пороков нашей терминологии* — наличия в ней многозначных слов и словосочетаний, а также большого количества «синонимов». Такая позиция противоречит принципам стандартизации терминологии, поэтому должна быть отвергнута.

Нельзя сказать, что и позиция А. И. Барсука достаточно последовательна. Хотя автор прямо и не высказывает своего мнения о синонимии как существенном пороке терминологии, можно, однако, понять, что он не видит в ней какой-либо опасности. Так, в статье А. И. Барсука неоднократно употребляются синонимы в качестве дублетов стандартизованных терминов. Так, можно указать на следующие словосочетания: «указатель литературы» и «библиографический указатель», «список литературы» и «библиографический список», «библиографоведение» и «библиографическая наука»; «отраслевые библиографические пособия» и «пособия отраслевой библиографии»; «научно-вспомогательные библиографические пособия» и «пособия научно-вспомогательной библиографии»; «текущие библиографические пособия» и «пособия текущей библиографии»; «дореволюционные библиографические словари» и «пособия дореволюционной библиографии» и т. п. О терпимом отношении автора к синонимии свидетельствует и его разъяснение о запрете ГОСТом употребления слов и словосочетаний, помеченных знаком «Ндп». По его мнению, суть пометок сводится к тому, что они применяются «в старом полисемическом их значении»¹⁴. Но это не совсем точно. Следует подчеркнуть, что термины, имеющие подобную отметку, не должны употребляться в качестве *синонима стандартизованного термина*. В этом и состоит *главное назначение* пометок «Ндп».

Такая позиция приводит А. И. Барсука к противоречивым предложениям по дальнейшему совершенствованию ГОСТа 16448—70. «Библиография. Термины и определения».

¹³ Там же.

¹⁴ Барсука А. И. Указ. соч., с. 216.

Рассмотрим сущность этих предложений.

Пожалуй, наиболее важным критическим замечанием автора является замечание о том, что определение понятия «библиография» воспринимается как синоним понятия «библиографическая деятельность» и не отграничивает их друг от друга¹⁵. Поэтому он предлагает новое определение понятия «библиография». Следует признать, что это замечание вполне справедливо и заслуживает самого серьезного внимания. Действительно, поиски ближайшего родового понятия, в которое библиография вошла бы в качестве вида, еще не увенчались успехом. В стандарте таким родовым понятием избрана «область деятельности» без уточняющего слова, которое характеризует вид деятельности — научная, практическая и т. п. Именно поэтому А. И. Барсук и пытается внести уточнение в определение этого понятия. Новая формулировка определения такова: «Библиография — *специальная область научно-практической деятельности* («книжного дела»), содержанием которой является подготовка и передача свернутой («библиографической») информации о литературе с целью воздействия (специфическими для библиографии методами, формами и средствами) на ее распространение и использование в обществе»¹⁶.

Предлагая это новое определение понятия «библиография», автор рекомендует заменить родовое понятие «область деятельности» на «область научно-практической деятельности» на том основании, что она «не носит чисто практического характера», а «является определенным этапом научного труда»¹⁷. Однако данное утверждение нельзя согласовать с другим суждением, где говорится: «Библиография (как и всякий вид практической деятельности) имеет целью не выведение закономерностей определенного рода явлений действительности (в данном случае, скажем, закономерностей развития печати), а непосредственное удовлетворение потребностей людей (в данном случае потребности в информации о литературе)»¹⁸. Выходит, что библиография одновременно является и «видом практической деятельности» и видом «научно-практической деятельности», хотя и не устанавливает никаких закономерностей. Очевидно, уточняющие слова «научно-практическая» деятельность не улучшают определение понятия «библиография», но и не решают вопроса о замене ближайшего родового понятия, так как этим понятием остается все та же «специальная область деятельности».

Кроме того, помимо термина «библиография» А. И. Барсук предлагает включить в стандарт термин «библиографическое дело» для широкого понятия, в которое включается «и библиографическая деятельность, и система учреждений, планирующих, координирующих и осуществляющих ее, и прямые средства обеспечения этой деятельности, и ее результаты, становящиеся, в свою очередь, одним из средств обеспечения дальнейшей библиографической деятельности»¹⁹. Внося это предложение, автор не говорит о том, как соотносятся между собой понятия, выражаемые терминами «библиографическое дело» и «библиография», а также не дает определения понятия «библиографическое дело», хотя и приводит новое определение библиографии. В чем же дело?

¹⁵ Такое же критическое замечание содержится и в статье О. П. Коршунова «Терминология библиографической науки и пути ее совершенствования» («Науч. и техн. б-ки СССР», 1973, вып. 9, с. 11—18).

¹⁶ Барсук А. И. Указ. соч., с. 211.

¹⁷ Там же, с. 209.

¹⁸ Там же, с. 209—210.

¹⁹ Там же, с. 208.

Данное здесь толкование понятия «библиографическое дело» достаточно широко: оно как бы объемлет в себе категориально разные понятия (деятельность, связанную с информированием читателей о произведениях печати, материальные предметы как результат этой деятельности, а также всю систему соответствующих учреждений). При сопоставлении понятие, выражаемое термином «библиография», кажется А. И. Барсуку менее широким, так как представляет собой только «область человеческой деятельности», поэтому автор делает заключение, что термин «библиография» и производный от него термин «библиографическая деятельность» «неизбежно воспринимаются как синонимы»²⁰.

Допустим, что предложение А. И. Барсука о введении в ГОСТ термина «библиографическое дело» будет принято для предельно широкого понятия всей системы библиографических понятий. Тогда возникнет необходимость изменить словесные обозначения (т. е. термины) всех производных от него терминов: «теория библиографического дела», «история библиографического дела», «универсальное библиографическое дело», «отраслевое библиографическое дело», «рекомендательное библиографическое дело» и т. п. Кстати сказать, два первых термина использованы автором в определении понятия «библиографоведение»²¹. Наряду с этим он активно применяет термины «теория библиографии» и «история библиографии». Следовательно, словосочетания «теория библиографии» и «теория библиографического дела» в статье используются как обыкновенные синонимы. Таковы нежелательные последствия предложения о введении в ГОСТ понятия «библиографическое дело». Ошибочность данного решения, с нашей точки зрения, вытекает из неправильной методологической установки А. И. Барсука о допустимости синонимов в системе библиографических терминов.

Итак, родовое понятие «область деятельности» нельзя использовать для определения понятия «библиография». Поскольку объем понятия «библиография» должен быть предельно широким, так как оно является основным для построения всей системы, необходимо найти ближайшее родовое понятие, в которое она входила бы как видовое.

В последнее время, как известно, теоретики рассматривают библиографию как системное понятие, структура которого складывается из многих категориально разных понятий. Выяснено, например, что библиография включает в свою структуру не только деятельность, связанную с информированием читателей о произведениях печати, но и людей, осуществляющих эту деятельность, а также все средства, способствующие ее осуществлению, в том числе библиографические пособия и т. п. Поэтому определять библиографию только как область деятельности, осуществляющую информирование читателей о книгах, брошюрах, журнальных статьях и т. п., или как некую совокупность библиографических пособий, значит преднамеренно сужать определяемое понятие до характеристики какой-либо одной из сторон. Библиография обслуживает читателей необходимыми им сведениями о произведениях печати. Но для этого нужны специалисты-библиографы, призванные обслуживать читателей не только с помощью личных контактов, но и путем подготовки для них специальных средств информирования о произведениях печати — библиографических пособий. Такие системы обслуживания читателей оформляются в виде специальных служб, существующих как самостоятельно (библиографические учреждения), так и в форме структурных подразделений, входящих в состав учреждений или пред-

²⁰ Там же, с. 208.

²¹ Там же, с. 211.

приятый любого профиля — научных учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, общественных и культурных организаций (библиографические отделы, секторы). Широкое распространение подобные службы получили в сфере производства, распространения и использования произведений печати, т. е. в сфере издательского дела, книжной торговли и библиотечного дела.

Очевидно, библиографию следует квалифицировать как службу, которая в наибольшей степени отражает характер системного понятия, включающего в свою структуру и специфическую деятельность, связанную с оказанием помощи читателям в их поисках сведений о нужных книгах, брошюрах, статьях и т. п., и библиографов, оказывающих эту помощь читателям, и различные средства, способствующие выполнению указанных целей (библиографические пособия, технические устройства и т. д.). Определение «служба» и следует взять за родовое понятие, в которое библиография входила бы как видовое. Тогда библиографию можно определить совершенно по-новому: *служба информирования читателей о произведениях печати*. Такое определение более четко ограничивает «библиографию» от «библиографической деятельности» и не дает оснований для путаницы выражаемых ими понятий.

Второе предложение А. И. Барсука касается замены определения понятия, обозначаемого термином «библиографоведение». Суть предложения сводится к расширению предмета изучения библиографоведения за счет вопросов, не относящихся к библиографии. Так, он считает, что «вместе с другими ветвями научного книговедения библиографоведение призвано участвовать в выявлении закономерностей развития печати, содействовать лучшей ее организации, оказывать определенное влияние на такие творческие аспекты книжного дела, как тематическое планирование издательской продукции, рациональное соотношение разных типов и форм изданий и литературы (в том числе соотношение изданий «большой» и «малой» полиграфии, депонирования и т. п.), выработать дифференцированные рекомендации по совершенствованию всех элементов научно-справочного аппарата для изданий разных типов, повышению его информационности, выявлять реальные потребности в предпочтительной разработке данной темы в форме книги или в иной форме и пр.»²². Этот длинный перечень вопросов, которые, по мнению А. И. Барсука, должны изучаться библиографоведением, до сих пор не служил предметом исследования в теории и истории библиографии, не говоря уже о методике и организации библиографической деятельности. Можно ли согласиться с такой трактовкой предмета библиографоведения? Очевидно, нет. Если библиографоведение обязано разрабатывать проблемы тематического планирования издательской продукции, то какими же вопросами будет заниматься теория издательского дела? Почему библиографоведение обязано выявлять «закономерности развития печати» и «вырабатывать рекомендации по совершенствованию всех элементов научного справочного аппарата для изданий разных типов»? На подобные вопросы автор не дает обоснованного ответа. Ведь библиографоведение — это *учение о библиографии*, в задачи которого входит изучение вопросов, связанных с информированием читателей о произведениях печати. Поэтому произвольное расширение предмета библиографоведения не может служить основанием для пересмотра определения понятия «библиографоведение». Об этом свидетельствует и само это определение, данное автором (с. 213). В нем, например, нет столь широкого перечисления проблем изучения, какой дан в приведенном выше

²² Там же, с. 210.

перечне, используется термин «библиографическая информация», который отвергается автором в системе библиографических терминов. Все это делает определение понятия «библиографоведение» недостаточно четким и ясным.

Предложение А. И. Барсука о замене термина «библиографическая деятельность» на термин «библиографические процессы» также представляется нам неверным, так как последний выражается множественным числом, а не единственным, как этого требует методика терминологической работы. И действительно, если словосочетанием «библиографический процесс» можно обозначать *любую часть* библиографической деятельности библиографа (например, отбор произведений печати), то для обозначения всей совокупности процессов работы библиографа использовать это же словосочетание (но только во множественном числе) нерационально. Ошибочность рекомендации А. И. Барсука подтверждается и практикой широкого использования термина «библиографическая деятельность» самим автором, ратуящим об его отмене. Так, он пишет: «термином „библиография“ обозначают также *результаты* библиографической деятельности»²³. Здесь словосочетание «библиографическая деятельность» используется в том значении, в каком оно дано в ГОСТе 16448—70. Тогда зачем же его упразднить, если в нем есть необходимость?

Наконец, следует рассмотреть предложение А. И. Барсука о дополнении стандарта понятиями, выражаемыми терминами «библиография библиографии» («библиография n-ой степени»), «персональная библиография», «биобиблиография», «текущая библиография», «ретроспективная библиография» и т. д. Это предложение имеет непосредственное отношение к проблеме классификации библиографии — одной из важнейших проблем современной теории библиографии. До сих пор она является дискуссионной и не получила удовлетворительного разрешения. Неудачи теоретиков в решении данной проблемы, с нашей точки зрения, объясняются неопределенностью понятия «библиография», нечеткостью постановки вопроса об исходном родовом понятии. По традиции большинство теоретиков рассматривают этот вопрос с точки зрения деления родового понятия «библиография» (в смысле «библиографическое пособие»). Характерной в этом отношении является статья Д. Ю. Теплова «Некоторые вопросы типизации библиографических пособий»²⁴. Из самого заглавия статьи явствует, что автор рассматривает вопрос о классификации *библиографических пособий*.

Это понятие у него обозначается и другим термином — «библиография», так как все видовые понятия называются «...библиографиями». Здесь та же ошибка, где родовое понятие, подвергаемое делению на виды, — это библиографические пособия, традиционно рассматриваемые «библиографиями».

Несколько иной подход к проблеме классификации библиографии наметился в учебнике для вузов «Библиография. Общий курс». Здесь говорится: «В основе классификации библиографии должно лежать верное понимание общих задач библиографической деятельности»²⁵. Как видим, авторы учебника рассматривают «библиографическую деятельность» в качестве родового понятия, подвергаемого классификации. Далее они отмечают, что при делении этого понятия по признаку общественного назначения выявляются основные виды библиографии. «Именно

²³ Там же, с. 207.

²⁴ Теория и история библиографии. Сборник статей в память К. Р. Симона. М., 1969, с. 151—165.

²⁵ Библиография. Общий курс. М., 1969, с. 54.

деление библиографии на основные виды и есть ее классификация» — сказано в учебнике. Отсюда следует, что деление родового понятия «библиографическая деятельность» (обозначаемого также синонимом «библиография») приводит к тому, что авторы получают три видовых понятия: информационную, рекомендательную и критическую библиографию. Все эти основные виды библиографии определяются с помощью родового понятия «библиографическая деятельность»²⁶. Следовательно, нет никаких сомнений в том, что под *основными видами библиографии* авторы подразумевают *основные виды библиографической деятельности*. Наряду с этим, авторы учебника устанавливают виды библиографии, по дополнительным признакам, связанным с содержанием, хронологией и территориальным охватом материала, оговаривая при этом, что упомянутые виды библиографии нельзя признать «полноценной классификацией»²⁷. Оказывается, дело состоит в том, что выделение данных видов библиографии производится путем деления не исходного родового понятия — «библиографическая деятельность», а совершенно иного родового понятия — «библиографическое пособие». Достаточно сказать, что понятия «текущая библиография», «ретроспективная библиография» и «перспективная библиография» представляют собой *виды библиографических пособий*²⁸. Наконец, помимо основных видов библиографии и видов библиографии, устанавливаемых по дополнительным признакам, авторы рассматривают так называемые «библиографические комплексы», подразумевая под ними некую *совокупность библиографических пособий*. Так, намечая в качестве «библиографического комплекса» понятие, обозначаемое термином «биобиблиография», они пишут: «Понятие биобиблиографии охватывает две разновидности пособий: *персональные указатели*, предметом которых является жизнь и деятельность отдельного лица, и *библиографические словари*, содержащие материал об определенных группах лиц (специальные словари) или о самых разнообразных по их деятельности и времени жизни лицах — обычно деятелях одной страны (национальные словари)»²⁹.

Таким образом, авторы данного учебника, признавая многозначность слова «библиография», подразумевают под библиографией: 1) вид библиографической деятельности, 2) вид библиографического пособия и 3) вид совокупности библиографических пособий. Во всех трех случаях «вид библиографии» предстает перед нами в разных значениях, не совпадающих между собой ни по объему, ни по содержанию. Следовательно, мы имеем дело сразу с тремя родовыми понятиями, которые обозначаются одним словом — «библиография». При такой постановке вопроса авторы совершают логическую ошибку подмены одного понятия другим.

Любопытно, что почти все теоретики, писавшие о классификации библиографии, избегали вопроса об определении понятия «библиография», о его объеме и содержании как родового понятия, которое надлежит дифференцировать на видовые понятия. Чаще всего мимоходом говорилось о задаче классификации «библиографических работ», «библиографических трудов», «библиографических пособий», «библиографических указателей», «библиографической деятельности» и т. п. Исключением из этого правила является, например, высказывание в книге А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского «Основы информа-

²⁶ Там же, с. 56, 57, 63, 65.

²⁷ Там же, с. 56.

²⁸ Там же, с. 70.

²⁹ Там же, с. 78.

тики»: «Область знания, предметом которой является учет, описание, систематизация и качественный анализ произведений печати или рукописей, а также составление библиографических указателей, называется библиографией. Термин «библиография» многозначен и используется также для обозначения самих библиографических указателей и пособий, а также их совокупности. Поэтому при рассмотрении различных видов библиографических указателей можно говорить о тех или иных видах библиографии»³⁰. Хотя в данном высказывании совершенно определенно сказано, что под «видом библиографии» авторы понимают «виды библиографических указателей», вопрос о родовом понятии, обозначаемом термином «библиография», остается открытым. Дело в том, что авторы сознательно пользуются *многозначностью слова библиография*, чтобы провозгласить «видом библиографии» одно из четырех значений этого слова. Однако, если признать правомерным такое допущение, то почему нельзя под «видом библиографии» подразумевать «вид области знания», определенной в начале цитаты, или, например, «вид библиографических пособий»? На все эти вопросы нельзя дать удовлетворительный ответ, так как эти понятия обозначаются одним и тем же словом «библиография». Опасность подмены одного понятия другим, таким образом, не устраняется. Вот почему вопрос о классификации библиографии до сих пор остается открытым. А. И. Барсук твердо стоит на позиции устранения многозначности слова «библиография», он призывает к тому, чтобы «превратить его в научный термин со строго определенным значением»³¹ и дает проект определения этого понятия. Согласно этому определению, под термином «библиография» разумеется «специальная область научно-практической деятельности». Выдвигая же предложение о дополнении стандарта другими «видами библиографии», автор говорит уже о неких «участках (подразделениях) библиографической службы»³², что не соответствует содержанию и объему понятия «библиография», указанному в его определении. Следовательно, возникает противоречие по вопросу о точном объеме и содержании родового понятия, которое автор разделяет на видовые понятия. Другим недостатком предложения А. И. Барсука является отсутствие четкого определения признака деления понятия «библиография» на виды. Так, например, предлагая дополнить стандарт понятием «библиография библиографии», он ничего не говорит о других видах библиографии, выделяемых в том же классификационном ряду по признаку отражения «библиографических материалов». Если пристально присмотреться к самому словосочетанию «библиография библиографии», то можно заметить, что слово «библиография» в нем имеет различное значение: в первом случае оно обозначает, по разъяснениям автора, «специальную область научно-практической деятельности» (или участок библиографической службы), а во втором — «библиографические материалы». Таким образом, автору не удалось сохранить однозначность термина «библиография» в словосочетании «библиография библиографии»³³. Остается также неясным и вопрос о синониме «библиография... степени», затронутый А. И. Барсуком. Какой же из двух синонимов следует сохранить в ГОСТе?

Выделение «персональной библиографии» по признаку «связи литературы с жизнью и деятельностью лиц» нам представляется неприемлемым при членении родового понятия «специальная область научно-прак-

³⁰ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. М., 1968, с. 114.

³¹ Барсук А. И. Указ. соч., с. 212.

³² Там же, с. 217.

³³ Там же, с. 217.

тической деятельности» (или участка библиографической службы). Непонятно, какие другие «виды библиографии» можно выделить на этом основании, кроме «персональной библиографии»?

Довольно спорным представляется и выделение таких «видов библиографии» как «текущая библиография» и «ретроспективная библиография» по признаку выхода произведений печати в свет (новая — текущая и старая — ретроспективная). Такой признак деления непригоден для классификации «области научно-практической деятельности» (т. е. библиографии), зато он вполне приемлем для деления понятия «библиографическое пособие» по признаку новизны отражаемой в нем литературы (правда, с некоторой долей условности).

Таким образом, предложения А. И. Барсука о дополнении ГОСТа 16448—70 другими «видами библиографии» нуждаются в подробном обосновании с точки зрения систематизации этих понятий, их логической соподчиненности друг с другом, выявления классификационных рядов систематизируемых понятий. Кроме того, эти предложения следовало бы подкрепить точными определениями понятий, так как примерные толкования предлагаемых понятий для стандарта непригодны.

В статье затронуты также некоторые вопросы внедрения ГОСТа в практику. Стандарт издан недостаточным тиражом (12 тыс. экз.), поэтому на местах его было трудно приобрести. Кроме того, одной из причин медленного внедрения стандарта в практику А. И. Барсук считает недостаточную активность книговедческой печати в пропаганде и разъяснении стандарта. Однако в этом повинна не столько книговедческая печать, сколько Издательство стандартов. Именно поэтому издательство вынуждено было в конце 1971 г. выпустить ГОСТ вторым изданием (тираж 16 тыс. экз.). Конечно, даже и общего числа экземпляров ГОСТа было явно недостаточно для широкой сети библиотек, издательств, учебных заведений и других учреждений, которые обязаны внедрять ГОСТ в практику. Многие издательские и библиотечно-библиографические работники не имеют никакого представления о стандартах или знают о них лишь поверхностно. Известную долю вины в плохом использовании ГОСТов практическими работниками должны нести работники службы надзора Госстандарта, которые до сих пор не наладили действенного контроля за внедрением терминологических стандартов в жизнь. Это обстоятельство было отмечено в решении декабрьского совещания 1972 г., посвященного обсуждению введенных в действие издательских и библиотечно-библиографических стандартов, а также было рекомендовано усилить надзор за их соблюдением³⁴.

Переход на стандартизованную библиографическую терминологию осуществляется недостаточно активно и по причине противодействия некоторой части библиографов и библиографоведов. Как правильно отмечает А. И. Барсук, «новое не прививается без борьбы, без преодоления разных форм сопротивления. В области терминологии эта борьба всегда протекает особенно остро и болезненно. «Страшная сила» инерции, привычки ополчается против малейшего покушения на традиционное словопользование, даже если оно противоречит логике, законам терминологии, явно мешает взаимопониманию...»³⁵.

Поэтому переход на стандартизованную терминологию требует не только доброй воли и понимания выгод ее использования, но и определенных усилий к преодолению традиционных привычек и серьезной психологической перестройки.

³⁴ Совершенствовать и внедрять стандарты. — «Сов. библиография», 1973, № 1, с. 108.

³⁵ Барсук А. И. Указ. соч., с. 213.

НОВЫЕ ПОЛЬСКИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РАННЕГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

500 лет назад, на рубеже 1473 и 1474 гг., в Кракове заработала первая на польской земле типография. 1974 г. объявлен в Польше юбилейным. Торжества состоялись в Варшаве и в Кракове в мае 1974 г. Была проведена Международная конференция по вопросам истории книги. Вышли в свет юбилейные издания.

О мероприятиях, приуроченных к юбилею, писать преждевременно — в момент, когда составляется обзор, они еще впереди; мы знаем о них по сообщениям наших польских друзей. Поэтому в обзоре, появление которого на страницах сборника «Книга» также приурочено к юбилею, идет речь об изданиях, вышедших в свет в 1962—1973 гг. — примерно за десятилетие, прошедшее после опубликования аналогичного обзора¹.

Первым импульсом для создания собственной типографии в Польше была весть о начале европейского книгопечатания. При оживленных взаимосвязях между Краковом и немецкими городами весть эта пришла сюда вскоре после первых удачных опытов Иоганна Гутенберга. Пути проникновения в Польшу и условия бытования здесь первопечатной книги монографически еще не изучены. Однако источниковедческая основа для такого изучения создана. Мы говорим о капитальном двухтомном издании «Инкунабулы в польских библиотеках. Центральный каталог», вышедшем в свет в 1970 г.² Каталог подготовлен к печати сотрудниками Национальной библиотеки в Варшаве Марией Богонос и Элизой Шандоровской под руководством крупнейшего польского специалиста по истории раннего книгопечатания проф. Алодии Кавецкой-Грычовой.

Это издание того же типа, что и двухтомный каталог инкунабулов, хранящихся в общественных библиотеках Венгрии; читателей «Книги» с этим каталогом познакомила рецензия А. И. Маркушевича³. Польша, однако, значительно более богата инкунабулами. Венгерский каталог учитывает 3550 изданий, сохранившихся в 7107 экз.; польский — 5768 изданий в 19 207 экз. И это после трагической гибели многих польских книгохранилищ в годы последней войны. Гитлеровцы нанесли ничем не восполнимый ущерб польским собраниям — об этом подробно рассказывается во вступительной статье к каталогу, написанной А. Кавецкой-Грычовой. Полностью и бесспоротно погибло собрание инкунабулов Национальной библиотеки (2245 экз.), сожженной фашистами. Утрачены библиотеки в Плоцке, Пелплине, Познани, Влоцлавеке... Среди погибших инкунабулов — немало уникальных и редчайших, например, фрагмент 27-строчного Доната (GW 8755⁴), Лейпцигский альманах на 1498 г. (GW 9570), фрагменты кириллического Октоиха 1494 г. и многое другое. Из 15 070 экз. инкунабулов, зарегистрированных в Польше в предвоенные годы, погибло 4380 экз. Среди них — 512 изданий, которых в настоящее время нет в Польше ни в одном экземпляре.

Крупнейшим хранилищем инкунабулов в настоящее время является Ягеллонская библиотека в Кракове, которая счастливо уцелела в го-

¹ См.: Немировский Е. Л. Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания. — «Книга. Исследования и материалы», 1962, сб. 6, с. 255—266.

² См.: Inkunabuły w bibliotekach polskich. Centralny katalog. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

³ См.: Маркушевич А. И. Инкунабулы в общественных библиотеках Венгерской Народной Республики. — «Книга. Исследования и материалы», 1971, сб. 22, с. 238—243.

⁴ Порядковый номер описания в «Сводном каталоге инкунабулов». См.: Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Bd. 1—7. Leipzig, 1925—1940.

ды войны (3322 экз.). На втором месте — Университетская библиотека во Вроцлаве (3194 экз.). Задача составителей Центрального каталога во многом облегчалась тем обстоятельством, что собрания указанных библиотек были еще предварительно описаны и снабжены печатными каталогами⁵.

5 библиотек Польши владеют в настоящее время по 1000 и более экземпляров инкунабулов каждая, 3 библиотеки — по 500 и более.

Всего же составители Центрального каталога изучили собрания инкунабулов 108 государственных, общественных, церковных и частных библиотек Польской Народной Республики.

Высказанный выше тезис о раннем знакомстве поляков с изобретением книгопечатания доказывается, в частности, изданиями Иоганна Гутенберга, издавна сохраняемыми в польских собраниях и ныне зарегистрированными в Центральном каталоге. Среди них — экземпляр 42-строчной Библии, который находится в Пелплине; на одной из страниц его можно видеть оттиск литеры, случайно выпавшей из набора⁶. Тем же шрифтом напечатан 33-строчный Донат, фрагмент которого недавно найден в Ягеллонской библиотеке и описан А. Левицкой-Каминьской⁷. Из мастерской Гутенберга вышли знаменитые «краковские фрагменты», напечатанные шрифтом 36-строчной Библии — их подробно описал в первые послевоенные годы Карл Вемер⁸.

Здесь не место перечислять редкости раннего книгопечатания, сохраняемые в книгохранилищах Польши. Укажем лишь, что 190 инкунабулов ранее не были известны и подробно описаны впервые именно на страницах Центрального каталога.

Польша поддерживала связи со многими центрами раннего книгопечатания. Считается, что в XV в. не менее 250 городов узнали типографское искусство. В Польше в настоящее время сохраняется печатная продукция 604 типографий XV в., находившихся в 112 городах Европы. Среди них 303 итальянских, 164 немецких, 69 французских, 26 голландских, 18 швейцарских типографий.

Во вступительной статье к Центральному каталогу А. Кавецка-Грычова рассказывает о продукции 6 польских типографий XV в., о деятельности польских типографов, работавших за границей, о книгах польских авторов, изданных в XV в. за рубежом.

Первая типография на польской земле, юбилей которой отмечается в 1974 г., представлена в каталоге четырьмя изданиями. Краковский альманах на 1474 г. уникален — единственный сохранившийся экземпляр находится в Ягеллонской библиотеке. Остальные издания известны в сравнительно большом количестве экземпляров. Так, например, Центральный каталог указывает 17 экз. «Толкования Псалтыри» Иоанна де Туррекремата (Краков, ок. 1575 г.), по сей день находящихся в польских библиотеках.

⁵ См.: Lewicka-Kamińska A. 1) Inkunabuły Biblioteki Jagiellońskiej. Kraków, 1962; 2) Katalog przybytków za lata 1962—1967. Kraków, 1969; Kocowski B. Katalog inkunabułów Biblioteki Uniwersyteckiej we Wrocławiu. Cz. 1—2. Wrocław, 1959—1962.

⁶ См.: Liedtke A. Biblia Gutenberga w Pelplinie. Toruń, 1936; Walsh J. E. Another variant page in the Gutenberg Bible. — In.: Gutenberg-Jahrbuch. Mainz, 1965, S. 68—72.

⁷ См.: Lewicka-Kamińska A. Neues Donatfragment in der Type der 42-zeiligen Bibel in der Jagiellonischen Bibliothek. — In: Festschrift Hans Lülfiing. Leipzig, 1966, S. 13—16.

⁸ См.: Wehmer C. Mainzer Probedrucke in der Type des sogenannten Astronomischen Kalenders für 1448. München, 1948.

Надо сказать, что монографического исследования о первой польской типографии по сей день в нашем распоряжении нет. Однако в последние годы опубликован ряд специальных трудов, приближающих создание такой монографии⁹.

Обзор литературы о краковской типографии, созданной Швайпольтом Фиолем около 1491 г., дан нами в другом месте¹⁰.

Около 1475 г. возникла типография Каспера Элиана во Вроцлаве — из 11 описанных в литературе изданий этой типографии в Центральном каталоге зарегистрировано 8. Монография об Элиане также пока не создана.

Особо нужно сказать о группе из 7 изданий, учтенных Центральным каталогом в 22 экз., которые напечатаны одним и тем же шрифтом, но лишены выходных сведений. По названию одной из книг типографа, выпустившего их, именуяют «печатником Бесед папы Льва I».

Ранее считалось, что типография эта находилась в Нидерландах. В недавно опубликованных исследованиях Элизы Шандоровской формулируется новая гипотеза: «печатник Бесед папы Льва I» работал в 1473—1478 гг. на территории Польши — в Хелмно над Вислой¹¹. Центральный каталог принимает гипотезу, хотя и не указывает точно местонахождения типографии.

Среди польских типографов, работавших за границей, наиболее известно имя Станислава Поляка. Жизни и деятельности этого примечательного мастера посвящена обстоятельная монография Алоиза Руппеля, которая недавно выпущена в польском переводе¹². Судьба издания не совсем обычна. Инициатором создания монографии был художник и книголюб Анатоль Гирс, который в 1938 г. вместе со своим другом Болеславом Барчем основал в Варшаве библиофильское издательство «Официна Варшавска». В годы гитлеровской оккупации издательство и типография были разгромлены, Барч — убит, а Гирс — попал в концентрационный лагерь. Очутившись после победы в Майнце, Гирс встретился с директором Гутенберговского музея профессором А. Руппелем, с которым он переписывался еще в предвоенные годы. Тогда-то и родилась идея написать книгу о замечательном польском типографе, работавшем в Италии и Испании; книга должна была показать вздорность гитлеровских утверждений о том, что все достижения польской науки и искусства созданы немцами. Монография о знаменитом поляке, написанная известным немецким ученым и изданная в Германии польским типографом, призвана была развеять фашистский миф о вековой вражде немецкого и славянских народов.

В 1946 г. в Мюнхене в полуразрушенной типографии Гирс с великими трудностями набирал и печатал книгу о Станиславе Поляке. Запасы шрифта были ограничены — хватало лишь на один лист книги. Лист набирали, затем печатали, разбирали форму и лишь тогда набирали следующую полосу. Так или иначе, но книга была напечатана — в прекрас-

⁹ См.: Lewicka-Kamińska A. Początki drukarstwa w Krakowie. W: Księga pamiątkowa ku czci Karola Estreichera. Kraków, 1967, s. 233—257; ср.: Piórożyński T. Z badań nad drukarstwem krakowskim XV wieku. Przegląd nowszych publikacji. — «Studia historyczne», 1971, z. 4, s. 563—577.

¹⁰ См.: Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971.

¹¹ См.: Szandorwska E. Tajemnicza oficyna drukarska XV wieku. W: Rocznik Biblioteki Narodowej. T. 3. Warszawa, 1967, s. 321—346; ee же. Czy w Chełmnie nad Wisłą drukowano inkunabuły? — Op. cit. T. 4. Warszawa, 1968, s. 23—49.

¹² См.: Ruppel A. Stanislaus Polonus. Polski drukarz i wydawca wczesnej doby w Hiszpanii. Wyd. polskie opracował T. Zapiór. Kraków, 1970.

ном оформлении и на японской бумаге. Тираж составлял 1600 пронумерованных экземпляров. 700 из них Гирс отправил в Варшаву — средства, полученные в результате реализации, пошли на восстановление Национальной библиотеки. Еще 700 экз. были переданы Гутенберговскому обществу в Майнце.

Прошло 20 с лишним лет. Книга А. Руппеля, изданная на немецком языке и давно уже ставшая библиографической редкостью, попала в руки одного из старейших польских типографов Тадеуша Запюра, который решил познакомить с ней польских читателей. Решение было поддержано Ягеллонским университетом и Польским научным издательством.

Т. Запюр не просто перевел книгу. Он снабдил ее подробными примечаниями, расширил и дополнил списки изданий Станислава Поляка, составил указатели, разработал макет издания, которое было задумано как библиофильское. Значительно расширено количество иллюстраций. Часть из них, с максимальной точностью передающих фрагменты изданий Станислава Поляка, воспроизведена на бумаге ручной выделки. Книга с большим искусством напечатана в количестве 850 пронумерованных экземпляров (+150 экз. официальной рассылки) в типографии Ягеллонского университета.

Монографии предпослано предисловие проф. А. Кавецкой-Грычовой, посвященное деятельности польских типографов XV в. за границей. В основном тексте книги А. Руппель подробно рассматривает первый этап деятельности Станислава Поляка, работавшего первоначально в неаполитанской типографии мастера Матвея из Моравии. Рассказывается о типографии Мейнарда Унгута и Станислава Поляка, основанной в Севилье ок. 1490 г. Описаны издания этой типографии, шрифты, которыми она работала, гравированные на дереве иллюстрации и инициалы. В 1496 г. Унгут перебрался в Гренаду, Станислав же остался в Севилье и начал работать один. В 1502 г. он основал филиал своей типографии в Алкала де Хенарес — небольшом городке в 34 км от Мадрида. Здесь было выпущено по крайней мере 12 изданий. Последние сведения о Станиславе относятся к 1514 г.

Тадеуш Запюр снабдил текст А. Руппеля тщательно составленными комментариями, представляющими, по сути дела, вполне самостоятельный раздел издания.

В приложении помещен хронологический список книг, выпущенных Станиславом Поляком и Мейнардом Унгутом как в содружестве, так и самостоятельно. Учтены также издания, известные по литературе и не дошедшие до нас; издания, приписываемые Поляку, но в действительности выпущенные другими типографами. Список насчитывает 135 позиций. Для каждого издания указываются дата выхода в свет, имя автора, название (на языке оригинала и в оригинальной транскрипции), формат, количество листов, количество строк на полосе, порядковый номер шрифта, наличие гравированных инициалов и иллюстраций, характер пагинации, наличие двухкрасочной печати. Делаются отсылки к описаниям изданий в трудах крупнейших инкунабуловедов. Указываются все сохранившиеся экземпляры изданий.

Дополняя список, Запюр допустил определенную непоследовательность. Часть дополнений дана в общем хронологическом порядке. Среди них — сведения об уникальном экземпляре книги Лопеса де Мендоза (маркиза де Сантьяна), хранящемся в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве и описанном Н. П. Киселевым в

1959 г.¹³ Вместе с тем часть дополнений приведена вне хронологии в конце списка.

Аналогичный упрек может быть сделан относительно списка литературы. Здесь дополнения, с одной стороны, внесены в алфавитную последовательность разделов, с другой — даны в конце каждого раздела и, наконец, приведены отдельно в самом конце книги. Отбор литературы не всегда удачен — вместе с капитальными публикациями монографического характера и исследовательскими статьями указаны упоминания в популярной или учебной литературе, не вносящие в предмет ничего нового.

В приложениях помещен свод актовых материалов о Станиславе Поляке. Запюр тщательно комментирует и этот раздел книги, полностью приводя важнейшие документы в переводе на польский язык.

Представляет интерес статистическая сводка сведений об издательской деятельности Станислава Поляка, оформленная Т. Запюром в виде таблицы. В ней указывается общее количество изданий Поляка за 1491—1504 гг. (111 названий), а также количество изданий для каждого года отдельно. Суммированы сведения о количестве листов (всего 11 911 листов), о количестве изданий, выпущенных в том или ином формате.

В обширном послесловии Т. Запюр знакомит читателей с историографией вопроса, рассказывает об обстоятельствах выпуска в свет первого и второго изданий монографии А. Руппеля.

Справочный аппарат книги включает алфавитный список авторов книг, изданных Станиславом Поляком (или названий — для анонимных изданий); указатель репродукций, воспроизведенных в монографии; указатель сокращений и, наконец, помещенный на отдельном листе польско-английско-испанский словарь издательско-полиграфических терминов.

Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть, что монография А. Руппеля о Станиславе Поляке с дополнениями и комментариями Т. Запюра представляет собой незаурядное явление в послевоенной историографии раннего книгопечатания. Что же касается ее полиграфического исполнения, то именно так — с большим количеством иллюстраций и на хорошей бумаге — и следует издавать книги о замечательных типографах, внесших значительный вклад в историю культуры того или иного народа.

Польскую книгу и книжное дело за рубежом в XV в. представляли не только типографы, но и авторы польского происхождения, труды которых охотно печатали в разных странах Европы. Среди них Ян из Глогова, Михал из Вроцлава, Войцех из Брудзева, авторы календарей Леонард из Добчиц, Валенты с Зеленой Гуры, Георгий из Дрогобыча. «Полоника» XV в. включает и книги, печатавшиеся по заказу из Польши и финансировавшиеся польскими издателями. Среди них — «Статуты провинции Гнезненской», памятник польского права «Синтагмата» (Лейпциг, 1487 и 1488), богослужебные книги — плоцкий и гнезненский Бревиари, краковский, познаньский, вроцлавский, варминьский Диурналии. Особо следует сказать о «Миссалах Краковских», известных в нескольких изданиях конца XV — начала XVI в. Еще Ян Птасьник в 20-х годах нынешнего столетия высказывал мысль о том, что некоторые из них напечатаны нюрнбергским типографом Георгом Штухсом, одно время будто бы работавшим в Кракове. Это мнение оспаривалось другим известным польским историком книги Казимиром Пекарским. Недавно

¹³ См.: Kiselev N. P. An unrecorded Spanish incunable in Moscow. — «The Book Collector», 1959, Autumn, p. 271—274; Simmons J. S. G. Incunabula in the USSR. — Op. cit., 1965, Autumn, p. 314.

Анна Левница-Каминьска вернулась к гипотезе Пtasьника. Тщательно изучив различные издания «Миссала Краковского» в достаточно большом количестве экземпляров, она пришла к выводу, что некоторые из них с определенностью печатались в Кракове — в типографии, устроенной и финансируемой Яном Галлером¹⁴.

Переходя к польским экземплярам изданий XVI в., следует сказать, что сводного каталога их, подобного Центральному каталогу инкунабулов, пока еще не существует. Точнее — он существует, но пока еще лишь в виде картотеки (в Национальной библиотеке в Варшаве), работа над составлением которой далеко не закончена.

Особое внимание польские ученые обращают на книги, изданные в Польше, или же выпущенные за рубежом, но посвященные Польше. Издан ряд каталогов «Полоники» XVI в., хранящейся в крупнейших библиотеках страны. В каталоге Библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве, составленном Марией Богонос, описано 2758 названий книг XVI в.¹⁵ Среди них, что особенно интересно для историка славянского книгопечатания кирилловским шрифтом, — экземпляр Острожской Библии Ивана Федорова (№ 163). Упомянем здесь о каталогах «Полоники» XVI в. некоторых других библиотек¹⁶.

На страницах обзора польской книговедческой литературы, опубликованного в 1962 г. в сб. 6 «Книги», шла речь о многотомном издании, посвященном типографским материалам — шрифту, гравированным на дереве иллюстрациям и инициалам — польских типографий XVI в. Издание это — «Польская типографика XVI в.» — было предпринято К. Пеккарским в 1936 г. В предвоенные годы вышло всего два выпуска. В 1959 г. издание было возобновлено по инициативе и под руководством проф. Алодии Кавецкой-Грычовой. С того времени и поныне были переизданы два первых выпуска, посвященных типографии Каспера Хохфедера (1968 г.) и началу типографской деятельности Яна Галлера (1963 г.), а также изданы семь новых выпусков. Один из них (т. 4, 1962 г.) является продолжением вып. 2, посвященного Галлеру. Подготовила его Гелена Капелус. В четырех выпусках (т. 3, 1959 г.; т. 5, 1964 г.; т. 6, 1966 г.; т. 7, 1970 г.) в комплексе рассмотрена многолетняя деятельность Флориана Унглера, типографии которого работали в Кракове в 1510—1516 и в 1521—1536 гг. Этот поистине колоссальный труд выполнен Генриком Булгаком. Изданный в 1972 г. т. 8 посвящен небольшой типографии Александра Аугуздецкого, работавшей в Крулевце (ныне Калининград) в 1549—1561 гг. Работа подготовлена к печати П. Бухвальд-Пельцовой¹⁷. В 1974 г. вышел в свет т. 9, подготовленный к печати А. Кавец-

¹⁴ См.: Lewicka-Kamińska A. Mszały Krakowskie z przełomu XV i XVI wieku. (Czy Jerzy Stuchas drukował w Krakowie?). — «Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej», 1973, N 1/2, s. 131—150.

¹⁵ См.: Katalog starych druków Biblioteki Zakładu narodowego im. Ossolinskich. Polonia wieku XVI. Opr. M. Bohonos. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

¹⁶ См.: Kaweckaja-Gryczowa A. Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy. Cz. 2. Polonica XVI w. Warszawa, 1957; Cybertowicz J., Kowalewicz H. Katalog druków polskich XVI w. Biblioteki Głównej Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Poznań, 1963.

¹⁷ См.: Polonia Typographica saeculi sedecimi. Zbiór podobizn zasobu drukarskiego łoczni polskich XVI stulecia. Z. 1. Kasper Hochfeder 1503—1505. Opr. K. Piekarski. Wyd. 2. 1968; z. 2. Jan Haller 1505—1525. Opr. K. Piekarski. Wyd. 2. 1963; z. 3. Pierwsza drukarnia Floriana Unglera. Opr. H. Bułhak. 1959; Z. 4. Jan Haller 1505—1525. Opr. H. Kapelus. 1962; Z. 5. Druga drukarnia F. Unglera. 1521—1536. Opr. H. Bułhak. 1964; Z. 6. Druga drukarnia F. Unglera. 1521—1536. Opr. H. Bułhak. 1966; Z. 7. Druga drukarnia F. Unglera. 1521—1536. Opr. H. Bułhak. 1970; Z. 8. Aleksander Augездеcki. 1549—1561. Opr. P. Buchwald-Pelcowa. 1972; Z. 9. Maciej Wirzbięta. 1555—1605. 1974. (место издания: Wrocław — Warszawa — Kraków).

кой-Грычовой, в котором собраны типографские материалы Мацея Вержбенты. В настоящее время Национальная библиотека готовит к печати очередные выпуски «Польской типографики», которые будут посвящены знаменитому краковскому типографскому дому Шарфенбергов.

Каждый выпуск «Польской типографики» представляет собой альбом, в котором на отдельных листах большого формата воспроизведены целые полосы, а также отдельные гравюры старопечатных изданий. Задача состоит в том, чтобы учесть и репродуцировать решительно все типографские материалы, без каких-либо исключений. Указывается, из какого издания взята гравюра, на каких листах издания она воспроизведена, экземпляр какой библиотеки использован для репродуцирования гравюры и т. п.

Альбом сопровождается брошюрой, иногда — достаточно объемистой, в которой дан монографический очерк деятельности типографии, а также приведены списки ее изданий, шрифтов, гравюр, различных типографских материалов (цифры, рубрики, знаки зодиака и др.).

Трудно переоценить источниковедческое значение изданий, подобных «Польской типографике XVI в.» Исчерпывающе подробный свод типографской продукции и типографских материалов в дальнейшем послужит основой для создания многих монографических трудов.

Нужно отметить превосходное полиграфическое исполнение издания, которое удостоено многих наград и, в том числе, золотой медали Международной выставки в Болонье в 1969 г. и серебряной медали Международной выставки искусства книги в Лейпциге в 1971 г.¹⁸

Хотя монографического комплексного исследования по истории книги и книжного дела в Польше еще не существует, материалы для такого исследования накоплены богатейшие. В последние годы опубликовано столь большое количество работ, посвященных книге XVI—XVII вв., что рассказать здесь о всех не представляется никакой возможности. Назовем лишь некоторые из них.

Интересная и значительная статья А. Кавецкой-Грычовой посвящена истории «странствующей» типографии, которую в 1577—1581 гг. возил в своем обозе Стефан Баторий¹⁹. Работал в типографии печатник Валенты Лапчинский. Для советских историков книги деятельность типографии представляет особый интерес по той причине, что в 1578 г. она находилась во Львове и выпустила здесь три издания. Описывая эти и другие издания Лапчинского, который был «челядником» краковского типографа Миколая Шарфенберга и работал от его имени, А. Кавецка-Грычова указывает все известные ей сохранившиеся экземпляры этих изданий (общее число их — 19).

Одна из последних работ А. Кавецкой-Грычовой посвящена найденному ею в Братиславе до сих пор неизвестному и никогда не описанному изданию начала XVII в. — «Трагедии русской»²⁰. Находка представляет значительный интерес для истории украинского театра, ибо написана «трагедия» на полонизированном украинском языке, хотя и напечатана

¹⁸ См.: Chorzewska K. Bibliologia w Wydawnictwie Ossolineum. — «Rocznik Zakładu narodowego imienia Ossolińskich», 1973, t. 8, s. 177.

¹⁹ См.: Kawecka-Gryczowa A. Dzieje «Drukarni Łatającej». — W: Rocznik Biblioteki Narodowej. T. 7. Warszawa, 1971, s. 355—376.

²⁰ См.: Kawecka-Gryczowa A. «Tragedia ruska». Zabytek z początku XVII w. — «Pamiętnik Teatralny», 1973, N 2(86), s. 273—289.

латиницей. Действуют в ней поп Микита, Юха попадья, дьяк Сенько... Попадья в этой «трагедии» говорит таким языком:

Але тот поп (бису его матери) Микита
Розлюбивши се того лихого свита
Мене з монастырю смел взети
А взивши много лихого наредыты
Дила того мысло од ниго утечи к лису,
А его с дитками оддати бису.

К числу интересных находок самых последних лет нужно отнести книжечку «Наука Чудна», изданную Иеронимом Виетором в Кракове в 1544 г. Это — самоучитель немецкого языка с параллельными немецко-польскими текстами. Уникальный экземпляр книги сохранился в Британском Музее и был описан А. Левицкой-Каминьской²¹. Она же впервые описала и два других неизвестных польских издания XVI в. — панегирик королю Генриху, напечатанный Лазарем Андрысовицем в 1574 г., и календарь на 1569 г. — «Практика Каспара Госкего в лекарствах доктора на рок по божим народzeniu 1569»²².

Ян Пирожиньский описал листовку с текстом легенды о иконе Ченстоховской Богоматери, напечатанную в Кракове Яном Галлером между 1514 и 1524 гг.²³ Автор сравнивает немецкий текст листовки с рукописными немецкими текстами XV в.

Своеобразен и необычен предмет исследования Анны Ярославцевой-Гонсиоровской, которая выявила и изучила изображения светских особ, вытисненные на переплетах XVI—XVII вв. Среди них — портреты короля Сигизмунда Августа, большого библиофила, портреты короля Сигизмунда Старого и членов его семьи, короля Стефана Батория и королевы Анны Ягеллонки²⁴.

В заключение следует сказать о том, что вопросы истории раннего книгопечатания с большой полнотой представлены на страницах недавно изданных справочных книговедческих изданий — «Энциклопедии знаний о книге»²⁵ и «Словаря деятелей польской книги»²⁶. К сожалению, приходится отметить, что издание капитального справочного издания «Типографы старой Польши XV—XVIII вв.», о котором уже шла речь на страницах сборника «Книга»²⁷, остановилось на т. 4, посвященном типографиям Поморья и выпущенном в свет в 1962 г.²⁸ (ранее были изданы т. 5 «Великое княжество Литовское» и т. 6 «Малопольша. Русские земли»). Очень хотелось бы, чтобы этот во многих отношениях замечательный труд был продолжен и завершен в самые ближайшие годы.

²¹ См.: Lewicka-Kamińska A. «Nauka cudna» nieznanе wydanie z r. 1544. — «Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej», 1972, N 1/2, s. 29—32.

²² См.: Lewicka-Kamińska A. Dwa nieznanе druki polskie XVI wieku. — «Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej», 1972, N 1/2, s. 33—39.

²³ См.: Pirożyński J. Najstarszy zachowany, drukowany przekaz legendy o obrazie Matki Boskiej Częstochowskiej. — «Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej», 1973, N 1/2, s. 151—166.

²⁴ См.: Jarosławska-Gąsiorowska M. Ikonografia świecka na oprawach XVI i XVII w. W: Rocznik Biblioteki Narodowej. T. 6. Warszawa, 1970, s. 315—337.

²⁵ См.: Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971. Ср.: Монастырский И. М., Горбась В. Е. Польская энциклопедия книговедения. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 3, с. 42—44.

²⁶ См.: Słownik pracowników książki polskiej. Łódź, 1972. Ср.: Книговедческое обозрение. — «В мире книг», 1973, № 11, с. 88—89. — Подпись: Книговед.

²⁷ См.: Исаевич Я. Д. Словарь-справочник о книгопечатании на Украине в XVI—XVIII вв. — «Книга. Исследования и материалы», 1961, сб. 5, с. 363—371.

²⁸ См.: Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. T. 4. Pomorze. Opracowały A. Kawecka-Gryczowa oraz K. Korotajowa. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962.

Настоящий труд, посвященный истории чешской культуры и книжного дела XV—XIX вв., — своеобразный отклик на 500-летие чешского книгопечатания. Автор, назвавший свою книгу лишь очерками, не ставит себе задачу дать обобщающий труд, его цель — показать роль, значение и развитие книжного дела на фоне чешской культуры в период с XV до середины XIX в.

Труд А. С. Мыльников — значительный вклад в разработку истории славянской книги и одновременно истории культуры Чехии. Автору удалось на широком историческом фоне проследить процесс создания чешской книги от первых инкунабул до становления в середине XIX в. национального книжного дела, показать, как, «несмотря на все и всяческие препятствия, книга приобрела значение серьезного фактора культурного строительства, серьезного инструмента в борьбе народа за свои права, за национальное и социальное освобождение» (с. 203).

После характеристики чешской рукописной книги XV в., данной в первой главе, автор переходит к датировке первенца чешского книгопечатания — перевода на чешский язык Троянской хроники и солидаризируется с теми учеными, которые относят возникновение книги к 1468 г. (традиционная дата) или — самое позднее — к 1469 г. (с. 37). Сопоставляя даты первых печатных книг в Европе, автор показывает, что Чехия по времени освоения типографского дела занимала третье место после Германии и Италии (с. 37). Остановившись на вопросе, где вышла первая славянская книга, автор отмечает, что обычно под термином «славянское книгопечатание» подразумевают книгопечатание кириллицей и таким образом связывают начало славянского книгопечатания с деятельностью краковского печатника Швайпольта Фиоля в 90-х годах XV в. А. С. Мыльников предлагает пересмотреть этот традиционный взгляд и считает, что первой славянской книгой была именно чешская «Троянская хроника», а ее неизвестный типограф был «подлинным славянским первопечатником» (с. 38).

Третью главу работы А. С. Мыльников специально отводит чешским и моравским инкунабулам XV в., число которых составляет 51, и дает сведения о первых типографиях в Чехии и Моравии второй половины XV в.

Эпоха расцвета раннего чешского книгопечатания XVI — начала XVII в. освещена в четвертой главе на фоне истории небывалого подъема культуры и ожесточенной национальной борьбы этого периода. Расцвет городов в Чехии, возрастание их веса в экономической и культурной жизни, зарождение капиталистических элементов в экономике страны, оживление ремесленного производства и торговли, укрепление международных экономических и культурных связей Чешских земель с соседними государствами — все это вызывало в значительной степени упрочение общественного положения чешских мещанско-бюргерских слоев города, что, по мнению автора, «создавало благоприятную почву для расцвета и демократизации национальной культуры, в особенности научного и литературного творчества, проникнутого идеями гуманизма» (с. 59), а чешские гуманисты, в свою очередь, содействовали высокому развитию книжного дела в Чехии. Период 1547—1620 гг. — одна из наиболее ярких страниц в развитии чешской культуры и одновременно эпоха острой борьбы против наступления католицизма и гнета Габсбур-

* Мыльников А. С. Чешская книга. Очерк истории. (Книга. Культура. Общество). М., «Книга», 1971. 208 с. с ил.

гов. Автор отмечает, что сразу же после подавления восстания 1547 г. Фердинанд I Габсбург запретил все типографии, кроме типографий Пльзенья и Праги, а в Праге попытался ввести цензуру и передать всю издательскую монополию своему ставленнику Б. Нетолицкому. Но в чешских землях книгопечатание с самого начала приобрело «вольный», а не государственный характер, и, несмотря на доносы Нетолицкого, все же пришлось постепенно давать разрешения на возобновление деятельности типографий. Более того, несмотря на поддержку Фердинанда I, типография Нетолицкого пришла в упадок, и в 1552 г. он вынужден был продать ее Иржи Мелантриху, знаменитому чешскому печатнику-просветителю. Мелантрих ратовал за развитие чешского языка, за самобытность национальной культуры. Вокруг него сгруппировался кружок чешских ученых-гуманистов, из среды которых вышел его ученик и продолжатель его дела магистр Даниэль Адам из Велеславина. Переводчик и издатель одновременно, он один из первых чешских книгоиздателей обратил внимание на необходимость расширения и укрепления русско-чешских культурных связей, о чем он специально говорит в предисловии к переводу «Московской хроники» Гванини.

Другим крупным центром прогрессивного чешского книгопечатания была Моравия. Под руководством Общины чешских братьев, как известно, постоянно подвергавшейся гонениям, была основана типография, работавшая сначала в Иванчицах (1557—1577), а с 1578 г. — в Кралицах. Именно из этой типографии вышел наиболее яркий памятник чешской культуры, язык которого на долгое время был признан образцом чешского литературного языка — перевод Нового Завета, осуществленный чешским гуманистом Яном Благославом в 1564 г., и полный перевод Библии 1579—1594 гг. в шести томах — так называемая Кралицкая Библия, сыгравшая огромную роль в истории чешской культуры последующих веков.

Размах книгопечатания вел за собой расширение книжной торговли, формировались библиотеки (например, Университетская). Отмечая массовое издание антикатолической литературы в этот период, автор подчеркивает, что почти все видные чешские типографы XVI — начала XVII в. были прямо или косвенно связаны с лагерем противников католицизма и что «связь виднейших чешских типографов с антикатолическим движением сочеталась с патриотическим стремлением их содействовать развитию национальной культуры» (с. 80).

Отдельно автор останавливается на деятельности белорусского первопечатника Франциска Скорины, прожившего в Праге несколько лет (примерно с 1517 по 1520 г.) и издавшего здесь свой перевод Библии на белорусский язык.

В пятой главе объединены, казалось бы, самые противоречивые периоды истории чешской культуры и книги: изложение начинается с «эпохи тьмы», наступившей после поражения Чехии при Белой Горе в 1620 г., и оканчивается подъемом национального возрождения в предреволюционные 30—40-е годы XIX в.

На обильно собранном материале А. С. Мыльников показывает, насколько живучи были в чешском народе национально-патриотические традиции, как постепенно, вопреки жесточайшему национальному и духовному гнету шаг за шагом отвоевывались позиции у реакции.

Торжество германизации и католической реакции вызвало бешеные гонения на чешскую книгу, вскоре ставшую вообще раритетом. Иезуиты наводнили страну массовой прокатолической литературой «для народа», в задачи которой входило стучить чехов от прошлого. И в то же время видевший в детстве пылающие костры, на которых жглись книги, сам

иезуит Богуслав Бальбин оказался в 1660—1680-х гг. во главе патриотического кружка, члены которого выступали за развитие чешской национальной культуры и публиковали работы по истории своей родины (с. 104—105). Своей крайней точки преследование чешских книг достигло в первые десятилетия XVIII в., когда «еретики» были приравнены к государственным преступникам (с. 99). В то же время конец XVII — первые десятилетия XVIII в. характеризуются оживлением типографской деятельности в Чешских землях — и в Праге и в провинции открывается ряд типографий. В числе их типография выдающихся чешских типографов отца и сына Розенмюллеров, начавшая свою деятельность в 1707 г. и просуществовавшая под руководством их наследников до конца XVIII в. В 1719 г. Карл Розенмюллер начал издавать первую газету на чешском языке — «Чешский почтальон, или Чешская газета», — выходящую до 1772 г., изданием которой он хотел послужить «моей любимой родине, то есть народу и языку чешскому» (с. 107).

К середине XVIII в. в чешском книгоиздательстве снова наступает затяжной кризис, связанный с усилением правительственного нажима, однако именно в 50—60-е годы отмечается постепенное оживление общественно-научной и интеллектуальной жизни чешских земель, подготовившее расцвет чешского Просвещения.

Точной хронологической грани начала эпохи чешского Просвещения автор не берется провести — был ли то патент о веротерпимости и отмена крепостной зависимости Иосифом II 1781 г. или запрещение ордена иезуитов 1773 г., или выход комментария Добнера к латинскому переводу хроники Гайка, явившегося ударом по феодально-клерикальному мировоззрению (с. 114), но 80—90-е годы XVIII в. — это уже эпоха расцвета чешского Просвещения. В книжном деле намечаются новые черты. Наряду со старыми типографиями еще в 70-е годы появляются новые фирмы, из которых автор особо отмечает две — Яна Шенфельда, образованного «дельца капиталистического толка» (с. 117), который купил у наследников Розенмюллера право издания пражской газеты и издавал ее под редакцией Крамериуса в 1786—1789 гг., и Вольфганга Хр. Герле — книготорговца-просветителя и идейного издателя. В 70—80-е годы круг приверженцев и последователей Г. Добнера, стремившихся приложить идеи Просвещения к потребностям чешской науки и культуры, возглавлял И. Борн. Издатель трудов борнианцев В. Герле сам входил в их тесный круг. В 1781 г. брат Вольфганга Герле Андрей открыл в Праге журнальную комнату и библиотеку для чтения, имевшую несколько лет спустя около 8 тыс. томов. В 90-е годы — годы вновь начавшейся реакции, закончилась деятельность обоих братьев-энтузиастов. В 1792 г. В. Герле, не выдержав конкуренции, свернул свое дело, а в 1799 г. закрылась читальня А. Герля. Однако остановить бурное развитие чешской национальной культуры реакция уже не могла. Новые усилия властно требовали новой формы построения национального книжного дела. Именно такой формой, обеспечивавшей национальный книжный рынок чешских земель на грани эпохи Просвещения и Национального возрождения, была «Чешская экспедиция» — книготорговая и издательская организация, основанная в 1790 г. Вацлавом Матвеем Крамериусом. Организация скоро стала средоточием всего чешского патриотического движения, всех энтузиастов-тружеников, которых объединяла любовь к своей нации, языку и чешской книге.

Вслед за «Экспедицией» начали издавать патриотическую литературу и другие фирмы, несмотря на постоянное сопротивление габсбургских властей и жесткую цензуру. По этому поводу Ян Коллар писал: «Братья, нельзя нас судить по тому, что и как мы писали. Но по тому,

что и как нам позволяли писать» (с. 131). И тем не менее автор недаром назвал раздел по истории чешской книги первой четверти XIX в. «На путях к созданию национального книжного дела». Он прослеживает деятельность научного издательства «Чешская матица», упоминает о ряде других издательств и в заключение приводит сообщение И. Юнгманна о количестве изданий, выпущенных на чешском языке. За период с 1774 по 1824 г., т. е. за пятьдесят лет, было выпущено приблизительно 1350 названий, а с 1825 по 1846 г. — около 1100 названий (с. 144).

Последняя, шестая, глава книги «Прошлое и настоящее чешской книги» представляет собой обзорное завершение труда. В первом разделе характеризуется прогрессивная чешская печать эпохи революции 1848 г., а во втором прослеживается история чешской книги в 50—60-е годы XIX в. и кратко намечаются тенденции ее развития во второй половине столетия. Особо автор останавливается на продолжении рукописной традиции, подчеркивая, что именно она «была первичной формой ознакомления передовых кругов рабочего класса и интеллигенции с «Капиталом» К. Маркса, списки которого циркулировали в чешских землях в 70-е гг. XIX в.» (с. 193).

Кратким обзором чешской рабочей печати второй половины XIX в. автор заканчивает книгу.

Большая заслуга автора в том, что он исследует не только проблемы выпуска книг в Чехии, но и пути их распространения, вопросы книготорговли и круг чтения чешского общества, причем привлекает данные не только о книгах, изданных в чешских землях, но и о книгах, поступавших из-за границы. Эти данные наиболее ценны для тех периодов, когда национальное угнетение было особенно жестоким. В поле зрения автора находится и содержание выпускаемых книг, и работа типографий, и подготовленность и потребности различных общественных слоев читателей, и судьбы отдельных экземпляров. Большое внимание автор уделяет уровню типографского искусства. Особенно важны разделы, характеризующие чешскую рукописную книгу. Роль чешской рукописной книги в эпоху книгопечатания изучена впервые, подробно и основательно. Характеризуя эпоху расцвета чешской культуры в эпоху гуманизма, характеризуя эпоху тьмы, Просвещения или Национального возрождения, автор обязательно отводит специальный раздел роли рукописной книги в этот период. Мы вполне можем согласиться с выводом автора, что «на протяжении длительного времени после появления книгопечатания в чешских землях, приблизительно до начала XIX в., известную роль играла и рукописная книга. В определенных же условиях, например, в «эпоху тьмы» она не только сосуществовала с книгой печатной, но и серьезно дополняла ее. Отголоски этого ... можно обнаружить и позднее» (с. 202—203). Освещение «эпохи тьмы» на базе анализа чешской печатной и рукописной продукции составляет один из наиболее ярких и интересных разделов книги. Возражая как реакционным чешским историкам, прославлявшим этот период как эпоху блестящего торжества «католического барокко» (Пекарж), так и тем исследователям, которые видели в «эпохе тьмы» только вакханалию контрреформации и безмерный упадок культурной жизни, А. С. Мыльников убедительно показывает, что наряду с жесточайшим упадком и угнетением «это еще и период, когда вследствие медленных подспудных явлений в экономике и социальной структуре общества, под воздействием обострившейся классово-вой борьбы и под влиянием сохранения в народной массе и небольшой части мещанства национально-патриотической традиции складывались основы для последующего подъема культурной жизни и книжного дела в Чешских землях...» (с. 113—114).

Стоит особо отметить пристальное внимание автора к русско-чешским связям, прослеживаемым на книжных и издательских контактах разных эпох. Это и издание «Московской хроники» Гванини XVI в., и упоминание о древнерусской приписке XVII в. на чешской библии 1529 г., хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, это и целая глава, отведенная русско-чешским контактам эпохи Национального возрождения.

Ценно, что автор прослеживает не только возникновение того или иного издания, но и судьбы отдельных экземпляров, прежде всего экземпляров, попавших в нашу страну. В то же время, на наш взгляд, во вступлении наряду с историографией вопроса следовало бы указать, какими именно книжными собраниями пользовался автор, и дать хотя бы краткую характеристику их.

Наиболее спорным в работе является, пожалуй, выбор автором хронологических и географических рамок. Подзаголовок «Очерки истории» формально снимает с автора обязанность давать всю 500-летнюю историю чешской книги и историю книги словацкой, позволяет не говорить особо о моравских изданиях, а лишь упоминать некоторые из них. И все же в дальнейшем, последующем издании, хотелось бы увидеть полную историю чехословацкой книги.

Вызывают сомнения некоторые акценты автора. Так, историю развития книжного дела в Чехии XV — начала XVII в. автор связывает в основном с повышением роли «мещанско-бюргерских кругов города» (с. 59). На наш взгляд, автор недооценивает роль среднего дворянства в борьбе против гнета Габсбургов и в развитии национальной культуры, в частности книгопечатания. Недаром в приведенном самим автором отрывке из мандата Фердинанда I 1547 г. о запрете типографий предписывается, чтобы «во всех городах, местечках, *поместьях* и *имениях* (курсив мой. — Н. П.)... никаких типографов не было» (с. 66). Скорее следовало бы, вероятно, говорить о роли средних слоев, в состав которых входили также патриотически настроенные элементы шляхты и даже панства.

В разделе «Вторая родина» автор говорит о славянской общности как неотъемлемой части идейной жизни чешских земель эпохи Национального возрождения и тут же сомневается в сколько-нибудь значительных возможностях для личного общения (с. 149), забывая при этом об огромных эпистолярных связях чешских будителей с просветителями других народов. Об этих связях говорят и некоторые надписи на отдельных книгах, в частности, в собрании Государственной публичной исторической библиотеки.

Больше внимания, на наш взгляд, следовало бы уделить анализу эмигрантской книги XVII—XVIII вв. Хотелось бы также, чтобы автор, где возможно, упоминал тираж и цену издаваемых книг.

Все это не умаляет большой ценности рецензируемого труда.

Материал в книге изложен интересно, к каждой главе подобран яркий эпиграф, сноски, составленные весьма подробно, отнесены к концу глав. Отпечатанная хорошим шрифтом, снабженная иллюстрациями, книга легко читается и вызывает живой интерес как книговедов, так и славистов.

Н. М. ПАШАЕВА

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ КНИГИ *

В современных условиях резко возрастает роль технической книги как одного из орудий научно-технического прогресса. Начавшийся под воздействием науки и ее открытий переворот в развитии производительных сил становится все более значительным и глубоким. Ускорение научно-технического прогресса требует постоянного роста культурно-технического уровня рабочих, систематического пополнения специальных знаний руководителей и организаторов производства, что и обуславливает прогрессивное увеличение интереса к технической литературе. Это придает особую актуальность исследованиям, в задачи которых входит выявление закономерностей развития технической книги и ее социально-го значения. Именно к таким исследованиям принадлежит учебник А. Я. Черняка — в сущности, первый обобщающий труд, охватывающий историю отечественной книги с древнейших времен до наших дней. «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед», — писал А. И. Герцен. Анализируя историческое прошлое технической книги, автор приходит к научно обоснованным выводам о современном состоянии технической литературы, перспективах ее развития.

Поскольку первая часть книги уже получила достаточно полное освещение в ряде положительных отзывов, появившихся как в советской, так и зарубежной книговедческой печати¹, то целесообразно обратить главное внимание на второй том. Попытаемся также охарактеризовать труд А. Я. Черняка в целом, отмечая прежде всего то новое, что ему удалось внести в теорию разработки отраслевой истории книги.

Воссоздание картины исторического пути советской технической книги потребовало от автора многолетних и трудоемких поисков, осмысления и обобщения большого количества первоисточников, так как специальных работ по истории технической книги оказалось чрезвычайно мало. Видно, что А. Я. Черняк использовал разнообразие исторические документы: рукописную и печатную техническую литературу (книги, журналы, газеты, спецвиды); материалы, содержащие оценку произведений технической литературы (рецензии, отзывы и т. д.), архивные и печатные источники, содержащие сведения о возникновении и развитии технической книги, ее общественном значении, о роли организаций и отдельных лиц в ее создании и распространении.

Вторая часть учебника открывается предисловием члена-корреспондента Международной Академии истории науки, профессора И. Я. Конфедератова, который дает сжатую, но весьма содержательную характеристику рецензируемого труда, отмечая, в частности, его значение для идейно-теоретической и профессиональной подготовки студентов библиотечных факультетов, расширения их историко-культурного кругозора, воспитания советского патриотизма, любви и уважения к книге, созданной советскими учеными, инженерами, рабочими.

* Черняк А. Я. История технической книги. В 2-х ч. М., «Книга», 1969—1973. Ч. 1. 1969. 240 с. Ч. 2. 1973. 239 с.

¹ См., напр.: Коссов Б. И. История технической книги. — «Книжное обозрение», 1969, № 30, с. 7; Гаранина С. П. История технической книги. — «В мире книг», 1969, № 12, с. 16; Иноземцев И. В. Первый учебник по истории технической книги. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1969, № 7, с. 56—59; Чижкова Г. И. Новый учебник. — «Библиотекарь», 1970, № 2, с. 60—62; Коссов Б. И. История технической книги. — «Бюллетень ЮНЕСКО для библиотек», 1971, т. 25, № 1, с. 38—39.

Структура книги отличается четкой организацией материала внутри глав. Вторая часть учебника охватывает развитие технической книги в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920), восстановления народного хозяйства и начала индустриализации (1921—1928), годы довоенных пятилеток (1928—1941), Великой Отечественной войны (1941—1945), годы восстановления народного хозяйства и завершения строительства социализма (1945—1958), период совершенствования социализма и постепенного перехода к коммунизму. Почти в каждой главе выделены параграфы, в которых рассматриваются общие условия развития печати, задачи технической книги, работа издательств, издание научно-технической книги в союзных республиках, типы технической книги, периодика. Единство структуры значительно облегчает работу с учебником, помогая изучать материал по определенному плану и проследить в случае необходимости историю того или иного вопроса на различных хронологических уровнях. Лучше понять и усвоить содержание учебника помогают выводы, которыми завершаются главы книги. Той же дидактической задаче служат иллюстрации (в первой части) и диаграммы (во второй). Строгая последовательность, ясность, познавательная насыщенность и одновременно большая эмоциональность, хороший стиль изложения отличают лекции А. Я. Черняка. В определенной мере эти черты преподавательского мастерства отразились и в учебнике. В сочетании с высокой научностью освещения материала они позволяют сделать вывод о соответствии труда его основному назначению как учебного пособия. В то же время он представляет несомненный интерес не только для преподавателей и студентов, но и для других категорий читающей публики — многочисленных книголюбов; научных и инженерно-технических работников, заинтересованных в том, чтобы использовать в производстве все ценное, что можно взять из прошлого опыта; библиотекарей и лиц, работающих в области научно-технической информации; историков науки и техники, книговедов.

Богатый фактический материал, положенный автором в основу книги, позволяет читателям получить достаточно полное представление об основных этапах развития технической книги в нашей стране. Важным достоинством труда является то, что процессы становления технической книги раскрываются в тесной связи с историческими условиями. Так, во второй части работы убедительно показано, что только после Октябрьской революции стал возможным массовый выпуск технической литературы. Возникла принципиально новая система советской технической книги — крупнейшая в мире по количественным показателям, важный инструмент научно-технического прогресса, роста производства, подъема культурно-технического уровня населения.

В учебнике глубоко раскрыта роль В. И. Ленина в издании и распространении технической литературы, выявлены требования Ленина к советской технической книге, показана забота об ее издании, приведены советы авторам и т. д. Ряд интересных дополнительных сведений можно найти в предыдущих работах автора², в которых впервые было обращено внимание на эту сторону деятельности В. И. Ленина.

² В. И. Ленин и научно-техническая книга. — «Ученые записки Моск. ин-та культуры», 1967, вып. 16, с. 30—61; В. И. Ленин и советская техническая книга. — «Книга. Исследования и материалы», 1970, сб. 20, с. 119—136; В. И. Ленин и советская научно-техническая книга. — «Техн. б-ки СССР», 1967, № 5—6, с. 5—19; научно-техническая книга в библиотеке В. И. Ленина в Кремле. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1970, № 3—4, с. 3—17.

На всех этапах социалистического строительства Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли заботу об издании и пропаганде технической литературы. Показывая бурный рост изданий технических книг в годы Советской власти, автор справедливо подчеркивает руководящую роль Коммунистической партии в организации и развитии книжного дела. В ряде глав выделены специальные параграфы, посвященные решениям партии по изданию технических книг, анализу партийных и государственных директив.

Как известно, технической литературы на языках народов России в дореволюционный период практически не существовало. Советское государство взяло курс на создание и развитие национальной книги, на увеличение масштабов издания книг в союзных республиках. В книге А. Я. Черняка этот процесс освещается прежде всего на основе статистических данных. Автор приходит к выводу о том, что темпы роста издания технических книг в союзных республиках опережают соответствующие общесоюзные показатели. Почти каждая четвертая выходящая в настоящее время в стране техническая книга выпущена в национальных республиках.

Историк книжного дела призван анализировать его состояние с точки зрения того, какие тенденции прошлого получили дальнейшее развитие, какие отмерли или пошли на убыль, какие новые явления имеют право на существование и закрепятся в будущем, что идет вразрез с закономерностями развития книжного дела. Эта принципиальная позиция автора, высказанная им в ряде статей и выступлений, нашла последовательное воплощение в рецензируемом труде, который завершается разделом, говорящим о задачах и перспективах развития советской технической книги в эпоху современной научно-технической революции. Здесь приводятся интересные соображения о воздействии научно-технической революции на техническую книгу: ускоренный рост числа изданий, и особенно тиражей, расширение издания переводной научно-технической литературы, высокие темпы выпуска научной литературы, расширение читательской аудитории технической книги, изменение ее отраслевой структуры, тематики и др.

Труд А. Я. Черняка свидетельствует о том, что техническая книга прошла большой и сложный путь — от рукописных руководств Древней Руси до глубоко дифференцированной по типам и видам, целевому и читательскому назначению современной технической литературы. Отмечая громадные достижения в области издания советской технической книги, раскрывая перед читателем прогрессивные тенденции ее развития, автор в то же время не упускает из вида трудностей и недостатков, анализирует их причины. Существенно, что при этом речь идет и о современном состоянии дел, о недостатках, требующих устранения (не полностью удовлетворяются потребности в литературе по некоторым отраслям науки и техники; в ряде случаев необоснованно занижаются тиражи, особенно научной литературы; ощущается недостаток в справочной литературе; все еще недостаточно выпускается научных журналов и т. д.).

Определенный научный интерес представляет и методология этого учебника. Автору удалось избежать довольно часто встречающегося недостатка, когда методологические принципы, положенные в основу книги, имеют весьма расплывчатый и неопределенный характер. В данном исследовании теоретические предпосылки выражены предельно ясно и находят конкретное подтверждение в тексте работы. Основываясь на положениях диалектического и исторического материализма, автор разработывает своеобразную концепцию, позволяющую глубже представить

особые закономерности развития технической книги. Автор полагает, что история технической книги является самостоятельной научной дисциплиной. В книге дается представление о предмете истории технической книги, объектах, которые она изучает, о закономерностях ее развития и взаимосвязи с другими науками, об ее задачах и периодизации. Разработка всех этих вопросов потребовала создания понятийного аппарата, придающего изложению необходимую четкость. Хотя автор и не дает строгой дефиниции технической книги, в учебнике содержится довольно точная характеристика тематического состава советской технической книги и ее общественных функций. Оригинальный характер имеет определение понятия «тип книги». По мнению А. Я. Черняка, тип книги зависит прежде всего от ее целевого назначения, читательское назначение играет роль лишь при дифференциации данного типа. Так, учебная книга призвана способствовать усвоению знаний (это ее целевое назначение), но в зависимости от читательского назначения она может быть пособием для школьника, учащегося техникума, студента. Отсюда определение типа книги как совокупности книг, объединенных общим целевым назначением. Думается, что это определение вносит известную ясность в довольно запутанный и сложный вопрос. Научный интерес представляет также вывод о том, что типы технической книги стали складываться лишь на определенном этапе развития технической литературы, поскольку первые технические книги часто не имели четкого целевого и читательского назначения, сочетая в себе черты производственной, учебной и даже научной литературы.

Теоретическое значение имеет определение некоторых закономерностей развития технической книги. Это соответствие тематики и содержания книги уровню развития науки и техники, общественным потребностям; соответствие количественных показателей выпуска технической литературы темпам развития производства и его характеру; закономерности, связанные с формированием типов технической книги. Однако вторая закономерность, говорящая об обусловленности эволюции и скачков в издании технической литературы производственными нуждами, охарактеризована во введении менее полно, чем другие. Существование этой важной закономерности интересно было бы доказать графически, взяв статистические материалы об издании книг и валовой продукции промышленности.

Картина становления и развития технической книги дается автором на широком общесторическом фоне. В учебнике настойчиво проводится мысль о том, что объем, направление, темпы издательской деятельности, целевое и читательское назначение, виды изданий и типы книг, тиражи, социальный состав авторов зависят от общественных условий. Эта правильная установка позволяет автору реконструировать историю технической книги в тесной связи с важнейшими историческими событиями, развитием науки, техники и культуры. В книге показана выдающаяся роль многих замечательных общественных деятелей, ученых, просветителей, издателей в создании и распространении технических книг. Сама история технической книги правомерно рассматривается как общественная дисциплина, одна из отраслей универсальной истории книги, тесно связанная с историей техники и естествознания.

Заметим, что в монографических исследованиях по истории книги до сих пор преобладает универсальный подход, когда в качестве объекта изучения выступает вся книжная продукция страны за определенный хронологический период. Труд А. Я. Черняка свидетельствует о том, что вполне возможен и необходим также специализированный подход, при котором ретроспективно раскрываются процессы формирования и раз-

вития различных типов и видов литературы, связанных с определенной отраслью знания (общественно-политическая, естественнонаучная, сельскохозяйственная и др. литература). Разработка отраслевой истории книги имеет существенное научное и практическое значение, поскольку таким образом достигается наибольшее созвучие с профессиональными интересами и потребностями читателей, актуальными задачами коммунистического строительства. Если универсальная история книги изучает общие закономерности развития печати, то отраслевая история имеет более конкретный характер.

Осуществляя разработку теоретических основ истории технической книги, автор в сущности прокладывает дорогу для аналогичных исследований в отношении других отраслей. Так, задачи истории технической книги — выявление закономерностей развития книги, ее общественной роли, социальных условий развития, общественной потребности в ней, степени проникновения в массы в разные исторические периоды, освещение деятельности издательств, процессов формирования типов и видов книги, анализ современного состояния технической литературы, перспективы ее развития, — все это может быть перенесено, например, и в область изучения сельскохозяйственной и другой литературы. При периодизации истории отраслевой книги следует, очевидно, придерживаться сочетания двух принципов: общеисторического и специфического, о чем убедительно свидетельствует периодизация, примененная в данном труде.

Значительный интерес в указанном отношении представляет также методика изложения материала. Весьма перспективным является подход, при котором анализ потоков отраслевой книги сочетается с характеристикой отдельных, наиболее важных изданий. Любители книг найдут в учебнике А. Я. Черняка немало интересных данных об отечественных и переводных технических печатных книгах и рукописях — начиная с «Иконописного подлинника» и «Типика Нектария» и кончая хорошо продуманными, хотя и краткими, сведениями о современных изданиях, и хотя упоминаний отдельных книг в учебнике оказалось довольно много, что несколько затрудняет усвоение учебного материала, без них, как нам кажется, было бы трудно обойтись.

Анализ книжных потоков дан многоаспектно: в статистическом, тематическом и типологическом разрезах. Подобный подход может найти применение и в других отраслевых историко-книговедческих исследованиях.

Естественно, что в большой и во многом новаторской работе, посвященной сложным проблемам, имеются положения, допускающие столкновение различных точек зрения. Книга не свободна также от некоторых недостатков. Так, отмечая особое значение книгоиздательской реформы 1963—1964 гг., автор все же недостаточно осветил мероприятия, которые были проведены по упорядочению сети издательств, выпускающих техническую книгу, уточнению их профиля, устранению разобщенности в руководстве издательским процессом. Мало приведено материалов о том, как образовались технические издательства («Недра», «Транспорт», «Энергия» и др.). Следовало бы подчеркнуть, что коренная перестройка структуры советской издательской системы способствовала повышению научного уровня выходящей литературы и культуры издания книг.

Не все виды технической литературы нашли достаточно полное освещение в учебнике. Например, мало сказано о детской и юношеской технической литературе. Между тем «деловая» и научно-популярная книга по технике играет важную роль в развитии научно-познавательных интересов подрастающего поколения, его трудовой активности и за-

служивает того, чтобы стать предметом более глубокого и подробного рассмотрения. Слишком бегло охарактеризованы также серии научно-популярных книг, выпускаемых издательством «Знание». Возможно, здесь оказались бы уместными ссылки на наиболее значимые в познавательном отношении и увлекательно написанные книги (как это сделано, например, при характеристике серии «Массовая радиобиблиотека»).

Желательно в следующем издании расширить разделы учебника, посвященные изданию технической книги в национальных республиках, что позволило бы более полно отразить вклад советских республик в создание технической литературы в нашей стране, показать обусловленность издания книг региональными производственными потребностями.

Высказанные замечания отнюдь не умаляют значения труда А. Я. Черняка. По богатству и четкой организации использованного материала, умению осмыслить и выделить главные направления в развитии технической книги он относится к числу важных научных достижений, не только позволяющих углубить преподавание соответствующего курса в институтах культуры, но и более обоснованно подходить к созданию отраслевых историко-книговедческих работ.

А. Е. ШАПОШНИКОВ

КНИГОВЕДЕНИЕ

Указатель литературы за 1972 г.

Данный указатель охватывает основную литературу по вопросам книговедения за 1972 г. и литературу за 1971 г., не вошедшую в предыдущий указатель (см. «Книга. Исследования и материалы», сб. 28, с. 199—233). В связи с тем, что выходит ежемесячный указатель «Библиотечное ведение и библиография», выпускаемый Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, а библиография по оформлению книги публикуется в сборнике «Искусство книги», в нашем указателе соответствующие разделы отсутствуют.

Окончание указателя будет помещено в следующем выпуске сборника «Книга. Исследования и материалы».

Л. И. Фурсенко

Содержание

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и книга: К. Маркс и Ф. Энгельс (№ 1—7); В. И. Ленин (№ 8—54); История издания и распространения произведений классиков марксизма-ленинизма (№ 55—113); — Решения КПСС и советского правительства по вопросам печати (№ 114—126). — Общие вопросы теории печати и книгоиздательского дела (№ 128—196). — Международный год книги (№ 197—237). — Терминология (№ 238—246). — История письменности, печати и книгоиздательского дела: Работы общего характера (№ 247—286); История письменности (№ 287—315); Рукописная книга (№ 316—377); История печати и книгоиздательского дела СССР до 1917 г. (№ 378—410); Книгоиздательское дело народов России (№ 411—449); История издательств (№ 450—452); История издания отдельных видов литературы (№ 453—477); История печати и книгоиздательского дела советского периода (№ 478—491); Книгоиздательское дело союзных республик (№ 492—509); История издательств (№ 510—538); Отдельные виды литературы (№ 539—555); Personalia (№ 556—717); История печати и книгоиздательского дела зарубежных стран (№ 718—769).

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

1. Маркс К., Энгельс Ф. О печати. 1839—1895. Хрестоматия. [Курс] «История зарубеж. ком. и рабочей печати». [Для вузов по специальности «Журналистика». Сост. и авт. предисл. С. М. Гуревич]. М., «Высш. школа», 1972. 519 с.
2. Гуревич С. М. Незаменимый источник. (Вопросы печати в письмах Ф. Энгельса, 1891—1895 гг.). — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 55—65.
3. Гуревич С. «...Неоспоримое преимущество пролетарской печати...» [К. Маркс и Ф. Энгельс о печати]. — «Распространение печати», 1972, № 6, с. 36—37.
4. Гуревич С. Основоположники марксизма об организации работы редакции. — «Демократ. журналист», 1972, № 4, с. 15—17.
5. Мередов Т. Великие мыслители о печати. [Рец. на кн.: Маркс К., Энгельс Ф. О печати. Ашхабад, «Туркменистан», 1971]. — «Коммунист Туркменистана», 1972, № 6, с. 49—64. — На туркм. яз.
6. Селезнев М. С. Вопросы публикации источников в трудах Ф. Энгельса. — «Сов. архивы», 1972, № 3, с. 18—26.
7. Эйдельман Б. Личные библиотеки Маркса и Энгельса. — «Библиотекарь», 1972, № 3, с. 4—8.
См. № 711.

В. И. ЛЕНИН

8. Абдуазизова Н. [Рец. на кн.: Хамдамов П. У.] Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина. Ташкент, «Узбекистан», 1971]. — «Корреспондент», 1972, № 5, с. 38.
9. Атамирзаев К. Ленинские принципы партийности печати. [Роль В. И. Ленина в создании газеты «Правда». — «Парт. жизнь», Ташкент, 1972, № 4, с. 24—29.
10. Бачалдин Б. В. И. Ленин и библиотечное дело. — «Сов. Киргизия», 1972, 7 янв.
11. Бережной А. Ленинское слово. [О публицистике В. И. Ленина в газ. «Искра». — «Звезда Востока», 1972, № 1, с. 83—90.
12. Вайнонен Н. Не обороняться, а наступать. [Рец. на кн.: Кузнецов В. И. О полемическом искусстве В. И. Ленина. М., «Мысль», 1971]. — «Журналист», 1972, № 4, с. 56.
13. Васильев Ю. [Рец. на кн.: Ерохин А. С. Шушенский арсенал. М., «Книга», 1971; Старостин Н. Д. Ленин о книге. Библиогр. обзор. М., «Книга», 1971. — «В мире книг», 1972, № 4, с. 42.
14. Вомперский В. П. В. И. Ленин читает словарь Даля. — «Рус. речь», 1972, № 2, с. 3—9.
15. Горелов И. Е., Чернобаев А. А. В. И. Ленин и борьба большевиков с буржуазной и мелкобуржуазной печатью (окт. 1917—1918 гг.). — В кн.: Ленинская партия в борьбе за победу социалистической революции. Сборник статей. М., 1972, с. 228—254 (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).
16. Григорьев Б. По следам ленинской мысли. [Рец. на кн.: Куницын Г. И. В. И. Ленин о партийности и свободе печати. М., Политиздат, 1971]. — «Журналист», 1972, № 7, с. 61.
17. Десятерик В. «...Необходимо очень много прочесть». [О работе В. И. Ленина с книгой]. — «Молодой коммунист», 1972, № 10, с. 80—85.
18. Динерштейн Е. А. В. И. Ленин и вопросы международного книгообмена. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 2, с. 31—35.
19. Дунаевский В. А. В. И. Ленин о тактике баррикадной борьбы парижских коммунаров. (Редакторская работа Ленина над переводом 3-й части II тома «Мемуаров генерала Г.-П. Клузара»). — В кн.: Из истории Франции. Вып. 4. Уфа, 1972, с. 21—34 (Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября. [Учен. зап. Вып. 64. Серия ист. наук. № 11]).
20. Дьячков М. По совету Ильича. [К истории создания по инициативе В. И. Ленина первого советского словаря рус. яз. в 1921—1922 гг. По новым архивным документам ЦГАОР]. — «В мире книг», 1972, № 11, с. 40.
21. Ерохин А. Подаренные В. И. Лениным. [Участие В. И. Ленина в создании первой б-ки партии в Женеве в 1904 г.]. — «Ленинское знамя», 1972, 14 мая.
22. Ерохин А. Страницы о Бурятии в библиотеке вождя. — «Правда Бурятии», 1972, 22 апр.
23. Ерохин А. С. Страницы о Чувашии. По материалам б-ки В. И. Ленина в Кремле. Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1972. 95 с.
24. Есин Б. И. Вопросы истории русской журналистики в книге В. И. Ленина «Что делать?». — «Вестн. Моск. ун-та». Сер. 11. Журналистика, 1972, № 2, с. 12—26.
25. Захаров И. [Рец. на кн.: Бережной А. Ф. Ленин — создатель печати нового типа (1893—1914 гг.). [Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1971]. — «Корреспондент», 1972, № 4, с. 42.
- 26-28. Зорина Н. Г., Савенков А. А. В. И. Ленин и партийные публицисты. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 205 с.

Рец.: Захаров И. Публицисты ленинской школы. — «Корреспондент», 1972, № 12, с. 36—37; Максимов А. — «Ленингр. правда», 1972, 28 сент.

29. Карпюк Г. В. Роль В. И. Ленина в создании толковых словарей современного русского языка. — «Рус. яз. в школе», 1972, № 2, с. 72—78.

30. Колосов Г. Ленинские традиции в публицистике. [В. И. Ленин о печати]. — «Корреспондент», 1972, № 4, с. 20—22.

31. Колосов Г. От истоков до наших дней. [Рец. на кн.: См. № 25]. — «Чарджоуская правда», 1972, 5 апр.

32. Крендель Р. Ленин читает современников. — «Библиотекарь», 1972, № 4, с. 6—10.

33. Лазаревич Э. А. В. И. Ленин и проблемы популяризации науки. — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 23—39.

34. Лившиц С. Г. Сибирская книга в библиотеке В. И. Ленина в Кремле. — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 9, с. 119—142.

35. Малолеткова И. С. В. И. Ленин — читатель сибирских библиотек (1897—1899 гг.) — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 9, с. 28—45.

36. Натрошвили И. В. И. Ленин — организатор, редактор и журналист большевистской прессы. Тбилиси, Изд-во ЦК КП Грузии, 1972. 261 с. — На груз. яз. Рез. на рус. яз.

37. Окороков А. З. [Рец. на кн.: См. № 16]. — «Вопр. истории КПСС», 1972, № 5, с. 128—130.

38. Окороков А. Оружие полемического слова. [Рец. на кн.: См. № 12]. — «Новый мир», 1972, № 3, с. 270—272.

39. Ольминский М. С. Редакторская работа тов. Ленина. — В кн.: Вревкин Б. П. Михаил Степанович Ольминский. М., «Мысль», 1972, с. 85—88.

40. Полухина В. П. Работа В. И. Ленина над книгой. — В кн.: Методика преподавания русского языка и литературы. Вып. 9. М., 1970, с. 237—244 (Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Т. 258).

41. Понарина Е. Библиотека ленинской квартиры [в Кремле]. — «Моск. правда», 1972, 13 дек.

42. Розенталь Д. Э. Исследование о полемическом искусстве В. И. Ленина. [Рец. на кн.: См. № 12]. — «Вестн. Моск. ун-та». Сер. 11. Журналистика, 1972, № 2, с. 79—81.

43. Розенталь И. С. На пути к «Правде». [В. И. Ленин — организатор большевистской печати]. — «Вопр. истории КПСС», 1972, № 5, с. 84—93.

44. Савенков А. [Рец. на кн.: См. № 25]. — «Октябрь», 1972, № 5, с. 219—220.

45. Сикорский Н. М. Интересные наблюдения над литературной работой В. И. Ленина. [Рец. на кн.: Западов А. В. Мысль и слово. Из наблюдений над литературной работой В. И. Ленина. М., «Сов. писатель», 1970]. — «Вестн. Моск. ун-та». Сер. 11. Журналистика, 1972, № 4, с. 102—103.

46. Скачков В. М. В. И. Ленин об актуальных проблемах библиографии. — «Гос. библиогр. на Украине», 1972, вып. 4, с. 7—24. — На укр. яз. Рез. на рус. яз.

47. Струмилин С. Не утруждай себя исследованиями. Письмо в редакцию [по поводу письма А. Ерохина в изд-во «Наука» в связи с выходом книги Б. М. Филиппова «Тернистый путь» и о книге А. Ерохина «Шушенский арсенал»]. — «Лит. газ.», 1972, 12 апр., с. 5.

48. Фесуненко П. М. Работа В. И. Ленина над стилем рукописей. Киев, «Вища школа», 1972. 80 с. (М-во просвещения УССР. Учеб.-метод. кабинет. В помощь студентам-заочникам пед. ин-тов. Стилистика рус. яз. Пособие для студентов-заочников пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». Вып. 1).

49. Финкель М. Е. В. И. Ленин и журнал «Новое слово». — В кн.: Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС. Тезисы совещ. 25—27 мая 1972 г. М., 1972, с. 100—102 (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

50. Фойницкий В. Свободные стихотворения. Книга из б-ки Ильича. — «Книжное обозрение», 1972, № 4, с. 12.

51. Фонов Г. П. Роль библиотечно-библиографической информации в творческой деятельности В. И. Ленина. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Л., 1972. 23 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

52. Хавин П. Я. Ленинский тезис о постоянном деле публицистов. (Опыт ист. и лингв. анализа). — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 40—54.

53. Шумский Н. С. В. И. Ленин о роли печати в формировании духовных интересов личности. — В кн.: Торжество ленинских идей. Киев, Изд-во Киев. ун-та, 1972, с. 92—98 (Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук при Киев. гос. ун-те им. Т. Г. Шевченко. Вопр. обществ. наук. Вып. 10).

* * *

54. Прохвятилов А. И. В. И. Ленин и советская военная печать. (Библиогр. указ.) Л., 1972. 32 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Фак. журналистики).

**ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ И
РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА**

**Произведения
К. Маркса и Ф. Энгельса**

55. Аюпов А. Т. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организации перевода и издания произведений классиков марксизма-ленинизма на узбекском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Ташкент, 1972. 34 с. (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

56. Баева Н. Слово звало к борьбе. [Из истории пропаганды идей марксизма-ленинизма КПЗУ в 20—30-х гг.]. — «Октябрь», Киев, 1972, № 7, с. 120—121. — На укр. яз.

57. Бигаев Ю. Духовное возмужание. О переводах и переводчиках произведений классиков марксизма-ленинизма в Дагестане. — «Сов. Дагестан», 1972, № 1, с. 63—65.

58. Боннер А. Г. Дореволюционные издания трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в библиотеках Восточной Сибири и Дальнего Востока. — «Науч. 6-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 9, с. 61—118.

59. Варбанец Н. В. К вопросу об изучении редких изданий основоположников марксизма-ленинизма. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 203—210.

60. Ефремова О. И. Из истории общественной мысли Белоруссии конца XIX — начала XX в. Минск, «Наука и техника», 1972 (АН БССР. Ин-т философии и права).

См.: Гл. Распространение идей марксизма-ленинизма в Белоруссии, с. 98—166.

61. Издание произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на армянском языке. (1894 — янв. 1972). Краткая история. Библиогр. Ред. коллегия: Х. А. Барсебян (гл. ред.) и др. [Ереван], 1972. 70 с. (АН АрмССР. Сектор науч. информ. по обществ. наукам. Науч.-информ. библиогр. бюллетень. Сер. 2. № 2.).

62. Рахимжанова С. Из истории издания трудов классиков марксизма-ленинизма в Казахстане (1918—1970). — В кн.: Общественные науки. (История КПСС, философия, науч. коммунизм, политекономия). Сборник статей аспирантов и соискателей. Вып. 17. Алма-Ата, 1972, с. 3—13.

63. Циунчук А. Г. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в библиотеках Казанской губернии (1895—1917 годы). — В кн.: Историко-география федосеевских марксистских кружков в Поволжье. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1972, с. 35—67.

64. Баскакова Э. Секрет успеха «Интернэшнл пাবলিশерс». [О публикации изд-вом работ К. Маркса и Ф. Энгельса]. — «Книжное обозрение», 1972, № 9, с. 3.

65. Ормяэ Э. Переведены на родной язык. [Об изд. произведений Маркса и Энгельса на эст. яз. с 1947 по 1971 г.]. — В кн.: Институт истории партии при ЦК КП Эстонии — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 1947—1972. Таллин, 1972, с. 76—78.

66. Пантэзи Р. Пути распространения идей К. Маркса и Ф. Энгельса в Румынии. — В кн.: История общественной мысли. Современ. проблемы. М., «Наука», 1972, с. 198—204.

* * *

67. Архангельская Т. Н. «Капитал» К. Маркса в Яснополянской библиотеке Л. Н. Толстого. — «Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1972, № 22, с. 6—27.

68. Даниельсон Н. Ф. Письмо Н. Ф. Даниельсона. [Публикация письма переводчика «Капитала» К. Маркса. Подготовила к печати А. К. Воробьева]. — «Вопр. истории КПСС», 1972, № 4, с. 111—112.

69. Ковалев И. «Отказаться в дозволении печатать». [О запрещении царской цензурой «Конспективного изложения «Капитала» К. Маркса», сделанного Э. Эвелингом]. — «Нева», 1972, № 2, с. 219—220.

70. Мазовецкая Э. Первые распространители «Капитала» в России. — «Книжная торговля», 1972, № 2, с. 54—55.

71. Миськович Л. «Капитал» в русском переводе. — «Красная звезда», 1972, 8 апр.

72. Сарбей В. Первый перевод «Капитала». — «Наука и общество», Киев, 1972, № 4, с. 27—28. — На укр. яз.

73. Тартаковский Б. Г. Из истории написания и издания работы К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». — «Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1972, № 22, с. 36—49.

74. Уроева А. В. Книга, живущая в веках. [О I томе «Капитала» К. Маркса]. 2-е, доп. изд. М., «Мысль», 1972. 318 с.; 18 л. ил.

75. Уроева А. Самый страшный снаряд... К 100-летию со дня перевода «Капитала» К. Маркса на русский язык. — «Библиотекарь», 1972, № 3, с. 2—5.

76. Чербяну О. Первый перевод «Капитала». К 100-летию выхода в свет I тома на русском языке. — «Днепр», 1972, № 4, с. 130—132. — На молд. яз.

77. Шморгун П. «Капитал» Карла Маркса на Украине. — «Нар. творчество и этнография», 1972, № 2, с. 29—35. — На укр. яз.

См. № 727.

* * *

78. Лебедис Ю. Переводы произведений Энгельса на литовский язык. — В кн.: Творческое наследие Ф. Энгельса и Литва. Вильнюс, 1972, с. 119—142. — На литов. яз.

79. Мертинене Е. Издание трудов Энгельса на литовском языке до 1940 г. — В кн.: Теоретическое наследие Ф. Энгельса и Литва. Вильнюс, 1972, с. 103—118. — На литов. яз.

80. Шморгун П. М. Распространение трудов Ф. Энгельса на Украине в советской историографии. — «Историограф. исследования в Украинской ССР», 1972, вып. 5, с. 30—36. — На укр. яз.

Произведения В. И. Ленина

81. Авдеенко Е. И., Черных А. Г. Публикация ленинских произведений в дальневосточной прессе (1917—1922). — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 9, с. 143—154.

82. Аннануров А. М. Великий дар. [Из истории перевода произведений В. И. Ленина на туркм. яз. за годы Советской власти]. — «Советская литература», Ашхабад, 1972, № 12, с. 47—52. — На туркм. яз.

83. Аннануров А. Родник вдохновения. [Изд. произведений В. И. Ленина на туркм. яз.]. — «Коммунист Туркменистана», 1972, № 12, с. 11—15. — На туркм. яз.

84. Воробьева Т. А. Распространение трудов В. И. Ленина в дореволюционной Белоруссии. (По документам Центр. гос. ист. архива БССР в Минске). — В кн.: С именем В. И. Ленина. Минск, «Наука и техника», 1972, с. 28—33.

85. Гайдай А. Из ленинской «Искры». [О гектограф. изд. работы В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения», хранящейся в фондах науч. б-ки Иркут. ун-та им. А. А. Жданова]. — «Сов. Латвия», 1972, 31 дек.

86. Гамазков К. А. Страница истории распространения марксизма-ленинизма в Японии. [Из истории первой публикации произведения В. И. Ленина «К русскому пролетариату» в Японии. 1904 г.]. — «Вестн. Моск. ун-та». Сер. 14. Востоковедение, 1972, № 2, с. 17—21.

87. Журменек Б. Произведения вождя на туркменском языке. — «Туркм. искра», 1972, 22 апр.

88. Зиемелис С. В. К вопросу о распространении книги В. И. Ленина «Что делать?» в Прибалтике. — В кн.: Книга В. И. Ленина «Что делать?» и местные партийные организации России. Пермь, Кн. изд-во, 1972, с. 452—454.

89. Князев В. Мир читает Ленина. — «Правда», 1972, 21 апр.

90. Козлов А. Д. Произведения В. И. Ленина на Алтае в досоветский период (90-е годы XIX в. — 1917 г.). — В кн.: Из истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1972, с. 3—21 (Новосибир. пед. ин-т. Науч. труды. Вып. 73).

91. Кравченко Е. Е. Лениниана в фондах библиотеки. — В кн.: Сокровищница знаний. Темат. сборник науч. работ. Львов, 1972, с. 36—47 (АН УССР. Львов. науч. б-ка им. В. Стефаника). — На укр. яз.

92. Крейдлина Л. М. Распространение и пропаганда книги В. И. Ленина «Что делать?» — В кн.: Книга В. И. Ленина «Что делать?» и местные партийные организации России. Пермь, Кн. изд-во, 1972, с. 442—451.

93. Кызыл-Оол Н. А. Издание и пропаганда произведений В. И. Ленина на тувинском языке. — В кн.: История и современное состояние библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. Науч. конференция. Тезисы докладов и сообщ. Новосибирск, 1972, с. 3—4.

94. Левина С. История ленинской листовки [«К рабочим и работникам фабрики Торнтон». 1895 г.]. — «Юность», 1972, № 4, с. 106—107.

95-96. Ленин в печати. 1894—1970. Изд. произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. Науч.-стат. сборник. [Предисл. П. А. Чувилова. Сост. Э. О. Майо-Знак, Р. Г. Федосеева, Р. В. Тамаровская и др.]. Изд. 2-е, доп. М., «Книга», 1972. 244 с. (Всесоюз. книжная палата).

Рец.: Прокопенко В. Всегда впереди. — «Книжное обозрение», 1972, № 52, с. 2.

97. Макеев Н. Я. Из истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в Азербайджане (1907—1910 гг.). — «Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана—филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1972, 30, с. 74—98.

98. Малахальцев А. Т. Из истории распространения ленинских произведений в Казани в 90-е годы XIX века. — В кн.: Историография федосеевских марксистских кружков в Поволжье. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1972, с. 83—106.

99. Махарадзе Н. Из истории распространения трудов В. И. Ленина в Грузии (1899—1917 гг.). — «Вопр. новейшей истории Грузии», 1971, № 4, с. 3—18. — На груз. яз.

100. Об издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина на азербайджанском языке. [Излож. постановления ЦК КП Азербайджана]. — «Бакин. рабочий», 1972, 22 авг.

101. Паина Э. С. Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России. (Обзор материалов ЦГИА СССР). — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 290—298.

102. Петрова Л. Н. К истории издания листовки «К рабочим и работникам фабрики Торнтона». — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 191—194.

103. Равнополец Л. С. Брошюра В. И. Ленина «К деревенской бедноте» в Белоруссии. [Изд. брошюры в Белоруссии в 1904—1905 гг.]. — «Памятники истории и культуры Белоруссии», 1972, № 1, с. 10—12. — На белорус. яз.

104. Равнополец Л. С. Из истории издания и распространения первого многотомного собрания сочинений В. И. Ленина на белорусском языке (1929—1934 гг.). — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Вып. 2. Минск, 1972, с. 5—21.

105. Сабандырев И. Л. Распространение книги В. И. Ленина «Что делать?» на юге России и ее влияние на укрепление социал-демократических организаций. — В кн.: Книга В. И. Ленина «Что делать?» и местные партийные организации России. Пермь, Кн. изд-во, 1972, с. 215—224.

106. Саблин И. Издано в начале века. Ранние произведения В. И. Ленина на Алтае. — «Алт. правда», 1972, 22 апр.

107. Савицкая Р. М. К истории публикации документов В. И. Ленина, относящихся ко второму конгрессу Коминтерна. — В кн.: Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий. М., Политиздат, 1972, с. 420—452.

108. Солдатенко В. Ф. Новые сведения о публикации произведений В. И. Ленина в большевистских газетах Украины (март—дек. 1917 г.). — «Укр. ист. журн.», 1972, № 4, с. 54—59. — На укр. яз.

109. Субракова О. В. Переводы трудов В. И. Ленина на хакасский язык. — «Ученые зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории», 1972, вып. 17, с. 111—116.

110. Тонерян Е. А. Переводы работ Ленина на армянский язык. — «Науч. труды Ереван. пед. ин-та рус. и иностр. яз.», 1971, № 5, с. 5—13. — На арм. яз.

111. Хубедова З. Р. О переводе книги В. И. Ленина «Что делать?» на осетинский язык. — «Изв. Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-та», 1971, т. 29, с. 183—189.

112. Шмушкис Ю. Е. Произведения В. И. Ленина в большевистском издательстве «Зерно» (1907—1908 гг.). — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 8—22.

113. Щербakov Н. Н. Из истории распространения произведений В. И. Ленина в колониях политических ссыльных Сибири (1907—1914 гг.). — В кн.: Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972, с. 86—99.

См.: № 572.

РЕШЕНИЯ КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

114. Вопросы идеологической работы КПСС. Сборник важнейших решений КПСС. (1965—1972 гг.). М., Политиздат, 1972.

См.: Вопросы печати, издательского дела, телевидения и радиовещания, с. 513—561.

115. О награждении издательства «Донбасс» орденом «Знак Почета». Указ Президиума Верховного Совета СССР. 22 сент. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 39, ст. 367.

116. О награждении издательства «Московский рабочий» орденом Трудового Красного Знамени. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 21 янв. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 4, ст. 34.

117. О награждении Лениздата орденом Трудового Красного Знамени. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 19 окт. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 43, ст. 410.

118. О награждении Политиздата Украины орденом Трудового Красного Знамени. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 2 ноября 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 45, ст. 430.

119. О назначении тов. Свиридова Н. В. Председателем Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. 22 авг. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1972, № 34, ст. 848.

120. О назначении тов. Стукалина Б. И. Председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 1 авг. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 32, ст. 278.

121-124. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. [Сост.: Л. С. Климанова. Ред. коллегия: А. З. Окорочков и др.] М., «Мысль», 1972. 635 с.

Рец.: Павлов Н. И. — «Вопр. истории. КПСС», 1972, № 9, с. 138—141; Петряков Г. Советская печать, радио, телевидение. — «Полит. самообразование», 1972, № 5, с. 114—116; Ястребов в П. Сборник партийных документов о прессе. — «Корреспондент», 1972, № 6, с. 33.

125. О преобразовании Комитета по печати при Совете Министров РСФСР в

союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР. 22 авг. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1972, № 34, ст. 847.

126. О преобразовании Комитета по печати при Совете Министров СССР в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Указ Президиума Верховного Совета СССР. 1 авг. 1972 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1972, № 32, ст. 277.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

127. Абдуллин Р. Книга о будущем средств информации. [Рец. на кн.: Горбачевский Б. С. Оружие мысли. М., «Сов. Россия», 1971]. — «Книжная торговля», 1972, № 9, с. 62.

128. Антонов А. В. Восприятие внетекстовых форм информации в издании. М., «Книга», 1972. 104 с. и ил.

129. Баренбаум И. Е. Место библиотекведения и библиографовведения в системе книговедения. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 5—22.

130. Барсук А. И. История библиографии и книговедение. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 23—38.

131. Барсук А. И. К построению принципиальной схемы книговедения. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 4, с. 37—44.

132. Болдиш И. Теория библиотечного дела в системе наук. — В кн.: Актуальные проблемы библиотекведения и библиографии. Сборник докладов, представленных на 36-ую сессию Международной федерации библиотеч. ассоциаций (Москва. 1970 г.). М., 1972, с. 25—31.

133. Время и книга: враги или союзники? [Статьи:] П. Ф. Кай. Слову многое дано. — А. Азимов. Сокровища «книжного червя». — Э. Рава. Роман с контрафоготом. — Н. Ветлова. Диктатура бестселлера. — «Лит. газ.», 1972, 19 янв., с. 13.

134. Вулис А. З. Советский сатирический роман 20-х годов. Проблема взаимосвязи типа издания и жанра произведения. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1972. 31 с. (Моск. гос. ун-т. Фак. журналистики).

135. Дерунов К. Н. Избранное. Труды по библиотекведению и библиогр. Под общ. ред. Ю. В. Григорьева. [Предисл. М. К. Деруновой и Ю. В. Григорьева. Сост. М. К. Дерунова]. М., «Книга», 1972. 237 с. с портр. (Труды отеч. книговедов).

Содерж.: Предисловие. — Жизненные задачи библиографии (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки. — Примерный библиотечный каталог. Из предисловия к 1-й части 1-го издания. — Роль библиотек в деле нашего возрождения. (Мысли по поводу книги г. Рубакина «Среди книг»). — Примерный библиотечный каталог. Из предисловия ко 2-й части 1-го издания. — Об «едином» народной библиотеке. (В связи с вопросом о примерных библиотечных каталогах). — Примерный библиотечный каталог. Из предисловия к 1-й части 2-го издания. — Об очередных задачах Общества библиотекведения. — К вопросу об упорядочении журнальной библиографии. — Типичные черты в эволюции русских центральных государственных книгохранилищ. — Библиография русских рецензий. — Библиография русских рецензий. — У истоков мировой библиографии. Предисловие. — Список печатных работ К. Н. Дерунова. — Список неопубликованных работ К. Н. Дерунова. — Список работ о К. Н. Дерунове.

136. Друзья книги. [О значении книги в ком. воспитании трудящихся. Передовая]. — «Правда», 1972, 20 февр.

137. Егоров Б. Ф. Книга о рукописях и книгах. [Рец. на кн.: Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., «Просвещение», 1970]. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 1972, с. 210—215.

138. Журналистика и литература. [Сборник статей. Посвящ. проф. А. В. Западову]. Ред.-сост. К. М. Накорякова. Под ред. Э. А. Лазаревич. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972. 289 с. с портр.

139. Западов А. В. В глубине строки. О мастерстве читателя. М., «Сов. писатель», 1972. 279 с.; 1 л. портр.

140. Издательское дело. Книговедение. Науч.-информ. сборник. [Ред. коллегия: П. А. Чувилов (гл. ред.) и др.] 1972. №№ 1(27) — 12(38). М., «Книга», 1972. (Всесоюз. книжная палата. ЦБНТИ по печати. Реф. информация).

141. Каганов И. Я. Капитальное исследование. [Рец. на кн.: Корнейчик И. И. История украинской библиографии. Досоветский период. Харьков, Изд-во Книжной палаты УССР, 1971]. — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 92—96.

142. Кандидатский минимум по специальности «Книговедение» (специализация: «История, теория и практика издательского дела», «Теория и практика редактирования» и «История, теория и практика книгораспространения»). Под ред. Н. М. Сикорского. М., 1972. 21 с. (Моск. полиграф. ин-т. Каф. книговедения и редактирования. Каф. книжного дела и библиографии).

143-145. Книга. Исследования и материалы. [Ред. коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др.] Сб. 23—25. М., «Книга», 1972. (Всесоюз. книжная палата).

Сб. 23. 254 с. с ил.

Сб. 24. 264 с. с ил.

Сб. 25. 238 с. с ил.

146. Книга и графика. [Сборник статей. Посвящается 80-летию чл.-кор. АН СССР А. А. Сидорова. Редколлегия: А. И. Маркушевич (пред.) и др. М., «Наука», 1972]. 315 с. с ил. (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).

147. Коршунов О. П. Библиография как система. — «Сов. библиогр.», 1972, № 1, с. 52—75.

148. Лиров В. П. Книговедение и библиография сегодня. (К вопросу о предпосылках формирования книговедения как комплексной науки). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 19—42.

149. Лиров В. П. Новое польское книговедческое издание. [Рец. на кн.: *Studia o ksiazce*. [Т.] 1. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1970. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 190—195.

150-151. Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. Сборник избр. книговед. работ. [Вступит. статья А. А. Сидорова. Сост. Н. В. Варбанец]. М., «Книга», 1972. 327 с. с ил.

Содерж.: В. С. Люблинский как книговед. — От составителя. — К вопросу об общественной роли письма и книги. — Подвиг Гутенберга. — Ранняя книга как ступень в развитии информации. — О распространении сочинений Авиценны на средневековом Западе. — О значении советских собраний инкунабулов. — Античные авторы в изданиях XV в. в собрании Государственной публичной библиотеки (Вводный очерк к I выпуску Ката-

лога инкунабулов). — Владельческие признаки на книгах и их историческое значение. — Библиотека Вольтера (Исторический очерк). — Список трудов В. С. Люблинского.

Рец.: Владимиров Л. — «В мире книг», 1972, № 12, с. 39—41.

152. Ляхов В. Н. Живая жизнь книги. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 8—12.

153. Маркушевич А. И. Пограничные вопросы истории науки и истории книги. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 188—190.

154. Мещеряков В. Буква, слово, строка, книга. [Рец. на кн.: Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., «Вышш. школа», 1969; Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., «Промсвещение», 1970]. — «Знание — сила», 1972, № 6, с. 53—54.

155. Молодчиков А. В. Современные проблемы украинского книговедения. — «Гос. библиогр. на Украине», 1972, вып. 4, с. 25—34. — На укр. яз. Рез. на рус. яз.

156. Монастырский И. М., Горбась В. Е. Польская энциклопедия книговедения. [Рец. на кн.: *Encyklopedia wiedzy o ksiazce*. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1971]. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 3, с. 42—44.

157. Мыльников А. С. О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 8—21.

158. Набатова М. Б. Современное состояние и перспективы развития информации в области библиотековедения и библиографоведения. — «Сов. библиогр.», 1972, № 3, с. 3—19.

159. Немовский Е. Л. Новые труды болгарских книговедов. [Рец. на кн.: Василев М. Общо и приложно книгознание. 2-е доп. изд. София, «Наука и искусство», 1970; Атанасов П. 25 години Българска илюстрация на книгата. 1944—1969. Библиография. София, 1970]. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 3, с. 40—42.

160. Опульская Л. Популярная текстология. [Рец. на кн.: См. № 137]. — «Вопр. лит.», 1972, № 3, с. 210—213.

161. Пекелис В. [Рец. на кн.: См. № 127]. — «В мире книг», 1972, №, с. 39.

162. Первая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 222—228.

163. Пэп Л. Книга в современном обществе. — В кн.: Тартуский университет. Научная библиотека. Научная конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 66—69.

164. Равич Л. М. История библиографии как учебная дисциплина. — «Сов. библиогр.», 1972, № 6, с. 13—18.

165-166. Сидоров А. А. Книга и жизнь. Сборник книговедч. работ. М., «Книга», 1972. 231 с. с ил.

Содерж.: Книга и жизнь. Вместо введения. — Искусство книги. — От рукописи до современной книги. — Книга как объект изучения и художественные элементы книги. — Художественно-технические особенности славянского первопечатания. — Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания. — Книговедение — это наука. — Советская история книги. — Мастера книги из Ленинграда. — Книга — Печать — Искусство.

Рец.: Сикорский Н. За полвека. — «В мире книг», 1972, № 8, с. 41—42.

167. Сидоров А. А. Любите книгу! — «Книжная торговля», 1972, № 5, с. 26—27.

168. Сидоров А. А. У птицы два крыла... — «Книжное обозрение», 1972, № 15, с. 12.

169. Сикорский Н. М. Двадцать сборников «Книга» и их роль в развитии советского книговедения. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 19—28.

170. Сикорский Н. М., Барсук А. И. Советское книговедение на современном этапе и его актуальные проблемы. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 5—18.

171. Соколова Е. П. Тип вступительной статьи к научно-массовому изданию (на материале выпусков Большой серии «Библиотеки поэта»). — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 240—253.

172. Тумановский Руслан. Книга между прошлым и будущим. — «Моск. комсомолец», 1972, 13 февр.

173. Ученый совет Всесоюзной книжной палаты, посвященный 50-летию образования СССР. — «Сов. библиогр.», 1972, № 6, с. 95—96.

174. Феллер М. Д. Научно-техническая революция, социальный прогресс и книга. — «Полиграфия и изд. дело», 1972, № 8, с. 125—131. — На укр. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

175. Фортунатов Н. М. [Рец. на кн.: См. № 137]. — «Науч. докл. высш. школы. Филол. науки», 1972, № 3, с. 118—120.

176. Чубарьян О. С. Библиотекоеведение в системе наук. — В кн.: Актуальные проблемы библиотекоеведения и библиографии. Сборник докладов, представленных на 36-ю сессию Междунар. федерации библиотеч. ассоциаций (Москва. 1970 г.). М., 1972, с. 1—24.

177. Чувииков П. А. План научно-исследовательских работ Всесоюзной книжной палаты на 1972 год. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 7, с. 6—9.

178. Энциклопедический словарь «Книговедение». Словник. [Сост. Ф. С. Сонкина, Н. А. Абиндер. Под общ. ред. А. А. Сидорова, Н. М. Сикорского]. М., 1972. 92 с. (Всесоюз. книжная палата).

179. Эскарпи Р. Революция в мире книг. [Сокр. пер. с франц.] М., «Книга», 1972. 127 с. с диагр.

180. Якимович Ю. К. Типология словарных изданий. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 22—30.

* * *

180а. Бриль М. Н. Путь в мир чудес. (Путеводитель книголюбца). Харьков, Книжная палата УССР, 1972. 120 с. — На укр. яз.

181. В клубах книголюбов. [Статьи: Авт.: Л. Наппельбаум; А. Липец; М. Брукаш; А. Куликов]. — «В мире книг», 1972, № 9, с. 42—43.

182. Маркушевич А. И. Библиотека ученого. — «Наука и жизнь», 1972, № 5, с. 38—43.

183. Машинский С. Золотоискатель — перед Гималаями. О справочно-библиогр. службе. — «Лит. газ.», 1972, 29 ноября, с. 4.

* * *

184. Басюлис И. Журнал критики и библиографии «Книгос» («Книги»). — «Книговедение», Вильнюс, 1972, вып. 2, с. 119—128. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

185. Вовченко И. А., Каганов И. Я. На заре украинского советского книговедения. (Укр. книговедч. периодика 20-х годов). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 142—160.

186. Водка Г. Н. Из истории журнала «Книга и революция». — «Труды Ленингр. ин-та культуры», 1972, т. 24, с. 72—94.

187. Водка Г. Н. «Книга и революция» — первый советский критико-библиографический журнал. — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 49—58.

188. Водка Г. Н. Критико-библиографический журнал «Книга и революция» (1920—1923 гг.) и его роль в становлении советской библиографии. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Л., 1972. 25 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

189. Водка Г. Н. Состояние и основные направления развития библиографической периодики в первые годы Советской власти (1917—1924 гг.). — «Сборник аспиран. работ Ленингр. ин-та культуры», 1972, вып. 2, ч. 1, с. 3—34.

190. Инькова Л. М. Печать пропагандистов книги. — «Библиотекарь», 1972, № 5, с. 20—24.

191. Критика и читатель. [Рец. на журн. «В мире книг» и газ. «Книжное обозрение»]. — «Лит. газ.», 1972, 8 марта, с. 2 — Подпись: Литератор.

192. Филонович Ю. К. Для тех, кто создает и пропагандирует книгу. [С журн. «В мире книг»]. — «Книжное обозрение», 1972, № 37, с. 9.

* * *

193. Алферова Л. Н., Касабова Б. Н. Советская библиография. Сист. указ. содержания (1933—1970). Под ред.

А. Ф. Кузнецовой. М.; «Книга», 1972. 210 с. (Всесоюз. книжная палата).

194. Указатель статей, опубликованных в 1—25 сборниках «Книга. Исследования и материалы». — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 220—235.

195. Фурсенко Л. И. Книговедение. Указатель литературы за 1969 г. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 235—255.

196. Фурсенко Л. И. Книговедение. Указатель литературы за 1970 г. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 196—219.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД КНИГИ

197. Агаханян Г. Международный год книги. — «Коммунист», Ереван, 1972, 20 июля.

198. Ахмет Ж. Год книги в МНР. — «Книжная торговля», 1972, № 10, с. 48—49.

199. Бачалдин Б. Н. Международный год книги. — «Сов. библиогр.», 1972, № 1, с. 3—8.

200. Гордон Н. Г., Лемаш И. М. Международный год книги. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 3, с. 44—45.

201. Гуссак Т. Международный год книги в Польше. — «Книжная торговля», 1972, № 5, с. 34—35.

202. Дундзене Б. Международный год книги в Литве. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 8, с. 43.

203. Каневский Б. Идет Международный год книги. — «Распространение печати», 1972, № 5, с. 30—32.

204. Каневский Б. П. 1972-й — Международный книжный год. — «Б-ки СССР», 1972, вып. 55, с. 3—12.

205. Карлов А. Год книги продолжает путь. — «Сов. культура», 1972, 17 авг.

206. Куницкая Л. Международный год книги. — «Сов. Молдавия», 1972, 18 янв.

207. Левина А. Книжный год планеты. [Об открытии Междунар. года книги в СССР]. — «Комс. правда», 1972, 29 янв.

208. Лихтенштейн Е. Всемирный праздник книги. — «Наука и жизнь», 1972, № 11, с. 20—24.

209. Мартиросян Г. Международный год книги. [Об участии СССР в программе Междунар. года книги. 1972]. — «Книжная торговля», 1972, № 2, с. 2—3.

210. Международный год книги. — «Б-ки СССР», 1972, вып. 54, с. 3.

211. Международный год книги. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 5—7.

212. Международный год книги. — «Соц. культура», 1972, № 3, с. 3. — На укр. яз.

213. Международный год книги — 1972. [По материалам совещания руководителей книгоиздательского дела социалистических стран. Прага. Ноябрь 1971 г.]. — «Издательское дело. Экспресс-информация», 1972, № 2, с. 1—13.

214. Мелентьев Ю. С. Праздник книги. — «Полиграфия», 1972, № 6, с. 1—3.

215. Михайлова А. СССР — страна книги. [К открытию Междунар. года книги]. — «Книжная торговля», 1972, № 4, с. 12—13.

216. Открытие в СССР Международного года книги. — «Сов. библиогр.», 1972, № 2, с. 72—73.

217. Павловская И. И. Международный год книги в социалистических странах Европы. — «Информ. о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом», 1972, № 6, с. 3—8.

218. Павловская И. И. Международный год книги и развивающиеся страны. — «Информ. о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом», 1972, № 3, с. 3—5.

219. Павловская И. И. Международный год книги — 1972. Программа деятельности. — «Информ. о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом», 1972, № 1, с. 3—8.

220. Перельгин И. Международный год книги [в СССР]. — «Гудок», 1972, 11 мая.

221. Плющ А. Человек и книга. — «Известия», 1972, 11 авг., Моск. веч. выпуск.

222. Познанская М. П. Международный год книги в западноевропейских странах. — «Информ. о библиотеч. деле и библиогр. за рубежом», 1972, № 4, с. 3—7.

223. Праздник печатного слова. — «Библиотечка», 1972, № 4, с. 2—5.

224. Принят Устав книги. — «Библиотечка», 1972, № 4, с. 60.

225. Сажин В. Печатное слово в мире информации. — «Молодой коммунист», 1972, № 6, с. 96—99.

226. Серов В. Книга служит миру. — «Сов. культура», 1972, 27 июня.

227. Славина Н. Г. Международный симпозиум ЮНЕСКО «Книга на службе мира, гуманизма и прогресса». [Москва. Сент. 1972 г.] — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 10, с. 32—35.

228. Стукалин Б. И. Книга и мир. [О программе Междунар. года книги. Беседа с пред. Ком. по печати при Совете Министров СССР Б. И. Стукалиным. Записал М. Глебов]. — «Труд», 1972, 23 февр.

229. Ступникова Т. С. Книга для всех. К проведению Междунар. года книги. — «Сов. библиогр.», 1972, № 5, с. 9—12.

230. Ступникова Т. С. Международный год книги. — «Сов. библиогр.», 1972, № 2, с. 77—80.

231. Тихменева Г. Международный год книги. — «Книжное обозрение», 1972, № 1, с. 3.

232. Томин В., Кирсанов А. Международный год книги. — «Нар. образование», 1972, № 7, с. 99—101.

233. 1972 год — Международный год книги. [Об участии СССР в программе Междунар. года книги. Передовая]. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 2, с. 3—5.

234. Фонов Г. Книга в изменяющемся мире. — «Книжная торговля», 1972, № 5, с. 36—38.

235. Фурцева Е. Год книги. — «Сов. Россия», 1972, 18 февр.

236. Фурцева Е. А. Книга — достояние народа. — «Б-ки СССР», 1972, вып. 54, с. 4—8.

236а. Фурцева Е. Праздник для человечества. — «Культура и жизнь», 1972, № 7, с. 2—3.

237. Швейцер П. Год книги в Венгрии. — «Книжная торговля», 1972, № 7, с. 42—43.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

238. Барсук А. И. Стандартизация библиографической терминологии и некоторые вопросы теории. — В кн.: Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. XVII науч. конференция проф.-преподавательского состава. 30—31 марта 1972 г. Краткие тезисы докладов. Л., 1972, с. 58—60.

239. Дубова Н. М. К вопросу о немецкой библиотечной терминологии. — В кн.: Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. XVII науч. конференция проф.-преподавательского состава. 30—31 марта 1972 г. Краткие тезисы докладов. Л., 1972, с. 103—104.

240. Кусков А. Н. Новый словарь терминов по информатике. [Рец. на кн.: Словарь терминов по информатике на русском и английском языках. Под ред. А. И. Михайлова. М., «Наука», 1971]. — «Науч.-техн. информация» (ВИНИТИ). Сер. 1. Организация и методика информ. работы, 1972, № 11, с. 35—36.

241. Манохина Р. Нужен новый терминологический словарь. — «Библиотекарь», 1972, № 1, с. 58—60.

242. Романова Р. М., Суслова И. М., Уланова Л. Н. Словарь библиотечных терминов. Проект для обсуждения. Вып. 2. Библиотечные каталоги. М., 1972. 139 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).

243. Слуховский М. И. Термин «библиотека» в феодальной России. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 106—112.

244. Суслова И. М. Состояние и упорядочение библиотечной терминологии. — «Б-ки СССР», 1972, вып. 52, с. 63—71.

245. Тезаурус по издательскому делу. (1-я ред.) [Сост.: И. М. Монастырский, И. С. Добронравов, А. Л. Муратов, Л. С. Аборина]. М., 1972. 173 с. (Всесоюз. книжная палата. ЦВНТИ по печати).

246. Тяпкин Б. Г. Аппарат производства печати. Словарь-указ. основных терминов. Учеб. пособие для студентов фак. редактирования печ. изд. М., 1972. 20 с. (Моск. полигр. ин-т. Кафедра книговедения и редактирования).

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ, ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

247. Анушкин А. И. Тайны старопечатной книги. Поиски, находки, загадки. Симферополь, «Таврия», 1972. 127 с. с ил.

248. Белов С. От Ивана Федорова. [Рец. на кн.: Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. М., «Книга», 1971]. — «Книжное обозрение», 1972, № 3, с. 12.

249. Беляев В. Книга о книгах. [Рец. на кн.: Новоселова К. И. Колдовство дозволенное. Рассказы о книгах. Ташкент,

Изд-во лит. и искусства, 1971]. — «Ферган. правда», 1972, 25 февр.

250. Глухов А. На разных языках. [О книгах из б-ки Посольского приказа]. — «В мире книг», 1972, № 11, с. 16—18.

251. Глухов А. Там, где хранилась «Задонщина». [О книжном собрании Кирилло-Белозерского монастыря]. — «В мире книг», 1972, № 12, с. 14—15.

252. Говоров А. А., Дюшен Н. И. К вопросу об определении букинистической редкости книг. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 4, с. 29—32.

253. Горак Ф. р. Заметки о методах изучения истории книгопечатания. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 13—18.

254. Дьюла Я. Разглядывая «малютки». [Автор статьи, директор Университетской типографии в Будапеште, рассказывает о своей коллекции миниатюрных книг]. — «В мире книг», 1972, № 10, с. 46—47.

255. Дюшен Н. «Редкая книга». Что под этим понимают? — «Книжная торговля», 1972, № 11, с. 28—29.

256. И. Б. Из опыта работы с редкой книгой. [Рец. на кн.: Сборник методических материалов. (Опыт работы). Вып. 1, Л., 1968 (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)]. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 216—221.

257. Иноземцев И., Пупченко В. Библиотеки седой старины. [Рец. на кн.: Глухов А. И. Из глубины веков. Очерки о древ. б-ках мира. М., «Книга», 1971]. — «Библиотекарь», 1972, № 4, с. 63—64.

257а. Кострин К. [Рец. на кн.: см. № 257]. — «Семья и школа», 1972, № 10, с. 52.

258. Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. [Ч. 2]. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 341—356.

259. Лебедева Н. Русско-славянские книжные связи XI—XIII веков. — В кн.: Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. XXIII студенческая науч. конференция, посвященная 50-летию образования СССР. 19—20 апр. 1972 г. Л., 1972, с. 7—8.

260. Лидин В. л. Друзья мои — книги. — «В мире книг», 1972, № 7, с. 43—45; № 9, с. 44—45; № 11, с. 43—44.

261. Лукьяненко В. Судьбы первопечатных. — «В мире книг», 1972, № 5, с. 46.

262. Мартынов И. Экспедиции за книгами. — «Книжная торговля», 1972, № 5, с. 60—61.

263. Михайлов Н. История — это и сегодняшний день. [Рец. на кн.: См. № 248]. — «Книжное обозрение», 1972, № 20, с. 8.

264. Молибоженко Р. А. Из истории энциклопедий. — «Вестн. Моск. унта». Сер. 11. Журналистика, 1972, № 6, с. 80—85.

265. Орлов С. А. Сокровища, принадлежащие народу. [О редких книгах, хранящихся в б-ках и архивах г. Горького]. Горький, Волго-Вят. кн. изд-во, 1971. 40 с. с ил.

266. Парийский Е. Книги древние и новейшие. [О создании музея книги в Киеве]. — «Рабочая газета», Киев, 1972, 2 апр.

277. Петрарка. Диалоги Петрарки о собирателях и авторах книг. Вступит. заметка А. Маркушевича. Публикация и пер. с латин. Г. И. Ломонос-Ровной. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 179—187.

278. Рацек В. [Рец. на кн.: См. № 249]. — «Правда Востока», 1972, 25 янв.

279. Сидоров А. А. [Рец. на кн.: См. № 248]. — «В мире книг», 1972, № 5, с. 42—43.

280. Соловей В. [Рец. на кн.: См. № 257]. — «Новый мир», 1972, № 1, с. 284—285.

281. Султанов Р. [Рец. на кн.: См. № 249]. — «В мире книг», 1972, № 2, с. 43.

282. Хавкин А. Все о книге. — «Огонек», 1972, № 50, с. 30—31.

283. Шагинян М. В библиотеке Петра Великого. [Напеч. с сокр.]. — «Лит. Россия», 1972, 9 июня, с. 22.

* * *

284. Ласунский О. Г., Мартынов И. Ф. К истории создания Ленинградского общества библиофилов (1923—1924 гг.). — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 295—302.

285. Помирчий Р. [Рец. на кн.: Берков П. Н. История советского библиофильства. (1917—1967). М., «Книга», 1971]. — «Новый мир», 1972, № 8, с. 284.

286. Рисс О. [Рец. на кн.: См. № 285]. — «Звезда», 1972, № 4, с. 221—222.

ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОСТИ

287. Ахмеров К. З. Из истории башкирской письменности. (История алфавита и орфографии башк. лит. яз.). Отв. ред. Дж. К. Киекбаев. Уфа, Башкнигоиздат, 1972. 134 с. (АН СССР. Башк. филиал. Ин-т истории, яз. и литературы). — На башк. яз. Рез. на рус. яз.

288. Вайман А. А. О связи протоэламской письменности с протошумерской. — «Вестн. древней истории», 1972, № 3, с. 124—133.

289. Вебра Р. Отношение царских чиновников к запрету литовской письменности. — «Книговедение», Вильнюс, 1972, № 2, с. 129—141. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

290. Веллас Г. Я. Появление греческой письменности и роль жречества в его возникновении в освещении Я. Кордатося. — В кн.: Вопросы истории и филологии. Сборник науч. статей преподавателей подготов. факультетов для иностр. граждан. Воронеж, 1972, с. 30—44.

291. Весенский В. Загадка истории инков. [О расшифровке письменности инков перуан. антропологом В. де ла Хара]. — «Комс. правда», 1972, 13 фев.

292. Висоцкий С. О. Некоторые черты древнерусской письменности IX—X вв. по археологическим памятникам. — «Языкознание», Киев, 1971, № 3, с. 3—12. — На укр. яз.

293. Выставка памятников письменности Древнего Египта. К 150-летию дешифровки египетских иероглифов. Франсуа Шампольоном. М., «Наука», 1972. 8 с.

294. Гранстрем Е. Э. Новая книга по латинской палеографии. [Рец. на кн.: Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., «Высш. школа», 1969]. — «Сред. века», 1972, вып. 35, с. 281—283.

295. Даниялов А. Д. Из истории борьбы за новую письменность и ликвидацию неграмотности в Дагестане. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, с. 133—137.

296. Захарова А. Е. Зарождение якутской письменности и первые книжки для детей. — В кн.: Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. XVII науч. конференция проф.-преподавательского состава. 30—31 марта 1972 г. Краткие тезисы докладов. Л., 1972, с. 73—74.

297. Исаев А. А. О формировании и развитии письменности народов Дагестана. — «Социол. сборник», Махачкала, 1970, вып. 1, с. 173—232.

298. Климов Г. А. Заметки по дешифровке авганской (кавказско-албанской) письменности. — «Изв. АН СССР». Серия лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 50—54.

299. Козырева Т. Памятники родного языка. [Возникновение письменности у предков осетин]. Орджоникидзе, «Ир», 1972. 64 с. с ил. (Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, яз. и литературы. Науч.-попул. серия «На древ. земли Осетии». 4).

300. Кондратов А. М. Загадка сфинкса. (150 лет египтологии). М., «Знание», 1972. 77 с. с ил. ([Прочти, товарищ!]).

301. Курдоев К. К. Об алфавите ездских религиозных книг. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годич. науч. сессия ЛО ИВ АН (Автоаннотации и краткие сообщ.) М., «Наука», 1972, с. 196—199.

302. Лыткин В. И. Шестьсот лет коми письменности. — «Сов. финно-угроведение», 1972, т. 8, № 4, с. 291—295.

303. Мартынов Л. Инки вовсе не молчали. [Об открытии перуан. исследовательницей В. де ла Харой письменности древних инков]. — «Вокруг света», 1972, № 11, с. 24—27.

304. Некоторые вопросы дешифровки киданского письма. — В кн.: Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М., «Наука», 1972, с. 79—95. — Авт.: М. В. Арапов, А. М. Каралетянц, З. М. Малиновская, М. А. Пробст.

305. Очерки истории культуры Бурятии. [В 2-х т.]. Т. I. Улан-Удэ, Буряткнигоиздат, 1972 (АН СССР. Сиб. отделение. Бурят. филиал. Бурят. ин-т обществ. наук).

См.: Язык и письменность, с. 368—378.
306. Петров Н. П. 100-летие новой чувашской письменности. — «Сов. тюркология», 1972, № 3, с. 103—107.

307. Петров Н. П. Чувашская письменность. (К 100-летию новой письменности). Чебоксары, Чувашкнигоиздат, 1971. 64 с. (Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР). — На чуваш. яз.

308. Поле Т. А. К вопросу о развитии русской палеографии в первой четверти XIX века. — В кн.: Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Сборник науч. статей. Днепропетровск, 1972, с. 97—106.

309. Рачков А. Впервые на родном языке. [О введении нац. письменности в Сомали]. — «Сов. культура», 1972, 12 дек.
310. 100 лет новой чувашской письменности. Сборник статей. Чебоксары, 1972. 104 с. (Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР). — На рус. и чуваш. яз.

Из содерж.: Н. Е. Егоров. 100 лет новой чувашской письменности. — В. Ф. Каховский и О. орунической письменности древних чувашей. — Л. П. Сергеев. О дояковлевском периоде чувашской письменности. — Н. П. Петров. Зарождение и развитие новой чувашской письменности.

311. Убрятова Е. И. Распространение письменности у алтайцев и якутов до революции. — «Учен. зап. Тув. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории», 1971, вып. 15, с. 170—178.

312. Федотов М. Р. К вопросу о древнечувашской письменности. — «Сов. тюркология», 1972, № 5, с. 108—114.

313. Хара В. де ла. Дешифровка письменности инков и проблема кипу. [Сокр. докл. перуан. исследовательницы на I конгрессе «Человек и культура Анд». Лима. Янв. 1972 г. Подгот. к печати и послесл. «О статье Виктории де ла Хара» Ю. В. Кнорозова]. — «Латин. Америка», 1972, № 5, с. 165—184.

314. Хара В. де ла. Открыты вековые тайны письменности инков? [Интервью перуан. исследовательницы В. де ла Хара. Записал У. Оррильо. Сокр. пер. из перуан. журн. «Ойга», 1972, № 457. С предисл. ред.] — «Латин. Америка», 1972, № 4, с. 110—113.

315. Шеворошкин В. В. К происхождению и взаимовлиянию алфавитов Балканского полуострова, островов Эгейского моря и Малой Азии. — В кн.: Симпозиум по балканскому языкознанию. 1-й. Москва. 1972. Предварительные материалы. (Тезисы докладов. Сообщ. Аннотации). М., 1972, с. 39—41.

См. № 154, 736.

РУКОПИСНАЯ КНИГА

316. Азволинская И. Д., Кукушкина Е. Д., Махновец Т. А. Поездка за рукописями на Пинегу и Верхнюю Тойму летом 1970 года. — В кн.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 437—440 (АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Труды Отд. древнерус. лит. 27).

317. Амосов А. А. Копийная книга Антониево-Сийского монастыря. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 276—283.

318. Атанешвили Л. О криптограммах грузинской синайской рукописи. — «Вестн. Отд-ния обществ. наук АН СССР». Серия яз. и литературы, 1972, № 4, с. 169—171. — На груз. яз.

319. Бегунов Ю. К. Древнерусская книжная рукописная традиция Причудья. (Обзор). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 371—389.

320. Бегунов Ю. К. Ценное описание славянских рукописей. — «Сов. архивы», 1972, № 1, с. 112—113.

321. Белоброва О. А. Лицевые рукописи. (Краткий обзор). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 307—322.

322. Бихэн Э. Греческие рукописи Матенадарана им. Маштоца. — «Ист.-филол. журн.», 1972, № 1, с. 266—268. — На арм. яз.

323. Брегель Ю. Э. Восточные рукописи в Казани. — В кн.: Письменные памятники Востока. Ист.-филол. исследования. Ежегодник. 1969. М., «Наука», 1972, с. 355—373.

324. Булгаков М. Б. О датировке отдельных рукописей ЦГАДА. — «Сов. архивы», 1972, № 4, с. 59—64.

325. Волкова Т. Ф., Литвинова Н. Н., Рождественская М. В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. [С прил. списка рукописных книг XVI—XX вв.]. — В кн.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 431—436 (АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Труды отд. древнерус. лит. 27).

326. Гаприндашвили Н. Н. Текстологическо-палеографический анализ греческих рукописей «Варлаама и Иоасафа» («Балавариони»). По двум Афонским и одной Иерусалим. рукописям. — «Труды Тбил. ун-та», 1972, № 5, с. 187—200. — На груз. яз. Рез. на рус. яз.

327. Глушенко Д., Шугай О. Матенадаран — сокровищница мудрости. — «Знание и труд», 1972, № 8, с. 8—10. — На укр. яз.

328. Горфункель А. Х. Падуанский кодекс XV в. в собрании рукописей ГПБ. — «Сред. века», 1972, вып. 35, с. 222—229.

329. Гранстрем Е. Э. Неизвестный греческий сборник бесед Василия Великого. — «Вестн. Отд-ния обществ. наук АН СССР». Серия яз. и лит., 1971, № 1, с. 173—178.

330. Гранстрем Е. Э. Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде. (Материалы для истории библиотек в Византии. II). — В кн.: Византия и Восток. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1971, с. 17—25 (АН СССР, Рос. палестин. о-во. Палестин. сборник. Вып. 23(86)).

331. Григорян Г. О. Философские рукописи Матенадарана. — «Вопр. филологии», 1972, № 10, с. 123—131.

332. Гумницкий И. И. Лицевое Евангелие XVI века из собрания В. Н. Перетца. — В кн.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 450—453 (АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Труды Отд. древнерус. лит. 27).

333. Дмитриев Л. А. Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 330—337.

334. Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. КATALOGI, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — В кн.: Письменные памятники Востока. Ист.-филол. исследования. Ежегодник. 1969. М., «Наука», 1972, с. 145—177.

335. Дмитриева Л. В. Тюркские рукописи коллекции «новая серия» собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Восточный сборник», 1972, вып. 3, с. 76—85.

336. Дьяконова Н. В. Бухарский список «Гулистана» Са'ди из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В кн.: Средняя Азия и Иран. Сборник статей. Л., «Аврора», 1972, с. 136—148.

337. Древнерусское искусство. Рукописная книга. [Сборник статей. Сост. О. И. Подобедова, Г. В. Попов]. М., «Наука», 1972. 368 с. с ил. (АН СССР, Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР, Археогр. комис. АН СССР).

Содерж.: О. И. Подобедова. Некоторые проблемы изучения рукописной книги. — Н. Н. Розов. Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородским материалам). — Б. Н. Флорья. О реконструкции состава древнерусских библиотек. — М. В. Шепкина. О происхождении Успенского сборника. — В. Б. Гиришберг. «Козьльборг» в Изборнике Святослава 1073 года. — Г. И. Вздорнов. Рисунки на полях

Типографского Устава. — О. С. Попова. Новгородская миниатюра раннего XIV века и ее связь с палеологовским искусством. — Г. И. Вздорнов. Из истории искусства русской рукописной книги XIV века. — А. В. Рындина. Оклад Евангелия Симеона Ивановича Гордого. — Б. Л. Фонкич. Греческая рукопись митрополита Фотия. — Л. В. Бетин. Псковская миниатюра 1463 года и некоторые проблемы псковской живописи середины XV века. — В. А. Кучкин. О времени написания Буслаевской Псалтири. — Г. В. Попов. Орнаментация рукописи 1499 года из московского Успенского собора. — Н. В. Розанова. Об одной группе миниатюр первой четверти XVI века. — Г. В. Попов. Дионисий и московская миниатюра. (Иллюстрация Лествицы в рукописи Герасима Замыцкого — памятник белозерского периода деятельности артели художника). — Н. В. Синицына. Книжный мастер Михаил Медоварцев. — Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В. П. Гребенюк. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери».

338. Измайлова Т. А. Защитные листы некоторых рукописей Матенадарана с «византизирующими» миниатюрами XI века. — «Вестн. обществ. наук», 1971, № 10, с. 69—77.

339. Измайлова Т. О четвероевангелии 1071/1078 года. — «Ист.-филол. журн.», 1972, № 1, с. 277—283.

340. Князевская О. А. [Рец. на кн.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева. Ч. 1. М., 1970]. — «Изв. АН СССР». Серия лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 2, с. 189—191.

341. Кологривов Л. Фолианты древней Армении. — «Лесная пром-сть», 1972, 22 апр.

342. Копреева Т. Н. Художественные традиции Остромирова Евангелия в книжной орнаментике XVI в. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 115—119.

343. Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи «новой серии» в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Восточный сборник», 1972, вып. 3, с. 61—75.

344. Кукушкина М. В. Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Николо-Корельском, Александров-Свирском) в XVI—XVII вв. — «Вспомогательные ист. дисциплины», 1972, вып. 4, с. 105—120.

345. Кукушкина М. В. Рукописи Библиотеки Академии наук СССР, соб-

ранные при участии В. И. Малышева. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 401—405.

346. Кучкин В. А. Древнейшая болгарская рукопись из собраний города Горького [Конец XIV в.] — «Сов. славяноведение», 1972, № 5, с. 69—71.

347. Лебанидзе Г. Рассказывают века. [О фондах Ин-та рукописей им. Кекелидзе АН ГССР. Тбилиси]. — «Правда», 1972, 23 ноября.

348. Лебедева И. Н. Кодикология — наука о рукописных книгах. — «Вспомогательные ист. дисциплины», 1972, вып. 4, с. 66—77.

349. Лихачева В. Д. Миниатюры Киевской Псалтири и их византийские источники. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 38—47.

350. Лихачева О. П. Подготовка Сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — «Изв. АН СССР». Серия лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 97—101.

351. Мазунин А. И. Рукописные и старопечатные книги библиотек Алматы и Фрунзе. — В кн.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 445—449 (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Труды Отд. древнерус. лит. 27).

352. Малышев В. И. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — «Рус. лит.», 1972, № 2, с. 177—184.

353. Мамедов А. О двух древних рукописях дивана Насими. — В кн.: В сокровищнице рукописей. Баку, «Элм», 1972, с. 53—57 (АН АзССР. Респ. рукопис. фонд. Труды. Т. 3). — На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

354. Маркелов Г. В. Новые пополнения Печорского собрания. — В кн.: История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 441—443 (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Труды Отд. древнерус. лит. 27).

355. Мирзоян А. С. О группе иллюстрированных рукописей (XIV—XV вв.) Татевского монастыря. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. искусствоведения. Ереван, 1972. 23 с. (АН АрмССР. Ин-т искусств).

356. Михайлова А. И. Обзор арабских рукописей «новой серии» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Восточный сборник», 1972, вып. 3, с. 43—60.

357. Мокрецова И. П. Материалы и техника армянской и грузинской средневековой книжной миниатюры на пергаменте. — «Сообщ. Музея искусства народов Востока», 1972, вып. 6, с. 60—66.

358. Мокрецова И. П. Новые данные о миниатюрах Евангелия греч. 101 Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — «Византийский временник», 1972, т. 33, с. 203—215.

359. Морозов А. Рождается новая наука. [По материалам докл. Д. С. Лихачева «Новооткрытые памятники» на заседании секции истории культуры Древней Руси в Ин-те рус. яз. АН СССР]. — «Знание — сила», 1972, № 7, с. 32—33.

359а. Мыльников А. С. Книга о рукописях Братиславского университета. [Рец. на кн.: Kotvan I. Rukopisy univerzitetnej kniznice Bratislave. Bratislava, 1970]. — «Сов. славяноведение», 1972, № 3, с. 88—89.

360. Мыльников А. С. Об одном источнике пополнения рукописного фонда ГПБ. — «Сов. архивы», 1972, № 1, с. 103—105.

361. О работе над предварительным списком славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 392.

362. Орлова М. А. Конференция, посвященная методике индентификации почерков в древнерусской рукописной книге. [Москва. Апр. 1971 г.] — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 393—398.

363. Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — «Вспомогательные ист. дисциплины», 1972, вып. 4, с. 77—104.

364. Рагоза А. Н. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркменистана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВ АН. — В кн.: Письменные памятники Востока. Ист.-филол. исследования. Ежегодник. 1969. М., «Наука», 1972, с. 244—261.

365. Рогов А. [Рец. на кн.:] Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1971. — «В мире книг», 1972, № 6, с. 42.

366. Розов Н. Н. Мезенские сборники XIX—XX вв. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 396—400.

367. Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. [Сборник статей. Посвящается 60-летию В. И. Малышева. Отв. ред. А. М. Панченко]. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972. 423 с. с ил. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом)).

368. Самодурова З. Г. Об изучении греческого рукописного наследия в СССР (1945—1971 гг.) — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 50—57.

369. Санкритьяяна Е. Н. Краткий систематический каталог монгольских рукописей и ксилографов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Восточный сборник», 1972, вып. 3, с. 86—98.

370. Сургуладзе М. «Писцы» в древней Грузии. — «Вестн. Отд-ния обществ. наук АН ГССР». Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1972, № 3, с. 113—129. — На груз. яз.

371. Тихомиров М. Н. Доклад М. Н. Тихомирова 1960 г. о составлении сводного каталога древних рукописей. Публикация И. П. Старовойтовой. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 368—372.

372. Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв., хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. 4. Дополнения. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 213—220.

373. Тугушева Л. Ю. Уйгурская рукопись из собрания ЛО ИВ АН СССР. — В кн.: Письменные памятники Востока. Ист.-филол. исследования. Ежегодник. 1969. М., «Наука», 1972, с. 315—339.

374. Фонкич Б. Л. Московская рукопись из Библиотеки Иоанна Хортасмена. — «Византийский временник», 1972, т. 33, с. 216—217.

375. Черняк В. Золотые книги Монголии. [О фондах Улан-Батор. хранилища древних рукописей]. — «Сов. культура», 1972, 2 дек.

376. Шеламанова Н. Б. Советские по составлению сводного каталога славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 384—391.

377. Язбердыев А. Среднеазиатская рукописная книга и ее каталоги. — «Изв. АН ТССР». Серия обществ. наук, 1972, № 4, с. 37—45. — Рез. на туркм. и англ. яз.

См. № 743.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА СССР ДО 1917 г.

378. Афанасьев А. П. Из истории цензурной политики самодержавия в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века. — В кн.: Вопросы истории СССР. [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 203—223.

379. Блюм А., Павлов В. Первопечатные книги на Урале. — «Урал», 1972, № 7, с. 153—158.

380. Б о л е б р у х А. Г. Борьба русского самодержавия с передовой общественно-политической мыслью во второй половине XVIII в. (На материалах деятельности цензурных органов). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Днепропетровск, 1972. 18 с. (Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).

381. Б о л е б р у х А. Г. Продворянская направленность цензурного законодательства в России XVIII в. — В кн.: Некоторые проблемы социально-экономического и политического развития Украинской ССР. Сборник науч. статей. Вып. 3. Днепропетровск, 1972, с. 130—137.

382. Б ы к о в а О. Е. О путях транспортировки лондонских изданий А. И. Герцена через Буковину в Россию (50—60-е годы XIX века). — «Вопр. рус. литературы», Львов, 1972, вып. 1, с. 9—15.

383. Б ы к о в а Т. А., Г у р е в и ч М. М., К о з и н ц е в а Р. И. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1972. 272 с. (Б-ка АН СССР. Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР АН СССР).

384. В а ц у р о В. Э., Г и л л е л ь с о н М. И. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., «Книга», 1972. 319 с.

385. Г е о р г и е в а Н. Г. Нелегальная листовая печать России конца XIX — начала XX века. — «Вопр. истории», 1972, № 6, с. 35—46.

386. Г о л у б е в а О. Д. Издательское дело в России в период первой русской революции (1905—1907 гг.). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 115—141.

387. Г о р ф у н к е л ь А. Х. Находки старопечатных книг. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 389—395.

388. Донесения цензоров о запрещении постановки пьес в годы столыпинской реакции. Публикация О. А. Кушаковой. — «Сов. архивы», 1972, № 3, с. 98—101.

389. И в а н о в И. Ф., О р л о в а Л. Н. Библиотека Петра I. (К открытию выставки в Отд. рукописной и редкой книги Б-ки АН СССР). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 191—197.

390. К а м е н е в а Т. Н. О некоторых находках кирилловской печати за рубежом. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 120—126.

391. Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий. [Сост. Т. А. Быкова]. Л., 1972. 80 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

392. Каталог русских книг кирилловской печати XVI—XVIII вв. [Сост. Н. Ф. Чернышева]. М., 1972. 37 с. (Гос. публ. ист. б-ка).

393. К л е п и к о в С. А. Оформление книг, изданных Новгород-Северской типографии Барановича в 1674—1679 гг. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 146—151.

394. Книги петровской эпохи Центральной научной библиотеки Харьковского университета. Указ. лит. Харьков, 1972. 26 с. ил.

395. К р а с н о б а е в Б. И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., «Просвещение», 1972.

См.: Книга и периодика, с. 277—332.

396. К р а с н о б а е в Б. И. Русская книга и периодика последней трети XVIII в. — «Преподавание истории в школе», 1972, № 2, с. 22—31.

397. Л у п п о в С. П. Книга в России в XVII и первой четверти XVIII в. (Из истории рус. культуры). Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра ист. наук Л., 1972. 41 с. (АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР).

398. М е щ е р я к о в Б. М. К вопросу об издательской деятельности уральских большевиков в годы столыпинской реакции. — В кн.: Челябин. гос. ин-т культуры. Третья науч. конференция преподавателей по итогам науч.-исслед. работ в 1970 году. Программа и тезисы докладов. Челябинск, 1971, с. 11—13.

399. Н а р о в ч а т о в С. Печатное дело на Руси. — «Наука и жизнь», 1972, № 6, с. 62—68.

400. Н е м и р о в с к и й Е. Л. Новые каталоги старославянских книг кирилловской печати. [Рец. на кн.: Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1970; Исаевич Я. Д. Львовские издания XVI—XVIII ст. Каталог. Львов, 1970]. — «Сов. славяноведение», 1972, № 6, с. 106—107.

401. Н о в о ж и л о в а И. В. Политика царского правительства в области законодательства о печати 1905—1914 гг. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1971. 15 с. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

402. О с и п о в а Э. «Петровская» книга в редком фонде библиотеки. [Хабар. краев. науч. б-ка]. — «Дальний Восток», 1972, № 5, с. 142—145.

403. П а в л о в а Ж. К. Книжное собрание Эрмитажа 1762—1917 гг. (Из истории рус. культуры 2-й пол. XVIII—нач. XX вв.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1972. 18 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

404. П о к р о в с к а я З. А. Издательская деятельность нелегальной революционной организации «Земля и воля» (1877—1879 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1971. 34 с. (Моск. гос. ин-т культуры).

405. Ранд М. Об изучении русской книги гражданской печати XVIII века в Научной библиотеке ТГУ. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 84—86.

406-407. Рубинштейн Л. В. Азбука едет по России. Ист. повесть. М., «Дет. лит.», 1972. 110 с. с ил.

Рец.: Заславская Н. Истории славные страницы. — «В мире книг», 1972, № 8, с. 40.

408. Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667—1686 гг.). Сборник документов Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1972.

См. № документов: 7, 31, 43, 104, 132, 138, 139, 180, 191, 198, 204, 207, 208, 214, 231, 232, 262, 263, 264, 267.

409. Савицкая Р. М. Ценная работа о большевистских издательствах. [Рец. на кн.: Иоффе А. М. Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг. М., «Книга», 1971]. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 188—190.

410. Сапунов Б. В. Судьба книжного наследия древней Руси. — «Рус. лит.», 1972, № 3, с. 57—64.

См. № 616.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО НАРОДОВ РОССИИ

411. Авакян С. Литературные издания Карабаха досоветского периода. — «Лит. Армения», 1972, № 8, с. 69—71.

412. Авакян С. Д. Печать Карабаха досоветского периода (1828—1920 гг.) Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1971. 60 с. (Тбил. гос. ун-т).

413. Алексеев Л. Д. Издательская деятельность большевиков Украины в начале нового революционного подъема. (Лето 1910 года — апрель 1912 года). — «Труды Киев. высш. школы М-ва внутр. дел СССР», 1972, 6, с. 3—19.

414. Алексеев Л. Д. Печать большевиков Украины в период реакции (1907—1910 гг.) Киев, 1972. 242 с. (М-во внутр. дел СССР. Киев. высш. школа).

415. Аллахвердыев Б. В. Книга о книгах. Баку, «Гянджлик», 1972. 96 с. — На азерб. яз.

416. Ахмадуллин А. Г. [Рец. на кн.:] Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. (От начала возникновения до 60-х г. XIX в.) Казань, Татар. кн. изд-во, 1971 г. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, с. 203.

417. Атанасов П. Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. (К вопросу о болгар. культ. связях). — «Сов. славяноведение», 1972, № 6, с. 72—83.

418. Булац в Х. С. По поводу книги по истории печати Северного Кавказа.

[Рец. на кн.: Хорув Ю. В. Печать Терек и царская цензура. Орджоникидзе, «Ир», 1971]. — «Вестн. Ленингр. ун-та», 1972, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 155—157.

419. Везиров Х. Г. Деятельность большевиков Баку по налаживанию издания своих печатных органов в 1917 году. — «Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана — филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1972, 30, с. 99—117.

420. Голенченко Г. Я. Литературная полемика XVI — перв. пол. XVII вв. Ч. I. Общий обзор. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Вып. 2. Минск, 1972, с. 164—199.

421. Запаско Я. П. Искусство украинских старопечатных книг. Библиогр. обзор литературы. — «Полиграфия и изд. дело», 1972, № 8, с. 145—152. — На укр. яз. Рец. на рус. и англ. яз.

422. Запаско Я. П. Колыбель украинского книгопечатания. [О книгопеч. традициях Львова]. Львов, «Каменяр», 1972. 23 с. с ил. (Укр. о-во охраны памятников истории и культуры. Львов. обл. организация. Сокровища народные). — На укр. яз.

423. Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. [Сборник статей]. Вып. 2. Минск, 1972. 262 с. с ил. — Часть текста на белорус. яз.

424. Из истории культуры литовского народа. [Сборник статей]. 7. Печать и типография. Вильнюс, «Минтис», 1972. 297 с. (АН ЛитССР. Ин-т истории). — На литов. яз. — На тит. л. загл.: Из истории литовской культуры.

Содерж.: А. Тила. Попытки выпуска литовских изданий в годы запрета печати. — Л. Мулевичюс. Издание законов об отмене крепостного права на литовском языке. — Э. Гришкунайте. Легальная рабочая пресса в Литве 1906—1908 гг. — В. Меркис. Полиграфические предприятия Литвы в 1795—1915 гг. — В. Жеймантас. Типография Коммунистической партии Литвы «Спартакс» в 1923—1933 гг. — Ю. Юргинис. Типография и издательство Ягомаста «Литуания» в Тильзите.

425. Иохани Х. Прогрессивные тенденции в развитии эстонской книги начала XX века. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 72—75.

426. Исаевич Я. Д. Источники по истории украинской культуры эпохи феодализма XVI—XVIII вв. Киев, «Наукова думка», 1972. 144 с. (АН УССР. Ин-т обществ. наук). — На укр. яз.

427. Исаевич Я. Д. Роль братств в издании и распространении книг на Украине и Белоруссии (конец XVI—XVIII вв.). — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 127—136.

428. К 200-летию со дня основания первой армянской типографии. — «Эчмиадзин», 1972, № 12, с. 6—7. — На арм. яз.

429. Каримуллин А. Татарской книге — 250 лет. — «Книжное обозрение», 1972, № 34, с. 12.

430. Коланджян С., Хатитян А. К 200-летию со дня основания типографии престольного града [Эчмиадзин]. — «Эчмиадзин», 1972, № 4, с. 21—23. — На арм. яз.

431. Коляда Г. И. Балабановские друкарни. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 152—166.

432. Куц О. П. Книжные издания «Товарищества приверженцев украинской литературы, науки и искусства во Львове» [1904—1914]. — В кн.: Сокровищница знаний. Темат. сборник науч. работ. Львов, 1972, с. 109—114. — На укр. яз.

433. Лауцявичюс Э. Начало переплетного дела в Литве. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 108—110.

434. Мамедов И. С. Азербайджанская печать в Армении. (Досоветский период). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Ереван, 1971. 28 с. (АН АрмССР. Ин-т истории).

435. Мацюк О. Относительно сообщения А. Д. Смидовича [«Было ли книгопечатание на Украине до Ивана Федорова?»]. — «Архивы Украины», 1972, № 4, с. 94—95. — На укр. яз.

436. Миллер В. О проблемах истории эстонской книги. — «Творчество», Таллин, 1972, № 2, с. 327—337. — На эст. яз.

437. Мустафин Р. [Рец. на кн.: См. № 416]. — «Вопр. лит.», 1972, № 5, с. 224—226.

438. Немировский Е. [Рец. на кн.:] Запаско А. П. Искусство книги на Украине в XV—XVIII вв. [Львов, Изд-во Львов. ун-та, 1971]. — «В мире книг», 1972, № 5, с. 43.

439. Рудь Н. П. История украинской книги и книгопечатания. (1905—окт. 1917 гг.) Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Киев, 1972. 22 с. (АН УССР. Ин-т истории).

440. Ружелите О. С. Свобода слова и печати в буржуазной Литве и действительность. — В кн.: Государственно-правовые концепции в буржуазной Литве, их применение и критика. Вильнюс, 1972, с. 92—151. — На литов. яз.

441. Рустамов М. И. Книга в Средней Азии. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 108—126.

442. Савка Н. К истории украинского книгопечатания. — «Архивы Украины», 1972, № 2, с. 26—34. — На укр. яз.

443. Смидович А. Д. Было ли книгопечатание на Украине до Ивана Федорова? — «Укр. ист. журн.», 1972, № 3, с. 65—69. — На укр. яз.

444. Тийк Л. О водяных знаках эстонской бумаги. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. Материалы... Тарту, 1972, с. 91—94.

445. Тила А. Переправка запретных книг из Видукле в Пагирай. — В кн.: Краеведение. Вильнюс, 1971 [в вып. дан. 1972], с. 83—89. — На литов. яз.

446. Цхведиани Ш. Издательская деятельность «Общества распространения грамотности среди грузин» (1879—1920). — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 1, с. 31—35.

447. Чернецкий В. Первая гражданская типография на Украине. — «Знание и труд», 1972, № 5, с. 21. — На укр. яз.

448. Шахназарян Ш. Страницы из истории первой армянской типографии. — «Эчмиадзин», 1972, № 12, с. 66—72. — На арм. яз.

449. Язбердыев А. Проблема библиографирования печати народов Средней Азии второй половины XIX и первой четверти XX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1972. 31 с. (Моск. гос. ин-т культуры). См. № 400, 408, 453, 558, 720.

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

450. Люблинский С. Б. К истории возникновения товарищества «Знание». [Изд-во. 1898—1902 гг.]. — «Рус. лит.», 1972, № 2, с. 188—190.

451. Мальхин Н. Г., Панина А. Л. Издательство М. и С. Сабашниковых (1891—1934). — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 124—141.

452. Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 81—139.

См. № 112, 566, 616, 659.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ

453. Байрамов Ф. А. Издания учебно-педагогической литературы на азербайджанском языке до революции. — «Учен. зап. Азерб. ун-та». Серия библиотекведения и библиогр., 1972, № 2, с. 46—53. — На азерб. яз.

454. Наумова М. А. У истоков издания детской книги на Украине. (Изд.

деятельность Б. Гринченко в Чернигове). — В кн.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. XVII науч. конференция проф.-преподавательского состава. 30—31 марта 1972 г. Краткие тезисы докладов. Л., 1972, с. 74—75.

* * *

455. Болдин В. «Думы и грезы — нужды и слезы». [Ист. издания сборника стихов М. М. Козырева в 1881 г.]. — «Книжное обозрение», 1972, № 33, с. 12.

456. Боннер А. «Стихотворения П. Я.» [О кн. П. Ф. Якубовича «Стихотворения», хранящейся в науч. б-ке Иркут. ун-та]. — «Вост.-Сиб. правда», 1971, 3 авг.

457. Глухов А. «Повесть временных лет». — «В мире книг», 1972, № 4, с. 16—17.

458. Глухов А. «Путешествия» Миклухо-Маклая. — «В мире книг», 1972, № 2, с. 16—17.

459. Глухов А. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Судьбы замечательных книг. — «В мире книг», 1972, № 3, с. 16—17.

460. Доборджинидзе И. Из творческой и печатной истории романа Г. Церетели «Гулкан». — «Вестн. Отд-ния обществ. наук ГССР». Серия яз. и лит., 1972, № 3, с. 89—98. — На груз. яз.

461. Казанков Б. «Ефремовский» Радищев. — «Книжное обозрение», 1972, № 24, с. 12.

462. Киркин Ю. В. А. С. Грин в печати и литература о нем (1906—1970 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Л., 1972. 17 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

463. Киркин Ю. В. История прижизненных публикаций А. С. Грина и состояние библиографии писателя. — «Сборник аспирантских работ Ленингр. ин-та культуры», 1972, вып. 2, ч. 1, с. 35—55.

464. Киркин Ю. В. Произведения А. С. Грина под запретом цензуры. — «Сов. архивы», 1972, № 3, с. 106—109.

465. Ковалев И. Ф. Драма Г. Гауптмана «Ткачи» и русское революционное движение. — «Сов. архивы», 1972, № 3, с. 104—105.

466. Конотоп А. Супрасльский ирмологийон. [К изучению сборника церковных песнопений. 1601 г.]. — «Сов. музыка», 1972, № 2, с. 117—121.

467. Коршунов А. Ф. Найденная «Пасхалия». [Изд. Ф. Скорини]. — «Памятники истории и культуры Белоруссии», 1972, № 4, с. 44—45. — На белорус. яз.

468-469. Муравьев В. Путешествие с Гулливером. (1699—1970). М., «Книга», 1972. 207 с. с ил. (Судьбы книг).

Рец.: Шумаков В. — «В мире книг», 1972, № 6, с. 42.

470. Наумова М. «Дед Евмен» и Пободоносцев. Из истории дет. книги [на Украине. Конец XIX в.]. — «Дет. лит.», 1972, № 10, с. 30—32.

471. Светлов А. «Вятская незабудка». — «Книжная торговля», 1972, № 4, с. 59—60.

472. Смирнова Л. Н. Первое русское издание «Сказок об Италии». — «Изв. АН СССР». Серия лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 18—31.

473. Стейгвила Р. С. Издание сочинений Теодора Нарбута. — «Труды АН ЛитССР». Сер. А. Обществ. науки, 1972, № 3, с. 127—138. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

474. Фединский Ю. Крамольный сборник. [Сборник рассказов в прозе и стихах]. Пб., 1863]. — «В мире книг», 1972, № 4, с. 12.

475-476. Филиппова Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М., «Книга», 1972. 142 с. с ил. (Судьбы книг).

Рец.: Краснова Е. — «В мире книг», 1972, № 7, с. 41.

477. Травушкин Н. С. «Песня рабочих» Пьера Дюпона под запретом царской цензуры. — «Сов. архивы», 1972, № 6, с. 91.

См. № 296

ИСТОРИЯ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

478. Бережной А. Исследование на актуальную тему. [Рец. на кн.: Окороков А. З. Октябрь и крах буржуазной прессы. М., «Мысль», 1970]. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 210—215.

479. Вартанов Г. Крах буржуазной прессы. [Рец. на кн.: См. № 478]. — «Индустр. Запорожье», 1972, 31 марта.

480. Грановский С. А. Развитие многонациональной печати и ее роль в укреплении братской дружбы народов СССР (1926—1932 гг.). — В кн.: Вопр. идеологической работы КПСС. Вып. 1. Волгоград, 1972, с. 82—105.

481. Губогло М. Н. Развитие многонациональной советской печати в 1917—1940 гг. — «История СССР», 1972, № 6, с. 121—132.

482. Динерштейн Е. А. К истории объединения партийных издательств в 1918 г. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 29—35.

483. Думова Н. Г. [Рец. на кн.: См. № 478]. — «История СССР», 1972, № 4, с. 172—173.

484. Издательское дело в первые годы Советской власти. (1917—1922). Сборник документов и материалов. [Сост. Е. А. Динерштейн, Т. П. Яворская]. М., «Книга», 1972. 240 с. (Всесоюз. книжная палата).

485. Кудинова Н. И. К истории становления государственной системы книгоиздания на Дальнем Востоке. — В кн.: История и современное состояние библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. Науч. конференция. Тезисы докладов и сообщ. Новосибирск, 1972, с. 55—58.

486. Ленинград в Великой Отечественной войне. Печать Ленинграда. 1941—1945. Каталог изд., хранящихся в фондах Гос. Публ. б-ки. Вып. 2. Листовки, плакаты, открытки, альбомы. Л., 1972. 306 с. (Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

487. Очерки истории Ленинграда. Т. 6. Ленинград в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. 1946—1965 гг. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1970 (АН СССР. Ин-т истории СССР).

См.: Печать. (Авт. В. И. Биллик), с. 446—453.

488. Пайчадзе С. А. Некоторые вопросы истории и современное состояние книжного дела на Дальнем Востоке. — В кн.: История и современное состояние библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. Науч. конференция. Тезисы докладов и сообщ. Новосибирск, 1972, с. 19—22.

489. Посадков А. Коммунистическая партия — организатор книгоиздания Советской Сибири (1917—1923 гг.). — В кн.: Новосибирский университет. Тезисы докладов X науч. студенческой конференции. История. Филология. Новосибирск, 1972, с. 8—9.

490. Самуйлов В. С. Полувековой путь. [О развитии многонац. сов. печати]. — «Полиграфия», 1972, № 12, с. 41—42.

491. Фрайман А. Л. Декрет Совета Народных Комиссаров о революционном трибунале печати. — «Вспомогательные ист. дисциплины», 1972, вып. 4, с. 15—29.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

492. Бочагов А. К. У истоков. Воспоминания. Алма-Ата, «Казахстан», 1972. 111 с. с ил.

493. Документы о культурном строительстве в советских республиках (1921—1937 годы). Публикация Н. В. Михайловой. — «Сов. архивы», 1972, № 4, с. 14—26.

494. Жеймантас В. Нелегальные коммунистические типографии «Кова» в Каунасе в 1927—1937 гг. — В кн.: Вопросы истории КП Литвы. Т. 12. Вильнюс, «Минтис», 1972, с. 21—35 (Учен. записки высш. учеб. заведений ЛитССР и Ин-та истории партии при ЦК КП Литвы — филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). — На литов. яз. Рез. на рус. яз.

495. Жеймантас В. Типография Коммунистической партии Литвы в Вильнюсе. (1920—1922 гг.). — «Науч. труды высш. учеб. заведений ЛитССР». История, 1972, т. 12, вып. 1, с. 67—74. — На литов. яз. Рез. на рус. яз.

496. Златкин М. И. Когда книга сближает народы. [Встречи, воспоминания, размышления. Вступит. статья Г. Маргвелашвили, с. 7—29]. Тбилиси, «Мерани», 1972. 226 с. с ил.

497. Из истории культурного строительства в Таджикистане. [Сборник документов и материалов]. В 2-х т. Т. 2. 1941—1960 гг. Душанбе, «Ирфон», 1972. 511 с. (Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ин-т истории АН СССР. Арх. упр. при Совете Министров ТаджССР. Ин-т истории партии при ЦК КП Таджикистана — филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ин-т истории им. А. Дониша АН ТаджССР. Из истории культ. стр-ва в СССР).

См.: Раздел IX. Печать, с. 447—484.

498. Культурное строительство в Киргизии. Т. 2. 1930—1941 гг. Ч. 2. Культурно-просветительная работа. Литература и искусство, наука, печать, здравоохранение. [Сборник документов]. Фрунзе, «Илм», 1972 (АН КиргССР. Ин-т истории. Кирг. филиал ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Парт. архив. Центр. гос. архив КиргССР. Архив. упр. при Совете Министров КиргССР).

См.: Раздел 6. Рост печати, с. 187—207.

499. Курляндчикас Ш. Книгоиздательство в Литве 1940—1970. Стат. обзор. — «Библиотечная работа», Вильнюс, 1972, № 10, с. 23—24. — На литов. яз.

500. Леонидова Т. Полезное исследование. [Рец. на кн.: Романов А. С. Печать Калмыкии 20-х годов. Элиста, Калмиздат, 1971]. — «Сов. Калмыкия», 1972, 19 февр.

501. Мадан И. Книга Советской Молдавии. — «Коммунист Молдавии», 1972, № 11, с. 26—30.

502. Петроченко А. Развитие организационных форм управления в области печати. [История изд. дела в УзССР. 1917—1966]. — «Корреспондент», 1972, № 3, с. 22—23, 26—27.

503. Пилипюк В. Л. Таджикская книга. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 156—164.

504. Письменная Е. Л. Использование Компартией Западной Украины партийных изданий для пропаганды марксистско-ленинских идей. 1921—1933 гг. — «Полиграфия и изд. дело», 1972, № 8, с. 132—138. — На укр. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

505. Рустамов М. И. Издательское дело в Туркестане (1918—1920 гг.). — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 11, с. 24—26.

506. Сагдиев М. Таджикская советская книга. Душанбе, «Ирфон», 1972. 96 с. — На тадж. яз.

507. Токтогонов С. А. Становление и развитие социалистической культуры Советского Киргизстана (1918—1958 гг.) Фрунзе, «Мектеп», 1972. 207 с.

508. Тоома Я. Поступательное движение и проблемы эстонской советской книги. — «Язык и литература», 1972, № 5, с. 257—266. — На эст. яз.

509. Усманова Н. Культурно-просветительная деятельность народного комиссариата по делам национальностей Туркменской АССР. — В кн.: Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1972, с. 136—144 (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Науч. труды. Вып. 423).

509а. Хасанов Х. Б. Издания книг в Азербайджане в годы Великой Отечественной войны. — «Ученые зап. Азерб. ун-та». Серия библиотковедения и библиогр., 1972, № 1, с. 39—45. — На азерб. яз.

См. № 414, 539, 540, 542, 546, 547, 550, 551, 557.

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

510. Богданов П. Издательству «Донбасс» — полвека. — «Донбасс», 1972, № 4, с. 92—99.

511. Буянов В. Верный спутник комсомола. Изд-ву «Молодая гвардия» — 50 лет. — «Книжное обозрение», 1972, № 43, с. 10.

512. Вольман Б. Музыкальное издательство «Тритон». [1925—1935 гг.] — В кн.: Музыка и музыканты Ленинграда. Л. — М., «Сов. композитор», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 180—188.

513. Ганичев В. Н. «Молодой гвардии» — полвека. — «Юность», 1972, № 10, с. 56—57.

514. Государственный архив Курской области. Путеводитель. Вып. 2. Под общ. ред. П. В. Иванова, И. П. Ковалевской. Курск, 1972 (Арх. отд. Исполкома Курского обл. Совета депутатов трудящихся).

См.: Курское областное книжное издательство, с. 187—188.

515. Динерштейн Е. А. Из истории образования первых советских научно-технических издательств. БИИТ НТО ВСНХ. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 1, с. 17—19.

516. Динерштейн Е. А. Из истории образования первых советских научно-технических издательств. Гостехиздат. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 3, с. 3—8.

517. Динерштейн Е. А. Положившие первый камень. Госиздат и его руководители. [В. В. Воровский, Н. Л. Мецнеряков, О. Ю. Шмидт]. М., «Книга», 1972. 173 с. с ил.

518. Журба С. Пропагандисты политической книги. [К 50-летию Политиздата Украины]. — «Правда Украины», 1972, 4 ноября.

519. Зелепугин А. Ф. Кооперативное издательство «Донбасс» («Рабочий Донбасс») (1922—1924 гг.). — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 3, с. 33—35.

520. Кисилевский О. М. Пропагандист марксистско-ленинских идей. (К 50-летию Политиздата Украины). — «Укр. ист. журн.», 1972, № 9, с. 125—127. — На укр. яз.

521. Кочнев М. «Московский рабочий». К 50-летию изд-ва. — «Моск. правда», 1972, 25 янв.

522. Лебедева А. Н. Из истории Западно-Сибирского книжного издательства (1920—1940). — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 12, с. 153—168.

523. Малыхин Н. Издательство народов СССР. [Центроиздат]. — «Книжная торговля», 1972, № 12, с. 54—55.

524. Мамонтов И. С. Издательству [«Моск. рабочий»] — полвека. — «Сов. Россия», 1972, 23 янв.

525. «Молодая гвардия», изд-во. Москва. 1922—1972. [Обзор деятельности]. М., 1972. 46 с. с ил. — На обл. загл.: 50 лет издательству ЦК ВЛКСМ...

526. Мордовское книжное издательство. Саранск. 40 лет. [Материалы к юбилею изд-ва. Саранск, 1972]. 32 с. с ил.

527. «Московский рабочий», изд-во. [Историческая справка]. 1922—1972. [М., 1972]. 119 с. с ил.

528. «Наукова думка», изд-во. Киев. 1922—1972. [Справка]. Киев, 1972. 40 с. с ил. — На укр. яз.

529. Осипов В. «Молодой гвардии» — 50. — «Лит. Россия», 1972, 20 окт., с. 2.

530. Осипов В. Полвека со страной. [Заметка гл. ред. изд-ва «Мол. гвардия»]. — «Дет. лит.», 1972, № 10, с. 42.

531. Панферов А. И. Издательство «Московский рабочий» в 20-е годы. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 142—155.

532. Панферов А. Полвека в строю. Изд-ву «Моск. рабочий» — 50 лет. — «Лит. Россия», 1972, 21 янв., с. 15.

533. Ракович А. И. Издательство «Беларусь». — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 127—136.

534. Ровина Р. А. Работа издательства «Наука и техника» по выпуску технической литературы в послевоенный период. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Вып. 2. Минск, 1972, с. 237—246.

535. Соболева Е. Б. Издательская и библиографическая деятельность Общества изучения Сибири и ее производственных сил. [1925—1930 гг.]. — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 11, с. 127—138.

536. «Советская энциклопедия», изд.-во. Москва. Энциклопедии. Словари. Справочники. [1926—1970]. Каталог. М., 1972. 80 с.

537. Фединский Ю. У истоков. [Об организации Центроиздата]. — «В мире книг», 1972, № 11, с. 46.

538. Центральный архив Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик. Путеводитель. Нальчик, «Эльбрус», 1972. (Арх. отд. при Совете Министров Кабард.-Балкар. АССР...)

См.: Кабардино-Балкарское кн. изд.-во «Эльбрус», с. 99.

См. № 451, 452.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЛИТЕРАТУРЫ

539. Аллахвердиев Б. В. Издания технической литературы в Азербайджане в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — «Учен. зап. Азерб. ун-та». Серия библиотекведения и библиогр., 1972, № 1, с. 3—10; № 2, с. 37—45. — На азерб. яз.

540. Байрамов Ф. А. Издание в Азербайджане учебно-педагогической литературы (1920—1932 гг.). — «Учен. зап. Азерб. ун-та». Серия библиотекведения и библиогр., 1972, № 1, с. 24—29. — На азерб. яз.

541. Грызунова С. С. Издательская и библиографическая деятельность местных испартов. — «Сборник трудов Моск. ин-та культуры», 1972, вып. 22, с. 358—384.

542. Колосова Н. Ф. К вопросу об организации издательства технической литературы на Украине. — «Библиотекведение и библиогр.», 1972, вып. 12, с. 70—77. — На укр. яз. Рез. на рус. яз.

543. Коптелов А., Окладников А., Соскин В. Еще раз о Сибирской Советской энциклопедии. [Письмо в ред.] — «Сиб. огни», 1972, № 7, с. 181—185.

544. «Миниатюрные книги», выставка. Москва. 1972. Каталог выставки. М., 1972. 31 с. (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких книг).

545. Разумов В. Пылающие факелы. [История издания книг серии «Жизнь замечательных людей»]. — «Книжное обозрение», 1972, № 39, с. 12; № 40, с. 12.

546. Ровина Р. А. К истории издания технической литературы в довоенный период в Белоруссии. — В кн.: Вопросы библиотекведения и библиографии. Вып. 1. Минск, «Нар. асвета», 1972, с. 77—82.

547. Ровина Р. А. Становление издания технической книги в Белоруссии в довоенный период. — «Сборник трудов Моск. ин-та культуры», 1972, вып. 22, с. 163—174.

548. Розанов М. С. маркой «ИФЗ». [О создании серии книг «История фабрик и заводов СССР»]. — «Нева», 1972, № 11, с. 175—177.

549. Соколова Д. «Как закалялась сталь». (Из истории публикации романа). — «Мол. гвардия», 1972, № 5, с. 144—151.

550. Халилов А. Д. Издание учебников и учебных пособий в Азербайджане. (1933—1941 гг.). — «Учен. зап. Азерб. ун-та». Серия библиотекведения и библиогр., 1972, № 1, с. 46—53. — На азерб. яз.

551. Халилов А. Д. История издания детской литературы в Азербайджанской ССР (1920—1941 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Баку, «Элм», 1972. 34 с. (Азерб. гос. ун-т им. С. М. Кирова).

552. Черняк А. Я. Научно-популярная книга по естествознанию и технике в 1917—1928 гг. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 6, с. 10—16.

553. Черняк А. Я. Производственно-техническая книга в 1917—1928 годах. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 4, с. 3—9.

554. Чуковский К. И. И. И. Халтуруну. [Письмо.] Без даты. [Об издании книг для детей]. — «Вопр. лит.», 1972 № 1, с. 174—175.

555. Шумкова З. П. Некоторые вопросы развития технической литературы в период социалистической реконструкции народного хозяйства страны (1928—1932 гг.). — «Сборник трудов Моск. ин-та культуры», 1972, вып. 22, с. 335—358.

См. № 296, 534.

PERSONALIA

Алексеев М. П.

556. Никифоровская Н. А. Библиография в трудах М. П. Алексеева. — «Вестн. Ленингр. ун-та», 1972, № 14. История, яз., лит., вып. 3, с. 151—154.

Асеев Н. Н.

557. Цимернинов Б. М. Николай Асеев на Украине. — «Науч. доклады высш. школы». Филол. науки, 1972, № 6, с. 88—98.

Ашмарин Н. И.

558. Никифоров И. Цензор по чувашским изданиям. [О деятельности языковеда Н. И. Ашмарина в области развития чуваш. печати]. — «Дружба», Чебоксары, 1972, № 11, с. 155—157.

Ашукин А. А.

559. Мильман В. А. Анатолий Анатольевич Ашукин (1892—1964). — «Библиотекведение и библиогр.», 1972, № 12, с. 138—139. — На укр. яз.

Бакмейстер Г.-Л.-Х.

560. Мартынов И. Ф. Новое исследование о редакторе «Russische Bibliothek». — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 111—117.

Бальцер А. И.

561. Жук В. И. Анатолий Иванович Бальцер. — «Библиоковедение и библиогр.», 1972, вып. 13, с. 121—123. — На укр. яз.

Барабанов А. Н.

562. Гордеева Л. Т. А. Н. Барабанов о технических библиотеках и требованиях к их работникам. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 1, с. 14—17.

563. Григорьев Ю. В. Алексей Никифорович Барабанов. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 1, с. 10—13.

Благосветлов Г. Е.

564. Благосветлов Г. Из переписки Г. Благосветлова с М. Селенкиной. Вступит. заметка, комментариев и публикация М. Блинчевской. — «Вопр. лит.», 1972, № 10, с. 173—184.

Блок А. А.

565. Донгаров Р. Б. Блок — редактор Бальмонта. — В кн.: Блоковский сборник. 2. Труды II науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972, с. 416—423.

566. Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С. А. А. Блок между «Мусagetом» и «Сирином». (Письма к Э. К. Метнеру). — В кн.: Блоковский сборник. 2. Труды II науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972, с. 385—396.

Богодин С. И.

567. 80-летие старейшего библиографа-краеведа Степана Ивановича Богодина. — «Сов. библиогр.», 1972, № 1, с. 98.

Боднарский Б. С.

568. Материалы из архива Богдана Степановича Боднарского. [Новые поступления]. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 250.

Бонч-Бруевич В. Д.

569. Голубева О. Д. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель. М., «Книга», 1972. 136 с. с ил.

Будный С.

См. № 677.

Буссе Ф. Ф.

570. Садохина Т. И. Ф. Ф. Буссе — краевед и первый библиограф Дальнего Востока. — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 11, с. 92—102.

Вейнберг Ф.-Х. С.

571. Федор-Хаим Семенович Вейнберг. [Некролог]. — «Книжная торговля», 1972, № 7, с. 63 с портр.

Водовозова М. И.

572. Люблинский С. Б. М. И. Водовозова — издательница ранних трудов В. И. Ленина. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 100—107.

Володарский В.

573. Каменский Ф. В. Володарский — комиссар печати, агитации и пропаганды. — «Соц. законность», 1972, № 5, с. 76—79.

Вольтер Э. А.

574. Бушмене С. Первый директор Государственной республиканской библиотеки проф. Эдуардас Вольтерис. — «Библиотечная работа», 1972, № 5, с. 28—30. — На литов. яз.

575. Скродянис С. Из корреспонденции Э. Вольтера. — «Библиотечная работа», 1972, № 7, с. 34—37. — На литов. яз.

Воровский В. В.

574. Е. Д. Вацлав Вацлавович Воровский. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 230—241 с портр.

См. № 517.

Вытяжков В. Т.

575. 50-летие со дня рождения Виктора Тимофеевича Вытяжкова. — «Сов. библиогр.», 1972, № 5, с. 95.

Галавач П. Р.

576. Корнилович Э. А. Публицистическая и редакторская деятельность Платона Галавача. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Минск, 1971. 26 с. (Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Гербель Н. В.

577. Терлецкий В. Альбом Н. В. Гербея. — «Архивы Украины», 1972, № 3, с. 82—83. — На укр. яз.

Герцен А. И.

578. Быкова О. Е. О путях транс-портировки лондонских изданий А. И. Герцена через Буковину в Россию (50—60-е годы XIX века). — «Вопр. рус. лит.», Львов, 1972, № 1, с. 9—15.

579. Желвакова И. А. «Исторические сборники» А. И. Герцена. Опыт источниковедческого и историографического анализа. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1972. 32 с. (АН СССР. Ин-т истории СССР).

См. № 382, 615.

Горький М.

580. Гвенетадзе Г. Д. М. Горький — друг грузинской литературы. Тбилиси, «Мерани», 1972. 99 с.

581. Драгун Т. А. М. Горький: «...Энергично создается новая советская литература». По материалам личной б-ки великого писателя. — «Лит. газ.», 1972, 20 дек., с. 7.

582. Драгун Т. Книги украинских писателей в библиотеке А. М. Горького. — «Вопр. лит.», 1972, № 12, с. 243—246.

583. Жирков А. Читая «Кара-Бу-газ». [Пометы М. Горького на книге К. Г. Паустовского]. — «Сов. Киргизия», 1972, 31 мая.

584. Сахаров А. Л. М. Горький — издатель сборников национальных литератур. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 218—289.

585. Сурков Ал. Наш редактор, добрый строгий. — «Лит. газ.», 1972, 11 окт., с. 7.

586. Якерсон М. Я. А. М. Горький о политико-воспитательном значении «Истории фабрик и заводов». — «Труды Ленингр. ин-та культуры», 1972, т. 24, с. 198—209.
См. № 472
- Гранстрем Е. Э.*
587. Список трудов Е. Э. Гранстрем. (К 60-летию со дня рождения). — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 337—340.
- Гренциус М. Г.*
588. Яансон Э. М. Г. Гренциус — печатник Тартуского университета. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 100—103.
- Грибановский Н. Н.*
589. Максимова Е. Г. «Библиография Якутии» Н. Н. Грибановского. — В кн.: История и современное состояние библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. Науч. конференция. Тезисы докладов и сообщ. Новосибирск, 1972, с. 46—48.
- Гринченко Б. Д.*
См. № 454.
- Дерман Г. К.*
590. Сеглин Е. В. Генриетта Карловна Дерман. 1882—1954. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 3, с. 9—15.
- Дерунов К. Н.*
См. № 135.
- Достоевский М. М.*
591. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., «Наука», 1972. 317 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- Достоевский Ф. М.*
592. Достоевская А. Г. 1881 г. Первое Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. (Из «Воспоминаний»). Публикация С. В. Белова. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 193—202.
См. № 591.
- Еремеев К. С.*
593. Коновалов Д. К. С. Еремеев в Саратове. — «Север», 1972, № 4, с. 90—101 с портр.
- Ефремов П. А.*
594. Накорякова К. М. П. А. Ефремов — редактор сочинений Радищева. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 166—178.
см. № 461.
- Западов А. В.*
595. Список печатных работ профессора А. В. Западова. [Сост. А. П. Толстяков]. — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 277—287.
См. № 138.
- Зизаний Л.*
596. Ботвинник М. Б. Источники и литература о Лаврентии Зизании Ту-
- становском. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Вып. 2. Минск, 1972, с. 200—235.
- Иванов Д. Д.*
597. Барыкина О., Кричевский Г. Полвека — библиотечному труду. — «Библиотекарь», 1972, № 9, с. 56 с портр.
598. Барыкина О. Полвека с наукой и книгой. — «Библиотечно-библиогр. информация библиотек АН СССР и АН союзных республик», 1972, № 4, с. 100—107.
- Капсукас В.*
599. Ульпис А. В. Капсукас и печать. — «Книговедение», Вильнюс, 1972, № 2, с. 161—173. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.
- Карамзин Н. М.*
600. Брискман М. А. Критическая библиография в «Московском журнале» Н. М. Карамзина. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 211—217.
- Кауфман И. М.*
601. Исаак Михайлович Кауфман. [Некролог]. — «Сов. библиогр.», 1972, № 1, с. 99. — Подпись: Группа товарищей.
- Кибрик Р. С.*
602. Памяти Р. С. Кибрик. — «Библиотекарь», 1972, № 3, с. 64. — Подпись: Группа товарищей.
- Кирилук Е. П.*
603. Сарана Ф. Неутомимый исследователь, библиограф, пропагандист книги. — «Гос. библиогр. на Украине», 1972, вып. 4, с. 122—125. — На укр. яз.
- Клейменов А. А.*
604. Памяти товарища. — «Книжное обозрение», 1972, № 43, с. 12. — Подпись: Группа товарищей.
- Козаченко А. И.*
605. Низовой Н. А. Выдающийся статистик печати Украины. (А. И. Козаченко). — «Гос. библиогр. на Украине», 1972, вып. 4, с. 78—92. — На укр. яз. Рез. на рус. яз.
606. Низовой Н. А. Статистическая деятельность А. И. Козаченко. (Из истории статистики печати на Украине). — «Сов. библиогр.», 1972, № 3, с. 52—62.
- Комаров Б. М.*
607. Корнейчик И. И. Богдан Михайлович Комаров. — «Библиотекосведение и библиогр.», 1972, вып. 13, с. 124—126. — На укр. яз.
- Конрад Н. И.*
608. Лихачев Д. С. Н. И. Конрад как руководитель серии «Литературные памятники». — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 226—230 с портр.

Корнильев В. Я.

609. Громыко М. М. Сибирские купцы Корнильевы. — «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1972, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 23—38.

Корнильев Д. В.

См. № 609.

Крупская Н. К.

610. Сеглин Е. В. Н. К. Крупская об активности и самодеятельности масс в библиотечной работе. — «Б-ки СССР», 1972, № 53, с. 90—100.

611. Соков П. С. Н. К. Крупская и проблемы подготовки научно-педагогических кадров в области библиотекведения и библиографии. — «Сборник трудов Моск. ин-та культуры», 1972, вып. 22, с. 1—21.

612. Соков П. Огромная роль принадлежит Крупской. — «Библиотекарь», 1972, № 12, с. 28—30.

Кульветис А.

613. Рочка М. О характере библиотеки А. Кульветиса. — «Книговедение», Вильнюс, 1972, № 2, с. 149—159. — На литов. яз. Рез. на рус. и англ. яз.

Ладыжников И. П.

614. Антропов В. И. И. П. Ладыжников. Биограф. очерк. Челябинск, Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1972. 125 с. с ил.

Лемке М. К.

615. Вандалковская М. Г. М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., «Наука», 1972.

См.: История работы М. К. Лемке над изданием сочинений А. И. Герцена, с. 66—86.

Ложкин Н. П.

616. Шумихин В. О. Н. П. Ложкине и его воспоминаниях [«Об издательской работе Вятского губ. земства»]. — В кн.: Вятка. Краевед. сборник. 1972. Киров, Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1972, с. 71—79 с портр.

Ломоносов М. В.

617. Викторова А. Найдена библиотека Ломоносова. — «Известия», 1972, 1 ноября, Моск. веч. вып.

618. Захарько В. Книги ведут рассказ. [О поисках б-ки М. В. Ломоносова]. — «Известия», 1972, 2 ноября, Моск. веч. вып.

619. Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки М. В. Ломоносова. — «Изв. АН СССР», Серия лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 5, с. 444—453.

См. № 766.

Луначарский А. В.

620. Яхонтов А. «Сокровищница всегда под руками...» Поиск книг из библиотеки А. В. Луначарского. — «Книжное обозрение», 1972, № 31, с. 12.

Люблинская А. Д.

621. Бернадская Е. В., Воронова Т. П. А. Д. Люблинская и Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедри-

на». — «Сред. века», 1972, вып. 35, с. 16—20.

622. Шаркова И. С. Труды доктора исторических наук, профессора А. Д. Люблинской. [Хронол. указ.] — «Сред. века», 1972, вып. 35, с. 21—29.

Люблинский В. С.

См. № 150-151.

Максим Грек.

623. Иванов А. И. Максим Грек и итальянское Возрождение. К постановке вопроса. — «Византийский временник», 1972, т. 33, с. 140—157.

624. Синицына Н. В. Максим Грек и Савонарола. (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека). — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., «Наука», 1972, с. 149—156.

625. Синицына Н. В. Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (кодицилогическое исследование). — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., «Наука», 1972, с. 130—140.

Максименко Ф. Ф.

626. 75-летию со дня рождения и 50-летию библиографической деятельности известного украинского библиографа... Федора Филипповича Максименко. — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 108.

627. Федор Филиппович Максименко. — «Библиотекведение и библиогр.», 1972, № 12, с. 141—145. — На укр. яз.

Мальшев В. И.

628. Список печатных работ В. И. Мальшева. [Сост. Н. Ф. Дробленкова]. — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972, с. 406—421.

См. № 345, 367.

Масанов И. Ф.

629. Архив Ивана Филипповича Масанова. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 246—247.

Масанов Ю. И.

630. Памяти известного советского библиографа Ю. И. Масанова. — «Сов. библиогр.», 1972, № 1, с. 97—98.

Матвеев З. Н.

631. Матвеева Т. З. Библиограф Дальневосточного края З. Н. Матвеев (1889—1939). — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 11, с. 103—119.

Мезьер А. В.

632. Крылова Т. Д. А. В. Мезьер и журнальная библиография. — «Труды Ленингр. ин-та культуры», 1972, т. 24, с. 94—116.

Мельгунов С. П.

633. Материалы из архива Сергея Петровича Мельгунова. [Новые поступления]. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 241, 243.

Метелкин Н. М.

634. Неизменная приверженность. — «Библиотекарь», 1972, № 10, с. 62.

Метнер Э. К.

635. Материалы из архива Эмилия Карловича Метнера. [Новые поступления]. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 245. См. № 566.

Мещеряков Н. Л.

См. № 517.

Мстиславец П. Т.

636-637. Ялугин Э. В. Мстиславцев посох, или страницы жизни порубежного города Мстислава, тамошнего люда посполитого и отрока, имени Петрок, коему на роду писано в двукарской справе знатным мастером стать и тем город свой меж иными прославить. — Минск, «Беларусь», 1971, 155 с. с ил.

Рец.: В а с и л ь е в Ю. — «В мире книг», 1972, № 7, с. 41.

Навои А.

638. Нагиева Д. О вопросе распространения произведений Навои в Азербайджане. — В кн.: В сокровищнице рукописей Баку, «Элм», 1972, с. 73—77 (АН АзССР. Респ. рукописный фонд. Труды. Т. 3). — На азерб. яз. Рез. на рус. яз.

Накоряков Н. Н.

639. Накоряков Николай Никандрович. [Биограф. справка]. — В кн.: По ленинскому пути. Воспоминания старых большевиков. М., Политиздат, 1972, с. 281—282.

Наумов И. С.

640. Памяти товарища. — «Книжное обозрение», 1972, № 3, с. 12.

Некрасов Н. А.

641. Из переписки Некрасова-редактора. Публикация М. Я. Блинческой. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 187—192.

642. Нирадгов Б. А. Запрещенный Некрасов. (Некрасов и Кавказский цензурный комитет). — В кн.: Некрасов и литература народов Советского Союза. Ереван, Изд-во Ереван. ун-та, 1972, с. 290—306.

643. Подорольский Н. А. «...Как хороший капельмейстер...» Редакторские уроки Некрасова. — «Журналист», 1972, № 12, с. 58—60.

644. Храпченко М. Б. Некрасов — академическое издание собрания сочинений. [О подгот. к изд. полного собрания соч. Н. А. Некрасова. Рассказ академика. Написала В. Голубева]. — «Лит. газ.», 1972, 5 июля, с. 3.

Неманзаде О. Ф.

645. Рзаев С. М. Книга и вопросы чтения в творчестве О. Ф. Неманзаде. — «Учен. зап. Азерб. ун-та». Серия библиотковедения и библиогр., 1972, № 1, с. 54—57. — На азерб. яз.

Николаев В. А.

646. Валерий Алексеевич Николаев.

[Некролог]. (1928—1972). — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 109—110. — Подпись: Кафедра библиогр. Моск. гос. ин-та культуры.

Новиков Н. И.

647. Березина В. Г. К вопросу о Н. И. Новикове как издателе сатирических журналов. — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 88—98.

648. Лихоткин Г. А. Оклеветанный Коловнот. Под ред. С. Б. Окуня. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 40 с.

Овчинников М. К.

649. Мартынов И. Ф. Книготорговец и книгоиздатель XVIII в. М. К. Овчинников. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 99—114.

Ольминский М. С.

650. Беревкин Б. П. Михаил Степанович Ольминский. М., «Мысль», 1972. 127 с. (Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра журналистики и литературы. Парт. публицисты).

Орлов Н. Н.

651. Материалы из архива Николая Николаевича Орлова. [Новые поступления]. — «Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. Ленина», 1972, вып. 33, с. 249—250.

Павленков Ф. Ф.

652. Барыкин В. Е. Ф. Ф. Павленков и Д. И. Писарев. — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 221—230.

Петрушевич А. С.

653. Кравець М. М. А. С. Петрушевич — издатель «Сводной Галицко-русской летописи 1600—1800 гг.». — «Историографические исследования в Укр. ССР», 1971, вып. 4, с. 193—198. — На укр. яз. Рез. на рус. яз.

Печаткин Е. П.

654. Баренбаум И. Книготорговец Е. П. Печаткин. — «Книжная торговля», 1972, № 7, с. 60—61.

Пиксанов Н. К.

655. Соколов Н. И. О научном наследии Н. К. Пиксанова. — «Вопр. рус. лит.», Львов, 1972, вып. 2, с. 117—120.

656. Чернышевская Н. М. Встречи с Николаем Кирияковичем Пиксановым. [Воспоминания]. — «Вопр. рус. лит.», Львов, 1972, вып. 1, с. 99—105.

Пилипенко С. В.

657. Басюк В. Н. Издательская деятельность С. В. Пилипенко. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 3, с. 31—33.

Попов В. В.

658. Памяти Василия Васильевича Попова. [Некролог]. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 256—258 с портр. — Подписи: А. А. Сидоров, М. Н. Яблоков, Н. М. Сикорский и др.

Попова О. Н.

659. Люблинский С. Книжное дело О. Н. Поповой. — «Книжная торговля», 1972, № 10, с. 58—59.

Пушкин А. С.

660. Гессен А. «Городок» книг и библиотека А. С. Пушкина. — «Книжная торговля», 1972, № 3, с. 60—62.

661. Долгова С. Экземпляр из библиотеки Пушкина. — «В мире книг», 1972, № 11, с. 47.

Рубакин Н. А.

662-663. Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин. (1862—1946). М., «Книга», 1972. 176 с. с ил. (Деятели книги).

Рец.: Крук Т. — «В мире книг», 1972, № 12, с. 41.

664. Маркина А. В. Развитие теории и практики библиотечного ядра в трудах Н. А. Рубакина. — «Сборник трудов Моск. ин-та культуры», 1972, вып. 22, с. 317—335.

См. № 135.

Рыбкин Г. Ф.

665. Георгий Федорович Рыбкин. [Некролог]. — «Успехи мат. наук», 1972, т. 27, вып. 5, с. 223—225 с порт. Подписи: П. С. Александров, Б. В. Гнеденко, А. Н. Колмогоров и др.

666. Памяти Г. Ф. Рыбкина. — «Книжное обозрение», 1972, № 19, с. 4.

Сахаров В. Ф.

667. Два юбилея. [К 70-летию со дня рождения библиотековедов. С примеч. ред. Статьи:] Н. Лепникова. В. Ф. Сахаров. — Т. Скрипкина. Г. Г. Фирсов. — «Библиотекарь», 1972, № 2, с. 56—57 с портр.

Сахаров Н. И. (1891—1971)

668. Памяти Николая Ивановича Сахарова. [Некролог]. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 249—251 с портр. — Подписи: А. А. Сидоров, А. И. Маркушевич, П. А. Чувилов и др.

Сахаров Н. И. (р. 1922)

669. 50-летие со дня рождения доцента Николая Ивановича Сахарова. — «Сов. библиогр.», 1972, № 2, с. 76.

Селивановский С. И.

670. Кононович С. С. Типографщик Селивановский. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 100—123.

Семенов А. А.

671. Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов. (Науч.-биограф. очерк). М., «Наука», 1971. 180 с. с ил. (АН СССР. Ин-т востоковедения. АН ТаджССР. Ин-т истории. [Рус. востоковеды и путешественники]). — «Библиогр. работ А. А. Семенова», с. 152—177 (345 назв.)

Сидоров А. А.

672. Бабурин Н. И., Киселева С. В. Коллекция экслибрисов А. А. Сидорова в Государственной библиотеке

СССР им. В. И. Ленина. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 303—308.

673. Восьмидесятилетие члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Сидорова. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 24, с. 229—234.

674. Добровольский О. Наш вечный спутник. [О б-ке А. А. Сидорова]. — «Вечерняя Москва», 1972, 10 июля.

674а. Шестьдесят лет собирательства и изучения экслибриса. М., «Книга», 1972. 10 с. с ил.

См. № 146.

Скворцов-Степанов И. И.

675. Шаров В. В. Иван Иванович Скворцов-Степанов. М., «Мысль», 1972. 119 с. (Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра журналистики. Парт. публикации).

Скорина Ф.

676. Глебка П. Ф. Франциск Скорина и его деятельность. — «Памятники истории и культуры Белоруссии», 1972, № 4, с. 39—44. — На белорус. яз.

677. Голенченко Г. Я. Портреты первопечатников. [Портреты Ф. Скорины, С. Будного и В. Тяпинского]. — «Памятники истории и культуры Белоруссии», 1972, № 1, с. 26—29. — На белорус. яз.

677а. Гравюры Франциска Скорины. Введение, систематизация гравюр и искусствоведческий анализ Л. Борозны. Минск, «Беларусь», 1972. 159 с. с ил. — Текст парал. на белорус. и рус. яз. См. № 467.

Смирдин А. Ф.

678. Авдеев А. Книжная лавка Смирдина. — «Дон», 1972, № 10, с. 182—185.

Собинов Л. В.

679. Блюм А. Собинов — издатель. — «В мире книг», 1972, № 6, с. 47.

Сойкин П. П.

680. Белов С. Издания П. П. Сойкина. — «В мире книг», 1972, № 9, с. 48.

Солдатенков К. Т.

681. Толстяков А. П. Издатель К. Т. Солдатенков и русские писатели. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 66—99.

682. Толстяков А. П. К. Т. Солдатенков и А. Н. Афанасьев. (Новые разыскания о деятельности московского издателя). — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 7, с. 15—19.

Старцев И. И.

683. Брандис Е. Капитальные труды библиографа. — «Дет. лит.», 1972, № 6, с. 33—34.

Сытин И. Д.

684. Гольцева Э. Русский издатель И. Д. Сытин. — В кн.: Панорама. Вып. 5. М., «Мол. гвардия», 1972, с. 142—148 с портр.

Тараманов Д. Д.

685. 60-летие со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Тараманова. — «Сов. библиогр.», 1972, № 4, с. 108—109.

Тиблен Н. Л.

686. Баренбаум И. Е. Издательская деятельность Н. Л. Тиблена. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 179—186.

687. Краснов П. Первое полное... [Об изд. деятельности Н. Л. Тиблена]. — «Книжное обозрение», 1972, № 7, с. 12.

Тимирязев К. А.

688. Изубенко Н. М. К. А. Тимирязев — редактор учебной литературы. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 1, с. 12—17.

Толстой Л. Н.

689. Архангельская Т. Яснополяские стеллажи. [Б-ка Л. Н. Толстого]. — «Книжное обозрение», 1972, № 29, с. 12.

690. Зайденшнур Э. К. Как Лев Толстой искал книги для детского чтения. — «Лит. в школе», 1972, № 3, с. 65—69.

691. Смирнов Н. Лев Толстой — редактор журнала «Ясная Поляна». Тула, Приок. кн. изд-во, 1972. 87 с. с ил.

См. № 67.

Тяпинский В.

См. № 677.

Умикашвили П.

692. Гварамадзе Л. П. Умикашвили — редактор-издатель. — «Вестник Отделения обществ. наук АН ГССР». Серия языка и литературы, 1971, № 2, с. 45—60. — На груз. яз.

Фадеев А. А.

693. Максимов П. Х. А. Фадеев в Ростове. Воспоминания. Ростов н/Д., Кн. изд-во, 1972.

См.: Организатор и редактор журнала «Лавра», с. 36—67.

694. Оганова Л. Н. Александр Фадеев — редактор и рецензент. — «Издательское дело. Книговедение», 1972, № 4, с. 18—22.

695. Фадеев А. А. Из литературно-критического наследия А. Фадеева. Вступит. заметка, публикация и комментарий Л. Огановой. — «Вопр. лит.», 1972, № 1, с. 183—192.

Федоров И.

696. Атанасов П. Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 107—114.

697. Запаско Я. П. Острожские издания Ивана Федорова. — «Начальная школа», 1972, № 3, с. 85—87. — На укр. яз.

698. Ковальский Н. П. Источники о деятельности на Украине книгопечатника Ивана Федорова в 70—80 гг. XVI века. (История публикаций). — В

кн.: Некоторые проблемы социально-экономического и политического развития Украинской ССР. Сборник науч. статей. Вып. 3. Днепропетровск, 1972, с. 149—165.

699. Ковальский Н. П. Источники о начальном этапе книгопечатания на Украине. (Деятельность первопечатника Ивана Федорова в 70-х — начале 80-х гг. XVI в.) Пособие для студентов. Днепропетровск, 1972. 83 с. с ил. (Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).

700. Пайчадзе С. Выдающийся памятник русского книгопечатания. [Об Острожской «Библии» Ивана Федорова]. — «Дальний Восток», 1972, № 3, с. 140—142.

701. Ружицкий Э. Новое о Иване Федорове. — «Лит. Украина», 1972, 14 ноября. — На укр. яз.

702. Ружицкий Э. Новые данные о последнем периоде жизни и смерти Ивана Федорова. — «Архивы Украины», 1972, № 5, с. 67—69. — На укр. яз.

Фирсов Г. Г.

703. Георгию Гавриловичу Фирсову — 70 лет. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 2, с. 54—55.

См. № 667.

Фомина А. Г.

704. Эльзон М. Д. «Puschkiniana» А. Г. Фомина (1929—1937). — «Труды Ленингр. ин-та культуры», 1972, т. 24, с. 116—131.

705. Эльзон М. Д. Теоретическое наследие А. Г. Фомина. — «Сборник аспирантских работ Ленингр. ин-та культуры», 1972, вып. 2, ч. 1, с. 70—86.

706. Эльзон М. Д. А. Г. Фомина (1887—1939). Жизнь и библиогр. деятельность. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Л., 1972. 18 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

Хмыров М. Д.

707. Мейлер С. М., Фрадкина З. Л. М. Д. Хмыров. К 100-летию со дня смерти. — «Сов. библиогр.», 1972, № 6, с. 39—45.

Цареградский И. М.

708. Старейший, но не стареющий. [К 70-летию со дня рождения И. М. Цареградского]. — «Библиотекарь», 1972, № 6, с. 55 с портр.

Чаушанский Д. Н.

709. Стефанович В. Н. Дмитрий Николаевич Чаушанский. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 242—248 с портр.

Чернышевский Н. Г.

710. Есин Б. И. Распространение журнального текста романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972, с. 275—276.

711. Макаров И. Г. Материалы о произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса в Вильюйской библиотеке Н. Г. Чернышевского. — В кн.: История и современное состояние библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке. Науч. конференция. Тезисы докладов и сообщ. Новосибирск, 1972, с. 41—43.

712. Пинаев М. Т. Еще раз к истории лондонского издания романа Н. Г. Чернышевского «Пролог». [1877. По поводу статьи М. П. Николаева «Из истории публикации романа Чернышевского «Пролог» в Лондоне» в журн. «Рус. лит.», 1971, № 3]. — «Рус. лит.», 1972, № 3, с. 123—133.

Чуванов М. И.

713. Осокин В. Волшебник книги. — «Книжная торговля», 1972, № 4, с. 58—59 с портр.

Шейн П. В.

714. Новиков Н. В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и изд. рус. и белорус. фольклора. Минск, «Вышэйш. школа», 1972. 223 с. с портр.

Шмидт О. Ю.

См. № 517.

Шнакенбург К. Э. Х.

715. Лоомэ И. Шнакенбург — издатель произведений Ф. Р. Крейцвальда. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 104—107.

Энгельгардт А. Н.

716. Баренбаум И., Мазовецкая Э. Мое настоящее дело. — «Нева», 1972, № 7, с. 218.

Якубович А. Ф.

717. Безъязычный В. И. А. Ф. Якубович — редактор и первый исследователь сборника Кирши Данилова. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 25, с. 152—165.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

718. Альбина Л. Л. Личная библиотека Ришелье. (Ист.-библиогр. очерк). — В кн.: Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1969. М., «Наука», 1971, с. 268—275.

719. Атанасов П. Типография болгарской национально-освободительной революции. — «Полиграфия», 1972, № 2, с. 47—48.

720. Атанасов П. Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. (К вопросу о болгар. культ. связях). — «Сов. славяноведение», 1972, № 6, с. 72—83.

721. Бадалич Й. М. Первопечатные издания XV в. в народных республиках Хорватии и Словении (Югославия). — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 89—98.

722. Баренбаум И. Е. История зарубежной книги. Учеб. пособие. Вып. 1. Франция. Л., 1972. 59 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Кафедра библиогр.).

723. Богущис В. Уникальное издание Н. Коперника. [«О вращении небесных сфер». Нюрнберг, 1543 г.] — «Книжная торговля», 1972, № 11, с. 60.

724. Варбанец Н. В. Издания античных авторов в XV в. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 68—77.

725. Варбанец Н. В. Иоганн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1972. 27 с. (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской).

726. Венгерова-Зилинг Э. В. Акты страсбургского процесса 1439 г. «Братья Дритцен против Гутенберга». — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 55—67.

727. Вольф Х., Уроева А. В. Отто Мейснер — издатель «Капитала» К. Маркса. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 161—171.

728. Горфункель А. Х. Европейский книжный рынок в последней трети XVI в. — В кн.: XXV герценовские чтения. Ист. науки. Краткое содержание докладов. 1972 г. Л., 1972, с. 136—138 (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).

729. Гудовщикова И. В. Библиографическое творчество Л.-Н. Мальклес. [Франц. библиограф]. — «Библиотекосведение и библиогр. за рубежом», 1972, вып. 40, с. 68—83.

730. Гудовщикова И. В., Лебедев Д. В. Памяти Христо Йорданова Тренкова [Болг. библиограф. 1912—1971]. — «Сов. библиогр.», 1972, № 2, с. 82—85.

731. Демень Л. Румынское книгопечатание XVI века. (Результаты и перспективы исследований). — «Сред. века», 1972, вып. 35, с. 196—221.

732. Закаурцев О. «Печорин, или дуэль на Кавказе». [История первого изд. «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова в Германии в 1845 г.]. — «Книжное обозрение», 1972, № 32, с. 8.

733. Исаевич Я. [Рец. на кн.:] Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., «Книга», 1971. — «В мире книг», 1972, № 6, с. 41—42.

734. Каганов И. Исследование начала славянского книгопечатания. [Рец. на кн.: см. № 733]. — «Архивы Украины», 1972, № 3, с. 84—85. — На укр. яз.

735. Капр А. Отношения между Иоганном Гутенбергом и Николаем Кузанским. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 48—54.

736. Кара Д. Книги монгольских чиновников. (Семь веков монгольск. письменности). М., «Наука», 1972. 195 с. с ил. (АН СССР. Отд.-ние истории. Ин-т востоковедения. Культура народов Востока. Материалы и исследования).
737. Козлов Б. Посылка из Санкт-Петербурга. [О появлении в Праге первой книги пушкинских стихов]. — «Коммунист Таджикистана», 1972, 10 февр.; «Сов. Латвия», 1972, 10 февр.
738. Ласкеев Н. А., Фирсов Г. Г. Профессор Тодор Боров. [К 70-летию со дня рождения болг. библиографа и литературоведа]. — «Библиотекосведение и библиогр. за рубежом», 1972, вып. 42, с. 89—92 с портр.
739. Левицка-Каминьска А. Развитие книжного переплета в Кракове. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 137—145.
740. Маневич С. М. Официальная печать Парижской Коммуны. — «Науч. информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», 1972, № 22, с. 96—104.
741. Мациук О. Новое издание по филологии. [Рец. на кн.: Papiernie w Polsce XVI wieku. Prace Franciszka Piekosinskiego, Jana Ptaśnika, Kazimiera Piekars — Kiego. Powtórnie wydał i uzupełnił Włodzimierz Budka. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971]. — «Архивы Украины», 1972, № 3, с. 85—86. — На укр. яз.
742. Минкина Е. С. Книга в Верхнесилезском промышленном округе. [Рец. на кн.: Gładysz A. Książka w Górnosląskim Okręgu Przemysłowym. Warszawa, 1970]. — «Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом», 1972, № 6, с. 29—31.
743. Мокрецова И. П. Французские иллюминированные раннеготические рукописи в советских собраниях. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. искусствоведения. М., Изд-во Моск. ун-та, 1972. 24 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра. истории зарубеж. искусства).
744. Молдавская М. А. Борьба французских печатников против предпринимателей в 70-х годах XVI в. — «Укр. ист. журн.», 1971, № 7, с. 100—108. — На укр. яз.
745. Молдавская М. А. Книжная торговля во Франции в эпоху гражданских войн второй половины XVI века. — «Книга. Исследования и материалы», 1972, сб. 23, с. 172—186.
746. Мыльников А. С. Собрания Г. Добнера и И. Добровского и некоторые вопросы изучения личных библиотек ученых (по новым данным). — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 167—172.
747. Наровчатов С. Книгопечатание. — «Наука и жизнь», 1972, № 5, с. 76—84.
748. Немировский Е. Жизнь и подвиг Иоганна Гутенберга. — «Филателия СССР», 1972, № 6, с. 22—23.
749. Немировский Е. Л. Заметки о славянском старопечатании. — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 99—106.
750. Немировский Е. У истоков печатной книги. — «Филателия СССР», 1972, № 5, с. 25.
751. Немировский Е. Читающий в искусстве. — «Книжная торговля», 1972, № 8, с. 60.
752. Нессельштраус Ц. Г. Первые европейские иллюстрированные книги (издания Альбрехта Пфистера в Бамберге). — В кн.: Книга и графика. М., «Наука», 1972, с. 78—88.
753. Пайчадзе С. А., Миленина А. А. Свидетели истории. [О фонде редких книг Отдела иностранной литературы Хабаров. краевой науч. б-ки]. — «Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 11, с. 58—74.
- 754-760. Прийма К. И. «Тихий Дон» сражается. [Предисл. В. А. Архипова. Ростов н/Д., Кн. изд-во, 1972]. 502 с. с факс. и с ил.
- Рец.: Андриасов М. — «Огонек», 1972, № 28, с. 9; Белов П. «Тихий Дон» шагает по планете. — «Молот», 1972, 24 мая; Дымшиц А. Победа добыта в боях. — «Учительская газ.», 1972, 28 дек.; Засурский Я. — «Лит. газ.», 1972, 9 авг., с. 2; Мирошниченко М., Павлова Г. — «Ленинский путь», Самарканд, 1972, 21 окт.; Шешуков С. «Тихий Дон» побеждает. — «Молодая гвардия», 1972, № 11, с. 313—319.
761. Ш. Р. Ранганатан. [Некролог]. — «Науч. и техн. б-ки СССР», 1972, вып. 10, с. 27.
762. Самородов Б. Редкое издание. [В. Шекспир. Собрание пьес. Лондон, 1623 г.]. — «Полиграфия», 1972, № 1, с. 46.
763. Самородов Б. Эдисон — типограф и издатель. — «Полиграфия», 1972, № 1, с. 46.
764. Сидоров А. А. Новый труд по истории славянского книгопечатания. [Рец. на кн.: см. № 733]. — «Полиграфия», 1972, № 6, с. 47—48.
765. Скрипкина Т. И., Фирсов Г. Г. Профессор Х. Кунце — теоретик и практик библиотек. — «Библиотекосведение и библиогр. за рубежом», 1972, вып. 41, с. 64—70 с портр.
766. Соколова Н. В. Издание трудов М. В. Ломоносова в Англии и США. — В кн.: Наука и техника. (Вопросы истории и теории). Материалы к годичной конференции Ленингр. отд-ния

Сов. нац. объединения истории философии естествознания и техники. Вып. 7. Ч. 2. Л., 1972, с. 168—171 (АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Ленингр. отд-ние).

767. Уттер Ы., Вахинг М., Полеотип «Biblia cum summariorum apparatus plecto...» в Научной библиотеке ТГУ. — В кн.: Тартуский ун-т. Науч. б-ка. Науч. конференция, 5-я. 1972. Материалы... Тарту, 1972, с. 114—116.

768. Чернелевский Ю. [Рец. на

кн.]: Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., «Книга», 1971. — «В мире книг», 1972, № 2, с. 43—44.

769. Щеглова О. П. Об одном из переписчиков литографированных книг. (Саййид Мургаза ал-Хусайни ал-Баргани). — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годовичная науч. сессия ЛО ИВ АН. (Автоаннотации и краткие сообщ.) М., «Наука», 1972, с. 65—68.

См. № 150-151, 417, 696, 712.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БАРЕНБАУМ Иосиф Евсеевич (р. 1921) — профессор кафедры библиографии Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, доктор филологических наук.

БАРСУК Абрам Ильич (р. 1918) — заведующий Сектором теории библиографии Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, кандидат педагогических наук.

БЕЛОВ Сергей Владимирович (р. 1936) — преподаватель кафедры книжного дела и библиографии Ленинградского филиала Московского полиграфического института.

ВЯДРО Шлема Янкелевич (р. 1909) — кандидат филологических наук, член Союза журналистов СССР.

ГОРБАЧЕВСКИЙ Борис Семенович (р. 1922) — доцент кафедры организации, экономики и планирования издательского дела и полиграфической промышленности Московского полиграфического института, кандидат экономических наук.

ИСАЕВИЧ Ярослав Дмитриевич (р. 1936) — старший научный сотрудник Института общественных наук Академии наук Украинской ССР, кандидат исторических наук.

КАМЕНЕВА Татьяна Ниловна — старший научный сотрудник Отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, кандидат филологических наук.

ЛАСУНСКИЙ Олег Григорьевич (р. 1936) — доцент кафедры русской литературы филологического факультета Воронежского государственного университета, кандидат филологических наук.

ЛИХТЕНШТЕЙН Ефим Семенович (р. 1908) — заместитель председателя Редакционно-издательского Совета Академии наук СССР, кандидат филологических наук.

МАДАН Иван Константинович (р. 1935) — директор Научной библиотеки Кишиневского государственного университета им. В. И. Ленина, кандидат исторических наук.

МАРТЫНОВ Иван Федорович (р. 1939) — младший научный сотрудник Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, кандидат педагогических наук.

НЕМИРОВСКИЙ Евгений Львович (р. 1925) — заведующий Отделом редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, доктор исторических наук.

ПАШАЕВА Нина Магометхановна — главный библиотекарь Государственной публичной исторической библиотеки, кандидат исторических наук.

РЕШЕТИНСКИЙ Иван Илларионович (р. 1922) — старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела по проблемам теории и методики государственной библиографии Всесоюзной книжной палаты.

ФОКИН Семен Яковлевич (р. 1922) — заведующий сектором Всесоюзного института научной и технической информации, кандидат филологических наук.

ЦЕЙТЛИН Евсей Львович (р. 1948) — старший редактор Омской государственной филармонии.

ШАПОШНИКОВ Александр Евгеньевич (р. 1932) — и. о. доцента кафедры библиотекведения Московского государственного института культуры, кандидат педагогических наук.

ЭЛЬЗОН Михаил Давидович (р. 1945) — младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, кандидат педагогических наук.

ЯЗБЕРДЫЕВ Алмаз (р. 1939) — директор Центральной научной библиотеки Академии наук Туркменской ССР, кандидат педагогических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. С. Лихтенштейн. Роль Академии наук в отечественном научном книгоиздании 5

I. Общие проблемы книговедения

И. Е. Баренбаум, А. И. Барсук. К вопросу о методах книговедческих дисциплин 20

II. Советское книгоиздательство. Теория и практика редактирования

С. Я. Фокин. Препринты в системе научных документов 46

Е. Л. Цейтлин. Всеволод Иванов — редактор. (К 80-летию со дня рождения) 58

III. История книги СССР

Я. Д. Исаяевич. Последние годы деятельности Ивана Федорова. (К 400-летию книгопечатания на Украине) 79

И. Ф. Мартынов. Русское библиологическое общество в годы Советской власти (1917—1931 гг.) 98

И. К. Мадан. Основные этапы развития книгоиздательского дела Советской Молдавии (1924—1974 гг.) 114

Ш. Я. Вядро. Из истории издания и распространения романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». (К 70-летию со дня рождения писателя) 127

IV. Книга за рубежом

Б. С. Горбачевский. Современное зарубежное книгоиздание (1960—1970 гг.) 141

V. Публикации

Автобиографии деятелей книги в собрании С. А. Венгерова. Публикация *М. Д. Эльзона* 153

П. П. Сойкин. Краткие автобиографические сведения. Публикация *С. В. Белова* 165

VI. Сообщения

<i>Т. Н. Каменева.</i> Орнаментика и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII веков	171
<i>О. Г. Ласунский.</i> Из истории русских провинциальных сборников («Воронежская беседа на 1861-й год»)	182
<i>А. Язбердыев.</i> К семидесятилетию профессора Георгия Николаевича Чаброва	191

VII. Обзоры. Рецензии

<i>И. И. Решетинский.</i> Вопросы совершенствования и внедрения в жизнь ГОСТа 16448—70 «Библиография. Термины и определения»	196
<i>Е. Л. Немировский.</i> Новые польские труды по истории раннего книгопечатания	207
<i>Н. М. Пашаева.</i> Из истории чешской книги	215
<i>А. Е. Шапошников.</i> Фундаментальное исследование по истории технической книги	220

* * *

<i>Л. И. Фурсенко.</i> Книговедение. Указатель литературы за 1972 г.	226
--	-----

* * *

Коротко об авторах	258
------------------------------	-----

CONTENTS

<i>E. S. Likhtenshtein.</i> The role of the Academy of Sciences in the native scientific book-publishing	5
--	---

I. Bookscience General Problems

<i>I. E. Barenbaum, A. I. Barsuk.</i> Methods of bookscience subjects	20
---	----

II. Soviet Book-publishing. Theory and Practice of Editing

<i>S. Y. Fokin.</i> Preprints in the system of scientific documents	46
<i>E. L. Tseitlin.</i> Vsevolod Ivanov — Editor	58

III. History of the Book in the USSR

<i>Y. D. Isaevich.</i> The last years of Ivan Fyodorov's activities	79
<i>I. F. Martynov.</i> Russian bibliological society in the Soviet period (1917—1931)	98
<i>I. K. Madan.</i> The main stages in developing book-publishing in Soviet Moldavia (1924—1974)	114
<i>S. Y. Vyadro.</i> The history of publishing and circulating N. A. Ostrovsky's novel «How the steel was tempered» (by the writer's 70th birthday)	127

IV. Foreign Book

<i>B. S. Gorbachevsky.</i> Modern foreign book-publishing (1960—1970)	141
---	-----

V. Publications

Autobiographies of bookmen in the collection by S. A. Vengerov. Publication by <i>M. D. Alzon</i>	153
P. P. Soikin Short autobiographical data. Publication by <i>S. V. Belov</i>	165

VI. Information

<i>T. N. Kameneva.</i> Ornamentation and illustrations of the Chernigov publications in XVII—XVIII	171
<i>O. G. Lasunsky.</i> From the history of the Russian provincial collections («Voronezh conversation in 1861»)	182
<i>A. Yazberdiev.</i> By Georgy Nickolayevich Chabrov' 70th birthday	191

VII. Reviews

<i>I. I. Reshetinsky.</i> Perfection and introducing of GOST 16448-70 «Bibliography. Terms and difinitions»	196
<i>E. L. Nemirovsky.</i> The new Polish works on the history of the early book-printing	207
<i>N. M. Pashaeva.</i> From the history of Czech book	215
<i>A. E. Shaposhnikov.</i> Fundamental research on the history of technical book	220

* * *

<i>L. I. Fursenko.</i> Bookscience. Literature index for 1972	226
---	-----

* * *

About authors in short	258
----------------------------------	-----

**ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ 30-Й СБОРНИК
«КНИГА. ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ»,
В КОТОРОМ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ СТАТЬИ:**

I. Общие проблемы книговедения

- Н. М. Сикорский, Е. Л. Немировский.* Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела
О. Д. Голубева. Горьковская концепция книги
И. Г. Моргенштерн. Проблемы типологии современной книги

II. Теория и практика редактирования

- А. Э. Мильчин.* Редакторский анализ литературного произведения как составная часть теории редактирования
А. А. Макаров, В. А. Жуковский — редактор Пушкина

III. История книги СССР

- Б. В. Сапунов.* Производство русской рукописной книги, ее цена и стоимость в XI—XIII вв.
Э. А. Покровская. Нелегальная типография А. Н. Аверкиева и Н. А. Кузнецова. (Первая типография «Земли и воли»)
В. А. Фокеев. К истории издания первого Собрания сочинений В. И. Ленина

IV. Книга за рубежом

- А. И. Пискунов.* Ян Амос Коменский и книга
Л. М. Френкель. Первая государственная типография во Франции (1640—1660 гг.)

V. Сообщения

- А. И. Анушкин.* Виленская типография Скорины
С. Б. Люблинский. Книжная лавка И. В. Сленина
М. Л. Свойский. Институт книги, документа и письма по материалам Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР

VI. Деятели книги

- М. А. Брискман.* Новые материалы о В. Г. Анастасевиче. (К двухсотлетию со дня рождения)
Э. А. Лазаревич. С. И. Вавилов и книга

VII. Рецензии

Ф. А. Кузин, В. И. Соловьев. Редактирование отдельных видов литературы
Н. И. Сафонова. О работе с редкими и ценными изданиями
Л. И. Киселева. Новый каталог инкунабулов . . .

VIII. Хроника

Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения

* * *

Л. И. Фурсенко. Книговедение. Указатель литературы за 1972 г. (Окончание)
Указатель статей, опубликованных в 26—30 сборниках «Книга. Исследования и материалы»